

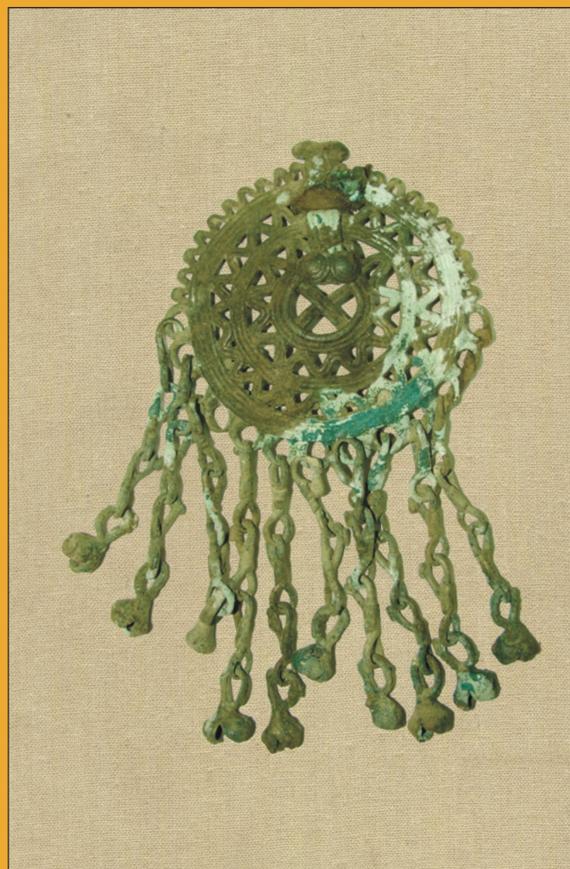

1 (36)

2017

ISSN 2071-0437 (Online)

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ

Электронный журнал

**№ 1 (36)
2017**

ISSN 2071-0437 (online)

Журнал основан в 1997 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ИПОС СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., акад. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин, проф. (Германия); Лахельма А., PhD,
ун-т Хельсинки, проф. (Финляндия); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга, проф. (США); Васильев С.В., д.и.н.,
Ин-т этнологии и антропологии РАН; Логвин В.Н., д.и.н., Сургутский госуниверситет, проф.; Миненко Н.А.,
д.и.н., Уральский госуниверситет, проф.; Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет, проф.;
Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет, проф.; Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет, проф.;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ИПОС СО РАН; Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта,
проф. (Германия); Зимина О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ИПОС СО РАН; Зах В.А., д.и.н.,
ИПОС СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ИПОС СО РАН; Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония), проф.;
Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция); Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ИПОС СО РАН;
Московченко Д.В., д.г.н., ИПОС СО РАН; Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка, проф. (США);
Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина, проф. (Ирландия); Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ИПОС СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ИПОС СО РАН

Утвержден к печати ученым советом Института проблем освоения Севера СО РАН

Электронное периодическое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций
Свидетельство Эл № ФС 77-32570 от 15 июля 2008 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 22-93-60, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

© Институт проблем освоения Севера СО РАН, 2017

Тюмень
Издательство ИПОС СО РАН

INSTITUTE OF PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF THE NORTH
SIBERIAN BRANCH
THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE JOURNAL

**№ 1 (36)
2017**

ISSN 2071-0437 (online)

Journal is founded in 1997
There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, IPDN SB RAS

Editorial board members:

Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History, Institute of History and Archeology UrB RAS
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS
Logvin V.N., Doctor of History, Professor, University of Surgut
Minenko N.A., Doctor of History, Professor, Ural federal university
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera

Editorial staff:

Agapov M.G., Doctor of History, IPDN SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, IPDN SB RAS
Zakh V.A., Doctor of History, IPDN SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, IPDN SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, IPDN SB RAS
Moskovchenko D.V., Doctor of Geography, IPDN SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, IPDN SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, IPDN SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru/rics/va>

Tyumen
IPDN SB RAS Publishing House

Содержание

Археология

Медведева П.С., Алаева И.П. Ткани бронзового века в Южном Зауралье и Северном Казахстане	5
Демахина М.С. Курганный могильник Катково-1 (к вопросу о верхней дате верхнеобской культуры Новосибирского Приобья).....	13
Никитина Т.Б. Жертвенные комплексы с одеждой из могильников Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв.	21
Кириянов Н.С. Якутские захоронения позднего средневековья в Оймяконье (XVII–XVIII вв.) (Индигирка, Северо-Восточная Якутия)	33

Антропология

Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Петров Д.М., Соловьева Е.Н., Сыроватский В.В., Багашев А.Н., Пошехонова О.Е., Слепченко С.М., Ражев Д.И., Алексеева Е.А., Зубова А.В., Кузьмин Я.В. Женское погребение XVII в. Атласовское-2 из Центральной Якутии: результаты комплексного исследования	44
Худавердян А.Ю. Краниология населения Армянского нагорья и этногенетическая ситуация на юге Восточной Европы в эпоху поздней бронзы и железного века	64
Учанева Е.Н., Казарницкий А.А., Громов А.В., Лазаретова Н.И. Население Минусинской котловины в раннем железном веке: к вопросу о внутригрупповой и межгрупповой изменчивости	78

Этнология

Кривоногов В.П. У гарифуна Сент-Винсента	88
Адаев В.Н. Эвенки Нижнего Прииртышья: малая группа на периферии этнического ареала	100
Набок И.Л., Сэрпиво С.Е. Трансформация женского пространства традиционной культуры ненцев к началу XXI в.	110
Бакиева Г.Т., Тимофеева А.М. Национальная картина мира в пословицах сибирских татар	118
Хорин Д.Е. Музеефикация как способ конструирования современного этнокультурного пространства в среде чувашей Тюменского Приобья.....	127

Палеоэкология

Сатаева Л.В., Сатаев Р.М. Роль древесных растений в жизни древнего населения Гонур-Депе (бронзовый век, Туркменистан).....	134
Номоконова Т.Ю., Лозей Р.Дж., Тупахина О.С., Тупахин Д.С. Хозяйственная деятельность населения Нижнего Приобья в эпоху энеолита (по фаунистическим материалам поселения Горный Самотнёл 1)	143
Информация для авторов	151
Список сокращений	153

На передней стороне обложки: девушка гарифуна, Сент-Винсент, округ Санди Бей (фото В.П. Кривоногова, 2015 г.); инвентарь жертвенного комплекса 14 Русенихинского могильника, цветной металл, кость.

Contents

Archaeology

Medvedeva P.S., Alaeva I.P. Textile in the Bronze Age of the Southern Trans-Urals and Northern Kazakhstan	5
Demakhina M.S. The Katkovo-1 burial mound (on the upper date of the Verkhneobskaya culture of the Novosibirsk Ob basin)	13
Nikitina T.B. Sacrificial complexes with clothes from cemeteries of the Vetluga-Vyatka interfluvial area of the IX–XI centuries	21
Kiryanov N.S. The Yakutian burials of the Late Middle Ages in Oimyakon district (the 17th–18th centuries) (Indigirka, North-Eastern Yakutia)	33

Anthropology

Bravina R.I., Dyakonov V.M., Petrov D.M., Solovyeva E.N., Syrovatskiy V.V., Bagashev A.N., Poshekhonova O.E., Slepchenko S.M., Razhev D.I., Alexeeva E.A., Zubova A.V., Kuzmin Ya.V. The woman's burial of Atlasovskoe-2 of the XVII century in Central Yakutia: results of a complex research	44
Khudaverdyan A.Yu. Craniology of the Armenian highlands and ethnogenetic situation in Southern Eastern Europe in the Late Bronze Age and Iron Age	64
Uchaneva Eu.N., Kazarnitsky A.A., Gromov A.V., Lazaretova N.I. The Early Iron Age populations of the Minusinsk hollow: revisiting inter- and intragroup variations	78

Ethnology

Krивonogov V.P. At the Garifuna of St. Vincent	88
Adaev V.N. The Evenks of the Lower Irtysh valley: a small community on the periphery of the ethnic area	100
Nabok I.L., Serpivo S.E. Transformation of the female space in the traditional Nenets culture up to the beginning of the XXI century	110
Bakieva G.T., Timofeeva A.M. The national picture of the world in Siberian Tatar proverbs	118
Khorin D.E. Museumification as a method of construction of modern ethno-cultural space among the Chuvashes in the Tobol river basin in Tyumen region	127

Palaeoecology

Sataeva L.V., Sataev R.M. The role of trees in the life of ancient population of Gonur-Depe (the Bronze Age, Turkmenistan)	134
Nomokonova T.Yu., Losey R.J., Tupakhina O.S., Tupakhin D.S. Subsistence patterns of population of the Lower Ob river basin during the Eneolithic (based on faunal remains of the settlement of Gorniy Samotnel-1)	143
Memo to the authors	151
Abbreviations	153

АРХЕОЛОГИЯ

П.С. Медведева, И.П. Алаева

Челябинский государственный педагогический университет
просп. Ленина, 69, Челябинск, 454080, РФ
E-mail: polenke@yandex.ru;
alaevaira@mail.ru

ТКАНИ БРОНЗОВОГО ВЕКА В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ И СЕВЕРНОМ КАЗАХСТАНЕ¹

Статья посвящена изучению технологических характеристик тканей синташтинской, петровской и алакульской культур бронзового века. Приведены результаты структурного анализа текстильных отпечатков на керамических сосудах из погребальных комплексов Южного Зауралья и Северного Казахстана, датированных первой половиной II тыс. до н.э. Все образцы представлены полотняным переплетением. По морфологическим особенностям условно выделяются четыре его типа (в зависимости от плотности нитей на 1 см², расстояния между нитями и их толщины). Наблюдается значительное сходство технологических характеристик ткани синташтинской, петровской, алакульской культур. В то же время в качестве культурной специфики можно отметить тенденцию к увеличению средней плотности тканей в петровских и алакульских комплексах по сравнению с более ранними комплексами, содержащими синташтинские материалы. Это связано с большей долей «редкой» ткани полотняного переплетения в образцах из синташтинских памятников. Такая тенденция может быть обусловлена различными традициями изготовления ткани, ткацкими устройствами, наличием импортной ткани.

Ключевые слова: бронзовый век, ткачество, отпечатки ткани, синташтинская культура, петровская культура, алакульская культура.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-005-012

Введение

Археологический текстиль в силу своей органической природы встречается в материалах памятников бронзового века Урало-Казахстанского региона крайне редко. Поэтому ткачество, несмотря на его огромную роль в жизни древних обществ, остается одной из малоизученных отраслей хозяйства. В качестве свидетельств ткацкого дела выступают либо инструменты, соотносимые с текстильной технологией, либо отпечатки текстиля на керамике. Последние достаточно широко распространены в коллекциях синташтинской, петровской, реже — алакульской культуры. Структурный анализ отпечатков текстиля позволяет реконструировать облик древних тканей, установить их технологические параметры, а также выявить общие и отличительные черты древнего ткачества различных культурных образований бронзового века Урало-Казахстанского региона.

Методика исследования

Исследование базируется на изучении отпечатков ткани на внутренней стороне сосудов, оставшихся от влажной текстильной прокладки, которая применялась при конструировании сосуда на форме-основе. Использовался опыт структурного анализа ткани и ее отпечатков [Орфинская и др., 1999, с. 60–70; Глушкова и др., 2011, с. 43–49], адаптированный к данной работе с рядом нововведений, учитывающих специфику источника. С помощью мелкодисперсной скульптурной глины снимались оттиски с наиболее четких участков отпечатков текстиля, которые располагались преимущественно на дне сосудов. Затем эти оттиски фотографировались в боковом свете, изучались визуально и с помощью бинокулярного микроскопа. Итогом стала база данных, включающая в себя следующие характеристики исследуемых образцов:

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 16-31-01077 «Ткачество бронзового века Урало-Поволжского региона».

- 1) степень пропечатки текстиля (0 — нечеткий отпечаток текстиля без возможности достоверной фиксации технологических параметров ткани; 1 — нечеткий отпечаток текстиля, фиксируется плотность ткани и на нескольких участках — толщина нити; 2 — четкий отпечаток текстиля, фиксируется плотность, расстояние между нитями, толщина на большей части площади отпечатка);
- 2) равномерность плотности и натяжения;
- 3) тип переплетения;
- 4) толщина нити на 1 см² по каждой из структур нитей (среднее значение) (здесь и далее под структурами 1 и 2 понимаются основа и уток, которые ввиду отсутствия кромки идентифицировать однозначно невозможно);
- 5) плотность нитей на 1 см² по каждой из структур нитей (среднее значение);
- 6) расстояние между нитями по каждой из структур. Ввиду того, что расстояние между нитями колеблется на разных участках из-за эластичности ткани, среднее расстояние между нитями высчитывалось по формуле $S = (10 - (T * M)) / M$, где S — расстояние между нитями, T — толщина нити, M — плотность нитей на 1 см², 10 — количество миллиметров в 1 см;
- 7) коэффициент плотности. Он позволяет отразить, насколько плотность по одной из структур нитей превышает плотность по другой. Коэффициент плотности вычисляется по формуле $K = M_{c1} / M_{c2}$, где K — коэффициент плотности, M_{c1} — плотность нитей на 1 см² по структуре 1 (более плотной), M_{c2} — плотность нитей на 1 см² по структуре 2 (более редкой). К примеру, коэффициент плотности будет равен 1, если плотность по двум структурам одинаковая. Если ткань имеет ярко выраженный репсовый эффект, ее плотность равняется, к примеру, 16 на 8 нитей на 1 см², то коэффициент плотности будет равен 2;
- 8) наличие или отсутствие нарушений раппорта (ошибок);
- 9) наличие или отсутствие признаков повреждений.

Материалы исследования

Были изучены керамические коллекции из погребальных памятников бронзового века Южного Зауралья и Северного Казахстана, содержащие сосуды с отпечатками ткани на внутренней стороне². В коллекциях представлено 755 сосудов из 7 могильников, из них 207 имеют отпечатки текстиля. В выборку для структурного анализа вошли отпечатки со 156 сосудов (остальные образцы недостаточно четкие). Список памятников и количество образцов приведены в табл. 1.

Таблица 1

Список археологических памятников с отпечатками ткани на керамических сосудах

№ п/п	Название могильника	Культура	Общая выборка сосудов	Количество сосудов с отпечатками	Сосуды с отпечатками, % от общей выборки	Сосуды, пригодные для структурного анализа
1	Каменный Амбар-5	Синташтинская	79	18	22,8	17
2	Халвай III	Синташтинская	28	3	10,7	0
3	Бестамак	Синташтинская, петровская	171	41	24	27
4	Кривое Озеро	Синташтинская, петровская	155	55	35,5	49
5	Троицк-7	Петровская, алакульская	86	50	58,1	41
6	Алакульский	Алакульская	91	34	37,6	18
7	Джангильды-5	Алакульская	145	6	4	4
<i>Итого</i>			755	207	27,5	156

Результаты анализа отпечатков ткани

Могильник Каменный Амбар-5 расположен в Карталинском районе Челябинской области, включает материалы синташтинской культуры [Епимахов, 2005, с. 7]. Из 79 сосудов отпечатки ткани отмечены в 18 случаях (рис. 1, 1). Средняя степень пропечатки — 1,4. Два образца имеют признаки повреждения ткани. Средние параметры ткани: толщина нити по структуре 1 — 0,67 мм, по структуре 2 — 0,68 мм; расстояние между нитями по структуре 1 — 0,36 мм, по структуре 2 — 1,02 мм; плотность по структуре 1 — 10,12 нити на 1 см², по структуре 2 — 6,24 нити на 1 см²; коэффициент плотности — 1,67.

² Приносим искреннюю благодарность за разрешение использовать материалы могильников авторам коллекций: Н.Б. Виноградову, А.В. Епимахову, В.Н. Логвину, С.С. Калиевой, А.В. Логвину, И.В. Шевниной.

Ткани бронзового века в Южном Зауралье и Северном Казахстане

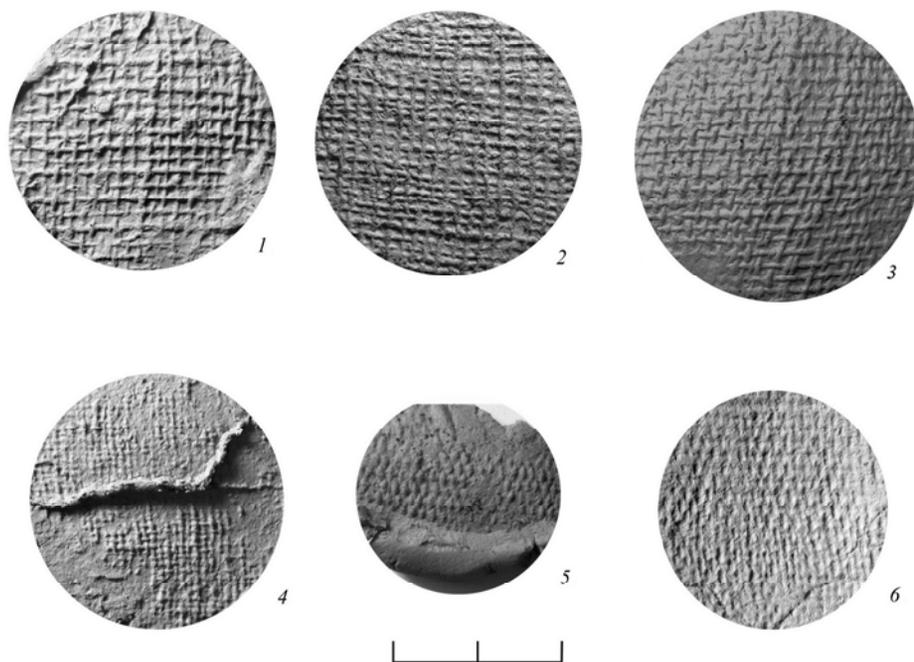

Рис. 1. Оттиски с отпечатков ткани на сосудах из могильников:

- 1 — Каменный Амбар-5, кург. 4, яма 2, сосуд 1 (синташтинская культура, ткань типа 1 «редкая»); 2 — Бестамак, яма 21 (синташтинская культура, ткань типа 1 «редкая»); 3 — Кривое Озеро, кург. 10, яма 21 (синташтинская культура, ткань типа 2 «мешковина»); 4 — Троицк-7, кург. 7, яма 9, сосуд 1 (петровская культура, ткань типа 4 «плотная»); 5 — Алакульский, кург. 13 (алакульская культура, ткань типа 3 «репс»); 6 — Джангильды-5, яма 14 (алакульская культура, ткань типа 3 «репс»).

Могильник Халвай III расположен в 7 км от п. Халвай Тарановского района Костанайской области Республики Казахстан. Керамическая коллекция из основных погребений относится к синташтинской культуре [Шевнина, Логвин, 2015, с. 146]. В коллекции из 28 сосудов отпечатки зафиксированы в 3 случаях. Средняя степень пропечатки — 0,3. Ввиду слабой пропечатки ткани образцы могильника Халвай III не вошли в выборку для структурного анализа.

Могильник Бестамак находится в Семиозерном районе Костанайской области Республики Казахстан и включает в себя материалы, которые относятся к синташтинскому, петровскому кругу древностей [Калиева, Логвин, 2009]. В коллекции из 171 сосуда отпечатки ткани зафиксированы в 41 случае (рис. 1, 2). Средняя степень пропечатки — 1. Десять образцов имеют признаки повреждения ткани. Средние параметры ткани: толщина нити по структуре 1 — 0,64 мм, по структуре 2 — 0,64 мм; расстояние между нитями по структуре 1 — 0,33 мм, по структуре 2 — 0,89 мм; плотность по структуре 1 — 10,7 нити на 1 см², по структуре 2 — 6,89 нити на 1 см²; коэффициент плотности — 1,61.

Могильник Кривое Озеро находится в Троицком районе Челябинской области. Керамическая коллекция включает в себя синташтинские и петровские материалы [Виноградов, 2003, с. 227, 246]. Отпечатки ткани на внутренней стороне сосудов в керамической коллекции, состоящей из 155 сосудов, зафиксированы в 55 случаях (рис. 1, 3). Средняя степень пропечатки — 1,5. Признаки повреждения ткани демонстрируют 13 образцов, в 4 случаях предположительно фиксируются швы. Средние параметры ткани: толщина нити по структуре 1 — 0,63 мм, по структуре 2 — 0,6 мм; расстояние между нитями по структуре 1 — 0,26 мм, по структуре 2 — 0,77 мм; плотность по структуре 1 — 11,7 нити на 1 см², по структуре 2 — 7,55 нити на 1 см²; коэффициент плотности — 1,61.

Могильник Троицк-7 расположен на территории г. Троицка Челябинской области и включает материалы петровских и алакульских комплексов [Костюков, Епимахов, 1999]. В выборку вошли 86 сосудов, 50 из которых имеют на внутренней стороне отпечатки ткани (рис. 1, 4). Средняя степень пропечатки — 1,26. С признаками повреждения ткани — 3 образца. Средние парамет-

ры ткани: толщина нити по структуре 1 — 0,67 мм, по структуре 2 — 0,64 мм; расстояние между нитями по структуре 1 — 0,18 мм, по структур 2 — 0,87 мм; плотность по структуре 1 — 12,44 нити на 1 см², по структуре 2 — 7,05 нити на 1 см²; коэффициент плотности — 1,84.

Могильник Алакульский расположен на одноименном озере в Щучанском районе Курганской области [Сальников, 1952] и является эпонимным памятником алакульской культуры. Выборка составила 91 сосуд, на 34 из них имелись отпечатки ткани (рис. 1, 5). Средняя степень пропечатки — 0,8. Средние параметры ткани: толщина нити по структуре 1 — 0,66 мм, по структуре 2 — 0,6 мм; расстояние между нитями по структуре 1 — 0,19 мм, по структур 2 — 0,9 мм; плотность по структуре 1 — 12,33 нити на 1 см², по структуре 2 — 6,83 нити на 1 см²; коэффициент плотности — 1,82.

Могильник Джангильды-5 находится в Костанайской области Республики Казахстан и включает в себя материалы алакульской культуры. Выборка составила 145 сосудов, из них только 6 имели на внутренней стороне отпечатки текстиля (рис. 1, 6). Средняя степень пропечатки — 0,6. Средние параметры ткани: толщина нити по структуре 1 — 0,63 мм, по структуре 2 — 0,63 мм; расстояние между нитями по структуре 1 — 0,19 мм, по структуре 2 — 0,9 мм; плотность по структуре 1 — 12,5 нити на 1 см², по структуре 2 — 6,75 нити на 1 см²; коэффициент плотности — 1,88.

Общие технологические характеристики всех образцов достаточно близки между собой и представляют единый массив со следующими параметрами:

- полотняное переплетение;
- толщина нити от 0,5 до 1,2 мм, средняя — 0,64 мм;
- плотность нитей от 4 до 20 нитей на 1 см², средняя — 11×7 нитей на 1 см²;
- расстояние между нитями 0–1,8 мм, среднее — 0,5 мм;
- коэффициент плотности от 1 до 2,85 нити, средний — 1,7.

Равномерное натяжение и плотность демонстрировали 129 образцов, неравномерное — 21 (в 15 случаях это обусловлено повреждениями ткани). Повреждения ткани фиксируются в 27 образцах (прорехи, обрывы нитей). Нарушения в раппорте в виде сдвоенных нитей отмечены в 18 случаях (в 13 из них это сопряжено с повреждениями ткани).

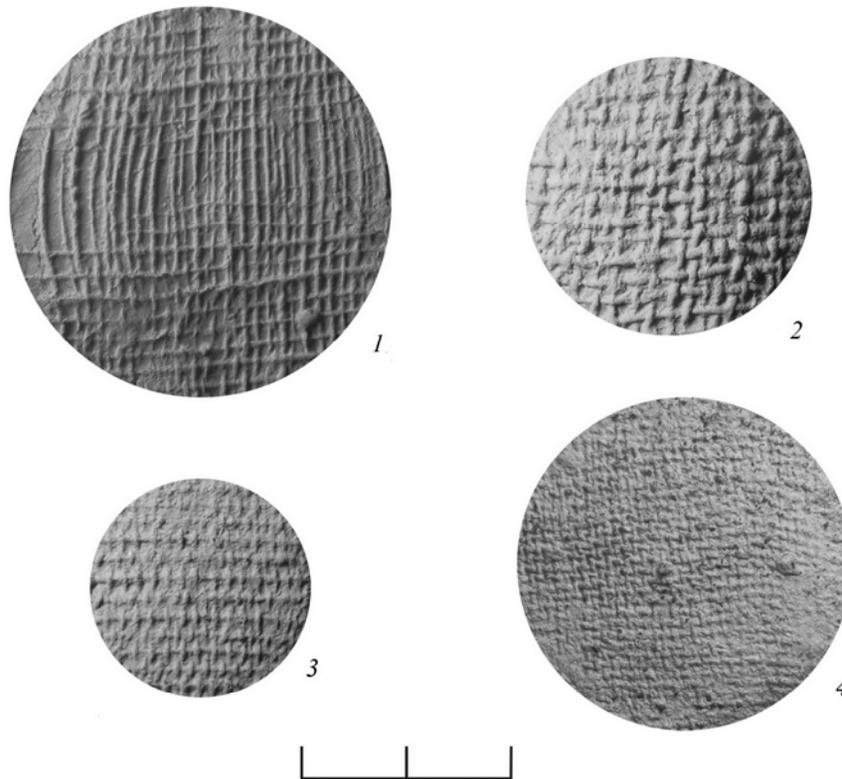

Рис. 2. Оттиски с отпечатков ткани различных типов полотняного переплетения: 1 — тип 1 «редкая» (Кривое Озеро, кург. 10, сосуд 16); 2 — тип 2 «мешковина» (Троицк-7, кург. 7, яма 3); 3 — тип 3 «репс» (Алакульский, кург. 13, яма 2); 4 — тип 4 «плотная» (Бестамак, яма 48).

Ткани бронзового века в Южном Зауралье и Северном Казахстане

В зависимости от плотности и коэффициента плотности нитей на 1 см², толщины нитей можно выделить несколько типов полотняного переплетения тканей (рис. 2, табл. 2). Это деление обусловлено морфологическими особенностями ткани. Несмотря на долю условности и наличие ряда «переходных» образцов, оно позволяет охарактеризовать разнообразие тканей в пределах указанных выше параметров полотняного переплетения.

Тип 1 («редкая»). К особенностям «редкой» ткани можно отнести относительно небольшую толщину нитей при больших расстояниях между ними. Плотность по двум структурам примерно одинаковая. Отпечатки такой ткани относительно жесткие и зачастую выглядят на керамике как сетка из взаимоперпендикулярных линий, похожих на отпечатки современного бинта (рис. 1, 1; 2; 2, 1).

Тип 2 («мешковина»). Такая ткань отличается более толстыми по сравнению с «редкой» тканью нитями и относительно большими расстояниями между ними. Нити эластичные, по более плотной структуре свободно огибают друг друга, ткань легко растяжима (рис. 1, 3; 2, 3).

Тип 3 («репс»). Отличительной особенностью этого типа ткани является большая плотность одной из структур нитей относительно другой. Ткань плотная, зачастую визуально можно наблюдать «эффект рубчика» на поверхности, чем и обусловлено название типа (рис. 1, 5; 6; 2, 3).

Тип 4 («плотная»). Ткань характеризуется минимальными расстояниями между нитями и относительно одинаковой плотностью по двум структурам нитей. Толщина нитей различна — есть образцы с тонкими и толстыми нитями (рис. 1, 4; 2, 4).

Таблица 2

Технологические характеристики различных типов ткани полотняного переплетения, существовавших в бронзовом веке Южного Зауралья и Северного Казахстана

Тип	Плотность на 1 см ²	Толщина нити	Коэффициент плотности
1 «Редкая»	< 10	≤ 0,6	< 1,6
2 «Мешковина»	≤ 10	≥ 0,6	≤ 1,6
3 «Репс»	≥ 10	≥ 0,6	≥ 1,6
4 «Плотная»	> 10	≥ 0,6	< 1,6

Для сравнения образцов из разных погребальных комплексов был применен иерархический агломеративный кластерный анализ. Рассматривались средние значения для каждого из 6 памятников по 7 технологическим параметрам, которые были выбраны в качестве переменных: толщина нити по структуре 1, толщина нити по структуре 2, расстояние между нитями по структуре 1, расстояние между нитями по структуре 2, плотность нитей по структуре 1, плотность нитей по структуре 2, коэффициент плотности.

На рис. 3 приведена дендрограмма, иллюстрирующая близость технологических параметров ткани всей исследуемой выборки.

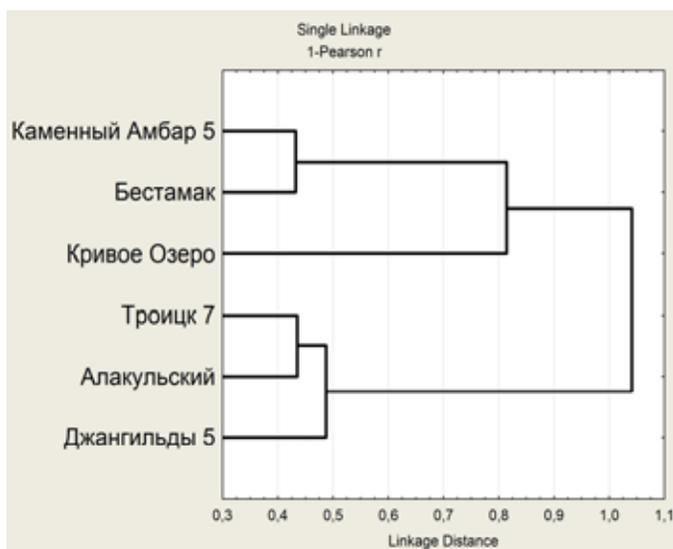

Рис. 3. Результаты кластерного анализа технологических характеристик отпечатков текстиля из различных погребальных комплексов бронзового века.

По результатам анализа можно выделить две группы, объединенные сходными технологическими параметрами. К первой группе относятся образцы из материалов могильников Каменный Амбар-5 и Бестамак, последними к ней на некотором расстоянии присоединяются материалы могильника Кривое Озеро. Вторая группа представлена близкими между собой по технологическим характеристикам образцами ткани из материалов памятников Троицк 7, Джангильды-5 и Алакульский.

Обсуждение результатов

Керамические коллекции исследуемых памятников представлены разнокультурными материалами. К более ранней группе относятся могильники с синташтинскими и петровскими сосудами (Каменный Амбар-5, Бестамак, Кривое Озеро), к более поздней — погребения с керамикой петровской и алакульской культур (Троицк 7, Джангильды-5 и Алакульский).

Культурная атрибуция каждого сосуда с отпечатками ткани не могла быть проведена в силу фрагментарности некоторых образцов сосудов, представленных только придонной частью, а также из-за дискуссионных моментов в определении культуры переходных типов. Поэтому сравнительный анализ осуществлялся на уровне могильников. Первая группа могильников получила наименование «синташтинско-петровская», вторая — «петровско-алакульская».

Если сравнивать средние технологические характеристики двух групп памятников, то можно отметить прежде всего их значительную близость. Можно говорить о единстве технологических традиций ткачества в рамках культурного блока «синташта — петровка — алакуль», мысль о генетической преемственности культур которого поддерживается многими исследователями. В то же время средняя плотность тканей по материалам «петровско-алакульских» памятников несколько выше, чем в более ранних, «синташтинско-петровских». Это связано с тем, что «синташтинско-петровские» памятники содержат больше редких по структуре тканей (тип 1 «редкая» и тип 2 «мешковина») (рис. 4). Непосредственно тип 1 «редкая» в «петровско-алакульских» материалах встречается в единичных случаях.

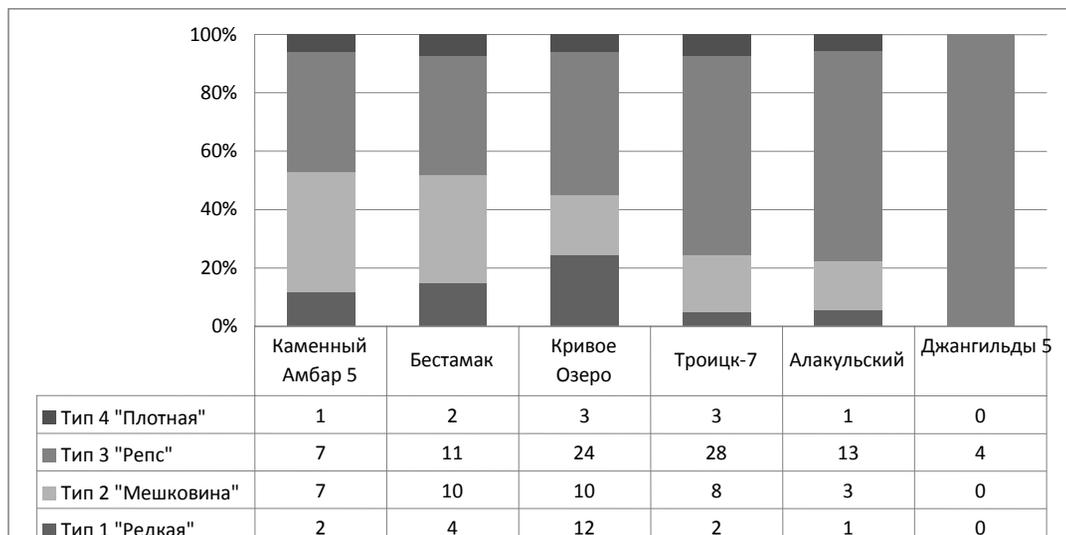

Рис. 4. Распределение типов ткани полотняного переплетения по погребальным памятникам бронзового века (по количеству образцов).

Однозначный ответ на вопрос о причинах тенденции исчезновения ткани типа 1 «редкой» и уплотнения структуры в «петровско-алакульских» памятниках дать сложно. Возможно, для изготовления такой ткани использовалось иное ткацкое устройство, чем для остальных типов. Следовательно, либо к позднему бронзовому веку произошло угасание традиции использования этого устройства, либо «редкая» ткань была импортной.

Заключение

По результатам анализа 156 образцов отпечатков ткани на керамике из 6 погребальных комплексов бронзового века Южного Зауралья и Северного Казахстана были установлены технологические параметры тканей синташтинской, петровской, алакульской культур. Вся ткань полотняного переплетения. По морфологическим особенностям условно выделяются четыре его типа. Можно говорить об общности технологических характеристик ткани у населения данных археологических культур. Это проявляется в едином — полотняном переплетении, в присутствии всех четырех его типов в материалах каждой из культур, общности средних значений по толщине и плотности нитей. Говоря о различиях, следует отметить большее количество «редкой» ткани в памятниках синташтинской, петровской культур и соответственно меньшее — ткани средней плотности. Это может быть обусловлено различными ткацкими устройствами, традициями изготовления, наличием импортной ткани.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 2003. 362 с.

Глушкова Т.Н., Ёлкина А.К., Ёлкина И.И. Методика исследования археологического текстиля: (Опыт обобщения): Научно-методич. пособие. Сургут: РИО СурГПУ, 2011. 149 с.

Епимахов А.В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск: Чел. дом печати, 2005. 192 с.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак: (Предварительное сообщение) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 9. С. 32–58.

Костюков В.П., Епимахов А.В. Предварительные итоги исследования могильника бронзового века Троицк-7 // 120 лет археологии восточного склона Урала: Первые чтения памяти В.Ф. Генинга: Материалы науч. конф. Ч. 2: Новейшие открытия уральских археологов. Екатеринбург: УрГУ, 1999. С. 66–70.

Орфинская О.В., Голиков В.П., Шишлина Н.И. Комплексное экспериментальное исследование текстильных изделий эпохи бронзы Евразийских степей // Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей: Тр. ГИМ. М., 1999. Вып. 109. С. 58–184.

Сальников К.В. Курганы на озере Алакуль // МИА. 1952. № 24. С. 51–72.

Шевнина И., Логвин А. Могильник эпохи бронзы Халвай III в Северном Казахстане // Материалы и исследования по археологии Казахстана. Астана: Филиал Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. Т. VII. С. 146.

P.S. Medvedeva, I.P. Alaeva

Chelyabinsk State Pedagogical University

Prospekt Lenina, 69, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation

E-mail: polenke@yandex.ru;

alaevaira@mail.ru

TEXTILE IN THE BRONZE AGE OF THE SOUTHERN TRANS-URALS AND NORTHERN KAZAKHSTAN

In this paper, we explore the technological characteristics of the Bronze Age cloths produced by the Sintashta, Petrovka and Alakul archaeological cultures. It employs a detailed structural analysis of textile prints on ceramic vessels which were found in cemeteries from the Southern Trans-Urals and Northern Kazakhstan, dated back to the first half of the 2nd millennium BC. Plain weave dominates in the fabric and is divided into four types according to morphological features (density of working threads per 1 cm², distance between working threads, thickness of the thread). It can be concluded that there are significant similarities in the textile characteristics of Sintashta, Petrovka and Alakul cloth. However, the samples at the Petrovka-Alakul sites, compared with earlier Sintashta-Petrovka sites, demonstrate a clear tendency to growth of the average density of working threads per 1 cm². This is due to a greater proportion of rare type of plain weave in the Sintashta-Petrovka textile. This trend can be associated with a variety of weaving devices, manufacturing tradition or the presence of imported fabrics.

Key words: the Bronze Age, weaving, textile prints, the Sintashta culture, the Petrovka culture, the Alakul culture.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-005-012

REFERENCES

- Epimakhov A.V., 2005. *Rannie kompleksnye obshchestva severa Tsentral'noi Evrazii (po materialam mogil'nika Kamennyi Ambar-5)* [Early complex societies of the North of Central Eurasia (based on research of Kamennyi Ambar-5 cemetery)], vol. 1, Cheliabinsk: Cheliabinskii dom pečhati, 192 p.
- Glushkova T.N., Yolkina A.K., Yolkina I.I., 2011. *Metodika issledovaniia arkhеologicheskogo tekstilia: (Opyt obobshcheniia)* [Methods of research of archaeological textiles: (An effort of generalization)], Surgut: RIO SurSPU, 149 p.
- Kalieva S.S., Logvin V.N., 2009. Mogil'nik u poseleniia Bestamak: (Predvaritel'noe soobshchenie) [The cemetery near the settlement of Bestamak: (A preliminary report)]. *Vestnik arkhеologii, antropologii i etnografii*, no. 9, pp. 32–58.
- Kostiukov V.P., Epimakhov A.V., 1999. Predvaritel'nye itogi issledovaniia mogil'nika bronzovogo veka Troitsk-7 [Preliminary results of the study of the Bronze Age cemetery of Troitsk-7]. *120 let arkhеologii vostochnogo sklona Urala: Pervye chteniia pamiati V.F. Geninga: Materialy nauchnoy konferentsii, Ch. 2: Noveishie otkrytiia ural'skikh arkhеologov*, Ekaterinburg: UrGU, pp. 66–70.
- Orfinskaia O.V., Golikov V.P., Shishlina N.I., 1999. Kompleksnoe eksperimental'noe issledovanie tekstil'nykh izdelii epokhi bronzy Evraziiskikh stepei [A complex experimental research of textile goods from the Bronze Age Eurasian steppe]. *Tekstil' epokhi bronzy Evraziiskikh stepei: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia*, 109, Moscow, pp. 58–184.
- Sal'nikov K.V., 1952. Kurgany na ozere Alakul' [Burial mounds at the Alakul Lake]. *Materialy i issledovaniia po arkhеologii SSSR*, no. 24, Moscow: Izd-vo AN SSSR, pp. 51–72.
- Shevnina I., Logvin A., 2015. Mogil'nik epokhi bronzy Khalvai III v Severnom Kazakhstane [The Bronze Age burial ground of Halvai III in Northern Kazakhstan]. *Materials and researches on archaeology of Kazakhstan*, vol. VII, Astana: Filial Instituta arkhеologii im A.Kh. Margulana, 248 p.
- Vinogradov N.B., 2003. *Mogil'nik bronzovogo veka Krivoe Ozero v Yuzhnom Zaural'e* [The Bronze Age Cemetery of Krivoye Ozero in the Southern Trans-Urals], Cheliabinsk: Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 362 p.

М.С. Демахина

Институт археологии и этнографии СО РАН
просп. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, РФ
E-mail: marshinza@mail.ru

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК КАТКОВО-1 (к вопросу о верхней дате верхнеобской культуры Новосибирского Приобья)¹

Впервые публикуются материалы курганного могильника Катково-1 (раскопки И.А. Дуракова), расположенного в Коченевском районе Новосибирской области. Краткая история развития взглядов исследователей на датировку верхнеобской культуры выявила следующие проблемы: определение верхней даты бытования культуры и хронологическая и культурная атрибуция памятников, на которых сочетается верхнеобской материал с более поздними вещевыми комплексами. Подобная ситуация отмечена на городище Юрт-Акбалык-3. Первоначально публикуемый комплекс был отнесен к юрт-акбалыкскому этапу верхнеобской культуры (VIII–IX вв. н.э.). В кургане обнаружены как материалы верхнеобской культуры, так и более поздний вещевой комплекс, датируемый X–XI вв. Цель работы — уточнить датировку курганного могильника Катково-1. Сосуды, найденные на памятнике, по морфологическим признакам и орнаменту отнесены к верхнеобской культуре. Однако, при сохранении в основном прежних морфологических признаков, они претерпели некоторые изменения в орнаментации в связи с влиянием культуры северных племен. Отмечен несвойственный посуде Новосибирского Приобья декоративный элемент, привнесенный северными племенами Нижнего Приобья. Предметы вооружения, в частности плоские железные наконечники стрел и наконечники копий, датируются исследователями в рамках X–XI (XIV) вв. н.э., время бытования элементов конской упряжи — IX–XII вв. н.э. Бронзовые украшения относятся к VIII–X вв. Керамический материал, а также предметы вооружения и конской упряжи, в сравнении с аналогами с территорий Южной Сибири, Томского и Новосибирского Приобья, а также других сопредельных территорий, подтверждают датировку памятников юрт-акбалыкским этапом верхнеобской культуры, но дают основание продлить верхнюю границу существования могильника вплоть до X в. Эта ситуация ставит под сомнение правомерность определения верхней даты верхнеобской культуры IX в. Присутствие на памятниках материалов, распространенных в X–XI вв., позволяет говорить о расширении верхней хронологической границы верхнеобской культуры до X в. н.э.

Ключевые слова: *верхнеобская культура, хронология, погребальный комплекс, датирующий материал, юрт-акбалыкский этап.*

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-013-020

В статьях, посвященных верхнеобской культуре, рассматриваются прежде всего вопросы хронологии и этнокультурной атрибуции памятников. Подобные исследования затрагивают в основном материалы погребальных комплексов. Достаточно долгое время верхняя дата существования верхнеобской культуры имела условный характер. Первоначально сама культура была выделена М.П. Грязновым и датирована им II–VIII вв. н.э. [1956, с. 99–144]. В 1981 г. Т.Н. Троицкая объединила средневековые материалы Новосибирского Приобья в самостоятельную одинцовскую культуру и датировала ее V–VII вв. н.э. [1981, с. 101–120]. Позднее исследователь признала наличие верхнеобской культуры, а не одинцовской, а также по материалам новых памятников выделила два хронологических этапа в ее развитии и расширила границы ее существования до VIII в. [Троицкая, 1988]. Затем исследователь выделила третий этап бытования верхнеобской культуры и сдвинула верхнюю дату до X в. Таким образом, Т.Н. Троицкая обозначила три хронологических этапа культуры: одинцовский (V–VI вв.), тимирязевский (вторая половина VI в. — первая половина VIII в.) и юрт-акбалыкский (вторая половина VIII в. — X в.) [Новиков, Троицкая, 1989]. Эта датировка использовалась исследователями вплоть до того момента, когда Т.Н. Троицкая подняла верхнюю дату до IX в. н.э. [1992]. На современном этапе границы существования верхнеобской археологической культуры в Новосибирском Приобье определяются V–IX вв. н.э. [Троицкая, Новиков, 1998].

¹ Работа выполнена по гранту РНФ № 14-50-00036.

Остались открытыми вопросы датировки памятников Новосибирского Приобья, на которых обнаружено сочетание верхнеобского материала с более поздними вещевыми комплексами. Таковым является городище Юрт-Акбалык-3. Первоначально оно отнесено исследователями к верхнеобской культуре и датировано IX–X вв. [Троицкая, Елагин, 1991]. Однако в 1998 г. в связи с изменением верхней даты верхнеобской культуры ученые отметили, что время бытования городища выходит за рамки ее существования [Троицкая, Новиков, 1998, с. 14]. К памятникам с аналогичной ситуацией можно отнести и курганный могильник Катково-1.

Курганный могильник Катково-1 (рис. 1) расположен в Коченевском районе Новосибирской области, в 1 км к востоку от с. Катково, на второй надпойменной террасе правого берега р. Чик. Памятник был выявлен в 1998 г. И.А. Дураковым. Состоит из 20 насыпей [Сумин и др., 2013, с. 26–27]. Два кургана (№ 1, 16) были исследованы.

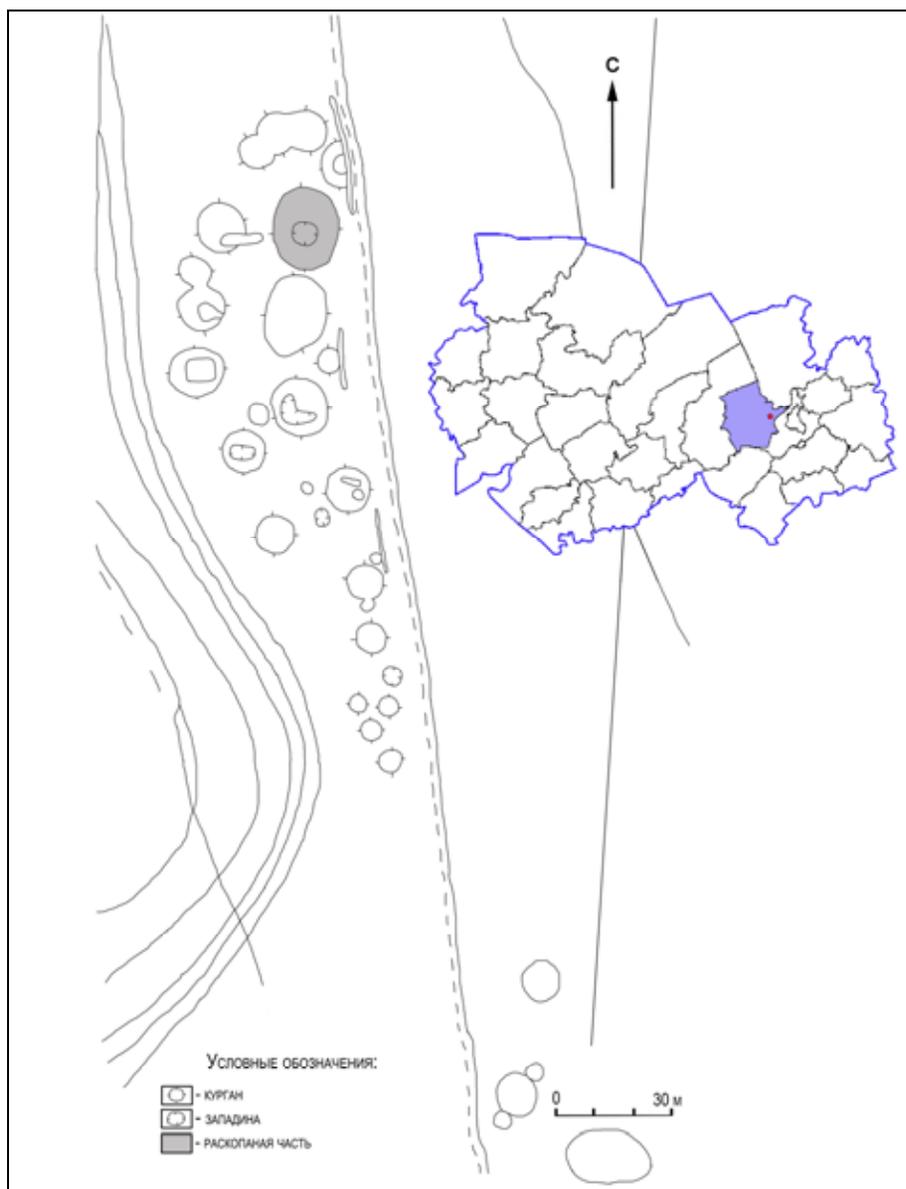

Рис. 1. Расположение могильника Катково-1.

Курган № 1 (рис. 2) располагался в северной части памятника. Исследованная площадь составила 261 м². На территории кургана зафиксированы погребение и четыре ямы.

Курганный могильник Катково-1...

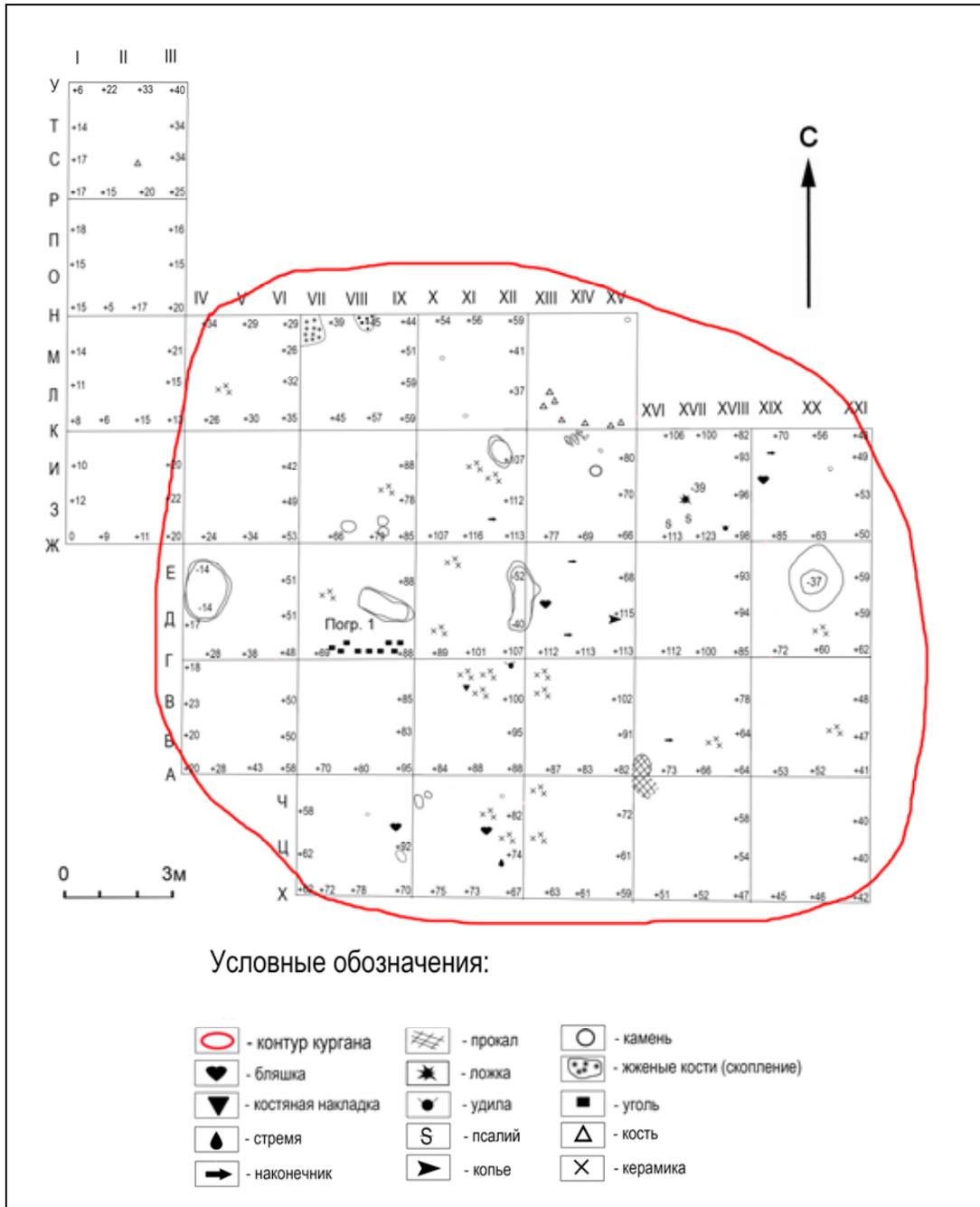

Рис. 2. План раскопа кургана № 1.

Погребение № 1 (рис. 3). Могильная яма располагалась на юго-западе погребальной площадки, ближе к ее центру. Она имела подпрямоугольную форму, продольной осью ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Размеры могильной ямы 158×74 см, глубина около 17 см. Конфигурация стенок дает основание полагать, что объект был ограблен. На дне погребения находились кремнированные человеческие останки. Они были локализованы в северо-западной части погребения. Среди костей зафиксированы две бронзовые сердцевидные бляшки и бусина. Аналогичные бляшки встречались в насыпи кургана.

Прямые аналоги бронзовым бляшкам встречены в курганах № 7, 8 могильника Каменный Мыс, а также на памятнике Чингис-2 (кург. 3) [Троицкая, Новиков, 1998, рис. 26]. Подобные предметы распространены достаточно широко. В частности, бляшки из коллекций Башкирии датиру-

ются VIII–IX вв. н.э. [Ковалевская, 1972, с. 112], сердцевидные бляшки с памятников тюрок Казахстана — VIII–IX вв. н.э. [Степи Евразии..., 1981, с. 124–125]. Подобные вещи встречаются также в материалах сrostкинской и тюхтятской культуры, относятся к IX–X вв. [Там же, с. 45–46, 144–145].

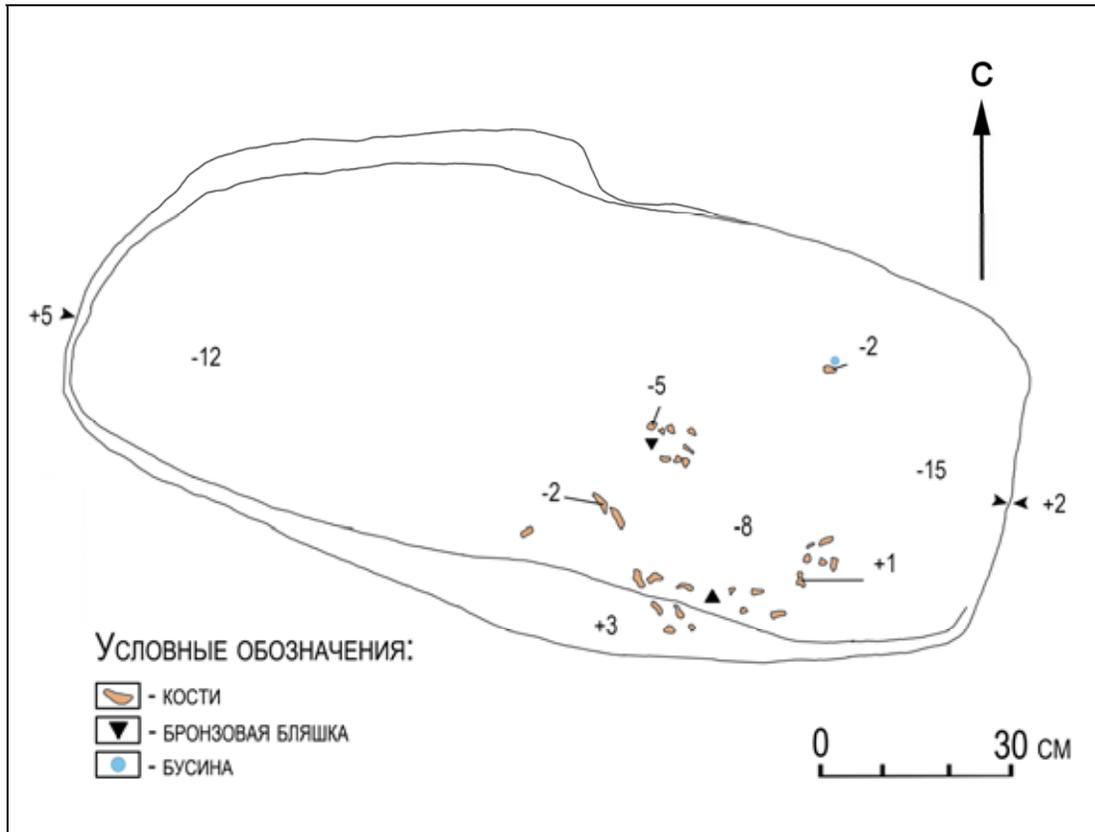

Рис. 3. План погребения № 1.

Остальной вещевой материал располагался в курганной насыпи.

Бытовые изделия

Керамический комплекс. Представлен несколькими обломками горловин (рис. 4, 10–13), а также целым глиняным сосудом с ручкой. Подобные сосуды зафиксированы в памятниках Новосибирского Приобья Каменный Мыс и Чингис-2 [Троицкая, Новиков, 1998, рис. 36]. Орнаментальные мотивы — параллельные и зигзагообразные линии, выполненные гребенкой, ямки и «жемчужины», украшающие горловину, а также вдавления овального и фигурного штампов. Венчики сосудов прямоугольные, круглые, украшены вдавлениями палочки. Шейка чаще прямая. По морфологическим признакам керамический комплекс датируется концом VIII — IX в. н.э. Отпечатки овального штампа — несвойственный верхнеобской керамике признак, Т.Н. Троицкая связывает его с влиянием культуры северных племен Нижнего Приобья [Троицкая, Елагин, 1991, с. 59]. Подобный штамп отмечен на единичных сосудах в Томском Приобье [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 48], в Новосибирском Приобье на памятнике Юрт-Акбалык-3 также среди верхнеобских сосудов встречаются фрагменты с отпечатками овального штампа [Троицкая, Елагин, 1991, с. 58–59].

Костяная ложка. Изделие найдено в кв. И/ХVIII. Выполнено из кости. Ложка неглубокая, овальная, с округлой в разрезе ручкой (рис. 4, 15). Аналоги встречены в памятниках Умна-3, Каменный Мыс, Красный Яр-1 [Троицкая, Новиков, 1998, рис. 13]. Имеет достаточно широкий спектр аналогов в различных более ранних и поздних культурах, однако их распространение не противоречит границам бытования верхнеобской культуры.

Оружие

Железные наконечники стрел. Железный срезень (рис. 4, 5). По классификации А.И. Соловьева относится к долотовидным срезням с упором в виде прямоугольной лопаточки [Со-

Курганный могильник Катково-1...

ловьев, 1987, с. 43]. Аналоги, встреченные на памятниках Новосибирского Приобья Умна-3, Каменный Мыс, единичны [Троицкая, Новиков, 1998, рис. 21]. Подобные срезни появились в начале II тыс. и просуществовали вплоть до этнографической современности [Соловьев, 1987, с. 38]. По мнению исследователей могильника Сапогово, аналогичные предметы датируются X–XIV вв. [Илюшин и др., 1992, рис. 55]. Аналоги известны также на памятниках Среднего Причумылья, относятся к X–XIV вв. [Беликова, 1996, с. 79].

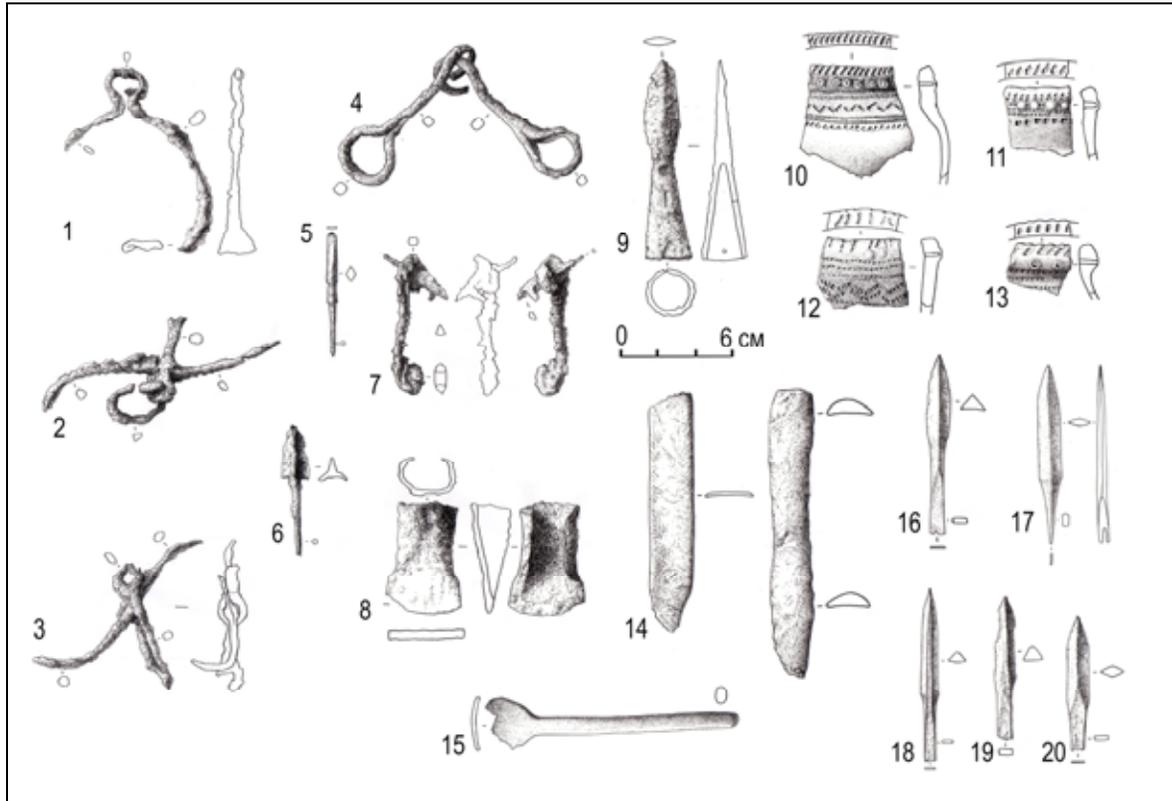

Рис. 4. Находки из кургана № 1:
1–9 — железо; 10–13 — глина; 14–20 — кость.

Трехгранные черешковые наконечники (рис. 4, 6) с треугольной боевой частью датируются исследователями второй половиной I тыс. н.э. Аналоги встречены как в памятниках Новосибирского Приобья — Черное Озеро-1, Умна-3, так и в Томском Приобье, в Тимирязевском курганном могильнике-1 [Беликова, Плетнева, 1983, рис. 49], в Релкинском курганном могильнике [Чиндина, 1977, рис. 21]. Подобные изделия найдены также на памятниках Алтая, Тувы, Минусинской котловины. В Средней Азии в Кенкольском могильнике известны аналогичные наконечники, относимые С.С. Сорокиным к VI–VIII вв. н.э. [1956, с. 12]. Исследователи оружия Горного Алтая датируют наконечники второй половиной I тыс. [Худяков, 1986, с. 107], в Томском Приобье подобные изделия бытовали в VI–VIII вв. [Беликова, Плетнева, 1983, с. 74]. Т.Н. Троицкая, обобщив данные исследователей, относит наконечники к трехлопастным, удлинненно-треугольным и предлагает датировку VI–X вв. н.э. [Троицкая, Новиков, 1998, с. 36]. Аналоги есть также в Елыкаевской коллекции, А.И. Соловьев относит изделия к типу трехлопастных, килевидных с прямыми плечиками наконечников и определяет время их бытования второй половиной I тыс. н.э. [1987, с. 35].

Железный наконечник копья (рис. 4, 9). Аналоги встречены как на территории Новосибирского Приобья (Каменный Мыс, Чингис-2), так и в других регионах, в частности в Южной Сибири. По Ю.С. Худякову можно охарактеризовать изделие как относящееся к группе ромбических наконечников копий (с ромбическим сечением пера) и к типу асимметрично-ромбических. Датированы подобные предметы X–XI вв. [Худяков, 1980, с. 52–59]. По классификации А.И. Соловьева изделие удлинненно-треугольное с ромбическим сечением, втульчатое. Аналоги известны в Лядинском могильнике X–XI в. [Соловьев, 1987, с. 99].

Костяные наконечники стрел (рис. 4, 16–20). Их морфологические признаки мало отражают культурную специфику или время функционирования. По способу крепления с древком изделия можно отнести к черешковым, по форме выделяются листовидные и ромбические [Троицкая, Новиков, 1998, с. 39–42].

Костяная накладка на лук. Длина около 12 см, ширина около 3 см (рис. 4, 14). Деталь имеет следы использования. Подобные предметы достаточно широко распространены, аналоги в Новосибирском Приобье встречены в поселенческих памятниках (Юрт-Акбалык-3) [Троицкая, Елагин, 1991, с. 56–57].

Предметы конской упряжи

Псалии. Найдены вне могильной ямы в кв. Ж/ХVI–ХVII (рис. 4, 2, 3, 7). Изделия выполнены из железа, с плоскими петлями, соединены с двукольчатыми удилами, аналоги встречены в памятниках Новосибирского Приобья Красный Яр-1 (кург. 10), Каменный Мыс (кург. 19) [Троицкая, Новиков, 1998, с. 45]. Удила двукольчатые, «S»-образные были особенно широко распространены в IX–X вв. н.э. у тюрков Сибири [Степи Евразии..., 1981, с. 40].

Железные удила (рис. 4, 4). Зафиксированы в кв. В/ХII. Т.Н. Троицкая и А.В. Новиков относят подобные удила к однокольчатым — самому распространенному типу. Время бытования определяется VIII–IX вв. н.э. [Троицкая, Новиков, 1998, с. 44–45]. Круг аналогов отмечен на синхронных памятниках Юрт-Акбалык-8, Черное Озеро-1 и др. [Там же, рис. 24]. Аналоги известны также в Тимирязевском курганном могильнике-1 [Беликова, Плетнева, рис. 39].

Стремена. Вне могильной ямы, в кв. Щ/ХII, было обнаружено железное стремя, восьмеркообразное, с уплощенной широкой поверхностью для ноги (рис. 4, 1). Хронология подобных стремян для Южно-сибирского региона до конца не разработана. Аналоги встречаются и среди русских стремян в европейской части страны. А.Н. Кирпичников относит изделия подобной формы к 4 типу и датирует их IX — началом XI в. Для стремян этого периода характерны ушко, оформленное в самостоятельном выступе, и подножка округлой формы [Кирпичников, 1973, рис. 29]. Аналоги встречаются в более поздних памятниках Новосибирского Приобья, таковым является курганный могильник Березовый Остров-1 [Адамов, 2000, с. 190]. Исследователь отмечает восьмерковидную форму как самую распространенную во второй половине I тыс. н.э., приводя в пример предметы из материалов Южной Сибири, Южного Урала, Верхнего Прииртышья, которые датируются IX–XII вв. н.э. [Там же, с. 46].

Датировка инвентаря памятника

Инвентарь	Аналоги	Время бытования
Железный срезень	[Соловьев, 1987, с. 38] [Илюшин и др., 1992, рис. 55] [Беликова, 1996, с. 79]	X–XVII вв. X–XIV вв. X–XIV вв.
Железный трехгранный наконечник	[Сорокин, 1956, с. 12] [Худяков, 1986, с. 143] [Беликова, Плетнева, 1983, с. 74] [Троицкая, Новиков, 1998, с. 36] [Соловьев, 1987, с. 35]	VI–VIII вв. Вторая пол. I тыс. VI–VIII вв. VI–X вв. Вторая пол. I тыс.
Железный наконечник копья	[Худяков, 1980, с. 52–59], [Соловьев, 1987, с. 99]	X–XI вв. X–XI вв.
Железные псалии	[Степи Евразии..., 1981, с. 40]	IX–X вв.
Железные удила	[Троицкая, Новиков, 1998, с. 44–45]	VIII–IX вв.
Стремена	[Кирпичников, 1973, рис. 29], [Адамов, 2000, с. 46]	IX — начало XI в. IX–XII вв.
Бронзовые сердцевидные бляшки	[Ковалевская, 1972, с. 112] [Степи Евразии..., 1981, с. 124–125] [Степи Евразии..., 1981, с. 45–46, 144–145].	VIII–IX вв. VIII–IX вв. IX–X вв.

Рассмотрев материалы курганного могильника Катково-1, можно сделать следующие выводы. Памятник относится к юрт-акбалыкскому этапу верхнеобской культуры, который исследователи датируют концом VIII — IX в. н.э., однако среди материалов этого времени зафиксированы предметы, датируемые более поздним периодом — от X в. н.э. Как было сказано выше, аналогичная ситуация сочетания материалов ранних (VIII–IX вв. н.э.) и более поздних (X–XI вв.) наблюдается также на поселенческом памятнике Юрт-Акбалык-3. Этот факт ставит под сомнение правомерность определения верхней даты верхнеобской культуры IX в. н.э. Таким образом, присут-

Курганный могильник Катково-1...

ствии на памятниках материалов, распространенных в X–XI вв., дает нам основание датировать курганный могильник Катково-1 VIII–X вв. н.э., а также позволяет говорить о расширении верхней границы существования верхнеобской культуры Новосибирского Приобья вплоть до X в. н.э.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. 256 с.
- Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск: Изд-во ТГУ, 1996. 272 с.
- Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск: Изд-во ТГУ, 1983. 244 с.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. 1956. 160 с. (МИА; № 48).
- Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г. Могильник Сапогово — памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. Новосибирск: НГУ, 1992. 128 с.
- Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. 1973. 140 с. (САИ; Вып. Е1-36).
- Ковалевская В.Б. Башкирия и евразийские степи IV–IX вв. н.э. // Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972. С. 95–117.
- Новиков А.В., Троицкая Т.Н. Керамика верхнеобской культуры // Памятники истории и культуры Омской области. Омск: Изд-во ОмГУ, 1989. С. 41–43.
- Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири: Эпоха средневековья. Новосибирск: Наука, 1987. 193 с.
- Сорокин С.С. О датировке и толковании Кенкольского могильника // КСИИМК. 1956. Вып. 64. С. 3–14.
- Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. 303 с.
- Сумин В.А., Евтеева Е.М., Ануфриев Д.Е., Росляков С.Г. Археологические памятники Коченевского района Новосибирской области. Новосибирск: НПЦ по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области, 2013. 272 с.
- Троицкая Т.Н. Одинцовская культура в Новосибирском Приобье // Проблемы западносибирской археологии: Эпоха железа. Новосибирск: Наука, 1981. С. 101–120.
- Троицкая Т.Н. Верхнеобская культура лесостепного Приобья // Эпоха камня и палеометалла азиатской части СССР. Новосибирск: Наука, 1988. С. 95–101.
- Троицкая Т.Н. «Кусты» поселений в Новосибирском Приобье // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: Изд-во ОмГУ, 1992. Ч. 2. С. 57–60.
- Троицкая Т.Н., Елагин В.С. Городище Юрт-Акбалык-3 — памятник фортификации рубежа I–II тысячелетий // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: НГУ, 1991. С. 53–60.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.
- Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.
- Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.
- Чиндина Л.А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск: Изд-во ТГУ, 1977. 192 с.

M.S. Demakhina

Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
prosp. Acad. Lavrent'ev, 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
E-mail: marshinza@mail.ru

THE KATKOVO-1 BURIAL MOUND (ON THE UPPER DATE OF THE VERKHNEOBSKAYA CULTURE OF THE NOVOSIBIRSK OB BASIN)

The article presents the materials of the burial mound of Katkovo-1 (excavations by Durakov I.A.), located in Kochenevsky district of Novosibirsk region, for the first time. A brief history of the changing views of researchers on the dating of the Verkhneobskaya culture gives us the basis for identification of the following issues: a definition of the upper date of the existence of the culture and a cultural and chronological definition of the monuments where a combination of the Verkhneobskaya culture material and later material complexes was found out, which greatly complicates its dating. A similar situation is observed at the settlement of Yurt-Akbalyk-3. Originally, the complex was considered as Yurt-Akbalyk stage of the Verkhneobskaya culture (VIII–IX centuries AD.). The cemetery is characterized by a combination of the material of the Verkhneobskaya culture with a later material complex, which dates back to the X–XI centuries AD. The purpose of the work is to clarify the dating of the burial mound of Katkovo-1. The vessels found at the monument by their morphological characteristics and ornaments can be attributed to the

Verkhneobskaya culture, however, there are some changes in the ornamentation observed, due to the influence of Northern tribes, while morphological characteristics are largely unchanged. One decorative element isn't typical of the Novosibirsk Ob basin, it was brought by the Northern tribes of the Lower Ob river. Weapons, in particular, some flat iron arrowheads and spearheads are dated back within the VI–X centuries AD by the researchers, elements of harness date back to the IX–XII centuries AD. Bronze jewelry belongs to the VIII–X centuries AD. The ceramic material found, as well as items of armaments and harness, in comparison with their analogies found in Southern Siberia, the Ob river basin near Tomsk and Novosibirsk, and other adjacent territories, confirmed their dating back to the the Yurt-Akbalyk stage of the Verkhneobskaya culture, but afforded ground for extension of the datings's top limit of the burial ground up to the X century AD. This situation allowed us to question the IX century AD as the top date of the Verkhneobskaya culture. Presence of the materials used in the X–XI centuries AD on the monuments gave us an opportunity to expand the upper limit of the existence of the Verkhneobskaya culture up to the X century AD.

Key words: the Verkhneobskaya culture, chronology, funerary complex, dating material, Yurt-Akbalyk stage.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-013-020

REFERENCES

- Adamov A.A., 2000. *Novosibirskoe Priob'e v X–XIV vv.* [Novosibirsk Ob basin in the X–XIV centuries], Tomsk; Omsk: OmGPU, 256 p.
- Belikova O.B., 1996. *Srednee Prichulyum'e v X–XIII vv.* [The Middle Chulyum basin in the X–XIII centuries], Tomsk: Izd-vo TGU, 272 p.
- Belikova O.B., Pletneva L.M., 1983. *Pamiatniki Tomskogo Priob'ia v V–VIII vv. n.é.* [The monuments of the Tomsk Ob basin in the 5–8 centuries BC], Tomsk: Izd-vo TGU, 244 p.
- Chindina L.A. 1977. *Mogil'nik Relka na Srednei Obi* [The burial ground of Relka at the Middle Ob river], Tomsk: Izd-vo TGU, 192 p.
- Griaznov M.P., 1956. *Istoriia drevnikh plemen Verkhnei Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaia Rechka* [History of the ancient tribes of the Upper Ob according to the excavations near the village of Bolshaya Rechka]. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, no. 48, 160 p.
- Iliushin A.M., Suleimenov M.G., Guz' V.B., Starodubtsev A.G., 1992. *Mogil'nik Sapogovo — pamiatnik drevnetiurkskoi epokhi v Kuznetskoi kotlovine* [The burial mound of Sapogovo, a monument of the ancient Turkic period in the Kuznetsk hollow], Novosibirsk: NGU, 128 p.
- Khudiakov Iu.S., 1980. *Vooruzhenie eniseiskikh kyrgyzov VI–XII vv.* [Yenisei Kyrgyz weapons in the VI–XII centuries], Novosibirsk: Nauka, 176 p.
- Khudiakov Iu.S., 1986. *Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov luzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii* [The weapons of Medieval nomads of Southern Siberia and Central Asia], Novosibirsk: Nauka, 268 p.
- Kirpichnikov A.N., 1973. *Snariazhenie vsadnika i verkhovogo konia na Rusi IX–XIII vv.* [The equipment of a rider and a riding horse in Rus in the IX–XIII centuries]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov*, E1-36, 140 p.
- Kovalevskaiia V.B., 1972. *Bashkiriia i evraziiskie stepi IV–IX vv. n.é.* [Bashkiria and Eurasian steppes in the IV–IX centuries A.D.]. *Problemy arkheologii i drevnei istorii ugrov*, Moscow: Nauka, pp. 95–117.
- Novikov A.V., Troitskaia T.N., 1989. *Keramika verkhneobskoi kul'tury* [Ceramics of the Verkhneobskaya culture]. *Pamiatniki istorii i kul'tury Omskoi oblasti*, Omsk: Izd-vo OmGZU, pp. 41–43.
- Pletneva S.A., 1981, (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia* [The steppes of Eurasia in the Middle Ages], Moscow: Nauka, 303 p.
- Solov'ev A.I., 1987. *Voennoe delo korenogo naseleniia Zapadnoi Sibiri: Épokha srednevekov'ia* [Warfare of the indigenous population of Western Siberia: The era of the Middle Ages], Novosibirsk: Nauka, 193 p.
- Sorokin S.S., 1956. *O datirovke i tolkovanii Kenkol'skogo mogil'nika* [About the dating and interpretation of the burial ground of Kenkolsky]. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury*, 64, pp. 3–14.
- Sumin V.A., Evteeva E.M., Anufriev D.E., Rosliakov S.G., 2013. *Arkheologicheskie pamiatniki Kochenevskogo raiona Novosibirskoi oblasti* [Archaeological sites of Kochenevsky district of Novosibirsk region], Novosibirsk: Nauchno-proizvodstvennyi tsentr po sokhraneniui istoriko-kul'turnogo nasledii Novosibirskoi oblasti, 272 p.
- Troitskaia T.N., 1981. *Odintsovskaiia kul'tura v Novosibirskom Priob'e* [The Odintsovskaya culture along the Ob basin in Novosibirsk region]. *Problemy zapadnosibirskoi arkheologii: Épokha zheleza*, Novosibirsk: Nauka, pp. 101–120.
- Troitskaia T.N., 1988. *Verkhneobskaiia kul'tura lesostepnogo Priob'ia* [The Verkhneobskaya culture of the forest-steppe Ob region]. *Épokha kamnia i paleometalla aziatskoi chasti SSSR*, Novosibirsk: Nauka, pp. 95–101.
- Troitskaia T.N., 1992. *«Kusty» poselenii v Novosibirskom Priob'e* [Settlement clusters along the Ob basin in Novosibirsk region]. *II istoricheskie chteniia pamiati M.P. Griaznova*, Omsk: Izd-vo OmGU, Ch. 2, pp. 57–60.
- Troitskaia T.N., Elagin V.S., 1991. *Gorodishche Iurt-Akbalyk-3 — pamiatnik fortifikatsii rubezha I–II tysiacheletii* [The ancient settlement of Yurt-Akbalyk-3, a monument of fortification between the I and the II millennia]. *Problemy srednevekovoi arkheologii luzhnoi Sibiri i sopredel'nykh territorii*, Novosibirsk: NGU, pp. 53–60.
- Troitskaia T.N., Novikov A.V., 1998. *Verkhneobskaiia kul'tura v Novosibirskom Priob'e* [The Verkhneobskaya culture along the Ob basin in Novosibirsk region], Novosibirsk: IAET SO RAN, 152 p.

Т.Б. Никитина

Марийский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории
ул. Красноармейская, 44, Йошкар-Ола, 424036, РФ
E-mail: tshikaeva@yandex.ru

ЖЕРТВЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ С ОДЕЖДОЙ ИЗ МОГИЛЬНИКОВ ВЕТЛУЖСКО-ВЯТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ IX–XI вв.

Жертвенные комплексы в межмогильном пространстве (жк) в качестве диагностирующих признаков марийских средневековых могильников обозначены автором еще в 90-е гг. Выделены четыре варианта жк, в том числе наиболее характерные и массовые для памятников марийской культуры варианты III и IV. В статье рассмотрены и впервые введены в научный оборот 26 комплексов из Русенихинского и Выжумского могильников, раскопанных автором данной статьи в 2010–2015 гг. Дополнительными материалами позволили по-новому раскрыть семантику этих объектов. Содержимое комплексов представлено посудой, орудиями труда или бытовыми предметами, одеждой и украшениями. Благодаря совершенствованию методики раскопок данных объектов, вскрытию и фиксации по слоям толщиной от 1 до 3 см выявлено ровное залегание украшений и элементов одежды по вертикали голова — ноги. В некоторых объектах среди фрагментов удалось выделить элементы головных уборов и обуви, кафтанов, платья или прямоугольных кусков ткани. По внешним признакам: обилие тканей, фрагменты одежды (как нижней, так и верхней), состав и расположение украшений в определенной вертикальной зональности, соответствующей месту того или иного украшения или элемента в костюме, — можно предположить, что в комплексы помещена кукла, изготовленная из одежд покойного. Связь души умершего человека с одеждой у марийцев подтверждается данными этнографии и фольклора. Обряд изготовления кукол из одежд умерших известен у угорских (ханты, манси) и тюркских народов. Несмотря на то, что у разных народов обряд имеет свои названия, различные материальные формы выражения, суть его одна: кукла изготавливалась в качестве временногоместилища души умершего. Очевидно, что комплексы в межмогильном пространстве или засыпи могильных ям с набором одежды в марийских средневековых могильниках являлись поминальными, служилиместилищем душ предков и способствовали после определенного срока переходу душ в потусторонний мир. Этот обряд мог появиться под влиянием угорской или тюркской традиции. В пользу последней может свидетельствовать слово «курчак», которое соответствует обозначению куклы у киргизов («ккурчак») и совпадает с названием изображений женских духов-предков у шорцев («qurtujaq») и кумандинцев («urtyjaq»), барабинских татар («курчак»).

Ключевые слова: погребально-поминальная обрядность, марийцы, мордва, средневековье, тюрки, жертвенный комплекс, одежда,местилище души.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-021-032

Жертвенные комплексы в межмогильном пространстве (жк) в качестве диагностирующих признаков марийских средневековых могильников обозначены автором еще в 90-е гг. [Никитина, 2001]. Впоследствии была разработана более подробная типология данных объектов и выделено четыре следующих варианта жертвенных комплексов в межмогильном пространстве [Никитина, Ефремова, 2012].

Вариант I. Компактно расположенные вещи. В эти скопления входили орудия труда, принадлежности конской сбруи, а также отдельные женские украшения: шейно-нагрудные (гривны), украшения рук (браслеты, перстни). Поясные украшения представлены разрозненными элементами поясного набора: пряжками, единичными накладками, наконечниками. В составе этих комплексов не встречаются этноопределяющие изделия.

Вариант II. Металлическая посуда: железные или медные котлы и чаши из цветного металла. Иногда сосуды обернуты сверху дном, под сосудами или в них располагались отдельные предметы: бытовые вещи, оружие, орудия труда.

Вариант III. Предварительно завернутые в ткань, кожу, мех вещи уложены в берестяной туесок или в лубяной бочонок, облицованный сверху берестой.

Вариант IV является переходным между вариантами II и III. Берестяной туес или лубяной бочонок, аналогичные описанным в варианте III, дополнительно поставлены в железный или бронзовый котел или под котел, образуя единый комплекс.

В данной работе рассмотрены жк вариантов III и IV как наиболее многочисленных и показательных для изучения марийской культуры.

На момент разработки типологии насчитывалось 26 экз. (вариант III — 22 экз., вариант IV — 4 экз.). В настоящее время к этим вариантам можно отнести 48 комплексов в межмогильном пространстве.

Цель данной статьи — ввести в научный оборот материалы из Русенихинского и Выжумского могильников, раскопанных автором в 2010–2015 гг., позволяющие по-новому интерпретировать семантику жертвенных комплексов с одеждой.

Жертвенные комплексы представляют собой ямы округлой, подквадратной или овальной формы с отвесными или слегка скошенными ко дну стенками диаметром от 25 до 50 см. Глубина объектов от 20 до 60 см. Дно имело подстилку из войлока, которая зафиксирована в 57,7 % случаев; в жк 2, 5, 8, 11, 13 Русенихинского могильника, жк 14 Выжумского могильника обнаружены фрагменты и даже целые экземпляры войлочных ковриков, расшитых цветными нитками. В 34,6 % случаев на дне прослежены также деревянные палочки, неширокие дощечки или прутья от дерева. Засыпь гумированная, включения угля отмечены в 31 % объектов. Общими чертами для всех комплексов являются наличие туеса, обилие ткани, меха, кожи.

Состав жертвенных комплексов варианта III из Русенихинского и Выжумского могильников

№ п/п	Могильник номер жк	Туес	Войлок	Ветки и дощечки	Орежи	Монеты	Уголь	Украшения					Ткань, одежда			Орудия труда и бытовые предметы					Сосуды					
								Головные	Шейно-нагрудные	Рук	Поясные	обувные	Неопределенные	Кафтан, головной убор	Ткань	Мех	Кожа	Тепло	Нож	Шило	Наконечник стрелы	Кресало	Оселок	Деревянная чаша	Металлическая чаша	форма
1	Рус. 1	+									+			+	+									+		
2	Рус. 2-1	+	+	+	+			+				Пласт.	+	+	+	+									+	
3	Рус. 4	+						+					+		+										+	
4	Рус. 5-1	+	+	+				+	+	+		+	+	+										+	+	+
5	Рус. 5-2	+	+	+			+			+	+			+	+	+								Крем.	+	
6	Рус. 6	+					+				+	Пров.	+	+	+	+	+	+							+	
7	Рус. 7	+						+	+	+	+	+	+	+	+		?								+	
8	Рус. 8	+	+					+	+	+	+		+	+	+		+									
9	Рус. 9 разр.	+	+								+	?		+	+	+									+	
10	Рус. 10	+					+				+				+											
11	Рус. 11 разр.	+	+	+			+	+		+			+	+	+	+										
12	Рус. 12 разр.	+		+	+		+				+	Дерево			+				Острие					+		
13	Рус. 13	+	+					+			+			+	+	+								+	+	
14	Рус. 14	+, ?	+	+	+		+	+	+	+	+	Кост. предм.		+	+	+			+					Шкат.		
15	Выж. 3		+		+			+	+	+		Кост. предм.		+	+	+			+				Крем.	Кер.		
16	Выж. 4			+			+	+		+					+								+			
17	Выж. 7							+	+	+	+			+	+	+								+		
18	Выж. 8		+					+		+				+	+	+										
19	Выж. 10	+	+				+	+		+				+	+								Крем.			
20	Выж. 11	+								+				+	+											
21	Выж. 12	+	+		+	+		+	+	+				+	+											
22	Выж. 13	+	+	+			+		+	+	+			+	+	+									+	
23	Выж. 14	+	+		+			+	+	+	+			+	+	+				+					+	
24	Выж. 15	+	+					+			+			+	+	+	+									+
25	Выж. 16		+	+			+		+	+		Расч.	+	+	+	+			+							
26	Выж. 17 (?)	+					+			+													Крем.			

Жертвенные комплексы с одеждой из могильников Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. ...

Фрагменты туесов из бересты или луба обнаружены в 92 % комплексов. В остальных случаях (8 %), если не обнаружено их фрагментов, по заполнению грунта видно, что вещи лежали в какой-то емкости, так как в центре заполнения выделялось пятно в форме круга с четкими ровными краями.

Содержимое комплексов (табл.) можно объединить в три группы: 1) посуда; 2) орудия труда и бытовые предметы; 3) одежда и украшения.

Внутри комплекса помещались сосуды, которые зафиксированы в 13 случаях (50 %): жк 3 Выжумского могильника — фрагменты керамического сосуда; жк 2 и 5 Русенихинского могильника — чаши из цветного металла, в 11 комплексах обнаружены деревянные чаши. Последние сохранились плохо, представлены, как правило, небольшими фрагментами венчиков, края которых окантованы тонкими серебряными пластинками, вырубленными из дирхемов или подражаний им. Вполне вероятно, чаши, не имевшие таких окантовок, не сохранились.

Орудия труда и бытовые вещи в составе комплексов этого типа достаточно частая находка (77 %). Представлены в основном ножами, а также — по одному случаю — шилом, острием, наконечником стрелы, т.е. всегда заостренным предметом. Эти заостренные предметы могли использоваться и для проделывания отверстий на одежде. В единичных случаях обнаружены кресала. Других орудий труда в комплексах не обнаружено.

Основную массу находок составляли фрагменты одежды, меха, кожи. Они присутствовали во всех комплексах. Обнаружены шерстяные ткани полотняного и саржевого переплетений, ткани из растительных волокон полотняного переплетения, тесьма, фрагменты шелка и хлопка. В отдельных случаях достоверно установлено, что это остатки одежды. В жк 6 Русенихинского могильника при разборе многослойного куска шерстяной ткани была выявлена часть рукава, сшитого запошивочным швом шерстяной нитью. Шов соединяет два среза ткани. Обнаружен также крупный фрагмент подола из нескольких клиньев. Учитывая, что комплекс отличается мужским набором вещей, можно предположить в данном случае принадлежность фрагментов шерстяному мужскому кафтану с подолом из клиньев. В жк 7 Русенихинского могильника найдены лоскутки шерстяной ткани с горизонтальными полосами, образованными цветными нитями основы. Явная декоративность ткани позволяет предположить, что она была основной или отделочной тканью теплой верхней одежды, от которой сохранились также остатки рукава и куски, вероятно, отделки горловины [Орфинская, Никитина, 2014].

Аналогичная картина наблюдалась и в других могильниках марийской культуры. Фрагмент верхней одежды, возможно кафтана, из нескольких пластин тонкой кожи обнаружен в жк 13 Нижней стрелки с женским набором вещей. Ширина пластин в высохшем состоянии 25 см, длина сохранившейся части 34 см. Куски кожи сшиты с изнаночной стороны обметочным швом. На изнаночной стороне кожи фиксировались следы прилипшего органического материала, заметны тонкие пуховые волосы. Один фрагмент имеет следы подгиба, т.е. не исключено, что кожа покрывала меховую подкладку.

Значительную часть находок составляют прямоугольные куски ткани без швов. В погребении 19а могильника Нижняя стрелка были обнаружены два прямоугольных изделия размерами 130×30 см и 122×31 см. Изделие шириной 31 см и длиной не менее 122 см было исследовано О.В. Орфинской в лабораторных условиях. Концы его были, вероятно, двухслойные, на одной стороне сохранился подшитый по краю фрагмент шелковой ткани. В жк 4 этого же могильника край аналогичного прямоугольного изделия из тонкой шерсти черного (темно-синего) цвета был обшит светлой шерстяной нитью и украшен полосой тонкой ткани из растительных волокон и узором, выполненным цветными шерстяными и металлической нитями. В составе комплекса обнаружены также куски подквадратной формы, возможно головные платки [Никитина, 2014, с. 23].

Во многих комплексах (жк 5, 6 Русенихинского могильника, 13, 15, 16 Выжумского, 13 Нижней стрелки и т.д.) обнаружены скопления ткани, обильно декорированной вышивкой из металлической нити.

Расположение ремней с накладками свидетельствует, что они в большинстве случаев опоясывали в 1,5 или 2 оборота какой-то объемный объект, что соответствует способу ношения наборного пояса в костюме.

В жк 5, 7, 14 Русенихинского могильника сохранились крупные фрагменты обуви, подлежащие реконструкции. Носок имел вшитый треугольник из кожи, украшенный металлической нитью и пронизками. Вокруг вставленного треугольника кожа плотно собрана с помощью четырех рядов цветных нитей. Петле- и очковидные подвески не только служили украшением, но дер-

жали шерстяные шнуры, которые оборачивались вокруг ноги. В жк 5, 14 Русенихи шнуры длиной 77 см (по два с каждой стороны), изготовлены из прядей двух цветов, сплетенных в косичку, имели раздвоенный конец, украшенный бронзовыми пронизками. На заднике пришта умбоновидная подвеска с привесками из пяти металлических бусин с продетыми кожаными шнурами (два шнура по 30 см), которые также оборачивались вокруг ноги [Никитина, 2014, с. 27, 28].

Основная масса фрагментов ткани, меха, кожи еще не реставрированы, и их функциональное назначение не определено. Но по перечисленным реконструкциям можно сделать заключение, что в комплексах находилась одежда или ее части, а также прямоугольные куски ткани.

На отдельных фрагментах ткани, меха и войлока имеются круглые отверстия, свидетельствующие, что органические материалы преднамеренно повреждены. Осмотр под микроскопом таких фрагментов показал, что отверстия имеют опаленные края, т.е. проделаны металлическим предварительно накаливаемым предметом. Среди погребального инвентаря встречаются колющие металлические орудия, которые вполне могли быть использованы для этих целей (рис. 4, 3, 4).

Украшения, как правило, представлены всеми категориями, их состав в типовом отношении зависит от того, с мужской или женской субкультурой связан комплекс.

На первый взгляд создается впечатление, что украшения завернуты в ткань, мех и кожу бессистемно. Именно в качестве «узлов с вещами» их характеризовал А.А. Спицин, один из первых исследователей, обративших внимание на эти объекты. Я также дала описание по этому шаблону: украшения, завернутые в ткань, мех, кожу, опоясанные ремнем.

Совершенствование методики раскопок данных объектов, вскрытие и фиксация по слоям толщиной от 1 до 3 см позволяют выявить интересные детали. В отдельных комплексах (жк 5, 7 Русенихинского; 7, 14, 16 Выжумского могильника) украшения и детали одежды соответствовали местоположению в костюме, надетом на человека: вверху головные украшения или фрагменты головного убора, далее нагрудные украшения и украшения рук, в средней части ремень, в нижней, ближе ко дну, — украшения обуви.

В качестве иллюстративного примера можно рассмотреть комплекс жк 14 Русенихинского могильника.

Жертвенный комплекс 14 фиксировался с глубины 30 см от уровня современной дневной поверхности (-45 см от нулевой точки)¹. Заполнение слабогумированное светло-серого цвета с небольшими включениями угля. Стенки ровные, достаточно отвесные. Дно отмечено на глубине -80 см. На глубине -73 см проявились край бронзовой гривны (№ 2) (рис. 1, 1) и один отогнутый конец височного кольца (рис. 2, 2). Полностью гривна обозначилась на глубине 75 см (рис. 2, 9); на этой же глубине расчищена шумящая круглая нагрудная подвеска, изготовленная в наборной технике (рис. 3, 14). Второе височное кольцо сохранилось лишь во фрагментах на глубине -76 см. Рядом с нагрудным украшением на глубине -76 см лежала бронзовая проволочная пронизка. Выявленные вещи находились на слое меха и ткани, после снятия которых на глубине -77 см был отмечен новый слой находок (рис. 1, 2): фрагменты кожи, бронзовые пронизки на кожаных ремешках (рис. 3, 1, 5, 6), костяные коньки (рис. 3, 2–4), костяные орнаментированные пронизки (рис. 3, 8–10) и подвески (рис. 3, 7, 11) от сложного украшения «накосника» (№ 6). На этом же уровне обнаружены бубенчики (№ 7) от зооморфных подвесок, которые найдены чуть ниже (рис. 3, 12, 13, 18), а одна из них, с раковиной каури между петлями, зафиксирована на этой же глубине (№ 8).

На глубине -78 см (рис. 1, 3) в слое меха были расчищены фрагменты кожаного ремня и бронзовая рамчатая пряжка (рис. 3, 15–17), ниже — фрагменты обувных украшений (№ 10), несколько скорлупок от орехов (№ 11). Кожаный ремень имел металлические накладки из очень тонкой фольги, от которых сохранился тлен и россыпь белого металла, а также отверстия в кожаной основе. У южного края под слоем меха обозначилась костяная рукоятка шила (№ 12). Рукоятка украшена прорезным геометрическим орнаментом (рис. 3, 20). Шило полностью обозначилось на глубине 79 см. Под слоем меха на глубине -79 см (рис. 1, 4) расчищены еще две обувные подвески и фрагменты обуви (№ 13) (рис. 2, 6, 7, 11, 12), верхний слой берестяной шкатулки диаметром 18 см (№ 14). Шкатулка была плоская; ее дно также сохранилось во фрагментах. Внутри шкатулки обнаружены четыре бронзовых браслета и перстень, надетый на два браслета. Браслеты были завернуты в кожу. В шкатулке находились также костяная копоушка (рис. 3, 19), кусочки ткани, моточек ниток и две железные иголки. Иголки очень плохо сохран-

¹ Далее все глубины указаны от нулевой точки.

ности, рассыпались. Под берестяной шкатулкой на дне комплекса зафиксированы мех, войлок, фрагменты коры и деревянные прутики.

Аналогичное уровневое залегание украшений и элементов одежды по вертикали голова — ноги отмечено в жк 5, 7 Русенихинского могильника, жк 4 могильника Нижняя стрелка, жк 13–15 Выжумского могильника. Все указанные комплексы содержат элементы женской культуры с обилием украшений различных частей тела.

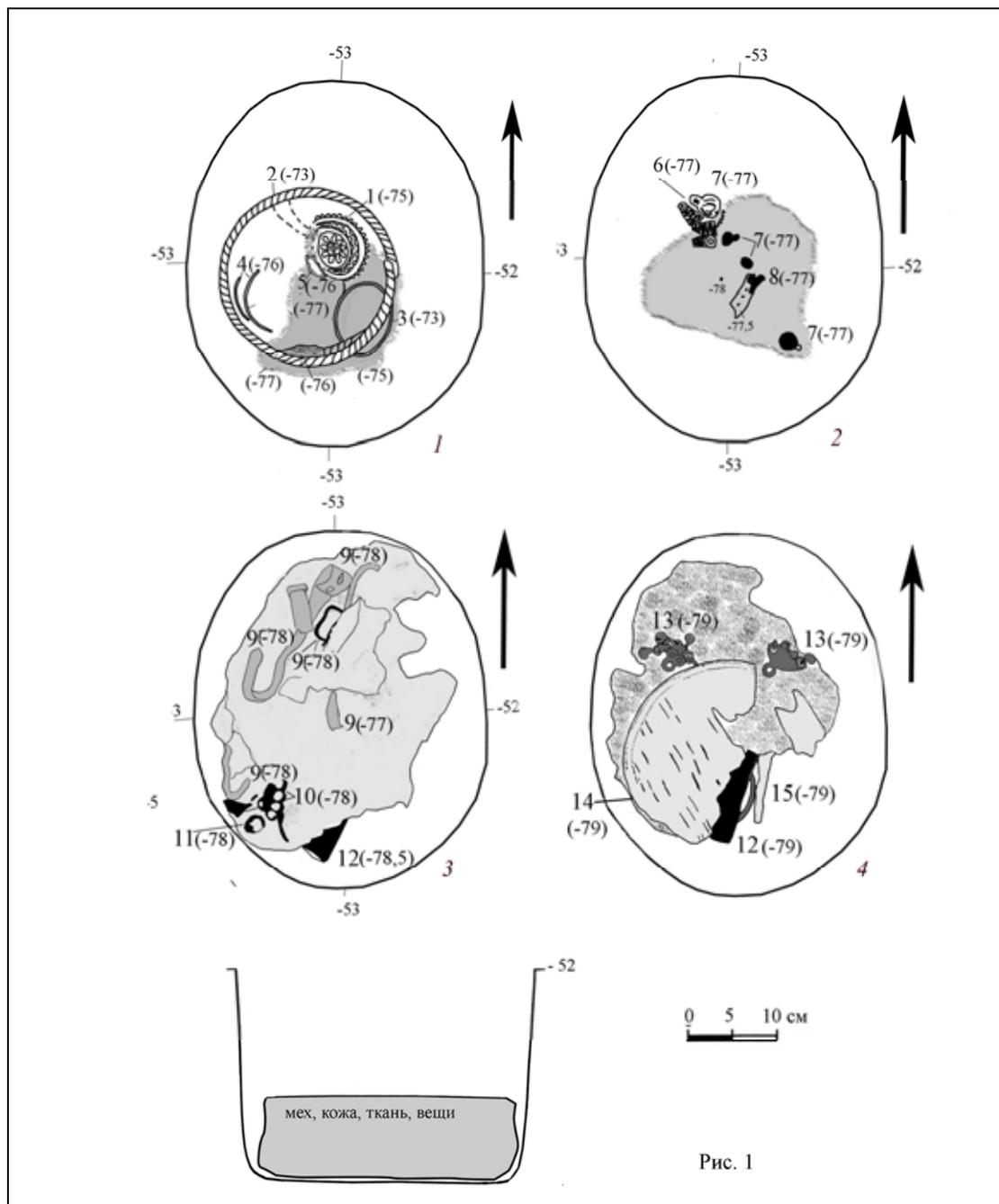

Рис. 1. Русенихинский могильник, жертвенный комплекс 14:

- 1 — нагрудное украшение; 2 — гривна; 3 — височное кольцо; 4 — височное кольцо; 5 — пронизка; 6 — накосник; 7 — бубенчики; 8 — зооморфная подвеска; 9 — пряжка, ремень; 10 — фрагменты обуви; 11 — орехи; 12 — шило; 13 — фрагменты обуви, берестяная шкатулка; 14 — копоушка; 15 — браслет с перстнем.

Рис. 2. Русенихинский могильник, инвентарь жертвенных комплексов 15 (1) и 14 (2–13): 1–6, 8–10, 13 — цветной металл; 7, 12 — кожа, цветной металл; 11 — ткань, кожа.

Мужские костюмы были менее декорированы металлическими украшениями, поэтому выделить слои труднее. Обычно они отмечены богатым поясным набором. В ряде случаев над поясом найдены серьги: жк 2, 8, 13 Русенихинского могильника. В жк 16 Выжумского могильника нагрудные украшения также находились над поясом.

По внешним признакам: обилие тканей, фрагментов одежды (как нижней так и верхней), состав и расположение украшений в определенной вертикальной зональности по оси голова — ноги, соответствующей месту того или иного украшения в костюме, можно предположить, что в данные комплексы помещена кукла, изготовленная из одежд покойного.

Интерпретация

По археологическим материалам точных аналогий жертвенным комплексам вариантов III и IV обнаружить не удалось. Определенное сходство они обнаруживают с комплексами из рязанско-окских могильников: Гавердовского [Ефименко, 1975, с. 14–17] и Кораблино [Белоцерковская, 1997, с. 20], по устройству (берестяной короб, веточки деревьев под днищем, расположение не в самой могиле, а в нише) и составу (украшения, пояс, одежда из ткани, кожи, меха) — с находками в нише погр. 33 Тат-Боярского могильника [Голдина, 1999, с. 315].

В сравнительном плане интересны «тайники» около погребений в древнехакасских курганах, представляющие собой скопления украшений и других вещей, положенных в войлочный узелок или сумку [Евтюхова, Киселев, 1940]. Несмотря на иной, более богатый состав инвентаря, они также содержат пояс или сбрую и сосуды.

Рис. 3. Русенихинский могильник, инвентарь жертвенного комплекса 14:
 1, 5, 6 — кожа, цветной металл; 2–4 — кожа, цветной металл, кость; 3, 7–11, 19 — кость;
 12–14, 17, 18 — цветной металл; 15, 16 — кожа; 20 — кость, железо.

Заслуживает внимания находка из кургана № 11 могильника Катанда-3 на Горном Алтае. Этот объект представлял собой кенотаф с захоронением верхового коня и местом для погребения человека. В части могилы, предназначенной для человека, выше берестяного колчана, находился монолит из кожи, металлических изделий и шелка, принятый первоначально за остатки сумки. Позднее при разборе этого монолита был выявлен пояс, застегнутый вокруг свертка одежды [Мамадаков, Горбунов, 1997, с. 117, рис. 10].

К сожалению, археологический материал позволяет нам фиксировать только часть обряда, имеющую вещественную форму выражения. Понять и реконструировать (с определенной долей условности — иногда по внешней схожести) суть того или иного обряда можно только с помощью данных этнографии. По ним известно, что одежда в погребально-поминальной обрядности марийцев и окружающих их народов (финно-угорских, тюркских) занимала значительное место.

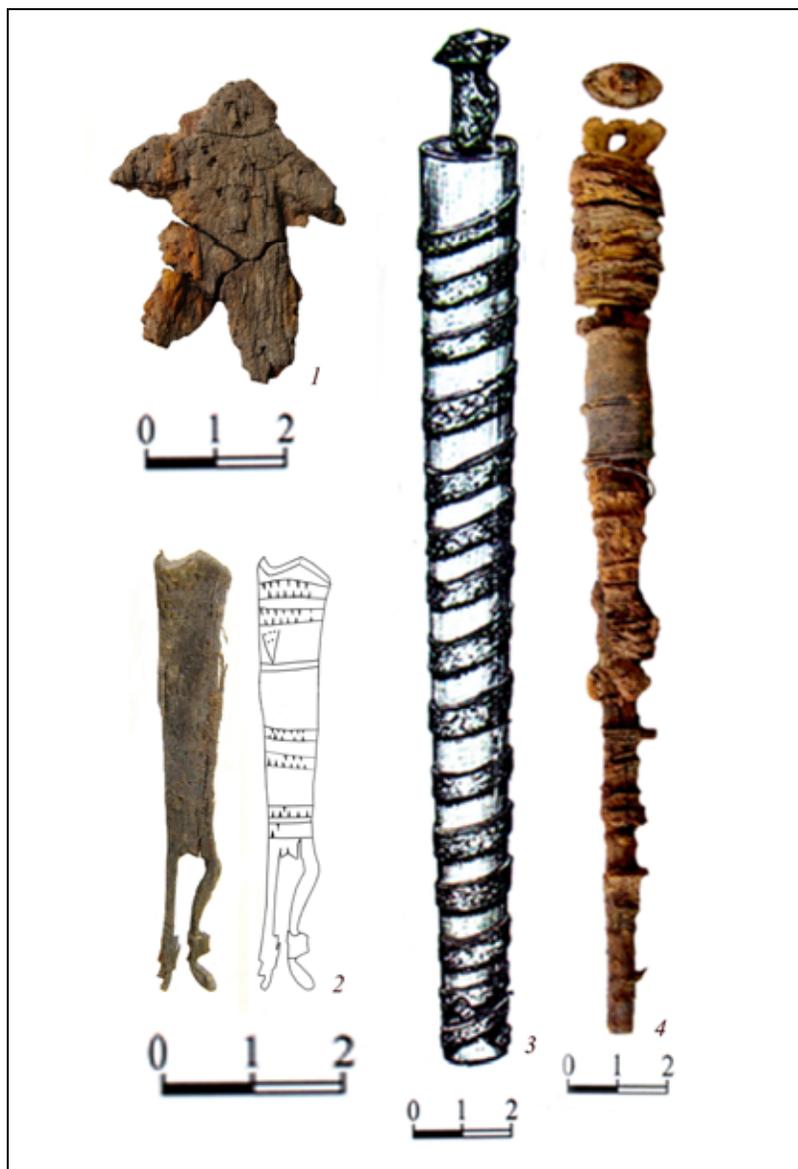

Рис. 4. Предметы из Веселовского могильника, погр. 30 (1), могильника Черемисское кладбище, жк 2 (2), Юмского могильника, погр. 7 (3), Русенихинского могильника, жк 12 (4):
1 — дерево; 2 — кость; 3, 4 — железо, цветной металл.

«Марийцы при захоронении покойника в правую руку кладут квадратный отрез холста со сторонами по ширине ткани... На лоб кладут кусок холста, шириной в 2–3 вершка, длиной по ширине ткани, сложив в виде треугольника» [Васильев, 1927, с. 64]. «С ног до головы покрывают его (покойника. — Т. Н.) белым холстом, называемым “кут-выньэр”... Поверх этого холста протягивают также во всю длину тела три шелковые (или шерстяные. — Т. Н.) нитки... Поверх ниток на лицо покойника кладут куски холста, длиною от двух четвертей аршина... Если покрывал для лица наберется много, то часть их кладется ниже лица и даже по бокам трупа умершего или подстилается на дно гроба... Куски холста как длинные, так и короткие не отрезаются, а отрываются... Поверх “кут выньэр” у восточных марийцев покрывают старым кафтаном из шерстяного сукна» [Там же, с. 71, 72]. Аналогичны сведения других исследователей [Религиозные обряды черемис, 1887, с. 66].

Обряды поминовения показывают, что пребывание души на этом свете, по представлениям марийцев, тесно связано с одеждой умершего. Именно она олицетворяет умершего. Это может быть развешанная марийцами во время поминок на стене одежда или ее свиток [Смирнов,

1889, с. 125]. При поминании умершего родственника главной фигурой становится заместитель умершего «вургем чийыше», который обязательно облачался в одежду покойного [Марийцы..., 2013, с. 251; Васильев, 1927, с. 91]. Аналогичные действия с одеждой производят мордва [Корнишина, 2000, с. 128] и удмурты [Садилов, 2008, с. 169].

«Платье, в котором умер черемисин, в старину вешалось над могилой» [Кузнецов, 2009, с. 104] или на дереве около могилы [Олеарий, 1906, с. 366]. «Если кладбище близко, стараются раздеть “вургем чижэ” на самой могиле, на которую его для этой цели усаживают» [Кузнецов, 1904, с. 74].

Определенные параллели можно провести с обрядами других народов.

Ульчи, народ, входящий в алтайскую языковую семью, после смерти человека собирают в ящик (чемодан) вещи умершего: нижнее белье, платок, носки, брюки, немного продуктов и пр. Чемодан несут на кладбище и оставляют для души умершего [Титорева, 2009, с. 183]. Этими чемоданами заменили шалаши, которые в старые времена сооружали возле могилы и в которых хранились вещи для души умершего.

Особый интерес представляют комплексы, в которых расположение одежды соответствует кукле.

В отдельных местностях проживания мордвы делали куклу, изображавшую покойного [Смирнов, 1895, с. 181].

Очень широко обряд распространен у хантов и манси. Кукла, изображающая умершего, называлась «иттерма». Основу могла составлять щепка или вырезанная из дерева фигурка, которая облачалась в многочисленные одежды. В отдельных случаях кукла состояла только из тряпок и одежд. Иттерма сопровождалась монетой или иным «светлым кругом» [Гемуев, 1990, с. 207–208].

У киргизов существовал обряд «тул» — изготовление куклы покойного из его подушки и одежды. Близкий обычай зафиксирован у казахов и осетин [Амбрамзон, 1971, с. 328]. Л.Р. Кызласов связал с этим обрядом погребальные куклы Оглахтинского могильника Хакасско-Минусинской котловины. Он высказал мнение, что эти куклы погребались в засыпь по истечении некоторого времени [Кызласов, 1960, с. 101–104], а значит, в контексте обрядности их следует считать поминальными. Погребальные куклы известны и в памятниках дренетюркского времени в Туве [Потапов, 1960, с. 10]. К пережиткам этого обряда Л.Р. Кызласов отнес также хантыйские куклы, убежища душ умерших [Амбрамзон, 1971, с. 331, 332]. Можно провести параллели и с изготовлением изображений умершего из войлока у ряда кочевых народов [Бубенок, 2014, с. 87].

По этнографическим данным, у тюркских народов кукла, олицетворяющая душу умершего, изготавливалась иногда в виде деревянной фигурки [Кимеев, 2009, с. 121; Васильев, 2009, с. 194] или для ее основы использовалась щепа от гроба. У шорцев, заманивая душу в царство мертвых, шаман закапывал рядом с надмогильным холмом специально вырезанную из кедра куклу — вместилище души [Кимеев, 2009, с. 121].

Среди материалов жертвенных комплексов марийских могильников также имеются предметы из кости и дерева неясного назначения, которые условно можно связать с упомянутыми выше предметами. В жк 2 могильника Черемисское кладбище в узле с тканью, мехами обнаружены две костяные копоушки, одна из которых имеет форму антропоморфного существа (рис. 4, 2). Судя по тому, что фигурка не имела отверстий для привешивания или пришивания, она использовалась как самостоятельная вещь. Антропоморфная фигурка из коры дерева была положена в засыпь п. 30 Веселовского могильника (рис. 4, 1). Костяной предмет неопределенного назначения без отверстий для подвешивания или пришивания к одежде находился в жк 14 Выжумского могильника. Деревянный предмет неясного назначения обнаружен в жк 3 Выжумского и жк 12 Русенихинского могильника. В большинстве жертвенных комплексов дерево сохраняется плохо (от деревянных чаш — в основном фрагменты венчика под окантовкой из серебряных пластинок), поэтому деревянные изображения могли и не уцелеть.

Несмотря на то, что в разных регионах обряд изготовления кукол имеет свои названия и различные материальные формы выражения, суть его одна: кукла изготавливалась как временное вместилище души умершего.

К.Ф. Карьялайнен полагал, что у угорских народов именно одежда первоначально замещала умершего, изготовление кукол появилось позднее [1994, с. 132].

Таким образом, комплексы в междомогильном пространстве или засыпи могильных ям с набором одежды являлись поминальными и, вероятно, служили вместилищами душ предков и способствовали после определенного срока отправлению их в потусторонний мир. Поэтому не случайно в данных комплексах находятся сосуды, которые с остатками поминальной пищи также передавались умершим родственникам.

По этнографическим материалам известно, что, в представлениях марийцев, душа умершего человека до сорокового дня не отправляется в «иной мир» [Марийцы..., 2013, с. 250]. Срок в 40 дней для ухода души обозначен и в верованиях мордвы [Корнишина, 2000, с. 126–128]. Таким образом, до поминок сорокового дня душа еще не находится в загробном мире. Окончательный траур снимается в годовые поминки; вероятно, тогда и завершаются проводы предка в потусторонний мир. По поверьям удмуртов, душа умершего бродила среди людей 40 дней/год или до сорокового дня обитала дома/около дома, а к году достигала загробного мира [Шутова, 2001, с. 206].

Рассмотренный обряд мог появиться под влиянием угорской или тюркской традиции. В пользу последней может свидетельствовать слово «курчак», которое соответствует обозначению куклы у киргизов («ккурчак»), древнетюркскому названию куклы «корчак» [Исанбаев, 1994, с. 86] и совпадает с названием изображений женских духов-предков у шорцев (qurtujaq) и кумандинцев (urtujaq) [Амбрамзон, 1971, с. 317]. В.Е. Васильев со ссылкой на Л.В. Дмитриеву отмечает, что у барабинских татар кукла также называется «курцак», эти же термином обозначается идол, божество [Васильев, 2009, с. 193, 194]. Об определенной связи с тюркской культурой могут свидетельствовать и богато орнаментированные войлочные коврики на дне жертвенных комплексов, которым посвящена отдельная статья [Никитина, 2013].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Амбрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и культурно-исторические связи. Л.: Наука, 1971. 403 с.
- Белоцерковская И.В.* Погребения с дарами из могильника Кораблино (по материалам раскопок 1986–1991 гг.) // Тр. ГИМ. М.: ГИМ, 1997. № 93. С. 20–28.
- Бубенок О.Б.* Новации и традиции в погребально-поминальной обрядности древних тюрков Центральной Азии // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. Вып. VII. С. 77–89.
- Васильев В.Е.* Юкагирские сайтааны: (К вопросу генезиса шаманских погребений) // Сиб. сб.-1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. II. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 191–198.
- Васильев В.М.* Материалы для изучения верований и обрядов мари. Краснококшайск, 1927. 127 с.
- Гемуев И.Н.* Мировоззрение манси: Дом и космос. Новосибирск: Наука, 1990. 232 с.
- Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удмурт. ун-т, 1999. 464 с.
- Евтюхова Л., Киселев С.* Чаа-тас у села Копены // Тр. ГИМ. М., 1940. Вып. XI. С. 21–55.
- Ефименко П.П.* Ивановский и Гавердовский могильники древней мордвы // Тр. МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1975. 48. С. 7–36.
- Исанбаев Н.И.* Марийско-тюркские языковые контакты. Йошкар-Ола: НЦФУ, 1994. Ч. 2. 209 с.
- Карьялайнен К.Ф.* Религия югорских народов. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. Т. 1. 152 с.
- Кимеев В.М.* Погребальный обряд шорцев // Сиб. сб.-1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. II. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 117–121.
- Корнишина Г.А.* Традиционные обычаи и обряды мордвы. Саранск: МордГПИ, 2000. 150 с.
- Кузнецов С.К.* Культ умерших и загробные верования луговых черемис // ЭО. 1904. № 1. С. 56–109.
- Кузнецов С.К.* Культ умерших и загробные верования луговых черемис // Святыни. Культ предков. Древняя история. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 2009. С. 87–166.
- Кызласов Л.Р.* Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960. 199 с.
- Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В.* Древнетюркские курганы могильника Катанда-3 // Изв. лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. Вып. 2. С. 115–129.
- Марийцы:* Историко-этнографические очерки / Отв. ред. А.С. Казимов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. 2013. 480 с.
- Никитина Т.Б.* Войлок в погребальном обряде Русенихинского могильника // КСИА. 2013. Вып. 230. С. 253–260.
- Никитина Т.Б.* Костюм средневекового марийского населения как маркер этнической культуры // Тр. Карельского науч. центра РАН. 2014. № 3. С. 21–32.
- Никитина Т.Б.* Марийцы в эпоху средневековья. Йошкар-Ола, 2001. 432 с.
- Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю.* Отражение культа предков марийцев в погребальном обряде могильников Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. // Stratum plus: Культурная антропология и археология. 2012. № 5. С. 179–194.
- Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1906. 582 с.
- Орфинская О.В., Никитина Т.Б.* Ткани из могильников Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. // ПА. 2014. № 2. С. 70–91.
- Потапов Л.П.* Полевые исследования Тувинской археолого-этнографической экспедиции. М.; Л., 1960. (ТКАЭЭ; Т. II).

Жертвенные комплексы с одеждой из могильников Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. ...

Религиозные обряды черемис. Изд. Православного Миссионерского Общества. Казань: Тип. и Литография В.М. Ключникова, 1887. 87 с.

Садиков Р.Р. Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов: (История и современные тенденции развития). Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2008. 232 с.

Смирнов И.Н. Черемисы: Историко-этнографический очерк. Казань: Тип. Император. ун-та, 1889. 212 с.

Смирнов И.Н. Мордва: Историко-этнографический очерк. Казань: Тип. Император. ун-та, 1895. 310 с.

Титорева Г.Т. Похоронно-поминальные обряды ульчей (по материалам научных экспедиций) // Сиб. сб.-1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. II. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 178–184.

Шутова Н.И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. Ижевск, 2001. 304 с.

T.B. Nikitina

Mari El Language, Literature and History Research Institute
Krasnoarmeyskaya st., 44, Yoshkar-Ola, 424036, Russian Federation
E-mail: marnii@mari-el.ru

SACRIFICIAL COMPLEXES WITH CLOTHES FROM CEMETERIES OF THE VETLUGA-VYATKA INTERFLUVE AREA OF THE IX–XI CENTURIES

Sacrificial complexes in the intersepulchral space (SC) as explorative signs of the Mari Medieval burial grounds were designated by the author in the 90-s. Four variants of the SC are singled out, among which the variants III and IV are the most characteristic and mass scale for the Mari culture monuments. The article describes and introduces into scientific discourse 26 complexes from Rusenikhinskiy and Vyzhumskiy burial grounds, excavated by the author of this article in 2010–2015. Emergence of additional materials has allowed disclosing semantics of these objects in a new way. Internal contents of the complexes are represented by dishes, instrument of labour or welfare items, clothes and jewelry. With the help of an improved technique of excavation of these objects, opening and fixing by layers from 1 to 3 cm, level bedding of jewelry and elements of clothes in vertical direction from the head the legs is found out. Elements of headdresses and footwear, caftans, dresses or rectangular pieces of fabric were successfully distinguished among the fragments from certain objects. Judging by the external signs: abundance of fabrics, fragments of clothes (doth underclothes and top garments), structure and localization of jewelry in certain vertical zonal distribution corresponding to the place of a certain ornament or suit element — it is possible to assume that a doll made of clothes of a dead person was placed in these complexes. Connection of the soul of a dead person with clothes of the Maris is confirmed by ethnographic and folklore data. The ceremony of making dolls from clothes of the dead is known at Ugrian (Khanty, Mansi) and Turkic people. In spite of the fact that this ceremony has different names and various material forms of expression at different peoples, but its essence is the same: the doll is a temporary receptacle of soul the of the dead. It is obvious that the complexes at the intersepulchral space or stock lines of sepulchral holes with a set of clothes in the Mari Medieval burial grounds were commemorative, they served as a receptacle of the souls of the ancestors and contributed to the transition of souls to the other world after a certain time period. This ceremony could appear under the influence of the Ugrian or Turkic tradition. The word for a doll — «kurchak» — favours the last version, because it corresponds to the Kyrgyz word for a doll («kkurchak») and coincides with the name of images of female ancestral spirits at the Shors (qurtujaq), the Kumandins (urtyjaq), and the Barabinsk Tatars («kurtsak»).

Key words: funeral and memorial rites, the Mari, the Mordovians, the Middle Ages, the Turks, sacrificial complex, clothes, seat of the soul.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-021-032

REFERENCES

Ambramzon S.M., 1971. *Kirgizy i ikh etnogeneticheskie i kul'turno-istoricheskie svyazi* [The Kyrgyz people and its ethnogenetic, cultural and historical relations], Leningrad: Nauka, 403 p.

Belotserkovskaya I.V., 1997. Pogrebeniya s darami iz mogilnika Korablino po materialam raskopok 1986–1991 gg. [Burials with offerings from the cemetery Korablino (based on excavations of 1986–1991)]. *Trudi GIM*, no. 93, Moscow: GIM, pp. 20–28.

Bubenok O.V., 2014. Novatsii i traditsii v pogrebal'no-pominal'noi obriadnosti drevnikh tiurkov Tsentral'noi Azii [Innovations and traditions in mortuary rites of ancient Turkic peoples of Central Asia]. *Mirovozzrenie naseleeniia Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive*, VII, Barnaul: Izd-vo AltGU, pp. 77–89.

Efimenko P.P., 1975. Ivankovskii i Gaverdovskii mogilniki drevnei mordvi [Ivankovsky and Gaverdovsky burial grounds of the ancient Mordva]. *Trudi MNIIYaLIE*, 48, Saransk, pp. 7–36.

Evtiukhova L., Kiselev S., 1940. Chaa-tas u sela Kopeny [Chaa-tas near the village of Kopeny]. *Trudy GIM*, XI, Moscow, pp. 21–55.

- Gemuev I.N., 1990. *Mirovozzrenie mansi: Dom i kosmos* [Worldview of the Mansi: The home and the space], Novosibirsk: Nauka, 232 p.
- Goldina R.D., 1999. *Drevnyaya i srednevekovaya istoriya udmurtskogo naroda* [Ancient and medieval history of the Udmurt], Ijevsk: Udmurtskii universitet, 464 p.
- Isanbaev N.I., 1994. *Mariisko-tiurskie iazykovye kontakty* [Contacts between Mari and Turkic languages], Ch. 2, Ioshkar-Ola: NTsFU, 209 p.
- Karjalainen K.F., 1994. *Religiia iugorskikh narodov* [Religion of the peoples of Yugra], vol. 1, Tomsk: Izd-vo TGU, 152 p.
- Kazimov A.S., 2013, (ed.) *Mariitsy: Istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Mari: Historical and ethnographic essays], Ioshkar-Ola: MarNIIali, 480 p.
- Kimeev V.M., 2009. Pogrebal'nyi obriad shortsev [The mortuary rite of the Shors]. *Sibirskii sbornik-1. Pogrebal'nyi obriad narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii*, Kn. II, St. Petersburg: MAE RAN, pp. 117–121.
- Kornishina G.A., 2000. *Traditsionnye obychai i obriady mordvy* [Traditional customs and ceremonies of the Mordvins], Saransk: MordGPI, 150 p.
- Kuznetsov S.K., 1904. Kul't umershikh i zagrobnye verovaniia lugovykh cheremis [Cult of the dead and beliefs in afterlife among the Meadow Cheremis]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 1. pp. 56–109.
- Kuznetsov S.K., 2009. Kul't umershikh i zagrobnye verovaniya lugovykh cheremis [Cult of the dead and beliefs in afterlife among the Meadow Cheremis]. *Svyatini. Kult predkov. Drevnyaya istoriya*, Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izd-vo, pp. 87–166.
- Kyzlasov L.R., 1960. *Tashtykskaia epokha v istorii Khakassko-Minusinskoï kotloviny* [The Tashtyk era in the history of Khakass-Minusinsk Hollow], Moscow, 199 p.
- Mamadakov Iu.T., Gorbunov V.V., 1997. Drevnetiurskie kurgany mogil'nika Katanda-3 [Ancient Turkic barrows of the burial ground of Katanda-3]. *Izvestiia laboratorii arkhologii*, 2, Gorno-Altaysk, pp. 115–129.
- Martynova E.P., 2009. Ugro-Samodiiskie paralleli v pogrebal'nom obriade nadymykh nentsev [Ugro-Samoyedic parallels in the mortuary rite of the Nadym Nenets]. *Sibirskii sbornik-1. Pogrebal'nyi obriad narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii*, Kn. II, St. Petersburg: MAE RAN, pp. 56–62.
- Nikitina T.B., 2014. Kostium srednevekovogo mariiskogo naseleniia kak marker etnicheskoi kul'tury [Costume of the Medieval Mari population as a marker of ethnic culture]. *Trudy Karelskogo nauchnogo tsentra RAN*, no. 3, pp. 21–32.
- Nikitina T.B., 2001. Mariitsy v epokhu srednevekov'ia [The Mari during the Middle Ages], Ioshkar-Ola: MarNIIaLI, 432 c.
- Nikitina T.B., 2013. Voilok v pogrebal'nom obriade Rusenikhinskogo mogil'nika [Felt in the mortuary rite practiced at the burial ground of Rusenikhino]. *KSIA*, 230, pp. 253–260.
- Nikitina T.B., Efremova D.Iu., 2012. Otrazhenie kul'ta predkov mariitsev v pogrebal'nom obriade mogil'nikov Vetluzhsko-Viatskogo mezhdurech'ia IX–XI vv. [The Mari ancestor worship reflected in the mortuary rites practiced at cemeteries in the Vetluga-Vyatka interfluvial area in 9–11 centuries]. *Stratum plus: Kul'turnaia antropologiya i arkhologiya*, no. 5, pp. 179–194.
- Olearii A., 1906. *Opisanie puteshestviia v Moskoviiu i cherez Moskoviiu v Persiiu i obratno* [The description of a travel to Moscovia and through Moscovia to Persia and back], St. Petersburg: Izdanie A.S. Suvorina, 582 p.
- Orfinskaia O.V., Nikitina T.B., 2014. Tkani iz mogil'nikov Vetluzhsko-Viatskogo mezhdurech'ia IX–XI vv. [Fabrics from burial grounds of the Vetluga-Vyatka interfluvial area of the IX–XI centuries]. *Povoljskaya arkhologiya*, no. 2, pp. 70–91.
- Potapov L.P., 1960. Polevye issledovaniia Tuvinskoï arkhologo-etnograficheskoi ekspeditsii [Field researches of the Tuva archeological and ethnographic expedition]. *TKAEE*, vol. II.
- Sadikov R.R., 2008. *Traditsionnye religioznye verovaniia i obriadnost' zakamskikh udmurtov: (Istoriia i sovremennye tendentsii razvitiia)* [Traditional religious beliefs and ceremonialism of the Kama Udmurts: (History and current trends of development)], Ufa: TsEI UNTs RAN, 232 p.
- Shutova N.I., 2001. *Dokhristianskie kul'tovye pamiatniki v udmurtskoï religioznoi traditsii: Opyt kompleksnogo issledovaniia* [Pre-Christian cult monuments in the Udmurt religious tradition: An effort of a complex research], Izhevsk, 304 p.
- Smirnov I.N., 1889. *Cheremisy: Istoriko-etnograficheskii ocherk* [The Cheremis: Historical and ethnographic essay]. Kazan': Tipografiia Imperatorskogo universiteta, 212 p.
- Smirnov I.N., 1895. *Mordva: Istoriko-etnograficheskii ocherk* [The Mordva: Historical and ethnographic essay], Kazan': Tipografiya Imperatorskogo universiteta, 310 p.
- Titoreva G.T., 2009. Pokhoronno-pominal'nye obriady ul'chei (po materialam nauchnykh ekspeditsii) [Burial and funeral ceremonies of the Ulch people (based on the materials of scientific expeditions)]. *Sibirskii sbornik-1. Pogrebal'nyi obriad narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii*, Kn. II, St. Petersburg: MAE RAN, pp. 178–184.
- Vasil'ev V.E., 2009. Iukagirskie saitaany: (K voprosu genezisa shamanskikh pogrebenii) [The Yukaghir saytaana (shamans): (Genesis of the shaman burials revisited)]. *Sibirskii sbornik-1. Pogrebal'nyi obriad narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii*, Kn. II, St. Petersburg: MAE RAN, pp. 191–198.
- Vasil'ev V.M., 1927. Materialy dlia izucheniiia verovaniia i obriadov mari [Materials for studying the Mari beliefs and ceremonies], Krasnokokshaisk, 84 p.

Н.С. Кирьянов

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
ул. Беллинского, 58, Якутск, 677027, РФ
E-mail: ns_kiryanov@bk.ru

ЯКУТСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ОЙМЯКОНЬЕ (XVII–XVIII вв.) (ИНДИГИРКА, СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ ЯКУТИЯ)

Впервые публикуются материалы трех якутских погребений позднего средневековья (XVII–XVIII вв.) — Эбюгэ I–II и Соболах (Нелегер), открытых в ходе работ Международной Саха-французской археологической экспедиции в 2014 г. в Оймяконском районе Республики Саха (Якутия) (бассейн верхнего течения р. Индигирки). До работ экспедиции средневековая (дописьменная) история Северо-Востока Якутии базировалась преимущественно на данных фольклора, топонимики и отдельных архивных документов, согласно которым заселение якутами этих территорий относится, вероятно, к периоду межплеменных усобиц XVI–XVII вв.; археологические памятники этого периода были неизвестны. Анализ предметов и вещей показал их хронологическую и типологическую близость с материалами памятников XVII–XVIII вв. не только Центральной Якутии, но и Вилюя и Верхоянья. Единственным заметным отличием оймяконских памятников от остальных является отсутствие в них погребальной посуды — атрибута практически всех якутских погребений. Это может свидетельствовать о преобладании коневодства (его продуктов) над разведением крупного рогатого скота в этот период в Оймяконе.

Ключевые слова: Оймякон, Индигирка, Северо-Восточная Якутия, Саха-французская археологическая экспедиция, Эбюгэ, Соболах (Нелегер), погребения, якуты.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-033-043

Введение

Оймякон широко известен в России и мире, наряду с Верхоянском, как одно из самых холодных мест на планете (в обиходе — «полюс холода»), где отмечаются аномально низкие температуры, в условиях которых проживает человек. Несмотря на повышенный интерес к истории края сведения о древнем — в особенности дописьменном — ее периоде очень скудны. До 2014 г. здесь были известны всего три стоянки каменного века (Киняс, Кыйымыт и Юбилейный) и два памятника наскального искусства (писаницы Томтор и Малотарынская) [Дьяконов, 2014]. Письменно Оймякон впервые упомянут в 1641 г. в документах Михаила Стадухина как место ясачного сбора с якутов и мемельских тунгусов [Парникова, 1971, с. 40–43]. Фольклорные и топонимические, а также архивные данные указывают, что в средневековье эта территория была освоена эвенками и юкагирами, а первые проникновения якутов в Оймяконье из Лено-Амгинского междуречья относятся, вероятно, к периоду усобиц XVI–XVII вв. (як. *кыргыз уйтэ*) отдельных представителей борогонских, кангаласских и баягантайских родов [Токарев, 1945, с. 146; ИПРЯ, 1960, § 97–99, 102; Николаев, 1964, с. 182–184; Ксенофонтов, 1977, № 172–173; Серошевский, 1993, с. 212; Боло, 1994, с. 109–122]. В административном плане эти земли исторически входили в состав Баягантайской волости-улуса в качестве отдельного (с 1822 г.) наследного объединения — Оймяконо-Борогонского. Окончательно самостоятельный Оймяконский район выделен в 1931 г. при проведении советской реформы по районированию [Сафронов, 1987].

Таким образом, в археологическом и палеоэтнографическом отношении Оймяконский район по сравнению с другими территориями Якутии остается белым пятном. Материальная культура проживавших и проживающих здесь народов: предметы быта, культура, ритуала и пр. — практически не изучена. Восполнить этот пробел хотя бы частично удалось в ходе работ Международной Саха-французской археологической экспедиции¹ в 2014 г., когда были обнаружены

¹ Данная экспедиция является структурным подразделением Международной ассоциированной лаборатории «Эволюция природы и человека в Восточной Сибири» (COSIE 1029), объединяющей Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (г. Якутск), Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск), Красноярский государственный медицинский университет им. В.Ф. Войно-Ясенецкого (г. Красноярск), Российский фонд фундаментальных исследований (г. Москва), Университет III г. Тулузы им. Поля Сабатье (Франция), Национальный центр научных исследований (г. Париж, Франция).

и исследованы три якутских захоронения позднего средневековья (XVII–XVIII вв.) — Эбюгэ I–II и Соболах (Нелегер) [Бравина, 2015].

Описание погребений

Все три рассматриваемых памятника находятся на территории 1-го Борогонского наслег на участке между с. Оймьякон и п. Томтор и географически приурочены к левому берегу верхнего течения р. Индигирки на отрезке между двумя ее притоками — р. Улахан-Чагачаннах (1600 км от устья Индигирки) и р. Куйдусун (1654 км), где лежит обширная равнинно-луговая долина с озерами и со значительным количеством сенокосно-пастбищных угодий. Топографической особенностью данных объектов является то, что они располагаются на трех булгуннях² по одному, за единственным исключением³. Надмогильные сооружения во всех трех случаях не сохранились. В расспросных беседах с местными жителями выяснилось, что булгуннями зовутся ими *эбюгэ*, что с якутского переводится как «предок» в значении «пращур, прародитель» [Пекарский, 1959, т. II, стб. 1909]. В одной из легенд о заселении якутами северных окраин *Эбюгэ* упоминается как собственное имя одного из предков оймьяконских якутов, который вместе со старшим братом Бордуулаахом в поисках места жительства прибыл в Оймьякон, а далее они ушли на север, в местность Хонуу (ныне — Момский район РС (Я)), где и остались [ИПРЯ, 1960, § 100].

Эбюгэ I

Булгуньях с погребением является самым удаленным от ближайшего населенного пункта — п. Берег-Юрдэ (8,7 км к северо-западу) и расположен вблизи заброшенного детского лагеря (ныне используемого в качестве летника сенокосчиков) и кладбища конца XIX — начала XX в. Могильный провал представлен слабовыраженной западиной вытянутой подпрямоугольной формы 190×80 см, ориентированной в направлении северо-запад — юго-восток. При расчистке могильное пятно не проявилось. На глубине 15 см от дневной поверхности отмечались фрагменты прошитой бересты с орнаментом. Могильное сооружение представляло собой продолговатый листовенничный сруб размером 195–200×50–86×37–41 см из двух прямоугольных венцов, скрепленных «в обло». Сруб ориентирован аналогично провалу. Крышка и днище гроба состояли из трех дощатых плах, а стенки выполнены из ошкуренных горбылей толщиной 5–7 см. Могильная конструкция к моменту работ была очень ветхой, деформированной: сохранилась только головная (западная) часть крышки с необрезанными краями плах и берестяным покрытием. Оставшиеся фрагменты плащаницы состояли из нескольких рядов прошитых между собой сложенных вдвое пластов (размер пласта 20×23 см), идущих друг за другом внахлест с перекрытиями в зоне соединения горизонтальными узкими полосками с традиционным выемчатым (ромбовидным или круглым) орнаментом (рис., 48, 49). В местах швов отмечаются следы березового вара (дегтя), которым промазывали бересту для водостойкости. В центральной части погребения обнаружены медное литое кольцо на кожаной петельке, фиксируемой белой бусиной, с двумя рогообразными ответвлениями, заканчивающимися стилизованными изображениями конских голов (по А.И. Гоголеву) (рис., 24), и синяя пастовая бусина со следами шлифовки. Срубный характер гроба и небольшая глубина залегания (45–55 см) позволяют отнести его к числу наиболее ранних типов традиционных могильных сооружений якутов XIV–XVII вв. [Бравина, Попов, 2008, с. 60–71; Мир древних якутов..., 2012, с. 81–85; Бравина, Дьяконов, 2015, с. 29].

Внутри гроба находился костяк женщины старше 30 лет крупного телосложения монголоидного облика архаичного вида (низкопокатый свод черепа и выраженные надбровные дуги), рост которой составлял около 160 см. Погребенная лежала на спине. Руки согнуты в локтях и покоились на тазу, правая ладонь покрывала левую руку. Ноги были подогнуты под себя и сведены в коленях, колени заметно упирались в северную, ступни — в восточную стенку гроба. Такое труположение обусловлено несоответствующими росту женщины размерами гроба (длина внутрикамерного пространства 145 см). Обнаруженное внутри погребения значительное количество личинок трупоедов свидетельствует о летнем времени совершения захоронения.

Головной убор представлял собой капорообразную шапку с длинными ушами, подвязывавшимися на подбородке кожаными тесемками и расшитыми изнутри бисерным орнаментом

² «Булгуньях» (як.) — отличительная разновидность крупных бугров пучения (криогенных положительных форм рельефа) в Якутии [Гляциологический словарь, 1984, с. 57].

³ При раскопках на памятнике Эбюгэ I в 0,5 м от него обнаружилось захоронение новорожденного (выкидыша?) конца XIX — начала XX в., оказавшееся там, по-видимому, случайно, поскольку те, кто проводил обряд погребения, только по незнанию могли совершить его на месте старой могилы [Бравина, 2015, с. 30].

Якутские захоронения позднего средневековья в Оймяконье (XVII–XVIII вв.)...

(як. *дьабака*) [Гаврильева, 1998, с. 29–30] (рис., 33, 34). При завязывании ушей на затылке декор оказывался снаружи. Передняя часть шапки отделана колонком (як. *солондо*), затылочная — конским мехом. Здесь же зафиксирована частично сохранившаяся деформированная медная круглая пластинка (бляха); такие традиционно нашивались на вершину головного убора и выполняли функцию украшения-оберега (як. *туосахта*) (рис., 44). Элементы верхней одежды не сохранились, кроме двух медных колец с рогообразными ответвлениями в виде конских голов, аналогичных ранее найденному, которые являлись ее деталями. Одно из них сломано (рис., 22), а на втором кожаным шнурком сделан двойной узел (рис., 26). Большое количество рассыпанного мелкого разноцветного бисера под костяком позволяет допустить, что наплечная одежда, возможно, декорировалась им со спины. Обращает на себя внимание единственная обнаруженная костяная гирьковидная миниатюрная пуговица (рис., 10); чаще подобные изделия изготавливались из меди или бронзы. Помимо бисера найдены две крупные бусины — белая каплевидной формы (бракованная?) (рис., 3) и синяя пастовая. Светло-синий (голубой) цвет более типичен для изделий XVII в., в последующие столетия большей популярностью пользовалась синяя (темно-синяя) либо черная гамма.

Украшения представлены парой проволочных серег с загнутыми дужками в виде знака вопроса (як. *ытарга*) с нанизанными чередующимися пятью белыми бусинами и четырьмя (?) опоясками из шести черных бисеринок каждый (рис., 16). От левой серьги сохранилась только часть дужки с двумя бусинами и одним опояском (рис., 15). К числу наиболее архаичных якутских украшений относится и бронзовая шейная гривна в виде витого несомкнутого обруча с концами-петельками (як. *кылджы*) (рис., 45), к которым крепилась наспинная подвеска длиной чуть более 30 см из ряда металлических пронизок и пастовых разноцветных бусин, завершающаяся двумя медными литыми кольцами малого диаметра (рис., 46). Несмотря на скромный облик, эта подвеска имеет большое значение. В ней мы видим зачаток практики украшать гривну дополнительными элементами, в XIX в. приведшей к появлению традиционного якутского нагрудно-наспинного облачения *илин-кэлин кэбисэр*. Другое его название — *кылджы быата* (як. «идущая от области гривны веревка») указывает на источник происхождения такого украшения [Саввинов, 2001, с. 37, 44–46]. Под левой рукой находился расслоившийся железный нож в деревянной рукояти (рис., 47). Поминальная пища (тризна) — левая лопатка лошади и три конских ребра, рубленные острым металлическим предметом (пальмой?), положена в ноги.

Эбюгэ II

Булгуннях с погребением удален от п. Берег-Юрдэ на 4,4 км к северо-западу и отличается от остальных наибольшим размером. Могильный провал является западиной продолговатой формы размерами 195×98 см, глубиной 10–25 см, ориентированной по линии северо-северо-запад — юго-юго-восток. Пятно могильной ямы грушевидной формы (230×94–127 см), ориентированное аналогично провалу, проявилось на уровне 10 см от дневной поверхности. Темно-коричневый (бордовый) цвет пятна резко контрастировал со светло-коричневым окрасом галечника, т.е. процесс погребения происходил, видимо, зимой. Берестяное покрытие крышки гроба представляло собой два уложенных друг на друга соразмерных по ширине полотнища: верхнее, лежавшее поперек, 114×85 см, состояло из четырех рядов прошитых пластов, нижнее, продольное, 164×87 см, — из шести рядов. Места соединений пластов нижележащего полотнища закрыты узкими декорированными полосками с выемчатым ромбовидным или круглым орнаментом (рис., 50, 51). Крайние ряды пластов загибались за крышку гроба. После разбора берестяного покрытия на крышке обнаружена сложенная в два оборота веревка длиной 48 см из крученого конского волоса, сплетенная тремя хвостами в косу.

Могильная конструкция представляет собой продолговатый листовенничный сруб размером 215×62–66×30–35 см (глубина залегания 55–60 см), ориентированный аналогично провалу. Состоит из гробовины в виде четырех прямоугольных венцов из ошкуренных тонкомерных жердин диаметром 7–10 см, углы которых рублены «в обло». Внутри гробовины вложен гроб, выполненный из дощатых плах толщиной около 2 см. Днище состояло из четырех жердин.

Внутри гроба находился костяк мужчины 25–30 лет, физически развитого, широкоплечего, принадлежащего к азиатскому антропологическому типу, ростом около 169 см, ориентированный головой на северо-северо-запад. Мужчина лежал на спине в позиции, близкой к полуобороту, прислоненным левым боком к восточной стенке, немного завалившись на правую сторону. Руки чуть согнуты в локтях и покоились на тазу, фаланги пальцев левой кисти собраны «в горсть» и обращены в обратную сторону, к локтевой части. Ноги вытянуты прямо, носки заде-

вали южную стенку гроба. Анатомический анализ костей показал аномальную несомкнутость первого шейного позвонка *атланта*, абсцесс двух премоляров нижней челюсти [Срубéзу, 2014, р. 224–225], а также ярко выраженную вертикальную черту в надгубной части черепа — возможный признак сифилитического менингита [Болезни нервной системы, 2003, с. 370–378].

Рис. Материалы якутских погребений позднего средневековья (XVII–XVIII вв.) Эбюгэ I–II, Соболах (Нелегер), открытых в 2014 г. Международной Саха-французской археологической экспедицией в Оймяконском районе Республики Саха (Якутия):

1, 2, 11, 12, 13, 14, 23, 27, 30, 31, 32, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 50, 51, 52, 53 — Эбюгэ II; 3, 10, 15, 16, 22, 24, 26, 33, 34, 44, 45, 46, 47, 48, 49 — Эбюгэ I; 4, 5, 6, 7, 8, 9, 17, 18, 19, 20, 21, 25, 28, 29 — Соболах (Нелегер).

От головного убора остались только вертикальные следы бисерного орнамента на затылочной части и мелкая бронзовая пронизка с продетым сквозь нее кожаным шнурком (рис., 37). Можно предположить, что, как и в погребении Эбюгэ I, уши шапки были расшиты изнутри и подвязывались либо на подбородке, либо на затылке. Остатки верхней наплечной одежды представлены небольшим куском плотной оленьей кожи мехом наружу с тремя бронзовыми гирьковидными подвесками с синими бусинами (рис., 30–32). Еще четыре бронзовые пуговицы в форме шляпки с прямоугольным ушком (рис., 11–14), а также синие бусины (рис., 1, 2) отмечены в области груди справа. В районе тазовых костей рассыпан (фиксировался в виде прямоугольного следа) бисер белого, синего и темно-синего (черного) цветов, вероятно, от декора набедренного пояса. Рядом обнаружены медное кольцо от натазника (рис., 23) и проржавевшая половинка железной пряжки ремня (рис., 43). Расслоившиеся фрагменты железных предположительно прямоугольной формы (панцирной?) пластины и запястного щитка типа якутского *далсы* (?) лежали на груди.

Сопроводительный инвентарь погребения более выразителен: в ногах лежал перевернутый вверх дном железный клепаный котелок трапецевидной формы (рис., 52) с остатками мясной пищи (тризны?), под ним — железные асимметричные конские удила (рис., 27). У восточной стенки положено традиционное якутское колюще-рубящее оружие *батас* (рис., 53) в деревянной рукояти, длина железного клинка с черенком 62 см. Под батасом — разрозненные части сложносоставного лука длиной 173 см (як. *ох саа*) северного (тунгусо-маньчжурского) типа [Васильев, 1995, с. 66]. Рядом находился плохо сохранившийся колчан из продымленной лосиной кожи (як. *саадах*) с четырьмя ржавыми и расслоившимися железными наконечниками стрел: тремя ромбовидной (рис., 39–41) и одним — шиловидной (усеченно-ромбовидной?) (рис., 38) формы длиной 7–9 см, шестью древками длиной около 60 см (вероятно, изначально было семь стрел). Наконечники относятся к типу плоских черешковых копьевидных безжелобчатых асимметрично-ромбовидной формы [Гоголев, 1993, табл. XXIII, XLVII]. В области левого бедра найдены нож и остатки плети (?) в виде рукояти с железным кольцом (рис., 35, 36). В коленях — колчаный крючок [Васильев, 1995, с. 72] (рис., 42).

В 2014 г. погребение датировано в лаборатории Beta Analytic Inc. (Флорида, США) радиоуглеродным методом 220±30 л.н. (Beta-391538). Калибрование с вероятностью 95,4 % показало три допустимых интервала — 1640–1690 г. (36,7 %), 1730–1810 г. (44,5 %) и 1930–1960 г. (14,2 %)⁴. Мы склонны отдать предпочтение первому интервалу, поскольку это более соответствует обнаруженным археологическим материалам.

Соболох (Нелегер)

Булгуннях удален от памятника Эбюгэ II на 640 м к юго-востоку, от п. Берег-Юрдэ — на 4 км к юго-западу. Название дано по ближайшим топонимам — ручью *Соболох* (як. «карасевое [водоем, озеро]») и озеру *Нелегер* (як. «просторное, плоское [пространство]»). Житель п. Берег-Юрдэ краевед Александр Васильевич Кривошапкин сообщил, что, по легенде, здесь похоронена некая удаганка (шаманка), но конкретные факты ему неизвестны. Могильный провал хорошо различим на поверхности, имеет прямоугольную форму, размеры 227×100 см, глубину до 20 см, ориентирован в направлении северо-запад — юго-восток. На месте провала имелось листовничное (?) корневище высотой 12 см. При расчистке могильное пятно не проявилось. Могильная конструкция представляет собой листовничный ящик-гроб (як. *холбо*) продолговатой формы размерами 205–215×65–72×28–35 см (глубина залегания 65–80 см) из ошкуренных горбылей толщиной 9–11 см — шести продольных, уложенных в три венца, и четырех поперечных — в два, скрепленных друг с другом вставкой подтесанных треугольных концов поперечных стенок в соответствующие пазы продольных. Крышка и днище гроба состоят из трех тесаных плах, крышка без какого-либо наружного покрытия. Дополнительно гроб подпирался четырьмя колышками, двумя с северной и двумя с южной стороны, толщиной 3–5 см. Внизу у южной стенки была положена узкая дощатая плаха длиной 120 см, видимо использовавшаяся в качестве настила при подготовке ямы к погребальной церемонии.

Внутри гроба покоилась женщина 35–45 лет, с приплюснутым лицом, крупного телосложения, частично мумифицированная, ростом 158 см. Неестественно плоская деформация затылка черепа объясняется известной из этнографических описаний быта якутов XVIII–XIX вв. традицией у малоимущих семей класть в младенчестве под голову ребенку деревянную колодку (до-

⁴ При калибровании использовалась программа OxCal v.3.10.

щечку) вместо подушки. Погребенная лежала на спине, голова с опущенной нижней челюстью слегка завалена на правую сторону, левая рука покоилась вдоль тела, правая — на тазу. Ноги с согнутыми коленями разведены в противоположные стороны (растопырены), упирались в боковые стенки гроба, что создает впечатление позы полуприседания. В отличие от погребения Эбюгэ I, подобное нестандартное трупоположение не обусловлено размерами погребальной камеры, поскольку ее длина составляет 187 см. Аналогии такому трупоположению в других якутских погребениях неизвестны. Предполагается, что эта поза могла быть связана с последствиями остеоартроза — затяжного воспалительного процесса большинства суставов. Кроме того, у покойной отмечена флегмона нижнечелюстного отдела (гнойное воспаление левого резца), приведшая к развитию остеомиелита, что, возможно, и послужило причиной смерти [Crubézy, 2014, p. 263].

Обращает на себя внимание, что верхняя наплечная одежда женщины была надета наизнанку. В этой связи стоит указать на замечание Е.Д. Прокофьевой о случаях использования шаманами при камлании женской наплечной одежды, а иногда своей собственной, бытовой, вывернутой наизнанку [Прокофьева, 1971, с. 6]. В качестве подстилки служила оленья доха (шуба?) до уровня колен, мехом наружу и внутрь, в подголовник в качестве подушки положили свернутый в несколько раз мех росомахи.

Покойная была облачена в вывернутое наизнанку двойное декорированное кожаное пальто с оборкой. Основу составляла тонкая выделанная конская кожа без меха, отороченная с наружной стороны соболиным мехом по краю и декорированная расшитым бисерным орнаментом с гирьковидными бронзовыми подвесками (рис., 29). Внутренняя часть пальто от плеч до щиколоток подбита белым заячьим мехом, возможно, в сочетании с оленьим (?), нижняя оторочка шла без подклада. Детали одежды — четыре бронзовые гирьковидные пуговицы (рис., 6–9), белая бусина (рис., 4), а также два литых медных кольца с рогообразными ответвлениями в виде конских голов, одно из которых (у правого плеча) предельно схематизировано (рис., 25), а второе (у левого бедра), пришитое наверху к кожаному фрагменту пальто (рис., 28), в точности повторяет облик изделия из погребения Эбюгэ I. И spodняя одежда женщины представляла собой, по-видимому, тонкую короткую рубашку с рукавами выше локтя, натазниками и ноговицами (як. *салдыя*) из выделанной конской кожи без меха. Чулки (носки) из заячьей шкуры мехом вовнутрь доходили до щиколоток. В кожаную обувь были вложены травяные (камышовые) стельки.

Головной убор — зимняя шапка-капор чепчиковидного покроя, комбинированная из четырех полосок. Передняя часть выполнена из меха росомахи, верхняя — из соболя, затыльник — из конской шкуры с меховым покроем, окантовка и внутренний подклад из тарбаганьего (сусличьего) меха. Кантик шапки обшит разноцветным бисером, но выяснить характер орнамента не удалось. Шапки такого типа (як. *бэргэхэ*) бытовали в северных районах Якутии до начала XX в. [Гаврильева, 1998, с. 22–23]. Примечателен факт употребления тарбаганьего меха — в Центральной Якутии считалось, что ношение его женщинами может привести к бесплодию. На шее — замкнутый меховой ворот (боа) из соболиных хвостов (як. *моойторук*).

Из личных вещей отмечена пара классических ушных серег (*ытарга*), состоящих из чередования шести крупных белых бусин и четырех (?) опоясков черного бисера (7 шт.) (рис., 17, 18). Традиционное набедренное украшение *эттук симэгэ* (як.) представлено орнаментированной бронзовой трубчатой игольницей (як. *иннэлик*), увенчанной литым плоским кольцом с точечной выбивкой (рис., 19) и двумя спусками из синих бусин на кожаном шнурке с медными литыми кольцами (рис., 20, 21), пронизкой квадратной формы с двумя белыми бусинами (рис., 5) и расщепленным железным огнивом (як. *хатат*). Три конских рубленых ребра (тризна) положены под голову, хотя по обыкновению клали в ноги. Под ступнями отчетливо выделялся округлый контур в виде мешковины из соболя диаметром 40 см.

Что касается возможного «удаганского» статуса погребения, то к факту вывернутой наизнанку верхней одежды можно добавить, что в большинстве известных нам версий легенд о предках оймьяконских якутов общим моментом является устойчивое высказывание об их явно шаманском происхождении — «Лэбиэрийэ-ойуун» (Лэбиэрийэ-шаман), «шаман Аан Чаачай», «шаман Килэгэс», а наиболее распространена легенда о женщине-шаманке (в отдельных сказаниях — мужчине) «Бордуулаах» [ИПРЯ, 1960, § 65, 98, 99, 102; Ксенофонтов, 1977, № 172, 173; Боло, 1994, с. 116–122]. Поэтому высказывание «об удаганке», возможно, употреблялось как синонимичное понятию «предок».

Общее и отличное в сравнении с другими погребениями Якутии

По совокупности признаков (ориентация положения тела и гроба, тип внутримогильной конструкции, наличие (отсутствие) берестяного покрытия крышки гроба, характер трупоположения, облик одежды и украшений, типология сопроводительного инвентаря) погребения Эбюгэ I–II соответствуют традиционным якутским погребениям рубежа XVII–XVIII вв., Соболах (Нелегер) — погребениям XVIII в. (см.: [Константинов, 1971; Гоголев, 1993; Серошевский, 1993; Гаврильева, 1998; Саввинов, 2001; Бравина, Попов, 2008; Носов, 2010; Мир древних якутов..., 2012; Бравина, Дьяконов, 2015]).

Медные литые кольца с рогообразными ответвлениями, заканчивающимися стилизованными изображениями конских голов (Эбюгэ I, Соболах), а также бронзовая шейная гривна (Эбюгэ I) идентичны (по облику, размерам, материалу) изделиям из женского погребения в колоде, обнаруженного в Бердигестяхском наслеге Горного района, датируемого XVIII в. [Гоголев, 1993, с. 110, табл. XXXIII, 4; XXXVI, 1, 5; Бравина, Попов, 2008, кат. № 1, 143]. В работе, посвященной сюжетам парных конских головок в культурах Якутии⁵, А.Н. Алексеев и Э. Крюбези отмечают стилизацию и «грифонообразный вид» этих головок, выделяя такие пряжки в особый тип, наряду с подвеской из местности Долуу Немюкютэ Мегино-Кангаласского района и костюмом из музея с. Оленек Оленекского района РС (Я). Специалисты усматривают в этих предметах свидетельство присутствия в этногенезе якутов хуннского культурного компонента, отдельные элементы которого сохранялись вплоть до позднего времени.

Круглые пластинчатые бляхи (*туосахта*), такие как в Эбюгэ I, регулярно встречаются в погребениях XVIII в. как составная часть головного убора [Бравина, Попов, 2008, с. 107]. Хотя детальная классификация не разработана, данные раскопок последних лет показывают их разнотипность по составу металла — железные⁶, бронзовые (медные) или серебряные; половозрастной принадлежности — мужские, женские или подростковые⁷; размеру — диаметр от 6,1 до 16,5 см; характеру наружной орнаментации или ее отсутствию; оформлению внутреннего кружочка — в виде дополительно припаянной с наружной стороны миниатюрной бляшки круглой или «шестереночной» формы либо путем ударно-точечной окантовки (также с наружной стороны) и др. Ушные серьги *ытарга* (Эбюгэ I, Соболах) и бронзовые гирьковидные пуговицы от одежды *чолчү* (Эбюгэ II, Соболах) представляют собой классический вариант таких изделий и заметных отличий от большинства остальных не имеют (см.: [Гаврильева, 1998; Саввинов, 2001; Носов, 2010; Петрова, Заболоцкая, 2013]). Сделанная из кости гирьковидная пуговица (Эбюгэ I) аналогична пуговице из погребения Сэлисэ Нюрбинского района вилюйской группы РС (Я) [Crubézy, 2007, p. 46].

Предметный состав сопроводительного инвентаря погребения Эбюгэ II (железные конские удила, походный клепаный котелок, сложносоставной лук северного типа, наконечники стрел, колчан и колчанный крючок) характерен для целого ряда мужских (и отчасти женских) якутских захоронений XVII–XVIII вв. не только Центральной Якутии, но и отдельных районов вилюйской группы, а также Верхоянья [Бравина, Попов, 2008, кат. № 1; Crubézy, 2010, p. 59–68; 2011, p. 85–93]. Предпринимавшуюся в свое время попытку установить «архаичность», например, железных котелков, ссылаясь на их относительную редкость, можно признать несостоятельной, так как при раскопках последних лет выявлено 22 случая их нахождения в мужских и два — в женских захоронениях конца XVI/начала XVII — середины XVIII в. [Бравина, Попов, 2008, с. 123; Мир древних якутов..., 2012, с. 100]. В известных нам сегодня объектах XIV–XV вв., таких как Атласовское I, Балыктах, Сергелях, Кердюген [Бравина, Дьяконов, 2015, с. 27–28], они не встречены. Обнаруженный в погребении *батас* типологически в большей степени близок к поздним вариациям XVIII в. [Гоголев, 1993, с. 148, рис. 15, а; Васильев, 1995, с. 93, табл. 4, рис. 2], нежели к ранним экземплярам из Балыктаха и Сергеляха [Дьяконов, 2015, рис. 249]. Что касается пуговиц в форме шляпки с прямоугольным ушком, то их появление специалисты связывают с более поздним периодом и влиянием русской культуры и аналоги им мы не встречаем на памятниках ранее XIX в.

Главным отличительным признаком рассмотренных захоронений является отсутствие деревянной погребальной посуды, предназначавшейся для хранения и употребления в быту про-

⁵ Автор благодарит директора ИГИИПМНС СО РАН д-ра ист. наук, проф. А.Н. Алексеева за возможность ознакомиться с рабочим вариантом совместной с Э. Крюбези работы «Сюжеты парных конских головок в культурах Якутии: древность и современность», находящейся в печати.

⁶ Единственный такой случай зафиксирован в погребении Кюереллях I в Верхоянском районе РС (Я) в 2011 г. [Crubézy, 2011, p. 81].

⁷ Погребение подростка в местности Ат-Дабан Хангаласского района РС (Я), обнаруженное в 1996 г. Н.П. Прокопьевым и С.К. Колодезниковым [Фонды МАЭ СВФУ им. М.К. Аммосова, КП-2, 330/3].

дуктов, как правило, из коровьего и реже — кобыльего молока, часто встречающихся даже в самых бедных захоронениях Якутии (наряду с ножом) [Бравина, Попов, 2008, с. 121–122]. Учитывая, наряду с данным фактом, что в качестве тризны в двух (трех?) случаях использовалась конина, можно говорить, видимо, о преобладании коневодства (либо его продуктов) над разведением крупного рогатого скота в Оймяконе в данный период. Это представляется довольно любопытным, так как часть фольклорных преданий связывает происхождение оймяконских якутов с приходом их мифического предка из Центральной Якутии на одном быке [Николаев, 1964, с. 182–184; Оймяконский улус..., 2006, с. 48]. По нашему мнению, это косвенно указывает на сравнительно позднее происхождение таких легенд в сравнении с возрастом выявленных погребений.

Заключение

Рассмотренные погребальные объекты имеют большую научную ценность, поскольку представляют, по-видимому, ранний пласт якутской истории Оймяконо-Индибирского региона и в целом Северо-Востока Якутии. Активные археологические исследования последних лет (2010–2014 гг.), в частности, в Верхоянском и Оймяконском районах РС (Я) не выявили средневековых памятников ранее XVII в. Значительная часть изученных погребений, в том числе арангасные (находящиеся в арктических улусах), относятся к XVIII–XIX вв. (см.: [Бравина, Попов, 2008; Бравина, 2013, 2015; Кирьянов, 2011, 2015]).

Заметный интерес к этим захоронениям вызывает то, что в них погребены явно не рядовые члены общества. Это можно констатировать по следующим наблюдениям: 1) избрание в качестве мест упокоения самых примечательных возвышенностей территории — булгунняхов, причем данные булгунняхы единственные в округе в пределах 1- и 2-го Борогонского наслегов [Топографические карты России..., 2004]; 2) их одиночное («персонализированное») расположение; 3) сохранившийся топоним *эбюгэ* у местного населения; 4) наличие орнаментированных прошитых берестяных покрывал погребений *Эбюгэ* I–II. Последнее обуславливается значительной редкостью березы (наряду с другими лиственными) на северо-востоке Якутии — только 1 % (!) от общей площади распространения северо-восточной подпровинции бореальной растительной зоны (см.: [Тимофеев, 2003; Почвы Якутии, 2009]). За всю историю раскопок раннеякутских погребений региона это только второй случай (первый был отмечен в уже упомянутом захоронении Кюереллях I в Верхоянском районе в 2011 г. [Crubézy, 2011, p. 86]).

Подводя итог, можно заключить, что новейшие данные археологических раскопок якутских погребений Оймяконского района и всего Северо-Востока Якутии (2010–2015 гг.) согласуются в основном с известными нам архивными, фольклорными и топонимическими сведениями и свидетельствуют о заселении якутами северных периферийных окраин на рубеже XVII–XVIII вв. Вещи и предметы из оймяконских захоронений типологически и хронологически близки материалам других погребений Якутии, а отличия не носят принципиального характера.

Благодарности

Автор выражает глубокую благодарность д-ру медицины, проф., директору лаборатории AMIS Университета III г. Тулузы им. Поля Сабатье Эрику Крюбези (Pr. Eric Crubézy, University of Paul Sabatier Toulouse III) за возможность публикации материалов данных погребений и использования полевых отчетов экспедиции. Автор признателен д-ру ист. наук, проф., завсектором археологии ИГИИПМНС Розалии Бравиной и научному сотруднику сектора канд. ист. наук Виктору Дьяконову за возможность использования в работе их полевых отчетов и помощь в калибровании даты, сотрудникам МАЭ СВФУ — директору Лилии Алексеевой, замдиректора Александру Степанову, главному хранителю Эдуарду Жиркову, аспирантке СВФУ и докторанту Университета III г. Тулузы им. Поля Сабатье Л.Г. Романовой, канд. ист. наук С.К. Колодезникову за ценные комментарии, замечания и правки при обсуждении этой работы. Фотографии и описание материалов сделаны совместно с Патрисом Жераром (Patrice Gérard) и Сильвией Дюшен (Sylvie Duchesne).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Отчеты

Бравина Р.И. Отчет об археологической разведке погребений позднего средневековья в Верхоянском районе Республики Саха (Якутия) за полевой сезон 2012 года. Рукоп. Якутск, 2013 // Архив ЯНЦ СО РАН. 64 с.

Якутские захоронения позднего средневековья в Оймяконье (XVII–XVIII вв.)...

Бравина Р.И. Отчет о проведении археологических исследований Институтом гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН в Оймяконском районе Республики Саха (Якутия) в 2014 году: В 2 т. Рукоп. Якутск, 2015 // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 42289. Т. I. 140 с.; № 42290. Т. II. 214 с.

Дьяконов В.М. Отчет о работах Якутского отряда археологической экспедиции Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН на территории Городского округа «Город Якутск» Республики Саха (Якутия) в 2014 году: В 2 т. Рукоп. Якутск, 2015 // Архив ЯНЦ СО РАН. Т. 1. 247 с.; Т. 2. 169 с.

Кирьянов Н.С. Отчет о проведении археологических исследований на территории Верхоянского района Республики Саха (Якутия) в 2010 году. Рукоп. Якутск, 2011 // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 44432. 220 с.

Кирьянов Н.С. Отчет о проведении археологической разведки на территории Верхоянского района в 2011 году. Рукоп. Якутск, 2015 // Архив МАЭ СВФУ. 150 с.

Crubézy E. MAFSO. Mission Archéologique Française en Sibérie Orientale 2007. Rapport (рукоп., на фр. яз.). Université Paul Sabatier (Toulouse), FRE 2960 du CNRS. Toulouse, 2007 // Архив МАЭ СВФУ. 148 p.

Crubézy E. MAFSO — HUMAD. Human adaptation in Verkoyansk. Mission Archéologique Française en Sibérie Orientale 2010. Rapport (рукоп., на фр. яз.). Université Paul Sabatier (Toulouse III), Laboratoire AMIS-FRE 2960 du CNRS. Toulouse, 2010 // Архив МАЭ СВФУ. 152 p.

Crubézy E. MAFSO — HUMAD. Human adaptation in Verkoyansk. Mission Archéologique Française en Sibérie Orientale 2011. Rapport (рукопись, на фр. языке). Université Paul Sabatier (Toulouse III), Laboratoire AMIS-UMR 5288 du CNRS. Toulouse, 2011 // Архив МАЭ СВФУ. 150 p.

Crubézy E. HURASIE — 2014. Peuplements Humains et coévolution homme/milieu en Sibérie et dans la steppe euRASIE atique au cours de l'holocène (рукопись, на фр. языке). Université Paul Sabatier (Toulouse III), Laboratoire AMIS-UMR 5288 du CNRS. Toulouse, 2014 // Архив МАЭ СВФУ. 302 p.

Литература

Болезни нервной системы / Под ред. Н.Н. Яхно, Д.Р. Штульмана. 3-е изд. М.: Медицина, 2003. Т. 1. 868 с.

Боло Сээн (Дьячковский Дмитрий Иванович). «Лиэнэгэ нуучча кэлиэн иннинээги саха олого: Урукку Дьокуускай окурук сахаларын былыргыттан кэпсээннэринэн» (на якут. языке) [Прошлое якутов до прихода русских на Лену: По преданиям якутов бывшего Якутского округа]. Якутск: Бичик, 1994. 320 с.

Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: Памятники и традиции (XV–XIX вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 296 с.

Бравина Р.И., Дьяконов В.М. Раннеякутские средневековые погребения XIV–XVII вв.: Совокупность отличительных признаков // Сев.-вост. гуманитар. вестник. 2015. № 3 (12). С. 27–32.

Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов. Якутск: Бичик, 1995. 224 с.

Гаврильева Р.С. Одежда народа саха конца XVII — середины XVIII века. Новосибирск: Наука, 1998. 168 с.

Гляциологический словарь / Ред. В.М. Котляков. Л.: Гидрометеиздат, 1984. 464 с.

Гоголев А.И. Якуты: (Проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. 200 с.

Дьяконов В.М. Археологические памятники Оймяконского района Республики Саха (Якутия) // VIII Дьяковские чтения: Материалы науч.-практ. конф., посвященной 60-летию образованию Магаданской обл. Магадан, 2014. С. 87–89.

Исторические предания и рассказы якутов: В 2 ч. / Сост. Г.У. Эргис; Под ред. А.А. Попова; Отв. ред. Н.В. Емельянов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Ч. 1. 322 с.; Ч. 2. 360 с.

Константинов И.В. Материальная культура якутов XVIII века (по материалам погребений). Якутск: Якут. кн. изд-во, 1971. 212 с.

Ксенофонтов Г.В. Эллэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. М.: Наука, 1977. 276 с.

Мир древних якутов: Опыт междисциплинарных исследований (по материалам Саха-французской археологической экспедиции) / Под ред. Э. Крюбеси, А. Алексеева. Якутск: Изд-во СВФУ, 2012. 226 с.

Николаев С.И. Эвены и эвенки Юго-Восточной Якутии. Якутск: Якуткнигиздат, 1964. 204 с.

Носов М.М. Одежда и украшения якутов XVII–XX вв. Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2010. 96 с.

Оймяконский улус: История, культура, фольклор. Сер. Улусы Республики Саха (Якутия). Якутск: Бичик, 2006. 256 с.

Парникова А.С. Расселение якутов в XVII — начале XX вв. Якутск: Якуткнигиздат, 1971. 152 с.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. 2-е изд. М., 1959. Т. I–III. 4658 стб.

Прокофьева Е.Д. Шаманские костюмы народов Сибири // СМАЭ. Л., 1971. Т. XXVII. С. 5–100.

Петрова С.И., Заболоцкая З.М. Народная одежда якутов. Новосибирск: Наука, 2013. 460 с.

Почвы Якутии / Р.В. Десяткин, М.В. Оконешникова, А.Р. Десяткин. Якутск: Бичик, 2009. 64 с.

Саввинов А.И. Традиционные металлические изделия якутов: XIX — начало XX века: (Историко-этнографическое исследование). Новосибирск: Наука, 2001. 172 с.

- Сафронов Ф.Г. Якуты: Мирское управление в XVII — начале XX вв. Якутск: Якгиз, 1987. 127 с.
Серошевский В.Л. Якуты: Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 1993. 714 с.
Тимофеев П.А. Деревья и кустарники Якутии. Якутск: Бичик, 2003. 64 с.
Токарев С.А. Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. Якутск: Якут. гос. изд-во, 1945. 416 с.
Топографические карты России: Оймьякон. М 1:200 000. Якутск: Якут. аэрогеодезич. предпр., 2004. 2 с.

N.S. Kiryanov

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University
Belinsky st., 58, Yakutsk, 677027, Russian Federation
E-mail: ns_kiryanov@bk.ru

THE YAKUTIAN BURIALS OF THE LATE MIDDLE AGES IN OIMYAKON DISTRICT (THE 17th–18th CENTURIES) (INDIGIRKA, NORTH-EASTERN YAKUTIA)

For the first time, this paper reports on and describes the data on three Yakutian burials of the Late Middle Ages (the 17th–18th centuries): Ebyuge I-II and Sobolokh (Neleger), discovered during research work of the International Sakha-French archaeological expedition in 2014 in Oimyakon district of the Republic of Sakha (Yakutia) (basin of the upper reaches of the Indigirka river). Before the beginning of the expedition, the Medieval (pre-literate) history of the entire North-East of Yakutia was mainly based on the data on folklore, toponymy, and certain archival documents, according to which the settlement of those territories by the Yakuts, probably, dates back to the period of internecine wars of the 16th–17th centuries. However, certain archaeological monuments of that period were not known. The analysis of the discovered objects and items shows their chronological and typological affinity with the data on the monuments of the 17th–18th centuries, belonging not only to Central Yakutia, but also to its other districts — Vilyuysky and Verkhoyansky. The only noticeable difference of the Oimyakon monuments from the others is its lack of funerary dishes, a usual attribute of almost all known Yakutian burials. This fact could be a result of the predominance of horse breeding (its products) over cattle breeding during that period in Oimyakon.

Key words: Oimyakon, Indigirka, North-Eastern Yakutia, the Sakha-French archaeological expedition, Ebyuge, Sobolokh (Neleger), burials, the Yakuts.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-033-043

REFERENCES

- Bolo Sehen (D'iachkovskii Dmitrii Ivanovich), 1994. *Proshloe iakutov do prikhoda russkikh na Lenu: Po predaniyam iakutov byvshego iakutskogo okruga* [The past of the Yakuts before the Russian inhabitation of the Lena river area], Iakutsk: Bichik, 320 p.
- Bravina R.I., Popov V.V., 2008. *Pogrebal'no-pominal'naia obriadnost' iakutov: Pamiatniki i traditsii (XV–XIX vv.)* [The mortuary rites of the Yakuts: The memorials and traditions (15–19th centuries)], Novosibirsk: Nauka, 296 p.
- Bravina R.I., D'iaikonov V.M., 2015. Ranneiakutskie srednevekovye pogrebeniia XIV–XVII vv.: Sovokupnost' otlichitel'nykh priznakov [The early Yakutian burials of 16–17th centuries: A combination of distinctive features]. *Severo-vostochnyi gumanitarnyi vestnik*, no. 3 (12), pp. 27–32.
- Crubezy E., Alexeev A.N., 2012, (ed.). *Mir drevnikh yakutov: Opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy (po materialam Sakha-frantsuzskoy arkheologicheskoy ekspeditsii)* [The world of the ancient Yakuts: An interdisciplinary research (data of the Sakha-French archaeological expedition)], Yakutsk: Izd-vo SVFU, 226 p.
- Desiatkin R.V., Okoneshnikova M.V., Desiatkin A.R., 2009. *Pochvy iakutii* [The soils of Yakutia], Iakutsk: Bichik, 64 p.
- D'iaikonov V.M., 2014. Arkheologicheskie pamiatniki Oimyakonskogo raiona Respubliki Sakha (Iakutiia) [Archaeological monuments of Oimyakon district of the Republic of Sakha (Yakutia)]. *VIII Dikovskie chteniia: Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 60-letiiu obrazovaniu Magadanskoj oblasti*, Magadan, pp. 87–89.
- Emel'ianov N.V., Ergis G.U., Popov A.A., 1960, (ed.). *Istoricheskie predaniia i rasskazy iakutov: V 2 ch.* [Historical legends and stories of the Yakuts], Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, Ch. 1, 322 p.; Ch. 2, 360 p.
- Gavril'eva R.S., 1998. *Odezhdа naroda sakha kontsa XVII — serediny XVIII veka* [The costumes of the Sakha people of the late 17th — the middle of 18th centuries], Novosibirsk: Nauka, 168 p.
- Gogolev A.I., 1993. *Iakuty: (Problemy etnogeneza i formirovaniia kul'tury)* [The Yakuts: (An issue of culture formation and ethnogenesis)], Iakutsk: YaGU, 200 p.
- Iakhno N.N., Shtul'man D.R., 2003, (ed.). *Bolezni nervnoi sistemy* [Disorders of the nervous system], vol. 1, Moscow: Meditsina, 868 p.
- Konstantinov I.V., 1971. *Material'naia kul'tura iakutov XVIII veka (po materialam pogrebenii)* [The material culture of the Yakuts of the 18th century (a case study of the burials)], Iakutsk: Iakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 212 p.

Якутские захоронения позднего средневековья в Оймяконье (XVII–XVIII вв.)...

- Kotliakov V.M., 1984, (ed.). *Glaciologicheskii slovar'* [The glaciological dictionary]. Leningrad: Gidrometeoizdat, 464 p.
- Ksenofontov G.V., 1977. *Ellejada: Materialy po mifologii i legendarnoi istorii iakutov* [Elleyada: Materials on the mythology and legendary history of the Yakuts], Moscow: Nauka, 276 p.
- Nikolaev S.I., 1964. *Eveny i evenki lugo-Vostochnoi Iakutii* [The Evens and the Evenkis of South-Eastern Yakutia], Iakutsk: Iakutknigizdat, 204 p.
- Nosov M.M., 2010. *Odezhda i ukrasheniia iakutov XVII–XX vv.* [The Yakutian clothes and jewelry of the 17–20th centuries], Iakutsk: YaNC SO RAN, 96 p.
- Parnikova A.S., 1971. *Rasselenie iakutov v XVII — nachale XX vv.* [Resettlement of the Yakuts in the 17 — early 20th century], Iakutsk: Iakutknigizdat, 152 p.
- Pekarskii E.K., 1959. *Slovar' iakutskogo iazyka* [The Yakut language dictionary], vol. 1–3, Moscow, 4658 columns.
- Petrova S.I., Zabolotskaia Z.M., 2013. *Narodnaia odezhda iakutov* [The folk costume of the Yakuts], Novosibirsk: Nauka, 460 p.
- Prokof'eva E.D., 1971. *Shamanskii kostiumy narodov Sibiri* [The shamanic costumes of the peoples in Siberia]. *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii AN SSSR*, vol. XXVII, Leningrad, pp. 5–100.
- Safronov F.G., 1987. *Iakuty: Mirskoe upravlenie v XVII — nachale XX vv.* [The Yakuts: Common administration in the 17 — early 20th centuries], Iakutsk: Iakgiz, 127 p.
- Savvinov A.I., 2001. *Traditsionnye metallicheskie izdeliia iakutov: XIX — nachalo XX veka: (Istoriko-etnograficheskoe issledovanie)* [Traditional metallic products of the Yakuts: the 19 — early 20th centuries], Novosibirsk: Nauka, 172 p.
- Seroshevskii V.L., 1993. *Iakuty: Opyt etnograficheskogo issledovaniia* [The Yakuts: An ethnographic research], Moscow: ROSSPEN, 714 p.
- Timofeev P.A., 2003. *Derev'ia i kustarniki Iakutii* [Trees and shrubs of Yakutia], Iakutsk: Bichik, 64 p.
- Tokarev S.A., 1945. *Obshchestvennyi stroi iakutov XVII–XVIII vv.* [The social system of the Yakuts of the 17–18th centuries], Iakutsk: Iakutskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 416 p.
- Vasil'ev F.F., 1995. *Voennoe delo iakutov* [The military art of the Yakuts], Iakutsk: Bichik, 224 p.

АНТРОПОЛОГИЯ

Р.И. Бравина*, **В.М. Дьяконов***, **Д.М. Петров***, **Е.Н. Соловьева***,
В.В. Сыроватский*, **А.Н. Багашев****, **О.Е. Пошехонова****, **С.М. Слепченко****,
Д.И. Ражев**, **Е.А. Алексеева****, **А.В. Зубова*****, **Я.В. Кузьмин******

*Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, Якутск, 677027, РФ

E-mail: bravinari@bk.ru; dyakonov_vm@rambler.ru; dmpetrov-92@mail.ru;
lenasolo05@mail.ru; syrovatskiy123@gmail.com

**Институт проблем освоения Севера СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026, РФ

E-mail: bagashev@mail.ru; poshehonova.olg@gmail.com; s_slepchenko@list.ru;
rajevd0@gmail.com; alekseeva.elena.ae@gmail.com

***Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, РФ

E-mail: zubova_al@mail.ru

****Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН
просп. Акад. Коптюга, 3, Новосибирск, 630090, РФ

E-mail: kuzmin@fulbrightmail.org

ЖЕНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ XVII в. АТЛАСОВСКОЕ-2 ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЯКУТИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Представлены данные комплексного исследования женского захоронения XVII в. Атласовское-2 из Центральной Якутии. Особенность объекта заключается в обряде захоронения (следы ритуального обжига колоды, ориентировка на север) и составе предметов сопроводительного инвентаря (нож якутского происхождения, сфероконическое навершие головного убора с подставкой для плюмажа, парные накладные декоративные детали тульи головного убора, составное нагрудное панно из нашивных бляшек, серьга в виде знака вопроса с биконической бусиной-нанизкой), ближайшие параллели которым прослеживаются в культурах средневековых кочевников степной и лесостепной полосы Евразии, а также у населения лесной и лесотундровой зон Сибири XVI–XIX вв. Краниологические особенности погребенной сближают ее с представителями популяций центрально-азиатского и байкальского антропологического типов североазиатской формации.

Ключевые слова: *Центральная Якутия, позднее средневековье, погребальные памятники, погребение Атласовское-2, якуты, краниометрия, антропологический тип, рентгеноспектральный анализ, товарообмен.*

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-044-063

Введение

Женское погребение XVII в. Атласовское-2 было случайно обнаружено жителем г. Якутска Е. Захаровым на южной окраине города, в 9,65 км от его центра, при рытье ям для столбов забора на дачном участке СОТ Министерства образования Республики Саха (Якутия), в 120 м восточнее Ботанического сада Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова¹. О находке хозяин участка сообщил в сектор археологии ИГИИПМНС СО РАН. Раскопки погребения были проведены в сентябре 2014 г. Якутским отрядом археологической экспедиции ИГИИПМНС СО РАН. Данное погребение уникально среди якутских погребальных памятников как по обряду захоронения, так и по составу сопроводительного инвентаря, часть которого не характерна для традиционного якутского предметного комплекса. В программу междисципли-

¹ В 2003 г., в 263 м к югу-юго-западу от этого погребения, на территории Ботанического сада ЯГУ (ныне СВФУ), в схожих обстоятельствах было случайно найдено средневековое захоронение кулун-атахской культуры XIV–XVI вв., названное Атласовским-1 [Дьяконов, Афанасьев, 2004; Дьяконов и др., 2014; Багашев и др., 2016].

Женское погребение XVII в. Атласовское-2 из Центральной Якутии...

нарного изучения погребения Атласовское-2 вошли антропологические исследования, в том числе восстановление внешности погребенной, радиоуглеродное датирование, компьютерная томография и рентгеноспектральный микроанализ артефактов.

Условия обнаружения и датировка погребения

Местность в районе погребения представляла собой типичный кырдал — сухую межозерную возвышенность высотой 3 м (98 м по балтийской системе), окруженную ложбинами высохших водоемов и старицами из системы Атласовских озер, расположенных в центре ленской долины Туймаада. В месте обнаружения погребения был разбит раскоп размером 2×3 м, его глубина составила 71–83 см. Могильная яма длиной 230 см, шириной 52–62 см имела подпрямоугольную форму с неровными краями и округленными углами. На глубине 35–46 см от дневной поверхности была выявлена крышка гроба.

Гроб представляет собой деревянную колоду, ориентированную по оси север — юг, внутри которой находился костяк женщины, лежавшей вытянуто на спине, головой на север. Смещение верхней части скелета вправо объясняется вероятным размещением тела с опорой спиной на западную стенку колоды, т.е. вполоборота (рис. 1). В процессе тафономических изменений тело приняло горизонтальное положение. Кисть левой руки погребенной лежала в районе таза. Правая рука была согнута в локте, слегка высывавшемся из колоды, а кисть покоилась в районе живота. Противоположная изголовью часть колоды была повреждена (разрезана плугом?), а яма для столба забора разрушила колоду ровно посередине. Длина колоды 212 см, ширина 33–44 см, высота 21–32 см. Колода имела снаружи следы воздействия огня в виде обугленности.

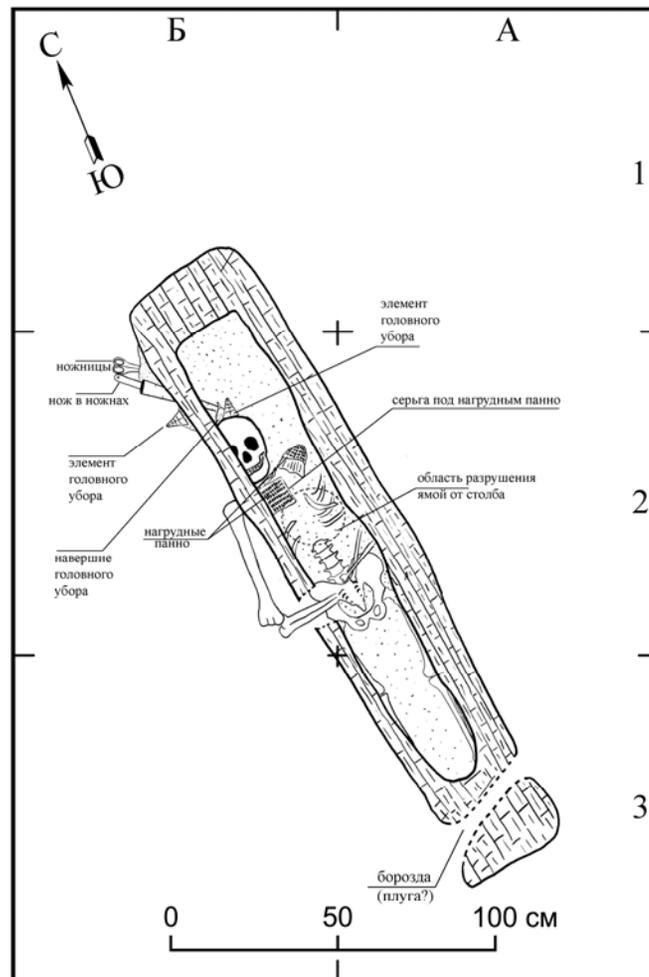

Рис. 1. План погребения Атласовское-2.

В могильном заполнении, у изголовья, на уровне крышки колоды, были найдены железные удила с кольчатыми псалиями-трензелями (рис. 2, 7), а у изножья — железное стремя (рис. 2, 6). На дне могильной ямы, с внешней стороны западной стенки, в районе головы, располагались железные, так называемые «овечьи» ножницы (рис. 2, 5) и железный нож с костяной рукояткой в берестяных ножнах (рис. 2, 1–4).

У черепа, в области темени, найдено сфероконическое навершие головного убора с выполненным методом чеканки сложным спиралевидным орнаментом и отверстием посередине, на которое была припаяна или приклеена металлическая втулка для крепления плюмажа (рис. 3, 2). С обеих сторон головы найдены две металлические подтреугольные фигурные пластины с отчеканенным на них сложным орнаментом (рис. 3, 1). В области груди обнаружены парные кожаные нагрудные панно с нашитыми на них металлическими фигурными бляшками (рис. 3, 4), под панно располагалась крупная проволочная серьга в виде знака вопроса с бусиной-нанизкой из цветного металла с костяной сердцевинкой внутри (рис. 3, 3).

Для погребения получены три радиоуглеродные даты: две в радиоуглеродной лаборатории Института мерзлотоведения СО РАН им. П.И. Мельникова (г. Якутск) по бензолно-сцинтилляционному методу, одна в Университете Джорджии (г. Афины, шт. Джорджия, США) методом ускорительной масс-спектрометрии (AMS). По образцу древесины от гроба определена дата 270 ± 120 л.н. (MPI-60), имеющая большую среднеквадратичную ошибку измерения. По образцу кости человека получена дата 245 ± 135 л.н. (MPI-61), также имеющая значительную большую среднеквадратичную ошибку. Это обстоятельство не позволяет использовать даты якутской лаборатории для установления хронологии памятника. Дата, полученная методом AMS, — 245 ± 20 л.н. (UGAMS-21813). Калибровка даты для $\pm 2\sigma$ (вероятность 95,4 %) — 1640–1960 гг. н.э. Внутри этого интервала находятся три отрезка: 1640–1670 гг. (69,8 %), 1780–1800 гг. (23,6 %), 1940–1960 гг. (2 %). Наиболее вероятен первый, указывающий, что погребение совершено в середине XVII в.

Таким образом, определение радиоуглеродного возраста с помощью AMS метода позволяет отнести погребение Атласовское-2 к 1640–1670 гг. — времени, когда в долине Туймаада был построен Ленский острог первого якутского воеводы Петра Головина (1643 г.).

Характеристика сопроводительного инвентаря погребения

Удила. Конские удила плохой сохранности, фрагментарны ввиду сильной коррозии, местами полностью разрушившей их целостность. Судя по остаткам, грызло состояло из двух стержней, подвижно скрепившихся между собой (рис. 2, 7). Длина сохранившихся частей стержней грызла 8,8 и 10,5 см. Толщина фрагментов стержней 1,0–1,3 см. Массивные круглые трензеля также сохранились фрагментарно. Внешний диаметр уцелевшей части трензелей 8,0–8,3 см, внутренний — 5,5–6,0 см. Толщина сохранившейся части трензелей 1,0–1,5 см.

Стремя. Железное конское стремя полуовальной формы имеет плоскую широкую подпрямоугольную, слегка закругленную подножку (рис. 2, 6). Верхняя часть дужки оформлена цельной расплющенной подтрапециевидной пластиной с прямоугольной прорезью для крепления стремени к путлицу. Дужки по форме округлые. Поперечное сечение дужек прямоугольное. Стремя сохранилось почти полностью, но незначительно нарушена целостность подножки. Высота стремени (с ушком) 14 см, ширина (расстояние между боковыми дужками) 12 см. Размеры подножки 12×6 см. Проведенный в лаборатории физических и химических методов исследования Института геологии и геохимии им. акад. А.Н. Заварицкого УрО РАН (г. Екатеринбург) рентгеноспектральный анализ показал, что стремя изготовлено из железа с включением кальция, кремния, алюминия, магния, натрия, марганца, меди и некоторых других химических элементов. При этом содержание Ca и Si значительно выше в сплаве, из которого изготовлена подножка стремени.

Ножницы. Острия ножниц были направлены в сторону головы погребенной. Ушки ножниц имеют вытянуто-овальную форму (рис. 2, 5). Высота ушек составляет 9,0 см, ширина — 3,5 см, толщина — 0,9–1,0 см. Сохранность ножниц плохая, металл сильно окислен, целостность изделия нарушена, лезвия сохранились частично. Длина сохранившейся части лезвий 6,0 см, ширина — 2,0–2,5 см, толщина спаявшихся лезвий 1,7–2,0 см.

Нож. Металлическая основа ножа цельная, состоит из лезвия и рукояти (рис. 2, 2). Общая длина ножа, судя по данным компьютерной томографии (рис. 2, 3), составляет 29,2 см. Металлическая рукоять (хвостовик) имеет плоскую удлиненную прямоугольную форму и слегка округ-

Женское погребение XVII в. Атласовское-2 из Центральной Якутии...

ленные углы (рис. 2, 4). Клинок ножа имеет прямой обушок и плавно сужается к острию. Ширина хвостовика 2,3 см, толщина — 0,3–0,5 см, длина — 15 см. Длина клинка составляет 14,2 см, ширина у основания — 2 см, в середине — 1,5 см.

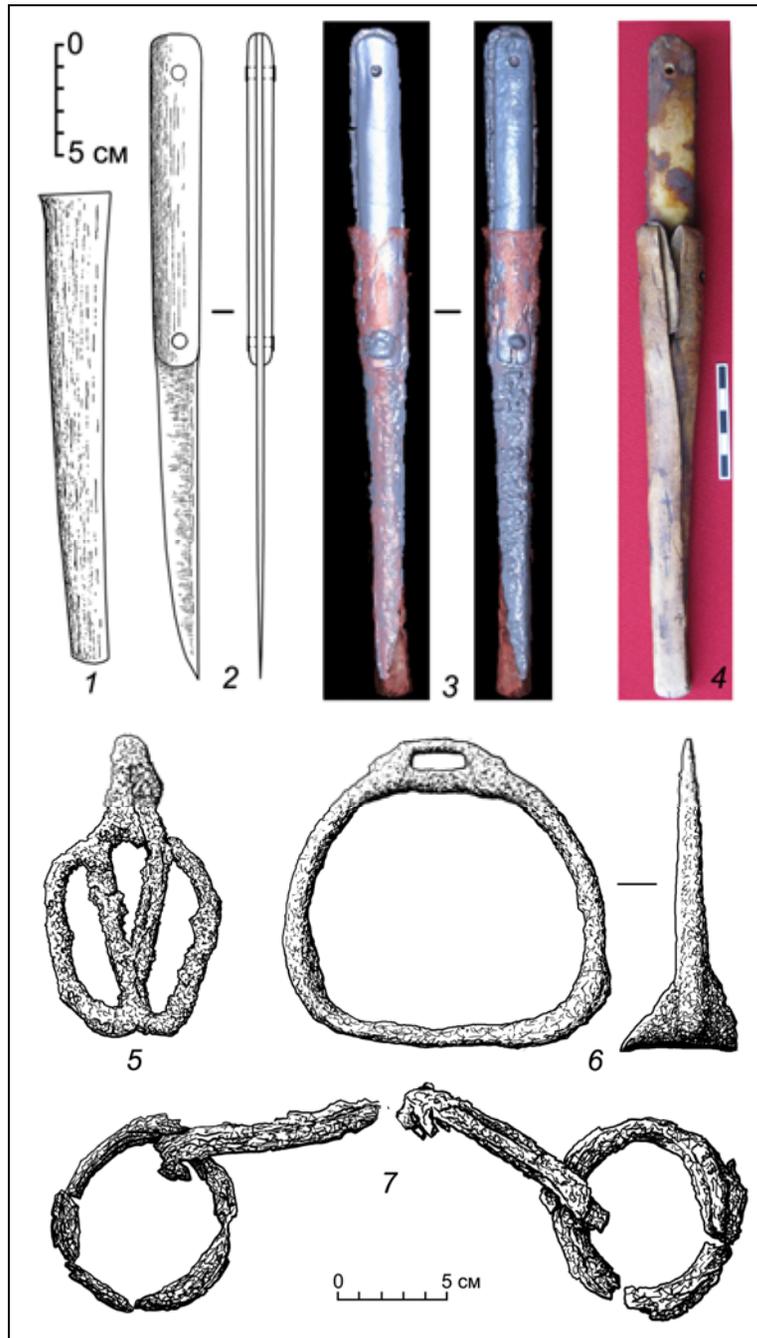

Рис. 2. Сопроводительный инвентарь погребения Атласовское-2:

1 — берестяные ножны; 2 — нож; 3 — компьютерная томограмма ножа в ножнах; 4 — фотография ножа в ножнах; 5 — ножницы; 6 — стреля; 7 — удила.

Костяные накладки на рукоять ножа представлены отшлифованными пластинами прямоугольной формы со слегка закругленными краями. В верхней и нижней части накладок имеется по одному круглому крепежному отверстию, через которые пластины были приклепаны к металлической основе при помощи железных клепок-шпеньков (рис. 2, 3). Длина обеих накладок 14,9–15 см, ширина — 2,2 см, толщина — 0,3 см.

Берестяные ножны ножа выполнены из цельного куска бересты (рис. 2, 1). Боковые края ножен соединяются внахлест. Следов шитья ножен не имеется; вероятно, соединяющиеся края бересты проклеивались. Нижняя часть ножен ровно подрезана, верхняя часть оформлена подгибанием бересты вовнутрь. По бокам ножен в районе устья имеются два диаметрально расположенных отверстия, предназначенных для крепления ножен к поясу, что позволяет отнести данное изделие к поясному типу ножей. Длина берестяных ножен 21,4 см, ширина в районе устья — 3,3 см, ширина концевой части — 1,7 см. Сохранность ножен и костяных накладок рукояти, в отличие от металлической основы, хорошая.

Нагрудное панно. Нагрудные панно наплечной одежды, каждое из которых является зеркальным отражением другого, состоят из кожаной основы и нашитых на нее бляшек (103 шт.) (рис. 3, 4). Ширина кожаной основы панно составляет 10,9 см, длина — 11,4 см, толщина — 0,25 см. Верхний слой кожаной основы имеет вшивной кожаный кант, пришитый потайными стежками. Ширина канта 0,35 см. Сохранность кожаной основы одного панно удовлетворительная, другого — плохая.

Каждое панно представляет собой сложную композицию из пяти горизонтальных и двух вертикальных рядов, состоящих из двух-, трехполушарных, лапчатых и квадратных с «жемчужинами» металлических накладок (бляшек). Порядок композиционного расположения рядов бляшек на панно зеркален по отношению друг к другу. Все накладки, за исключением квадратных, нашиты на кожаную основу с помощью сухожильной нити, пропущенной через перехваты между сегментами накладок.

В лаборатории отдела физико-химического метода анализа Института геологии алмаза и благородных металлов СО РАН (г. Якутск) С.К. Поповой был проведен рентгеноспектральный микроанализ некоторых металлических изделий из погребения Атласовское-2. В результате анализа можно сделать заключение, что все детали нагрудного панно, за исключением трехполушарных железных накладок из пятого ряда, выполнены из медно-оловянно-свинцового сплава. При этом трехчастные полушарные нашивные бляшки и квадратные бляшки с «жемчужинами» изготовлены из сплава меди и свинца на основе олова, а остальные детали — из сплава олова и свинца на основе меди (оловянная бронза).

Серьга. Серьга в виде знака вопроса с крупной биконической бусиной-нанизкой была обнаружена в области груди погребенной под кожаными нагрудными панно (рис. 3, 3). Стержень серьги выполнен из протянутой проволоки, сделанной из оловянной бронзы. Основу сплава составляет медь, легирующие компоненты — свинец и олово. Сердцевина бусины изготовлена из органического материала, скорее всего кости. Наружная часть бусины выполнена из сплава свинца и меди на основе олова. Общая длина серьги 10,2 см. Толщина стержня 0,2 см. Диаметр бусины в средней части 1,35 см, высота 2,25 см.

Навершие головного убора. Навершие состоит из детали усеченной сфероконической формы и крепившейся к ней цилиндрической втулки (рис. 3, 2в). Деталь навершия усеченной сфероконической формы изготовлена методом пуансонной (?) чеканки и украшена по всему периметру декоративным выпуклым орнаментом (рис. 3, 2а). Высота детали 2,7 см. Диаметр основания 7 см, диаметр верхней части 2 см. Толщина металла 0,06 см. Поверхность детали имеет неоднородный золотистый цвет, вероятно, вследствие использования позолотной бронзы (сплав меди, свинца и олова). Поверхность навершия в нижней части украшена композицией из зоо- и фитоморфных изображений — четырех чередующихся спиралевидных фигур типа «бараныи рога» с парно закрученными вовнутрь спиралями и четырех фигур, имитирующих профиль цветка с листьями (?). Высота спиралевидных фигур 2 см, ширина — 3,2 см. Высота фигур, имитирующих профиль цветка, — 1,2 см, ширина — 2 см. В верхней части детали, примерно на одинаковом расстоянии друг от друга, расположены восемь каплеобразных фигур высотой 1,0 см. В нижней части навершия имеется пять сквозных крепежных отверстий для нашивки на кожаную основу головного убора.

Вторая деталь составного навершия представляет собой цилиндр, расширяющийся книзу (рис. 3, 2б) и предназначавшийся, вероятно, для крепления плюмажа из меха, конского волоса или перьев. Верхний край детали по периметру отверстия отогнут наружу и плотно прижат к внешней поверхности детали. Высота цилиндрической детали 3,2 см. Диаметр отверстия у основания 2,5 см, диаметр верхней части детали 1,35 см. Толщина металла 0,06 см.

Обе детали навершия выполнены из оловянной бронзы с добавлением олова и свинца в качестве легирующих компонентов. При этом цилиндрическая деталь имеет примесей в количественном отношении значительно меньше.

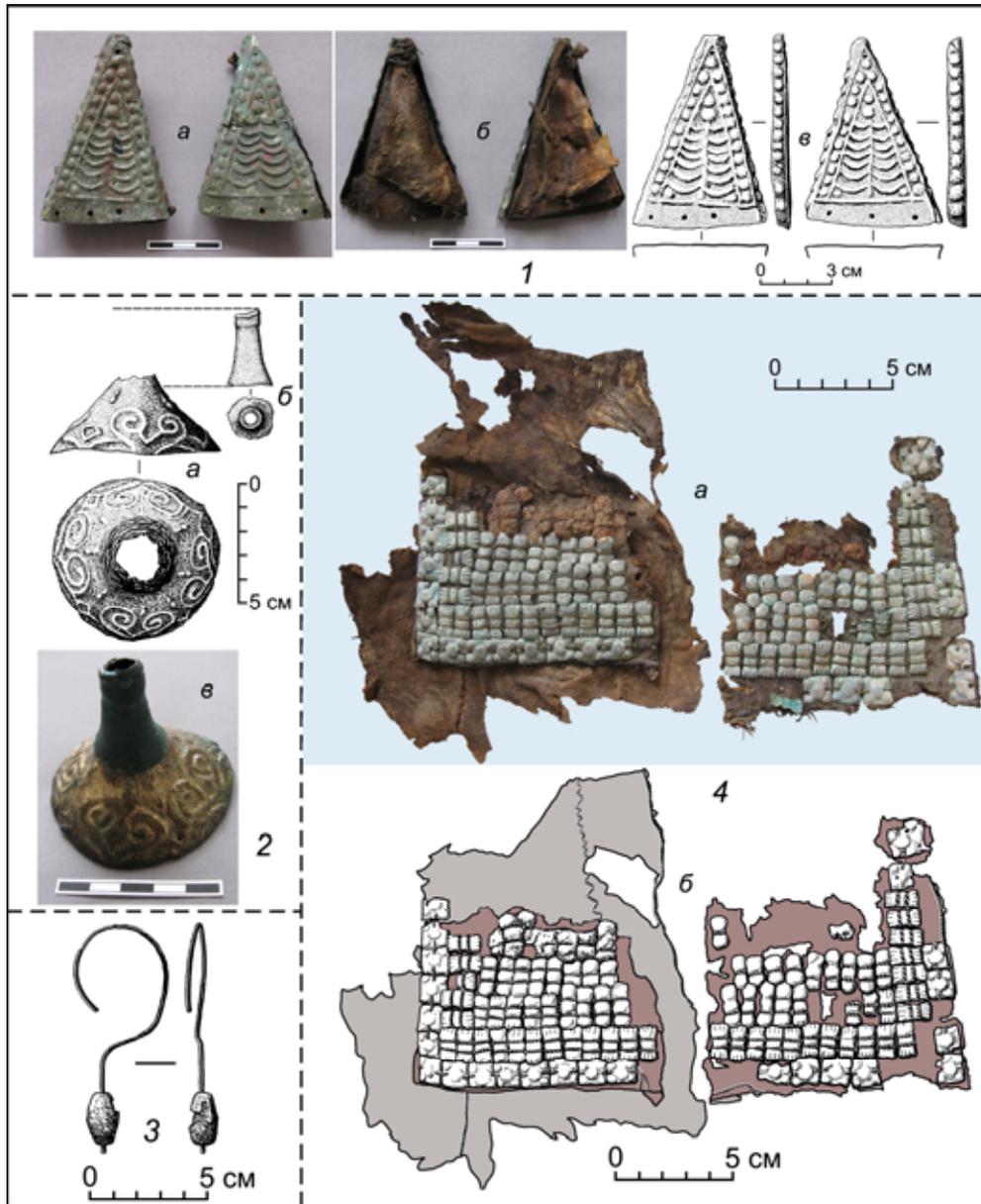

Рис. 3. Сопроводительный инвентарь погребения Атласовское-2:

- 1 — фотография внешней (а) и внутренней (б) стороны металлических нашивных декоративных пластин с орнаментом и усиливающих кожаных прокладок, а также рисунок пластин (е); 2 — усеченно-сферокопическая деталь (а), цилиндрическая деталь (б), фотография составного металлического навершия головного убора в сборе (е); 3 — серьга; 4 — фотография (а) и рисунок (б) декоративных нашивных нагрудных панно с остатками одежды, украшенных металлическими бляшками-накладками.

Под навершием головного убора сохранились фрагменты наголовника, состоящего из двух слоев — кожи и меха. В нижней части наголовника потайными стежками пришит меховой отворот. С внутренней стороны наголовника сохранилась полоска густого короткого меха рыжеватого цвета. На поверхности фрагмента имеются следы отверстий, предназначавшихся, вероятно, для крепежа металлических деталей. Вместе с фрагментами наголовника обнаружена трехполушарная железная накладка, идентичная накладкам с нагрудного панно. Сохранность фрагмента наголовника очень плохая. Ширина его отворота составляла более 2 см.

Декоративные треугольные бляхи. По бокам от навершия головного убора были найдены детали головного убора — орнаментированные металлические нашивные декоративные бляхи в форме усеченных в верхней части равнобедренных треугольников (рис. 3, 1а, 1б). Бля-

хи усилены толстыми кожаными подкладками, закрепленными изнутри через отверстия сухожильной нитью (рис. 3, 1б). Ширина основания блях 5,2 см, ширина верхней усеченной части 0,7 см, высота 7,5 см. Толщина металла 0,05 см. Боковые стороны загнуты вовнутрь под углом 90° к внешней поверхности пластины. Поверхность обеих блях украшена выпуклой декоративной композицией, центром которой является вписанная в малый равнобедренный треугольник вертикаль с симметрично расходящимися от нее семью парами дуг. Над вершиной вертикали, одна над другой, расположены две выпуклые округлые «жемчужины». По одной округлой «жемчужине» расположено в нижних боковых углах треугольника. Высота вписанной в треугольник композиции составляет 3,2 см.

Малый равнобедренный треугольник вписан в более крупный удлинённый равнобедренный треугольник. Пространство между боковыми сторонами малого и большого треугольников занимают два ряда выпуклых округлых «жемчужин» (22 шт.), расположенных одна над другой. Загнутые боковые стороны пластины также орнаментированы «жемчужинами» (24 шт.), расположенными одна над другой.

На поверхности блях имеется по пять сквозных крепежных отверстий. В верхней части первой бляхи и с обеих ее сторон отмечены следы реставрации трещин. Сохранность обеих блях средняя, поверхность сильно окислена, буровато-зеленой окраски. Бляхи выполнены из оловянной бронзы, основу сплава составляет медь, легирующие компоненты — олово и свинец.

Корреляция материала и культурная идентификация

Гроб-колода *куорчах* является одним из преобладающих типов внутримогильных конструкций в якутских погребальных комплексах позднего средневековья — нового времени [Бравина, Попов, 2008, с. 63–65, 199]. Погребения в колодах распространяются в Сибири с бронзового века и сохраняются вплоть до этнографической современности. По технологии изготовления и формам, способам прикрепления крышек гробов якутские колоды повторяют конструкции погребальных комплексов кочевников юга Средней Сибири XII–XIV вв. [Там же, с. 199–200; Николаев, 2004, с. 29, 116–117].

Погребения с ритуальным применением огня у якутов не являются чем-то исключительным и связаны, как правило, с обрядом очищения могильной ямы [Бравина, Попов, 2010]. Однако в погребении Атласовское-2 зафиксировано обжигание внешней поверхности колоды, и это второй подобный случай в Якутии [Бравина, Дьяконов, 2015, с. 29]. Северная ориентировка также редко встречается в якутских погребениях [Бравина, Попов, 2008, с. 96], но наиболее распространена в усть-талькинской культуре юга Средней Сибири XII–XIV вв., с которой связывается этногенез якутов [Николаев, 2004, с. 121].

Неординарным представляется комплекс сопроводительного инвентаря, отдельные элементы которого не типичны для Якутии, но обнаруживают аналогии в культурах средневековых кочевников степной и лесостепной полосы Евразии, а также у населения лесной и лесотундровой зон Сибири XVI–XIX вв. Так, нож, являющийся весьма устойчивым этническим признаком, имеет явно неякутские черты, что позволяет предположить его инокультурное происхождение. Ближайшими аналогами ножу могут быть бурятские и монгольские национальные ножи и заимствованные у бурят и монголов впоследствии ножи нижних чинов иноверческих казачьих полков. У этих ножей также узкий прямой однолезвийный клинок и рукоять, образованная двумя накладками-щечками, скрепленными с хвостовиком клинка при помощи клепок [Кулинский, 2001, с. 210–211; Бобров, Худяков, 2008, с. 661]. Еще В.Л. Серошевский отмечал [1993, с. 382], что якутский нож с его односторонней заточкой и рукоятью из дерева или кости — это образец совершенно особых сибирских ножей, не встречающийся на юге Сибири у бурят и монголов, а последние употребляют ножи, оправа ручки которых состоит из двух половинок, приклепанных или привязанных к черенку.

Составное навершие женского головного убора аналогов в якутской традиции не имеет. Похожие полусферические навершия головных уборов *дэнзэ* с подставкой-трубочкой для бусины *жинчи* встречаются у бурят Забайкалья [Шагланова, 2005, с. 9]. Более ранние аналоги таким навершиям, сделанным методом литья, можно встретить в золотоордынских погребениях XIV — начала XV в. Волжской Болгарии [Полякова, 1990, с. 139]. Использование же художественной чеканки для изготовления навершия позволяет связать его с самодийско-енисейским и пратунгусским этническими компонентами, в которые входили и народы, участвовавшие позднее в этногенезе бурят и якутов [Дашибалов, 2009, с. 191–192; Павлинская, 1992, с. 114–115]. Орна-

ментальная композиция сфероконической детали навершия находит параллель в енисейской орнаментальной традиции изделий из металла XI–XIV вв., генезис которой исследователи также связывают с Волжской Болгарией [Грач и др., 1998, с. 54–64; Гуненко, Сенотрусова, 2013, с. 73]. Традиция украшать головные уборы крупными металлическими пластинами конусовидной и трапециевидной формы была описана А.П. Дульзоном по материалам погребений селькупов XVII в., при этом отмечается, что детали и декор селькупских головных уборов обнаруживают черты сходства с якутскими [Боброва, 2015, с. 90].

Лапчатые бляшки нагрудного панно идентичны по стилю и составу металла «двулапообразным» бляшкам из Зырянского могильника чулымских тюрок XVI–XVII вв. [Беликова, 2010, с. 61, 63, 129–130, 198, рис. 27, 28, 33, 9–12, 35, 1, 2, 77]. Двух- и трехчастные лапчатые бляшки имеются на нарядной женской одежде из материалов оленекских арангасов XVIII в., на якутском нагруднике, опубликованном В.Л. Серошевским [1993, с. 376, рис. 100], в музейных коллекциях на якутской одежде, головных уборах, сумочках и конских чепраках XIX в. [Саввинов, 2001, с. 65–66]. Двух- и трехполушарные бляшки-накладки встречаются в могильниках XVI–XVIII вв. чулымских тюрок, селькупов, энцев, нганасан, кетов, эвенков и других народов [Долгих, 1961, с. 110–112; Чиндина, 1995, с. 181–183, рис. 1; Боброва, Бодрова, 2013, рис. 1; и др.]. Такого рода украшения связаны с аналогичными формами металлических изделий культур бронзового и раннего железного веков Южной Сибири и Центральной Азии [Долгих, 1961, с. 110; Цыбиктаров, 1998, с. 56, рис. 96, 30, 97, 2; Асеев, 2003, с. 100, рис. 77, 11, 15–17; Грязнов и др., 2010, с. 171–173, 189, рис. 64, 17, 65, 13, 66, 15, 82; и др.] и раннего средневековья Сибири (релкинская, бурхотуйская и другие культуры) [Чиндина, 1991, с. 169, рис. 29, 7; Цыбиктаров, 1999, с. 190, рис. 54, 3; и др.]. Металлические бляшки, аналогичные найденным в погребении Атласовское-2, позднее широко распространились в Якутии и имели хождение вплоть до начала XX в. Так, квадратные накладные бляшки с «жемчужинами», по данным этнографа и краеведа А.А. Саввина, назывались у якутов *тордуйа*, что означает «берестяной сосуд», трехчастные лапчатые накладки — *тынгырахтаах кымырдагас* — «муравей с коготками», а трехполушарные накладки — *бюгюйэх*, что переводится как «овод» [Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 4, оп. 12, д. 18].

Серьги в виде знака вопроса традиционно имели широкое хождение в Сибири начиная со скифского времени и до этнографической современности и связаны с культурой кочевников степной и лесостепной полосы Евразии. Серьга из погребения Атласовское-2 с биконической подвеской находит ближайšie аналоги в материалах Зырянского могильника чулымских тюрок XVI–XVII вв. [Беликова, 2010, с. 55–56, 120–121, рис. 27, 1, 70, 1, 2].

Стремена полуовальной формы с плоской широкой, слегка закругленной подножкой были широко распространены по всей территории Евразии в средневековое время, в том числе у якутов. В усть-талькинской культуре они являются одними из основных типов стремлян [Николаев, 2004, с. 98–99]. То же можно сказать об удилах с кольчатыми псалиями-трэнзелями.

В якутских погребениях XV–XVIII вв. ножницы ранее были встречены в пяти случаях [Бравина, Попов, 2008, с. 139]. Отмечается четкая гендерная связь: все ножницы входили в состав инвентаря женских погребений. В погребальных комплексах усть-талькинской культуры обнаружено 4 экз. ножниц. Все они также связаны с женскими захоронениями, причем стабильно приурочены к изголовью [Николаев, 2004, с. 67].

Таким образом, захоронение Атласовское-2 в целом не совсем обычно для погребальных комплексов якутов. Северная ориентировка погребения, конструкция гроба-колоды и некоторые предметы сопроводительного инвентаря сближают его с усть-талькинской культурой кочевников юга Средней Сибири XII–XIV вв. Ряд других элементов сопроводительного инвентаря находят аналогии в погребальных комплексах различных народов Сибири, преимущественно XVI–XVIII вв.

Антропологическое исследование

Краниологические измерения черепа выполнялись по стандартной методике Р. Мартина в модификации В.П. Алексеева и Г.Ф. Дебеца [Алексеев, Дебец, 1964]. Использовался обычный набор признаков, дополнительно вычислялся угол поперечного изгиба лба [Гохман, 1961], а также применялись несколько индексов [Дебец, 1968]: указатель уплощенности лицевого скелета (УЛС), преаурикулярный фациоцеребральный указатель (ПФЦ), условная доля монголоидного элемента (УДМЭ) и модули профилированности переносья (МПП) и лица (МПЛ) [Гохман, 1980]. Межгрупповое сопоставление проводилось с использованием канонического анализа. Анализ и обработка данных осуществлялись в программе STATISTICA 6.0 с учетом методиче-

ских рекомендаций В.Е. Дерябина. Использовалась программа канонического анализа, разработанная Ю.К. Чистовым, версия 1994 г.

Одонтологическое обследование проводилось на основании стандартных программ, принятых в отечественной одонтологии [Зубов, 1968].

Восстановление портрета по черепу выполнено по методике, разработанной представителями российской школы антропологической реконструкции, основанной М.М. Герасимовым [Герасимов, 1949, 1955].

Половая принадлежность индивидуума определялась с использованием стандартных методик [Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966; Bass, 1987; Buikstra, Ubelaker, 1994]. Для определения возраста смерти применялись визуальные макроморфологические программы. На черепе фиксировалась степень облитерации швов черепа по системе боковых точек и точек свода [Meindl & Lovejoy, 1985]. Степень стертости зубов регистрировалась по методикам М.М. Герасимова в модификации А.А. Зубова [1968] и О. Лавджоя [Lovejoy, 1985]. При определении возраста смерти использовались по возможности несколько независимых индикаторных систем. Измерения длинных костей проводились по стандартным методикам [Алексеев, 1966]. Развитость костного рельефа по месту прикрепления мышц описывалась по методике Д.И. Ражева [2009].

Исследование патологических проявлений проводилось на основании руководства по исследованию антропологических останков [Бужилова, 1995, Ortner, Putschar, 1985].

Биоантропологические характеристики

По морфологическим признакам черепа и таза пол умершего человека однозначно определяется как женский. Уровень облитерации верхне-боковых точек (система 1) — 15 баллов, что соответствует возрасту 31–45 лет (среднее 45,2 года); уровень зарастания точек свода черепа (система 2) — 8 баллов, возраст — 35–57 лет (среднее 45,5 года). Состояние ушковых поверхностей соответствует 3–4-й стадии, что указывает на возраст 30–40 лет. По периметру ушковой поверхности имеются краевые костные разрастания до 2 мм, что соответствует слабым артрозным проявлениям. Симфизарная поверхность по Todd — стадия 7/7, что соответствует 35–39 годам, симфизарная поверхность по Suchey — Brooks — стадия 4/4, что указывает на возраст 32–50 лет (среднее 38 лет). Возраст, соответствующий степени стирания жевательных поверхностей зубов, по Герасимову: IC — 35–40 лет, MM — 25–30 лет; по Лавджою: IC — 30–35 лет; MM — 35–40 лет. Останки принадлежат женщине, умершей в возрасте 30–40 лет.

По мировым масштабам длины плечевой, бедренной и большеберцовых костей женщины средние (табл. 1). Рост погребенного, реконструированный по бедренной кости по формуле М. Троттер и Г. Глезер, 155 см [Алексеев, 1966]. Интермембральный, плечебедренный, берцово-бедренный индексы средние, лучеплечевой индекс малый в мировом масштабе [Мамонова, 1986], что указывает на мезоморфные пропорции тела.

Таблица 1

Размеры длинных костей и межкостные индексы женщины из Атласовского-2 погребения

Признак, его номер по Мартину	
H1. Наибольшая длина плечевой кости	307
R1. Наибольшая длина лучевой кости	229
U1. Наибольшая длина локтевой кости	247
F2. Длина бедра в естественном положении	408
T1. Общая длина б. берцовой кости	342
R1: H1. Лучеплечевой (брахиальный) индекс	74,6
T1:F2. Берцово-бедренный (круральный) индекс	83,8
H1:F2. Плечебедренный индекс	75,2
H1+R1/F2+T1. Интермембральный индекс	71,4

Поротический гиперостоз глазниц и лобной области отсутствует (0 баллов), на теменной и затылочной костях он также не выявлен (0 баллов). Линии эмалевого гипоплазии не отмечены. Зафиксирован кариес окклюзионной поверхности M2 нижней челюсти слева, без проникновения в пульпу. M3 справа на верхней челюсти утрачен посмертно. Зубов, потерянных при жизни, нет. Апикальные абсцессы не обнаружены. На верхних резцах и клыках — зубной камень средней степени выраженности (2 балла). На молярах и премолярах обеих челюстей развитие зубного камня слабое (1 балл). Проявлений артроза височно-нижнечелюстных суставов нет.

Женское погребение XVII в. Атласовское-2 из Центральной Якутии...

Патологии позвоночного столба и длинных костей не зафиксированы. На сохранившемся правом втором ребре, на границе передней и задней половин, выявлен сросшийся перелом. Механизм возникновения — прямой удар, повлекший за собой закрытую травму грудной клетки и перелом ребра. Развитость мест прикрепления мышц на всех элементах средняя.

Отсутствие гипоплазии зубов, порозных изменений черепа и глазниц указывает на полноценное питание в детстве. Наличие зубного камня указывает на достаточное количество мясной пищи в рационе. Случай кариеса M2 нижней челюсти слева является осложнением скола эмали зуба. Артрозные проявления на суставах позвоночного столба и суставов конечностей соответствуют возрастным значениям, следов перегрузок крупных суставов не зафиксировано. Минимальное количество выявленных патологий свидетельствует о хорошем общем состоянии здоровья исследуемой женщины. Перелом правого второго ребра стал следствием прямого удара, причину которого достоверно установить сложно. Это могло быть как при насилии, так и в результате случайной травмы, например, при падении. Умеренное развитие мест прикрепления мышц и отсутствие энтезопатий указывает на отсутствие изнуряющего физического труда. Нагрузки не превышали физиологических значений.

Сопоставление показателей здоровья изучаемого человека с материалами по другим комплексно исследованным индивидуумам из Атласовского-1 и Сергеляхского погребений выявило как сходство, так и заметные различия [Багашев и др., 2016; Бравина и др., 2016].

Так, на женском скелете из Атласовского-2 захоронения обнаружена всего одна травма — перелом ребра, в то время как на мужских скелетах из привлеченных погребений их значительно больше. Примечательно, что и у воина из Сергеляхского погребения обнаружены переломы ребер, что может указывать на схожие травмоопасные занятия и ситуации — например, верховую езду, привычно грубое межперсональное взаимодействие. Явные признаки всадничества, отмеченные в обоих случаях у мужчин, полностью отсутствуют у женщины. В этом отношении сопутствующие погребению элементы конской упряжи могут рассматриваться скорее как статусный символ, нежели свидетельство функционального использования. Умеренные повседневные занятия женщины резко отличались от деятельности мужчин, выраженной в чрезмерном проявлении маркеров физической активности.

Общими для всех рассматриваемых людей являются реконструируемые характеристики диеты: достаточное питание с доминированием мясо-молочной составляющей и малой долей углеводных продуктов земледелия. В данном случае, у женщины, в отличие от обоих мужчин, выявлено отсутствие в детстве периодов истощения.

Сравнение показало выразительно хорошее состояние здоровья женщины, обеспеченное, по всей видимости, высоким уровнем жизни с детства и до момента смерти.

Краниология

Длинная и широкая мозговая капсула черепа женщины средней высоты, по черепному указателю — суббрахикранная (табл. 2). Лоб средней ширины, весьма наклонный, в горизонтальной плоскости уплощен. Скуловые отростки лобной кости гладкие. Надпереносье уплощенное, выступание по шкале Вроса — 2 балла. Носовой отросток лобной кости низкий, широкий, прямоугольной формы, имеет среднее направление по отношению к верхнему краю орбиты.

Таблица 2

Размеры и указатели черепов женщины и мужчин из Атласовских (104-1 [Багашев и др., 2016], 104-2) и Сергеляхского (105-1) [Бравина и др., 2016] погребений

Признак, его номер по Мартину или условное обозначение	104-2 ♀	104-1 ♂	105-1 ♂
1. Продольный диаметр	178	185	178
8. Поперечный диаметр	144	148	151
17. Высотный диаметр (<i>ba-b</i>)	128	137	125
20. Высотный диаметр (<i>po-b</i>)	113	115	119
8:1. Черепной указатель	81	80	84
17:1. Высотно-продольный указатель	72	74	70
17:8. Высотно-поперечный указатель	89	93	82
5. Длина основания черепа	101	105	102
11. Ширина основания черепа	134	136	130
9. Наименьшая ширина лба	92	98	88
10. Наибольшая ширина лба	115	125	119

Признак, его номер по Мартину или условное обозначение	104-2 ♀	104-1 ♂	105-1 ♂
29. Лобная хорда	110	120	113
Sub.Nβ. Высота изгиба лба	21,7	28,9	22,8
Sub.Nβ:29. Указатель выпуклости лба	19,7	24,1	20,2
∠пил. Угол поперечного изгиба лба	144	138	148
32. Угол профиля лба от л.	76	83	65
12. Ширина затылка	110	112	116
40. Длина основания лица	96	103	97
40:5. Указатель выступания лица	95	98	95
43. Верхняя ширина лица	105	98	104
46. Средняя ширина лица	106	108	104
45. Скуловой диаметр	136	141	139
45:8. Поперечный фациоцеребральный указатель	94	95	92
48. Верхняя высота лица	73	75	75
47. Полная высота лица	116	126	121
48:17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	57	55	60
48:45. Верхний лицевой указатель	54	53	53
72. Общий лицевой угол	91	85	85
73. Средний лицевой угол	93	85	87
74. Угол альвеолярной части	88	71	82
77. Назомалярный угол	148	144	147
∠zm'. Зигмаксиллярный угол	143	141	138
51. Ширина орбиты от mf.	41	40	42
52. Высота орбиты	30	32	35
52:51. Орбитный указатель	73	80	83
55. Высота носа	55	54	58
54. Ширина носа	26	25	25
54:55. Носовой указатель	47	47	43
75(1). Угол выступания носа	10	14	25
SC. Симотическая ширина	10,7	9,7	6,6
SS. Симотическая высота	2,6	1,6	4,9
SS:SC. Симотический указатель	24	17	74
∠S. Симотический угол	128	143	68
DC. Дакриальная ширина	24,0	26,1	18,9
DS. Дакриальная высота	7,4	5,6	11,6
DS:DC. Дакриальный указатель	31	22	61
∠D. Дакриальный угол	117	134	78
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	101	112	109
68. Длина нижней челюсти от углов	73	76	87
65. Мыщелковая ширина	123	125	120
66. Угловая ширина	103	105	101
67. Передняя ширина	45	47	47
70. Высота ветви	51	56	70
71а. Наименьшая ширина ветви	34	36	40
69(3). Толщина тела	11	15	14
79. Угол ветви нижней челюсти	130	133	111
∠C'. Угол выступания подбородка	71	64	70
УЛС	106,2	109,7	59,6
ПФЦ	96,7	93,8	98,7
УДМЭ	129,1	118,1	86,9
Модуль профилированности лица	145,5	142,5	142,5
Модуль профилированности переносья	122,5	138,5	73,0

Мезопрозопное по пропорциям лицо женщины очень высокое и очень широкое, по форме соответствует овоиду. Лицевой скелет сильно уплощен на всех уровнях. В вертикальной плоскости и альвеолярной части лицо ортогнатное, так же как и по указателю выступания. Орбиты средней ширины, очень низкие, по пропорциям — хамеконхные, по форме близки к квадрату. Верхние края орбит острые, нижние — притупленные. Глазница открытого типа. Профилировка орбит вертикальная. Фронтальная постановка орбит горизонтальная. Глазничный бугорок умеренно выражен. Линия разреза глаз имеет косовнутреннее направление. Раструб слезной части слабо выходит за края орбиты. Гребешок в верхнем медиальном углу орбиты направлен к внутреннему слезному гребню. Лобные отростки верхнечелюстных костей ориентированы фронтально.

Женское погребение XVII в. Атласовское-2 из Центральной Якутии...

Грушевидное отверстие очень высокое и широкое, характеризуется мезоринией. Широкое и низкое переносье сильно уплощено, угол выступания носовых костей очень малый. Профиль спинки носа прямой. Форма грушевидного отверстия сердцевидная. Подносовой край с двумя полулунными ямками, половины его находятся на одном уровне. Подносовой шип развит на 2 балла, направлен горизонтально.

Альвеолярный отросток верхней челюсти средней высоты, выступающий. Альвеолярный отросток нижней челюсти низкий, положение его ближе к вертикальному. Прикус ножницеобразный. Нижняя челюсть средней длины, очень широкая, передняя ширина и толщина тела средние. Форма нижнего края нижней челюсти округлая. Подбородочный бугор в положении анфас узкий, треугольной формы, в профиль — выступающий (1 балл), подбородочные бугорки не развиты.

На полученном графическом портрете изображена молодая женщина с длинной и широкой головой средней высоты (рис. 4). Лицо очень высокое и очень широкое, овоидной формы. Среднеширокий наклонный лоб со слабо выраженными лобными буграми, уплощенным слабым переносьем и неразвитыми надбровными дугами. Брови направлены горизонтально, со слабым изломом. Нос очень высокий, с прямым профилем и горизонтально направленным основанием и кончиком, слабо выступает относительно плоскости лица. Глаза неглубоко посаженные, с ровной складкой верхнего века, косовнутренним направлением разреза. Внутренние углы глаз прикрыты эпикантусом. Строение подносовой части черепа предопределяет крупные губы среднего по размерам довольно симметричного рта, небольшой, умеренно выступающий подбородок и округлый нижний край лица.

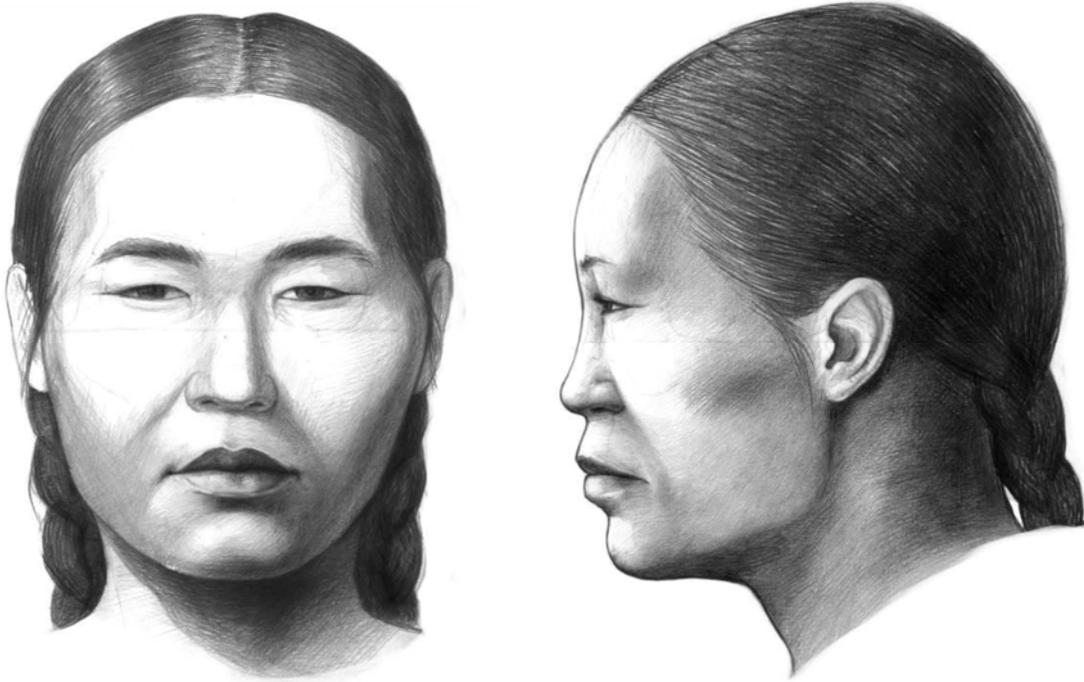

Рис. 4. Графическая реконструкция внешности женщины из погребения Атласовское-2.

Судя по отмеченным морфологическим особенностям, череп женщины находится в границах изменчивости классических монголоидов. На это указывают угол выступания носовых костей, модули профилированности лица и переносья, а также величины УЛС и ПФЦ. В целом условная доля монголоидного элемента (УДМЭ) не оставляет сомнений в принадлежности черепа к монголоидным североазиатским формам (табл. 2).

Череп женщины из захоронения Атласовское-2 сравнивался с черепами мужчин из погребений Атласовское-1 [Багашев и др., 2016] и Сергеляхское [Бравина и др., 2016]. С учетом коэффициентов полового диморфизма череп из Атласовского-2 ближе к черепу из Атласовского-1, чем к сергеляхскому (табл. 2). Небольшие различия между ними наблюдаются по высоте свода, строению орбит и носа, в остальном черепа сходны. Соответственно от сергеляхского индивида

женщину отличают те же показатели, что дистанцируют черепа мужчин (строение переносья, угол выступания носовых костей, форма мозговой капсулы).

Для выяснения близости погребенной к той или иной современной группе населения Сибири показатели по рассматриваемому черепу были исследованы с помощью канонического анализа. Для анализа были взяты данные по центрально-азиатским (якуты [Томтосова, 1980], буряты забайкальские, западные и тункинские [Дебец, 1951], тувинцы [Alexeev, 1965], монголы [Дебец, 1951]) и байкальским (негидальцы, юагиры, тунгусы оленные [Дебец, 1951]) популяциям североазиатской формации, арктической группе популяций (чукчи береговые, чукчи оленные [Дебец, 1951], эскимосы юго-восточные и науканские [Дебец, 1951], эскимосы западные [Дебец, 1975]), южно-сибирской группе популяций (казахи, Бегазы [Исмалугов, 1963], теленгеты [Дебец, 1951], качинцы [Алексеев, 1960]), обь-иртышским (селькупы, Тискино [Багашев, 2001], чулымцы, Ясашная Гора [Розов, 1956], тоболо-иртышские татары [Багашев, 1993]), уральским (восточные ханты [Дремов, 1991], манси северные и ханты северные, Халас-Погор [Дебец, 1951]) и ямало-енисейским (ненцы [Дебец, 1951], кеты [Гохман, 1982]) популяциям западно-сибирской формации.

В результате анализа изменчивости (51,6 %) серий нагрузки распределились следующим образом (табл. 3). Максимальные величины по первому вектору пришлись на группы с высоким и максимально уплощенным лицом, по второму вектору — на выборки с широким носом и ортогнатным лицевым скелетом.

Характер рассеивания женских групп в пространстве векторов наглядно демонстрирует место черепа из погребения Атласовское-2 в системе антропологических типов Северной Евразии (рис. 5). Он попал в положительное поле графа, в котором сосредоточились группы с максимально высоким, широким, плоским и ортогнатным лицом, для которых также характерно низкое и широкое на уровне дакриона переносье и широкое грушевидное отверстие, т.е. наиболее монголоидные выборки. Однако краниологическое своеобразие женщины на индивидуальном уровне незначительно отдалило ее от анализируемых популяций. Но, несмотря на это, исследуемый индивид, так же как мужчина из Атласовского-1 погребения, оказался максимально приближен к популяциям центрально-азиатского антропологического типа североазиатской формации.

Безусловно, нужно иметь в виду, что в нашем случае сопоставлялись особенности индивидов с популяционными данными. Это не совсем корректная процедура. Но, даже с учетом высокой индивидуальной изменчивости, характерной для человека современного вида, результаты анализа позволяют констатировать довольно высокое морфологическое сходство краниологической структуры черепов из Атласовских и Сергеляхского захоронений с популяциями центрально-азиатского и байкальского антропологических типов североазиатской формации.

Таблица 3

Величины факторных нагрузок в совокупности анализируемых выборок (женские черепа)

Номер по Мартину или условное обозначение	I канонический вектор	II канонический вектор
1. Продольный диаметр	-0,0288	-0,1149
8. Поперечный диаметр	0,4045	0,4860
17. Высотный диаметр	0,0542	-0,1997
9. Наименьшая ширина лба	-0,2455	0,0339
45. Скуловой диаметр	0,2713	-0,1381
48. Верхняя высота лица	0,5210	-0,2428
55. Высота носа	-0,0935	0,1767
54. Ширина носа	-0,0055	0,3512
51. Ширина орбиты	-0,3359	-0,1141
52. Высота орбиты	0,0642	-0,1988
SS. Симотическая высота	-0,0985	0,2436
DC. Дакриальная ширина	-0,0269	0,1802
DS. Дакриальная высота	-0,1839	-0,2207
72. Общий лицевой угол	-0,0420	0,5263
75(1). Угол выступания носа	0,2259	0,0303
77. Назомалярный угол	0,3132	-0,0765
∠zm'. Зигомаксиллярный угол	0,3261	0,0111
Собственное значение	42,4379	29,8471
Доля изменчивости, %	30,2677	21,2877

Женское погребение XVII в. Атласовское-2 из Центральной Якутии...

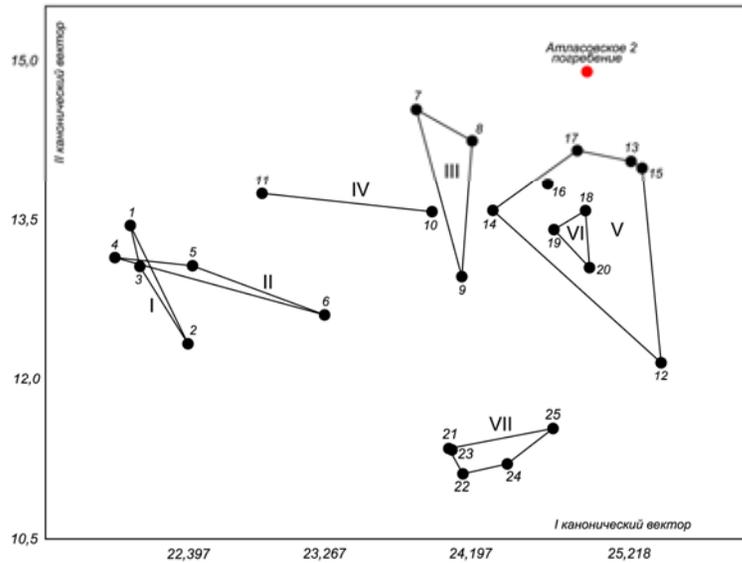

Рис. 5. Расположение женских антропологических выборок Сибири и индивидуума из погребения Атласовское-2 в пространстве I и II канонических векторов:

I — обь-иртышская группа популяций западно-сибирской формации (1 — селькупы, Тискино; 2 — чулымцы, Ясашная Гора; 3 — тоболо-иртышские татары); II — уральская группа популяций западно-сибирской формации (4 — восточные ханты; 5 — манси северные; 6 — ханты северные, Халас-Погор); III — южно-сибирская группа популяций (7 — казахи, Бегазы; 8 — теленгеты; 9 — качинцы); IV — енисейская группа популяций западно-сибирской формации (10 — ненцы; 11 — кеты); V — центрально-азиатская группа популяций североазиатской формации (12 — якуты; 13 — буряты забайкальские; 14 — буряты западные; 15 — буряты тункинские; 16 — тувинцы; 17 — монголы); VI — байкальская группа популяций североазиатской формации (18 — негидальцы; 19 — юкагиры; 20 — тунгусы оленные); VII — арктическая группа популяций (21 — чукчи береговые; 22 — чукчи оленные; 23 — эскимосы юго-восточные; 24 — эскимосы науканские; 25 — эскимосы западные).

Одонтологическая характеристика

На верхних центральных резцах отсутствуют лингвальная и вестибулярная лопатообразность, дополнительные гребни коронки, лингвальные ямки. На латеральных резцах наблюдаются очень слабо выраженные краевые гребни лингвальной поверхности (балл 1), остальные признаки также отсутствуют. На верхних клыках лопатообразности и дополнительных гребней не отмечается. На верхних премолярах лингвальные и вестибулярные бугорки имеют примерно равные размеры (балл 2). На первых зубах данного класса прослежены дополнительные бугорки дистального края коронки. Гипоконус и метаконус верхних первых моляров не редуцированы, бугорок Карабелли, дополнительные дистальные или мезиальные бугорки отсутствуют. Также отсутствуют передние или задние ямки, косой гребень, лирообразная форма первой борозды параконуса. Первая борозда метаконуса впадает в межбугорковую фиссуру ниже, чем первая борозда параконуса. Гипоконус вторых моляров редуцирован слабо (балл 4-), метаконус умеренно (балл 2). Дополнительные морфологические элементы в строении коронки отсутствуют.

На резцах и клыках нижней челюсти не наблюдается лопатообразности и дополнительных гребней. Первый правый премоляр дифференцирован слабо (балл 2), левый — сильно (балл 4). Вторые нижние премоляры трехбугорковые. Нижние первые моляры имели форму «У5», в их строении отсутствуют дистальный и средний гребень тригониды, *tam1*, протостилид. Несмотря на стертость, можно установить присутствие коленчатой складки метакониды и варианта 2med (III). Первые борозды метакониды и протокониды впадают в фиссуру II одновременно. Вторые и третьи моляры имели форму «Х4», дополнительные морфологические детали в их строении отсутствуют.

По комплексу одонтоскопических характеристик женщина из погребения Атласовское-2 резко отличается от мужчин Атласовского первого и Сергеляхского погребений. Наблюдаемое сочетание признаков ближе к характеристикам западно-сибирских комплексов, чем к восточносибирским находкам, поскольку в его составе практически полностью отсутствуют маркеры восточного одонтологического ствола.

Заключение

Погребение Атласовское-2 относится к середине XVII в. Это одно из немногих якутских погребений, четко датированных этим временем. Погребальный обряд и сопроводительный инвентарь этого женского захоронения свидетельствуют об его неординарности. Такие элементы, как гроб-колода, стремя и удила, вполне вписываются в систему традиционного погребального обряда якутов. Вместе с тем северная ориентировка и традиция ритуального обжига гроба у якутов встречаются редко. Кроме того, в сопроводительном инвентаре погребения присутствуют предметы явно импортного характера. Проникновение нетипичных для Якутии артефактов, сопровождавших погребенную, может являться результатом широко развитых в XVII в. торговых и культурных контактов с населением Западной и Южной Сибири, а также Байкальского региона, усилившихся в связи с приходом русского населения и основанием зимовий и острогов, превращавшихся в центры интенсивного товарообмена. Одним из таких торгово-экономических центров являлся Ленский (Якутский) острог, где уже в середине XVII в. возникает большой базар, на котором местное население имело возможность приобретать самые разнообразные привозные товары.

По краниологической структуре черепа женщины из погребения Атласовское-2 наблюдается высокое морфологическое сходство ее с представителями популяций центрально-азиатского и байкальского антропологических типов североазиатской формации. Одонтологические характеристики погребенной оказались ближе к западно-сибирским комплексам, нежели к восточно-сибирским. Исследование показало выразительно хорошее состояние здоровья женщины, обеспеченное, по всей видимости, высоким уровнем жизни с детства и до момента смерти. Совокупность установленных в результате комплексных исследований особенностей захоронения и состояние костных останков погребенной позволяют предположить ее довольно высокий прижизненный статус.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Саввин А.А. Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 18.

Литература

Алексеев В.П. Краниология хакасов в связи с вопросами их происхождения // Тр. Киргиз. комплексн. археол.-этногр. экспедиции. М.: Наука, 1960. Т. 4. С. 269–364.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниметрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.

Алексеев В.П. Остеометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 251 с.

Асеев И.В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 208 с.

Багашев А.Н. Этническая антропология тоболо-иртышских татар. Новосибирск: Наука, 1993. 159 с.

Багашев А.Н. Хронологическая изменчивость краниологического типа нарымских селькупов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2001. Вып. 3. С. 159–174.

Багашев А.Н., Ражев Д.И., Зубова А.В., Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Степанов А.Д., Кузьмин Я.В., Ходжинс Г.В.Л. Антропологическое исследование раннеякутского Атласовского погребения XIV–XV веков // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 44 (2). С. 137–147.

Беликова О.Б. Зырянский могильник конца XVI — XVII в. таежного Причумылья в свете археологии и археоботаники: (Опыт комплексного исследования одного кургана). Томск: Изд-во ТГУ, 2010. 432 с.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV — первая половина XVIII в.). СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2008. 776 с. (Historia Militaris).

Боброва А.И. К вопросу о реконструкции селькупского костюма по материалам могильника XVII века на Остяцкой горе: (К 60-летию исследований А.П. Дульзона у с. Молчанова) // Том. журнал лингвист. и антропол. исследований. 2015. № 1 (7). С. 82–94.

Боброва А.И., Бодрова А.Ш. Пояса XVII века из Прикетья: Особенности технологии и декора // Интеграция археологических и этнографических исследований: В 2 т. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2013. Т. 2. С. 34–43.

Бравина Р.И., Дьяконов В.М. Раннеякутские средневековые погребения XIV–XVII вв.: Совокупность отличительных признаков // Сев.-Вост. гуманитар. вестник. 2015. № 3 (12). С. 27–32.

Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Николаев Е.Н., Петров Д.М., Сыроватский В.В., Багашев А.Н., Ражев Д.И., Пошехонина О.Е., Слепченко С.М., Алексеева Е.А., Кузьмин Я.В. Комплексное исследование раннеякутского Сергеляхского погребения середины XV — начала XVI в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 4 (35). С. 90–109.

Женское погребение XVII в. Атласовское-2 из Центральной Якутии...

- Бравина Р.И., Попов В.В.* Погребально-поминальная обрядность якутов: Памятники и традиции (XV–XIX вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 296 с.
- Бравина Р.И., Попов В.В.* Погребения со следами огня у якутов // VI Диковские чтения: Материалы науч.-практ. конф., посвященной 85-летию со дня рождения Н.Н. Дикова и 50-летию образования СВКНИИ ДВО РАН. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2010. С. 150–152.
- Бужилова А.П.* Древнее население: (Палеопатологические аспекты исследования). М.: ИА РАН, 1995. 189 с.
- Герасимов М.М.* Основы восстановления лица по черепу. М.: Сов. наука, 1949. 188 с.
- Герасимов М.М.* Восстановление лица по черепу: (Современный и ископаемый человек) // ТИЭ. Н. С. Т. 28. М., 1955. 586 с.
- Гохман И.И.* Угол поперечного изгиба лба и его значение для расовой диагностики // Вопросы антропологии. 1961. № 8. С. 88–98.
- Гохман И.И.* Происхождение центральноазиатской расы в свете новых антропологических материалов // СМАЭ. Л.: Наука, 1980. Т. 36. С. 5–34.
- Гохман И.И.* Антропологические аспекты кетской проблемы: Результаты антропометрических и краниологических исследований // Кетский сборник. Л.: Наука, 1982. С. 9–42.
- Грач А.Д., Савинов Д.Г., Длужневская Г.В.* Енисейские кыргызы в центре Тувы: (Эйлиг-Хем III как источник по средневековой истории Тувы). М.: Фондамента-Пресс, 1998. 84 с.
- Грязнов М.П., Комарова М.Н., Лазаретов И.П., Поляков А.В., Пшеницына М.Н.* Могильник Кюргеннер эпохи поздней бронзы Среднего Енисея. СПб.: Петерб. Востоковедение, 2010. 200 с. (Archaeologica Petropolitana; Тр. ИИМК РАН; Т. XXXI).
- Гуненко Я.Д., Сенотрусова П.О.* Набор бронзовых изделий из погребения № 50 могильника Проспихинская Шивера-IV на Нижней Ангаре // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. Вып. VI. С. 68–74.
- Дашибалов Б.Б.* О самодийском субстрате в средневековых культурах Юго-Восточной Сибири // Сибирский сборник-1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. 1. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 187–193.
- Дебец Г.Ф.* Антропологические исследования в Камчатской области // ТИЭ. М.: Наука, 1951. Т. 17. 264 с.
- Дебец Г.Ф.* Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.: Наука, 1968. С. 13–22.
- Дебец Г.Ф.* Палеоантропологические материалы из древнеберингоморских могильников Узлен и Эквен // С.А. Арутюнов, Д.А. Сергеев. Проблемы этнической истории Берингоморья: (Эквенский могильник). М.: Наука, 1975. С. 198–240.
- Долгих В.О.* О похоронном обряде кетов // СА. 1961. № 3. С. 102–112.
- Дремов В.А.* Краниология среднеобских хантов // Обские угры: Ханты и манси. М.: ИЭА РАН, 1991. С. 10–28.
- Дьяконов В.М., Афанасьев А.С.* Атласовское захоронение — новый памятник кулун-атахской культуры в Центральной Якутии // Традиционные культуры и общества Северной Азии с древнейших времен до современности: Материалы XLIV Регион. (с междунар. участием) археол.-этногр. конф. студентов и молодых ученых. Кемерово: Изд-во КемГУ, 2004. С. 257–259.
- Дьяконов В.М., Степанов А.Д., Багашев А.Н., Ражев Д.И., Кузьмин Я.В., Ходжинс Г.В.Л.* Атласовское захоронение XIV–XV вв. кулун-атахской культуры в контексте проблем этногенеза якутов // Всадники Северной Азии и рождение этноса: Этногенез и этническая история саха: Материалы Всерос. интердисциплинар. науч. конф. с междунар. участием, посвященной 125-летию Г.В. Ксенофонтова и 100-летию Л.Н. Гумилева. Новосибирск: Наука, 2014. С. 233–240.
- Зубов А.А.* Одонтология: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 200 с.
- Исмагулов О.* Антропологическая характеристика современных казахов по данным краниологии // ТИЭ. М.: Наука, 1963. Т. 82. С. 65–95.
- Кулинский А.Н.* Русское холодное оружие XVIII–XX вв. Т. 1: Определитель. СПб.: Атлант, 2001. 384 с.
- Мамонова Н.Н.* Определение длины костей по их фрагментам // Вопросы антропологии. 1968. Вып. 29. С. 171–178.
- Николаев В.С.* Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV вв.: Усть-Талькинская культура. Владивосток; Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2004. 306 с.
- Павлинская Л.Р.* К вопросу об этнокультурных контактах бурят // Банзаровские чтения, посвященные 170-летию со дня рождения Доржи Банзарова. Улан-Удэ: БИОН СО РАН, 1992. С. 113–115.
- Полякова Г.Ф.* Бляхи-навершия головных уборов из Болгар // Проблемы археологии Евразии (по материалам ГИМ): К 100-летию со дня рождения А.С. Брюсова. М., 1990. С. 138–141. (Тр. ГИМ; Вып. 74).
- Ражев Д.И.* Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург: УрО РАН. 2009. 492 с.
- Розов Н.С.* Материалы по краниологии чулымцев и селькупов // ТИЭ. М.: Наука, 1956. Т. 33. С. 340–373.
- Савинов А.И.* Традиционные металлические украшения якутов: XIX — начало XX века: (Историко-этнографическое исследование). Новосибирск: Наука, 2001. 171 с.
- Серошевский В.Л.* Якуты: Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 1993. 736 с.

Томтосова Л.Ф. Новые материалы по краниологии современных якутов // СМАЭ. Л.: Наука, 1980. Т. 36. С. 121–129.

Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 1998. 288 с.

Цыбиктаров А.Д. Бурятия в древности: История (с древнейших времен до XVII века). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 1999. Вып. 3. 266 с.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья: (Релкинская культура). Томск: Изд-во ТГУ, 1991. 184 с.

Чиндина Л.А. О ритуальной одежде селькупской женщины XVII века // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить...». Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1995. С. 179–187.

Шагланова О.В. Символика женских украшений восточных бурят: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2005. 20 с.

Bass W.M. Human osteology: A laboratory and field manual. Columbia: Missouri Archaeological Society, 1987. 327 p.

Buikstra J., Ubelaker D.H. (eds) Standards for data collection from human skeletal remains // Proceedings of a Seminar at the Field Museum of Natural History Organized by Johnathan Haes. Fayetteville AK: Arkansas Archeological Survey Research Series. 1994. No. 44.

Lovejoy C.O. Dental wear in the Libben Population: Its Functional Pattern and Role in the Determination of Adult Skeletal Age at Death // Amer. Journ. of Phys. Anthropology. 1985. № 68. P. 47–56.

Meindl R.S., Lovejoy C.O. Ectocranial Suture Closure: A Revised Method for the Determination of skeletal Age at Death Based on the Lateral-Anterior Sutures // Amer. Journ. of Phys. Anthropology. 1985. № 68. P. 57–66.

Ortner D.J., Putschar W.G.J. Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains. Washington: Smithsonian Institution Press, 1985. 488 p.

**R.I. Bravina*, V.M. Dyakonov*, D.M. Petrov*, E.N. Solovyeva*, V.V. Syrovatskiy*,
A.N. Bagashev**, O.E. Poshekhonova**, S.M. Slepchenko**, D.I. Razhev**,
E.A. Alexeeva**, A.V. Zubova***, Ya.V. Kuzmin******

*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Petrovskogo st., 1, 677027, Yakutsk, Russian Federation
E-mail: bravinari@bk.ru; dyakonov_vm@rambler.ru; dmpetrov-92@mail.ru;
lenasolo05@mail.ru; syrovatskiy123@gmail.com

**Institute of the Problems of Northern Development, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Malygina st., 86, 625003, Tyumen, Russian Federation
E-mail: bagashev@mail.ru; poshehonova.olg@gmail.com;
s_slepchenko@list.ru; rajevd0@gmail.com; alekseeva.elena.ae@gmail.com

***Peter the Great's Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences
University Emb., 3, St. Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: zubova_al@mail.ru

****V.S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
prosp. Acad. Koptuyug, 3, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
E-mail: kuzmin@fulbrightmail.org

THE WOMAN'S BURIAL OF ATLASOVSKOE-2 OF THE XVII CENTURY IN CENTRAL YAKUTIA: RESULTS OF A COMPLEX RESEARCH

This article presents a complex study of the female burial of the XVII century in Central Yakutia. The burial rite (traces of ritual roasting of the coffin, orientation to the North) and composition of the accompanying inventory (a knife of the non-Yakut origin, a sphero-conical top part of a headdress with a support for a plume, twin overlaid decorative details of the headdress's crown, a composite pectoral panel picture of sewn-on patches, an earring in the form of a question mark with a biconical bead) determine the peculiarity of the burial, and their nearest parallels can be traced to the Medieval cultures of the Eurasian steppe and forest-steppe nomads, as well as to the population of the Siberian forest and tundra zones of the XVI–XIX centuries. Craniological characteristics of the buried woman draw her closer to the populations of Central Asian and Baikal anthropological types of the North Asian formation.

Key words: Central Yakutia, the Late Middle Ages, burial sites, the burial of Atlasovskoye-2, the Yakuts, craniometry, anthropological type, X-ray-spectral analysis, exchange of goods.

REFERENCES

- Alekseev V.P., 1960. Kraniologija khakasov v sviazi s voprosami ikh proiskhozhdeniia [The craniology of the Khakas people in the connection with issues of their origin]. *Trudy Kirgizskoi kompleksnoi arkhologo-etnograficheskoi ekspeditsii*, vol. 4, Moscow: Nauka, pp. 269–364.
- Alekseev V.P., 1966. *Osteometriia: Metodika antropologicheskikh issledovaniï* [Osteometry: A technique of anthropological research], Moscow: Nauka, 251 p.
- Aseev I.V., 2003. *Iugo-Vostochnaia Sibir' v epokhu kamnia i metalla* [South-East Siberia during The Stone and Iron Ages], Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN, 208 p.
- Bagashev A.N., 1993. *Etnicheskaia antropologija tobolo-irtyshskikh tatar* [Ethnic anthropology of the Tobol-Irtyskh Tatars], Novosibirsk: Nauka, 159 p.
- Bagashev A.N., 2001. Khronologicheskaiia izmenchivost' kraniologicheskogo tipa narymskikh sel'kupov [The chronological variability of the craniological type of the Narym Selkups]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 3, pp. 159–174.
- Bagashev A.N., Razhev D.I., Zubova A.V., Bravina R.I., D'iakonov V.M., Stepanov A.D., Kuz'min Ia.V., Hodgins G.W.L., 2016. Antropologicheskoe issledovanie ranneiakutskogo Atlasovskogo pogrebeniia XIV–XV vekov [A medieval Yakut burial near the Lake Atlasovskoye of the 14th–15th centuries: An anthropological study]. *Arkheologija, etnografija i antropologija Evrazii*, no. 44 (2), pp. 137–147.
- Bass W.M., 1987. *Human osteology: A laboratory and field manual*. Columbia: Missouri Archaeological Society, 327 p.
- Belikova O.B., 2010. *Zyrianskii mogil'nik kontsa XVI–XVII v. taezhnogo Prichulym'ia v svete arkheologii i arkhobotaniki: (Opyt kompleksnogo issledovaniia odnogo kurgana)* [A Zyrian burial ground of the end of the XVI–XVII century in the taiga of the Chulym river area in terms of archeology and arhaeobotany: (An effort of a complex research of a barrow)], Tomsk: Izd-vo TGU, 432 p.
- Bobrov L.A., Khudiakov Iu.S., 2008. *Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noi Azii i luzhnoi Sibiri v epokhu pozdnego Srednevekov'ia i rannego Novogo vremeni (XV — pervaiia polovina XVIII v.)* [Armament and tactics of the nomads of Central Asia and Southern Siberia during the Late Medieval and Early Modern Ages (XV — first half of the XVIII century A.D.)], St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 776 p. (Historia Militaris).
- Bobrova A.I., 2015. K voprosu o rekonstruktsii sel'kupskogo kostiuma po materialam mogil'nika XVII veka na Ostiatskoi gore: (k 60-letiiu issledovaniia A.P. Dul'zona u s. Molchanova) [On reconstruction of the Selkup costume basing on the materials of the XVII century burial at the Ostyak mountain: (60th anniversary of the research by A.P. Dul'zon near the village of Molchanov)]. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniï*, no. 1 (7), pp. 82–94.
- Bobrova A.I., Bodrova A.Sh., 2013. Poiasa XVII veka iz Priket'ia: Osobennosti tekhnologii i dekora [XVII century belts from the river Ket region: Features of the technology and decor]. *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniï: V 2 t., vol. 2*, Irkutsk: Izd-vo IrGTU, pp. 34–43.
- Bravina R.I., D'iakonov V.M., 2015. Ranneiakutskie srednevekovye pogrebeniia XIV–XVII vv.: Sovokupnost' otlichitel'nykh priznakov [Early Yakut Medieval burials of the XIV–XVII centuries: Distinctive features]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*, no. 3 (12), pp. 27–32.
- Bravina R.I., D'iakonov V.M., Nikolaev E.N., Petrov D.M., Syrovatskii V.V., Bagashev A.N., Razhev D.I., Poshekhonova O.E., Slepchenko S.M., Alekseeva E.A., Kuz'min Ia.V., 2016. Kompleksnoe issledovanie ranneiakutskogo Sergeliakhskogo pogrebeniia serediny XV — nachala XVI v. [A comprehensive study of the Early Yakut Burial of Sergelikh of the XV — beginning of the XVI century]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 4 (35), pp. 90–109.
- Bravina R.I., Popov V.V., 2008. *Pogrebal'no-pominal'naia obriadnost' iakutov: pamiatniki i traditsii (XV–XIX vv.)*. [The mortuary rites of the Yakut people: memorials and traditions (XV–XIX centuries)], Novosibirsk: Nauka, 296 p.
- Bravina R.I., Popov V.V., 2010. Pogrebeniia so sledami ognia u iakutov [Burials with fire traces among the Yakut people]. *VI Dikovskie chteniia: Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashch. 85-letiiu so dnia rozhdeniia N.N. Dikova i 50-letiiu obrazovaniia SVKNII DVO RAN*, Magadan: SVKNII DVO RAN, pp.150–152.
- Buikstra J., Ubelaker D.H., 1994, (eds.). Standards for data collection from human skeletal remains. *Proceedings of a Seminar at the Field Museum of Natural History Organized by Johnathan Haes*, no. 44, Fayetteville AK: Arkansas Archeological Survey Research Series.
- Buzhilova A.P., 1995. *Drevnee naselenie: (Paleopatologicheskie aspekty issledovaniia)* [Ancient population: (Paleopathological aspects of the research)], Moscow: IA RAN, 189 p.
- Chindina L.A., 1991. *Istoria Srednego Priob'ia v epokhu rannego srednevekov'ia: (Relkinskaia kul'tura)* [The history of the Middle Ob' area in the Early Middle Ages: (The Relkinskaya culture)], Tomsk: Izd-vo TGU, 184 p.
- Chindina L.A., 1995. O ritual'noi odezhde sel'kupskoi zhenshchiny XVII veka [About the ritual clothes of Selkup women in the XVII century]. «*Moia izbrannitsa nauka, nauka, bez kotoroi mne ne zhit'...*», Barnaul: Izd-vo AltGU, pp. 179–187.
- Dashibalov B.B., 2009. O samodiiskom substrate v srednevekovykh kul'turakh Iugo-Vostochnoi Sibiri [About the Samoyed substratum in the Medieval cultures of South-East Siberia]. *Sibirskii sbornik-1. Pogrebal'nyi obriad narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii*, Kn. 1, St. Petersburg: Izd-vo MAE RAN, pp. 187–193.

- Debets G.F., 1951. Antropologicheskie issledovaniia v Kamchatskoi oblasti [Anthropological researches in Kamchatka region]. *Trudy Instituta etnografii*, vol. 17, Moscow: Nauka, 264 p.
- Debets G.F., 1968. Opyt kraniometricheskogo opredeleniia doli mongoloidnogo komponenta v smeshannykh gruppakh naseleniia SSSR [An effort of craniometric determination of the Mongoloid component proportion in mixed groups of the USSR population]. *Problemy antropologii i istoricheskoi étnografii Azii*, Moscow: Nauka, pp. 13–22.
- Debets G.F., 1975. Paleoantropologicheskie materialy iz drevneberingomorskikh mogil'nikov Uelen i Ekven [Paleoanthropological materials of the burials of Uelen and Ekven of the Old Bering Sea culture]. S.A. Arutiunov, D.A. Sergeev. *Problemy etnicheskoi istorii Beringomoria (Ekvenskii mogil'nik)*, Moscow: Nauka, pp. 198–240.
- D'iakonov V.M., Afanas'ev A.S., 2004. Atlasovskoe zakhoronenie — novyi pamiatnik kulun-atakhskoi kul'tury v Tsentral'noi Iakutii [The burial of Atalsovskoe, a new site of the Kulun-Atakh culture in Central Yakutia]. *Traditsionnye kul'tury i obschestva Severnoi Azii s drevneishikh vremen do sovremennosti: Materialy XLIV Regional'noi (s mezhdunarodnym uchastiem) arkheologo-etnograficheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh*, Kemerovo: Izdatel'stvo KemGU, pp. 257–259.
- D'iakonov V.M., Stepanov A.D., Bagashev A.N., Razhev D.I., Kuz'min Ia.V., Hodgins G.W.L., 2014. Atlasovskoe zakhoronenie XIV–XV vv. kulun-atakhskoi kul'tury v kontekste problem etnogeneza iakutov [The Kulun-Atakh burial of Atlasovskoe of the XIV–XV centuries in the context of ethnogenesis of the Yakuts]. *Vsodniki Severnoi Azii i rozhdenie etnosa: Etnogenez i etnicheskaia istoriia sakha: materialy Vserossiiskoi interdistitsiplinarnoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posviashchennoi 125-letiiu G.V. Ksenofontova i 100-letiiu L.N. Gumileva*, Novosibirsk: Nauka, pp. 233–240.
- Dolgikh V.O., 1961. O pokhoronnom obriade ketov [About the funeral rites of the Kets]. *Sovetskaia arkheologiya*, no. 3, pp.102–112.
- Dremov V.A., 1991. Kraniologiya sredneobskikh khantov [Craniology of the Khanty of the Middle Ob' river area]. *Obskie ugry: Khanty i mansi*, Moscow: IEA RAN, pp. 10–28.
- Gerasimov M.M., 1949. *Osnovy vosstanovleniia litsa po cherepu* [A guideline of recovery of face by the skull], Moscow: Sovetskaia nauka, 188 p.
- Gerasimov M.M., 1955. Vosstanovlenie litsa po cherepu (Sovremennyi i iskopaemyi chelovek) [Recovery of face by the skull (modern and fossil man)]. *Trudy IE AN SSSR, Novaia seriia*, vol. 28, Moscow, 586 p.
- Gokhman I.I., 1961. Ugol poperechnogo izgiba lba i ego znachenie dlia rasovoi diagnostiki [The angle of lateral bending of the forehead and its significance for diagnostics of the race]. *Voprosy antropologii*, no. 8, pp. 88–98.
- Gokhman I.I., 1980. Proiskhozhdenie tsentral'noaziatskoi rasy v svete novykh antropologicheskikh materialov [The origin of the Central Asian race in terms of new anthropological materials]. *Sbornik MAE*, vol. 36, Leningrad: Nauka, pp. 5–34.
- Gokhman I.I., 1982. Antropologicheskie aspekty ketskoi problemy: Rezul'taty antropometricheskikh i kraniologicheskikh issledovaniy [Anthropological aspects of the Ket problem: Results of the anthropometric and craniological studies]. *Ketskii sbornik*, Leningrad: Nauka, pp. 9–42.
- Grach A.D., Savinov D.G., Dluzhnevskaya G.V., 1998. *Eniseiskie kyrgyzy v tsentre Tuvy: (Eilig-Khem III kak istochnik po srednevekovoi istorii Tuvy)* [The Yenisei Kyrgyz people in the center of Tuva: (Eilig Hem-III as a source on the Medieval history of Tuva)], Moscow: Fundamenta-Press, 84 p.
- Griaznov M.P., Komarova M.N., Lazaretov I.P., Poliakov A.V., Pshenitsyna N.M., 2010. *Mogil'nik Kiurgenner epokhi pozdnei bronzy Srednego Eniseia* [Kyurghenner, a Late Bronze Age cemetery in the Middle Yenisei region], vol. 31, St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 200 p.
- Gunenko Ia.D., Senotrusova P.O., 2013. Nabor bronzovykh izdelii iz pogrebeniia № 50 mogil'nika Prospikhinskaia Shivera IV na Nizhnei Angare [A set of bronze artifacts from the burial № 50 of the burial ground of Prospikhinskaya Shivera-IV of the Lower Angara river]. *Drevnosti Prieniseiskoi Sibiri*, 6, Krasnoarsk: Sibirskii federal'nyi universitet, pp. 68–74.
- Ismagulov O. I., 1963. Antropologicheskaya kharakteristika sovremennykh kazakhov po dannym kraniologii [The anthropological characteristics of the modern Kazakhs according to craniological data]. *Trudy IE AN SSSR*, vol. 82, Moscow: Nauka, pp. 65–95.
- Kulinskii A.N., 2001. *Russkoe kholodnoe oruzhie XVIII–XX vv.* [The Russian cold weapon of the XVIII–XX centuries], vol. 1, St. Petersburg: Atlant, 384 p.
- Lovejoy C.O., 1985. Dental wear in the Libben Population: Its Functional Pattern and Role in the Determination of Adult Skeletal Age at Death. *American Journal of Physical Anthropology*, no. 68, pp. 47–56.
- Mamonova N.N., 1968. Opredelenie dliny kostei po ikh fragmentam [Determination of the bone's length by their fragments]. *Voprosy antropologii*, 29, pp. 171–178.
- Meindl R.S., Lovejoy C.O., 1985. Ectocranial Suture Closure: A Revised Method for the Determination of skeletal Age at Death Based on the Lateral-Anterior Sutures. *American Journal of Physical Anthropology*, no. 68, pp. 57–66.
- Nikolaev V.S., 2004. *Pogrebal'nye komplekсы kochevnikov iuga Srednei Sibiri v XII–XIV vv.: Ust'-tal'kinskaia kul'tura* [Nomads' burial complexes of the South of Middle Siberia in the XII–XIV centuries: the Ust-Talkinskaya culture], Vladivostok; Irkutsk: Izd-vo IG SO RAN, 306 p.

Женское погребение XVII в. Атласовское-2 из Центральной Якутии...

- Ortner D.J., Putschar W.G.J., 1985. *Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains*. Washington: Smithsonian Institution Press, 488 p.
- Pavlińskaia L.R., 1992. K voprosu ob etnokul'turnykh kontaktakh buriat [Ethnocultural contacts of the Buryats revisited]. *Banzarovskie chteniia, posviashchennye 170-letiiu so dnia rozhdeniia Dorzhi Banzarova*, Ulan-Ude: BION SO RAN, pp. 113–115.
- Poliakova G.F., 1990. Bliakhi-navershiiia golovnykh uborov iz Bolgar [Final badges of headdresses from Bulgaria]. *Problemy arkhologii Evrazii (po materialam GIM), K 100-letiiu so dnia rozhdeniia A.S. Briusova. Trudy GIM*, 74, Moscow: GIM, pp. 138–141.
- Razhev D.I., 2009. *Bioantropologia naseleniia sargatskoi obshchnosti* [Bioanthropology of Sargat society], Ekaterinburg: UrO RAN, 492 p.
- Rozov N.S., 1956. Materialy po kraniologii chulymtsev i sel'kupov [Materials on craniology of the Chulymy and the Selkups]. *Trudy IE AN SSSR*, vol. 33, Moscow: Nauka, pp. 340–373.
- Savvinov A.I., 2001. *Traditsionnye metallicheskie ukrasheniia iakutov: XIX — nachalo XX veka: (Istoriko-etnograficheskoe issledovanie)* [Traditional metal jewelry of the Yakuts: XIX — early XX century: (Historical and ethnographic research)], Novosibirsk: Nauka, 171 p.
- Seroshevskii V.L., 1993. *Iakuty: Opyt etnograficheskogo issledovaniia* [The Yakuts: An effort of ethnographic research], 2-e izdanie, Moscow: ROSSPEN, 736 p.
- Shaglanova O.V., 2005. *Simvolika zhenskikh ukrashenii vostochnykh buriat* [Symbolics of women's jewelry of the Eastern Buryats]. Avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk, Ulan-Ude, 20 p.
- Tomtosova L.F., 1980. Novye materialy po kraniologii sovremennykh iakutov [New materials on craniology of the modern Yakuts]. *Sbornik MAE*, vol. 36, Leningrad: Nauka, pp. 121–129.
- Tsybiktarov A.D., 1991. *Buriatiia v drevnosti. Istoriiia (s drevneishikh vremen do XVII veka)* [Buryatia in the antiquity: History (from the ancient times until the XVII century)], 3, Ulan-Ude: Izd-vo Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta, 266 p.
- Tsybiktarov A.D., 1998. *Kul'tura plitochnykh mogil Mongolii i Zabaikal'ia* [The Slab grave culture of Mongolia and Transbaikalia], Ulan-Ude: Izd-vo Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta, 288 p.
- Zubov A.A., 1968. *Odontologija: Metodika antropologicheskikh issledovanij* [Odontology: Methods of anthropological research], Moscow: Nauka, 200 p.

А.Ю. Худавердян

Институт археологии и этнографии НАН РА
ул. Чаренца, 15, Ереван, Республика Армения
E-mail: ankhudaverdyan@gmail.com

КРАНИОЛОГИЯ НАСЕЛЕНИЯ АРМЯНСКОГО НАГОРЬЯ И ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА ЮГЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Работа посвящена изучению антропологического состава и происхождения различных групп древнего населения Армении. Наряду с палеоантропологическими материалами, опубликованными ранее другими исследователями, используются изученные автором новые коллекции, собранные различными археологическими экспедициями Института археологии и этнографии НАН РА, насчитывающие 90 черепов взрослых субъектов обоих полов (57♂, 33♀). Новые материалы позволили впервые охарактеризовать антропологический состав населения Лорийской, Ширакской, Арагацотнской, Сюникской областей. Результаты межгруппового статистического анализа демонстрируют морфологические аналогии черепов из Закавказья с носителями майкопской, лолинской, катакомбной и срубной культур Предкавказья.

Ключевые слова: Армения, краниология, эпохи поздней бронзы и железа, происхождение.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-064-077

На рубеже XVI–XV вв. до н.э. территория Армянского нагорья представляла собой однородную в культурном отношении среду. Украшения из драгоценных металлов и бронзы, бронзовые пояса, секиры, различные типы кинжалов, конские удила, телеги, боевые колесницы и т.д. являются яркими свидетельствами развитой металлургии и металлообработки. Телеги, боевые колесницы, многочисленные образцы митаннийских печатей, а также материалы, характерные для различных регионов Ближнего Востока, показывают, что в 1500–800 гг. до н.э. велась активная военно-политическая борьба за гегемонию на Древнем Востоке [Аветисян и др., 2012]. В первой половине XII в. до н.э., судя по материалам памятников, на территории современной Армении в отдельных районах жизнь как будто останавливается [Аветисян, 2015]. Вероятно, население покинуло эти территории или было переселено вследствие военного давления. С конца XIII — начала XII в. до н.э. появляются погребения «профессиональных воинов», в обществе формируется «пласт военных». С образованием в IX в. до н.э. государства Урарту население Армянского нагорья вступило в новую фазу исторического развития. Центр государства, целиком занимавшего территорию Армянского нагорья, находился в районе оз. Ван. Хотя Ванское царство просуществовало недолго (IX–VI вв. до н.э.), ему удалось стать одним из могущественнейших на Ближнем Востоке.

Для понимания культурно-генетических процессов, протекавших на территории Армянского нагорья и юга Восточной Европы в указанное время, необходимо пересмотреть имеющиеся и проанализировать новые неопубликованные антропологические материалы.

Материал и методы

В основу работы положены палеоантропологические коллекции кабинета антропологии Института археологии и этнографии НАН РА. По мере поступления, систематизации и изучения палеоантропологических материалов мною публиковались предварительные результаты их исследования с рассуждениями о биологических особенностях и патологических нарушениях представленных ими групп населения [Худавердян, 2016; Khudaverdyan, 2011a, b; Khudaverdyan, Nobossyan, 2016]. Мною суммированы по административным областям (Лорийской, Гехаркуникской, Ширакской, Арагацотнской, Сюникской) антропологический материал эпохи поздней бронзы и железного века (рис. 1).

В антропологическом плане наиболее изучена Гехаркуникская область Армении (Лчашен, Цамакаберд, Арцвакар, Сарухан и т.д.) [Алексеев, 1974; Абдушелишвили, 1982; Паликян, 1990; и др.]. Мною исследован новый краниологический материал из могильника Кармир в Гехарку-

Краниология населения Армянского нагорья и этногенетическая ситуация...

никской области. Разрозненные и малочисленные материалы (Арцвакар, Сарухан, Кармир) были суммированы в одну краниологическую подборку (табл. 1). Исключен из анализа череп с врожденной ахондроплазией из могильника Арцвакар (погр. 4) [Khudaverdyan, 2016a]. Для анализа отобрано 18 мужских и 11 женских черепов. Была также сформирована отдельная серия черепов с непреднамеренной (затылочно-теменной) искусственной деформацией (табл. 1). Деформация затылка является, по всей видимости, результатом тугого пеленания и нахождения младенца большую часть дня в деревянной люльке («оророце», «бешике»). Следовательно, уплощенность формировалась лишь на первом году жизни под воздействием колыбельной стенки, соприкасавшейся с теменем и затылком. Форма черепа изменена, как правило, незначительно, в связи с чем эта особенность была замечена сравнительно недавно [Khudaverdyan, 2016b].

Рис. 1. Современное административное деление Армении.

Плохая сохранность палеоантропологических находок из отдельных могильников Лорийской области (Багери чала, Бовер, Пиджут, Барцрял, Техут, Каракотук, Брагдзор, Знганек) обусловила объединение их по территориальному принципу в одну серию (табл. 1). С территории Арагацотни известно несколько черепов (1 мужской, 2 женских) из могильника Кучак. Исключен из анализа череп юноши моложе 15 лет из погребения 39. Из Ширака привлечены данные могильников Черная Крепость, Ширакаван, Маисян и Кети. Удалось сформировать серию из 8 мужских и 9 женских черепов. При археологических раскопках в Аржисе, в Сюникской области, были обнаружены три погребения (6 мужских, 1 женский череп) позднего железного века.

Палеоантропологические материалы были реставрированы и обработаны непосредственно автором данного исследования. Это материалы из раскопок Л. Петросяна, С. Обосяна, О. Хнкияна, А. Хачатряна, Л. Еганян, С. Тер-Маркаряна, Н. Енгибарян, А. Пилипосяна. Все расчеты проводились в стандартных программах Microsoft Excel 2010 и Б.А. Козинцева.

Результаты и обсуждение

Изучены краниологические особенности палеоантропологических материалов эпохи поздней бронзы и раннего железного века из трех областей Армении — Гехаркуникской, Лорийской и Арагацотнской.

Мужская серия из Гехаркуникской области в целом характеризуется следующими особенностями (табл. 1): средней длины и очень малой ширины низкая черепная коробка (17), долихокранная по черепному и ортокранная по высотно-продольному указателю; лоб средней ширины, лицо средневысокое и очень узкое, ортогнатное по общему лицевому углу, по верхнелицевому указателю — лептен; орбиты среднеширокие и низкие, мезоконхные; нос узкий и средневысокий, лепторинный, средневыступающий; носовые кости широкие; переносье высокое; лицевой скелет профилирован очень резко на верхнем и среднем уровнях. Краниологическая характеристика женской серии: длинная, средней ширины средневысокая черепная коробка, долихокранная по черепному и ортокранная по высотно-продольному указателю; лоб средней ширины, средненаклонный; лицо средневысокое и среднеширокое, ортогнатное по общему лицевому углу, по верхнелицевому указателю — лептен; орбиты очень широкие и средневысокие, мезоконхные; нос узкий и высокий, лепторинный, сильно выступающий; носовые кости среднеширокие; переносье высокое; лицевой скелет профилирован резко на верхнем и среднем уровнях. Сравнение дисперсий обнаруживает существенное повышение изменчивости 25 признаков у мужчин и 24 — у женщин [Алексеев, Дебец, 1964]. Обнаружено достоверное преобладание эмпирических дисперсий только 14 признаков: 60, 61, 62, 63, 54, 51mf, 51d, 43/1, 75(1), 77, 8:1, 17:1, 20:1, 48:45 — среди мужских; 5, 9, 45, 60, 61, 62, 63, 55, 54, 51mf, 51d, DC, DS, 54:55 — среди женских черепов.

Как было сказано выше, большинство черепов из указанных погребений имеют затылочно-теменную деформацию. С точки зрения морфологических особенностей можно лишь отметить, что долихо- и мезокранные мозговые коробки без следов деформации оказались короче, в среднем на 4,5 мм, деформированных черепов. Для мужской серии без непреднамеренной деформации характерны сочетания низкого черепа с довольно низким и узким лицом. Мужские деформированные черепа шире, более высокоголовы, высоколицы, узколицы, с сильно выступающим носом и хамеконхными орбитами. Достоверное повышение вариабельности в серии с непреднамеренной деформацией демонстрируют 14 признаков (20, 48, 60, 61, 62, 55, 51, SC, 75 (1), 8:1, 17:1, 20:1, 20:8, 48:45), без деформации — 11 (29, 60, 62, 63, 54, 51mf, 51d, 32n-m, GM/FH, 8:1, 20:1). Женские деформированные черепа отличаются от недеформированных более высоким черепом, более широким лбом, более узким и резче профилированным на верхнем уровне лицом, узким и очень большим носом. Сравнение дисперсий обнаруживает повышение у пяти размеров, но анализ *F*-распределения подтверждает достоверность повышенной изменчивости только у высотно-продольного указателя (17:1, 20:1) при высоком уровне статистической значимости ($p < 0,01$). В женской серии без деформации отмечено два случая (60, 61) существенных различий между эмпирической и средней мировой дисперсиями ($p < 0,01$).

Краниологическая серия из Лорийской области представлена 24 мужскими и 10 женскими черепами. Черепа долихокранные, с очень большим продольным и малым поперечным диаметрами. По высотно-продольному указателю ортокранные, по высотно-поперечному — акрокранные. Лоб среднеширокий у мужчин и широкий у женщин. Лицо у мужчин узкое, по высоте попадает в среднюю группу, профилировка на верхнем уровне и в подносовой части сильная. Мезоконхные по пропорциям орбиты характеризуются средней шириной и очень малой высотой. Нос у мужчин малой ширины и высоты, лепторинный. Из-за плохой сохранности материалов угол выступания носовых костей не удалось измерить. Сравнение дисперсий выявило повышение изменчивости у 19 признаков в мужской группе, однако статистически достоверно только 11 маркеров (9, 43, 51mf, 51d, DS, 60, 61, 62, 63, 55, 54).

Можно проследить различия размеров черепа и лица с севера Армянского нагорья (Лорийская область) на восток (Гехаркуникская область). Если на северной периферии отмечаются длина и высота мужских черепов в категории очень больших и больших величин, то на востоке черепа среднелиннные, средневысокие и низкие. Если на севере лицо мезогнатное по общему лицевому углу, то по мере движения на восток угол вертикальной профилированности лица увеличивается и приближается к ортогнатии. Ширина орбит уменьшается от среднего до малого и очень малого, а симотическая ширина увеличивается от малого до среднего и большого значений. Широтные размеры (8, 12) женских черепов на северной периферии попадают в категории малых и средних размеров, на востоке эти показатели увеличиваются.

Средние размеры и указатели серий из могильников Армянского нагорья

№ по Мартину	Гехаркуникская область											
	Недеформированные											
	♂			♀			♂			♀		
	n	x	s	n	x	s	n	x	s	n	x	s
1	14	183,55	8,6	8	180,82	5,9	4	180,08	8,4	4	178,5	3,8
8	17	133,93	4,2	10	135,49	3,2	5	132,8	5,8	5	136,02	4,4
17	13	130,47	5,4	7	130,72	4,8	3	125,17	3,6	4	130,38	5,7
20	14	121,05	5,2	7	120,08	4,3	4	114,0	6,5	4	118,0	5,3
5	12	101,75	5,2	7	98,18	4,2	3	96,0	7,5	4	95,23	2,5
9	14	94,79	4,3	8	95,4	4,6	5	92,8	4,3	4	91,98	2,0
10	14	116,61	4,0	8	116,32	7,5	5	114,2	3,4	4	112,88	6,8
11	12	117,41	4,4	8	116,25	3,9	3	114,0	4,8	4	114,75	4,5
12	13	107,87	3,9	8	109,25	4,3	3	104,5	6,5	4	108,88	5,3
29	14	110,08	5,7	7	108,93	5,1	4	108,63	4,9	3	107,5	3,5
30	17	112,92	6,2	9	114,93	8,0	5	113,5	6,3	4	115,63	11,9
31	16	95,2	3,7	10	97,65	7,1	4	91,68	2,6	4	95,88	8,4
45	7	124,5	7,2	3	122,5	1,3	3	119,17	8,2	2	123,25	—
40	8	98,85	7,2	4	91,63	3,0	3	94,77	9,8	2	90,25	—
48	8	69,44	4,2	3	68,6	7,4	3	68,67	3,0	2	64,4	—
43	11	99,43	10,0	8	101,42	2,8	4	101,8	7,8	3	98,94	0,9
46	9	91,17	8,2	3	90,84	2,9	4	91,0	12,9	3	95,0	4,3
60	8	52,4	4,9	4	51,4	3,6	3	53,57	5,7	3	50,87	4,2
61	6	56,97	4,1	4	57,63	3,5	2	53,5	—	3	57,17	4,2
62	7	44,93	4,9	3	43,94	3,5	3	46,5	5,8	2	42,4	—
63	7	30,6	3,1	3	32,5	2,2	3	27,67	3,5	2	33,75	—
55	9	53,48	2,8	5	53,3	3,5	4	53,5	1,8	3	50,84	1,7
54	9	23,34	2,3	4	22,33	1,9	4	22,5	2,8	3	23,1	1,4
51	9	42,76	2,6	5	43,06	2,1	4	41,5	2,1	2	41,4	—
51a	9	38,62	3,0	5	39,0	2,0	4	37,75	4,3	2	37,0	—
52	9	32,97	1,7	4	34,0	1,8	4	32,75	1,5	2	32,5	—
43/1	11	96,291	4,8	8	96,04	3,6	4	95,4	8,0	4	93,33	2,8
ns/fmo	11	18,65	2,9	8	19,0	3,0	4	19,1	4,6	4	16,25	0,5
zm`-zm`	8	90,44	4,4	3	90,76	3,2	3	85,67	3,2	2	92,65	—
sbsp/zm`	8	28,58	2,7	3	27,34	2,0	3	28,77	1,7	2	26,75	—
DC	8	23,73	1,7	3	20,74	2,3	4	23,0	2,1	2	20,1	—
DS	8	13,28	1,0	3	11,5	2,5	4	12,95	0,8	2	11,85	—
SC	8	9,04	1,9	3	8,84	1,1	4	7,75	1,3	2	9,5	—
SS	8	4,54	1,4	3	3,94	1,1	4	3,7	1,1	2	3,9	—
MC	8	18,63	3,1	3	16,67	1,8	4	18,38	2,0	2	16,25	—
MS	8	7,94	1,7	3	6,84	1,6	4	7,25	1,5	2	6,25	—
32 n-m	8	78,69	3,8	4	84,25	2,9	3	78,5	4,4	2	84,0	—
32 g-m	8	74,25	4,0	4	81,5	2,5	3	73,67	5,5	2	81,0	—
72	8	84,63	1,8	3	86,5	1,3	3	84,0	1,7	2	86,75	—
73	7	83,65	0,8	3	84,84	0,2	3	83,34	1,1	2	84,75	—
74	7	90,58	4,6	3	92,67	3,5	3	88,84	4,1	2	92,0	—
75	6	56,5	6,5	3	60,34	1,1	2	59,0	—	2	60,0	—
75/1	6	28,5	6,8	2	26,75	—	2	25,5	—	2	26,75	—
77	11	135,82	4,8	8	136,75	6,0	4	135,25	6,9	4	140,25	0,5
zm`	8	127,75	3,2	3	127,67	4,7	3	130,34	2,3	2	129,5	—
8:1	14	73,01	3,7	8	74,53	2,5	4	73,21	4,2	4	75,75	0,7
17:1	12	71,71	3,6	6	72,494	3,0	3	71,23	3,2	3	72,09	0,4
20:1	12	69,18	3,5	6	71,09	2,6	3	69,03	2,8	3	70,95	1,1
17:8	13	97,25	4,2	7	96,89	1,6	3	95,17	2,6	4	96,51	1,0
20:8	13	93,58	3,7	7	94,94	1,2	3	92,22	1,7	4	94,75	1,1
9:8	14	70,79	4,1	8	70,85	3,3	5	69,96	2,0	4	68,34	2,0
48:45	6	55,9	4,2	3	56,05	6,6	3	57,73	2,5	2	52,26	—
54:55	9	43,09	3,7	4	42,85	5,4	4	41,96	3,9	2	44,53	—
52:51	9	77,25	4,1	4	80,35	3,6	4	79,09	3,6	2	78,5	—
52:51a	9	85,69	4,9	4	88,86	1,0	4	87,32	7,8	2	87,84	—
63:62	7	65,04	6,6	3	75,03	11,2	3	59,75	3,1	2	80,63	—
DS:DC	8	56,29	6,7	3	56,03	13,4	4	56,92	8,9	2	52,22	—
SS:SC	8	49,46	8,7	3	45,16	13,5	4	47,12	9,8	2	41,06	—

№ по Мартину	Гехаркуникская область						Лорийская область					
	Деформированные											
	♂			♀			♂			♀		
	n	x	s	n	x	s	n	x	s	n	x	s
1	10	184,93	6,8	4	183,13	7,3	12	193,02	5,4	3	183,84	6,0
8	12	134,4	4,2	5	134,96	1,8	15	137,99	4,8	5	133,8	2,5
17	10	132,05	4,9	3	131,17	4,6	2	139,5	—	1	136,0	—
20	10	120,86	4,9	3	118,17	3,7	1	120,0	—	1	119,0	—
5	9	103,67	2,6	3	102,1	2,0	4	107,5	8,6	1	103,0	—
9	9	96,12	4,1	4	98,83	3,8	11	97,06	4,8	3	97,34	4,5
10	9	117,95	3,9	4	119,75	7,4	12	120,71	3,8	4	118,5	3,6
11	9	118,55	3,8	4	117,75	3,0	6	122,67	6,1	1	113,0	—
12	10	108,88	5,1	4	109,63	3,8	16	111,32	7,9	4	104,5	3,7
29	10	110,65	6,2	4	110,0	6,4	15	115,67	6,8	4	115,08	7,0
30	12	112,67	4,8	5	114,46	4,6	14	119,04	6,7	7	114,65	6,3
31	12	96,38	3,3	6	95,39	3,9	10	100,56	4,0	4	101,0	8,0
45	4	128,5	3,2	1	121,0	—	1	130,0	—		—	—
40	5	101,3	4,9	2	93,0	—	2	106,25	—		—	—
48	5	69,9	5,1	1	77,0	—	5	69,76	8,0		—	—
43	7	103,43	2,5	3	104,34	2,4	8	106,15	4,8	1	98,0	—
46	5	92,3	2,9	2	94,5	—	2	97,0	—	3	98,0	3,6
60	5	51,7	4,8	2	51,5	—	10	57,5	3,3	2	55,75	—
61	4	58,7	3,8	1	59,0	—	9	62,72	4,8	3	60,5	1,3
62	5	45,6	5,7	1	47,0	—	6	50,17	5,0	2	44,0	—
63	4	32,8	0,9	1	30,0	—	11	30,84	4,5	4	30,13	1,4
55	5	53,46	3,6	2	57,0	—	5	50,86	4,2	1	57,0	—
54	5	24,0	1,8	1	20,0	—	5	24,8	3,3	2	26,5	—
51	6	42,97	2,6	3	44,17	2,0	7	41,58	2,2	1	41,0	—
51a	5	39,3	1,6	3	40,34	1,4	7	38,72	2,5	1	36,5	—
52	5	33,14	2,0	2	35,5	—	7	30,76	1,6	1	36	—
43/1	7	96,8	2,5	4	98,75	1,7	6	99,15	4,1	2	93,5	—
ns/fmo	7	18,39	1,8	4	21,75	1,3	6	19,42	4,6	2	18,5	—
zm`-zm`	5	93,3	1,7	1	87,0	—	1	95,5	—	1	93,8	—
sbsp/zm`	5	28,46	3,3	1	28,5	—	1	27,8	—	1	23	-
DC (49a)	4	24,45	1,2	1	22,0	—	3	24,9	2,7		—	—
DS	4	13,6	1,2	1	14,0	—	3	13,34	1,6		—	—
SC (57)	4	10,33	1,6	1	7,5	—	3	7,5	2,7	1	11,0	—
SS	4	5,38	1,2	1	4,0	—	3	3,67	1,0	1	5,0	—
MC	4	18,88	1,4	1	17,5	—	3	20,75	0,9	1	19	—
MS	4	8,63	1,8	1	4,0	—	3	12,27	5,2	1	8,5	—
32 n-m	5	78,8	3,9	2	84,5	—		—			—	—
GM/FH	5	74,6	3,5	2	82,0	—		—			—	—
72	5	85,0	2,0	1	86,0	—	2	81,5	—		—	—
73	4	83,88	0,6	1	85,0	—	2	81,25	—		—	—
74	4	92,0	5,3	1	93,0	—	2	80,0	—		—	—
75	3	58,34	6,0	1	61,0	—		—			—	—
75/1	4	30,0	8,0	1	25,0	—		—			—	—
77	7	136,15	3,1	4	131,25	1,2	6	134,67	7,3	2	139,0	—
zm`	5	126,2	2,8	1	124,0	—	1	121,0	—	1	131,0	—
8:1	10	72,93	3,7	4	73,66	3,4	11	72,53	3,0	3	71,79	2,8
17:1	10	71,87	3,8	3	72,9	4,7	2	72,17	—	1	76,41	—
20:1	9	69,23	3,9	3	71,22	4,1	1	62,18	—	1	65,97	—
17:8	10	97,87	4,5	3	97,397	2,4	2	98,73	—	1	102,26	—
20:8	10	93,98	4,1	3	95,18	1,7	1	89,97	—	1	89,41	—
9:8	9	71,25	5,0	4	73,36	2,1	8	68,87	3,3	2	72,94	—
48:45	3	54,08	5,2	1	63,83	—	1	53,85	—		—	—
54:55	5	43,99	3,6	1	35,09	—	4	46,16	3,7		—	—
52:51	5	75,78	4,2	2	82,19	—	6	76,12	4,2	1	87,81	—
52:51a	5	84,39	5,4	2	89,88	—	6	82,45	4,3	1	98,64	—
63:62	4	69,01	4,8	1	63,83	—	6	62,96	9,9	1	75,61	—
DS:DC	4	55,66	5,0	1	63,64	—	3	53,86	7,9		—	—
SS:SC	4	51,796	5,7	1	53,34	—	3	50,01	7,1	1	45,46	—

Краниология населения Армянского нагорья и этногенетическая ситуация...

Окончание табл. 1

№ по Мартину	Ширакская область						Сюникская область						Арагацотнская область			
	Деформированные												♂		♀	
	♂			♀			♂			♀			♂		♀	
	n	x	s	n	x	s	n	x	s	n	x	n	x	n	x	
1	5	193,2	7,3	6	183,64	7,7	3	186,1	8,2	1	184,0	1	209,0	1	185,0	
8	7	137,58	7,4	6	132,17	4,7	5	134,2	7,6	1	127,5	1	144,0	1	134,0	
17	2	137,75	—	4	129,75	6,1	2	136,0	—	1	119,8	—	—	1	133,0	
20	2	121,5	—	4	115,0	5,0	2	122,75	—	1	108,0	—	—	1	120,5	
5	2	106,75	—	4	103,25	11,0	2	106,0	—	1	101,0	—	—	1	102,0	
9	7	98,48	4,2	7	95,96	4,1	5	96,16	2,7	1	96,5	1	102,0	2	99,0	
10	6	119,64	5,8	6	121,34	2,4	5	119,0	4,7	1	102,5	1	124,0	2	113,5	
11	3	123,6	7,5	4	119,25	2,9	4	119,38	5,3	1	123,5	1	132,0	1	114,0	
12	5	112,3	7,4	6	101,84	8,2	4	107,15	1,5	1	113,5	1	124,0	1	109,9	
29	5	109,6	3,5	6	107,0	4,1	6	111,67	3,5	1	105,5	1	112,0	2	105,1	
30	6	116,67	7,0	7	113,72	3,8	4	112,63	1,2	1	109,5	1	120,0	2	115,75	
31	3	100,4	5,8	5	96,86	3,5	2	96,5	—	1	94,0	1	99,0	2	95,5	
45	2	139,0	—	3	124,17	4,3	3	130,67	2,0	1	129,5	—	—	—	—	
40	2	98,25	—	3	96,5	7,7	1	98,0	—	1	94,8	—	—	1	92,8	
48	2	74,0	—	3	68,77	2,4	3	68,27	4,0	1	72,8	—	—	1	66,0	
43	4	107,13	3,2	6	102,09	6,8	5	103,7	2,7	1	106,0	—	—	2	105,5	
46	1	98,0	—	3	89,67	4,0	3	90,84	2,7	1	96,0	—	—	—	—	
60	2	58,0	—	3	50,83	0,7	3	52,74	3,5	1	54,0	1	56,0	1	52,0	
61	1	68,0	—	4	61,13	2,4	3	60,17	5,2	1	63,0	1	61,5	1	61,5	
62	1	48,0	—	4	41,08	2,2	3	44,84	1,5	1	40,0	—	—	1	41,0	
63	1	32,0	—	3	34,67	4,7	3	31,84	3,7	1	32,0	1	31,0	1	31,1	
55	2	54,0	—	4	55,33	4,1	3	49,5	3,8	1	51,0	—	—	1	51,0	
54	2	22,75	—	3	22,84	3,3	3	24,07	1,0	1	23,8	—	—	1	25,5	
51	2	44,0	—	4	41,0	1,1	4	42,25	1,5	1	44,0	—	—	1	40,8	
51a	2	39,5	—	4	38,5	1,2	4	37,85	1,8	1	40,8	—	—	1	37,0	
52	2	33,5	—	4	35,38	1,6	4	30,5	2,0	1	36,5	—	—	1	36,0	
43/1	3	99,67	1,1	6	94,59	4,9	5	96,16	2,3	1	100,0	—	—	2	99,0	
ns/fmo	3	21,67	1,1	6	18,87	2,7	5	16,96	1,4	1	18,0	—	—	2	16,9	
zm`-zm`	1	100,5	—	3	90,14	4,2	3	90,77	3,1	1	96,0	—	—	—	—	
sbsp/zm`	1	32,0	—	3	27,5	3,0	3	26,04	1,0	1	28,0	—	—	—	—	
DC (49a)	1	24,5	—	2	21,25	—	3	23,0	2,2	1	25,0	—	—	1	21,8	
DS	1	20,0	—	2	11,0	—	3	10,9	1,8	1	13,0	—	—	1	10,8	
SC (57)	1	11,0	—	2	6,85	—	3	8,34	2,3	1	8,0	—	—	1	6,0	
SS	1	6,0	—	2	2,5	—	3	3,5	0,8	1	3,0	—	—	1	3,5	
MC	1	21,0	—	2	17,5	—	3	18,17	3,2	1	19,0	—	—	1	17,1	
MS	1	9,6	—	2	7,0	—	3	6,1	0,6	1	6,0	—	—	1	6,5	
32 n-m	1	77,0	—	3	82,5	3,9	2	86,0	—	1	73,0	—	—	1	88,0	
GM/FH	1	74,0	—	3	79,34	4,5	2	81,0	—	1	70,0	—	—	1	85,0	
72	1	86,0	—	3	82,34	4,5	2	86,0	—	1	89,0	—	—	1	86,0	
73	1	84,0	—	3	81,17	5,1	2	85,75	—	1	88,0	—	—	1	84,5	
74	1	90,0	—	3	91,34	3,2	2	89,0	—	1	98,0	—	—	1	92,0	
75	1	64,0	—	2	56,5	—	2	57,75	—	1	62,0	—	—	—	—	
75/1	1	22,0	—	2	27,5	—	2	28,28	—	1	27,0	—	—	—	—	
77	3	133,67	2,0	6	135,17	5,5	5	137,8	2,0	1	136,0	—	—	2	138,0	
zm`	1	126,0	—	3	122,0	3,4	3	125,67	0,5	1	120,0	—	—	—	—	
8:1	5	71,99	3,7	5	76,194	4,2	3	73,53	3,8	1	69,294	1	65,76	1	72,44	
17:1	2	72,395	—	4	71,56	1,5	2	73,01	—	1	65,11	—	—	1	71,892	
20:1	2	63,72	—	4	68,94	0,4	2	65,99	—	1	62,5	—	—	1	65,14	
17:8	2	97,75	—	4	93,93	6,4	2	101,51	—	1	93,97	—	—	1	99,26	
20:8	2	86,42	—	4	90,47	5,5	2	91,51	—	1	90,197	—	—	1	89,93	
9:8	5	71,45	3,7	5	68,28	2,6	4	73,03	6,8	1	75,69	—	70,84	1	70,15	
48:45	2	53,24	—	3	55,39	0,08	2	52,57	—	1	56,22	—	—	—	—	
54:55	2	42,12	—	3	40,58	2,6	3	48,72	1,9	1	46,67	—	—	1	50,0	
52:51	2	76,14	—	4	86,33	4,3	4	72,33	6,4	1	82,96	—	—	1	88,24	
52:51a	2	84,795	—	4	92,08	4,0	4	80,65	5,7	1	89,47	—	—	1	97,298	
63:62	1	66,67	—	3	82,12	9,8	3	64,29	7,9	1	80,0	—	—	1	75,86	
DS:DC	1	81,64	—	2	52,0	—	3	47,88	10,2	1	52,0	—	—	1	49,55	
SS:SC	1	54,55	—	2	36,84	—	3	45,05	19,6	1	37,5	—	—	1	58,34	

Из западной части Армении (Кучак) происходит только один, неполный мужской череп, который удалось исследовать. Череп не имел признаков непреднамеренной затылочной деформации и определен как долихокраний, со средним широтным и очень большим продольным диаметрами мозговой коробки. Лоб и затылок широкий (табл. 1). Женские черепа с затылочной деформацией также долихокраний при очень большом продольном и среднем широтном диаметрах свода. Лицевой отдел ортогнатный, средневысокий. Орбиты по указателю высокие со средней шириной и большой высотой. Нос большой ширины и высоты, по индексу мезоринный (среднеширокий).

Для позднего периода эпохи железа определены краниологические особенности палеоантропологических материалов с Ширакской равнины и из Сюникской области Армении. Данная культура очень слабо представлена в палеоантропологическом отношении.

Полученные данные характеризуют жителей Ширакской равнины как имеющих в среднем очень большой продольный и малый поперечный диаметры при большой высоте мозговой коробки у мужчин (долихокrania) и средней у женщин (мезокrania) (табл. 1). У мужчин лицо широкое и высокое, у женщин — среднеширокое и средневысокое. Орбиты мезоконхные по пропорциям у мужчин, гипсиконхные — у женщин, нос мезоринной формы. Носовые кости на мужских черепах большой ширины и очень большой высоты на дакриальном уровне и симотическом. У женских черепов носовые кости средней ширины и большой высоты на дакриальном уровне, но заметно ниже на симотическом. Сравнение дисперсий обнаруживает повышение изменчивости ряда признаков (1, 8, 10, 11, 12, 30, 31, 8:1) у мужчин, из которых стандартные отклонения черепного указателя повышены статистически достоверно ($P < 0,05$). В серии женских черепов отмечено девять случаев (48, 63, 55, 54, 43/1, GM/FH, 72, 73, 8:1) существенных различий между эмпирической и средней мировой дисперсиями ($P < 0,01$).

Краниологические серии Ширакской равнины отличаются от хронологически и эпохально предшествующих серий увеличением количества мезокраний черепов и новой морфологической особенностью. Черепа имеют более широкий лицевой скелет.

Мужская серия из Сюникской области долихокраний, с большим продольным, малым поперечным и средним высотным диаметрами черепной коробки (табл. 1). По высотно-продольному указателю черепа ортокраний, по высотно-поперечному — акрокраний. Лицо ортогнатное, узкое, высокое, уплощенность горизонтального профиля малая. Орбиты по указателю высокие со средней шириной и большой высотой. Нос невысокий и узкий, небо узкое. Сравнение дисперсий обнаруживает повышение изменчивости 15 признаков у мужчин, из которых стандартные отклонения пяти маркеров (60, 61, 63, 55, 8:1) повышены статистически достоверно. Из могильника Аржис происходит только один полный женский череп, который удалось исследовать. Череп долихокраний с очень большим продольным, очень малым поперечным и высотным диаметрами. Лоб широкий, затылок очень широкий. Лицо широкое и высокое, профилировано резко на верхнем и среднем уровнях, нос высокий и среднеширокий, орбиты очень широкие и высокие. Носовые кости очень большой ширины и очень большой высоты на дакриальном уровне и среднеширокие и средневысокие на симотическом.

Мужские серии Ширакской равнины и Сюникской области имеют ряд общих краниометрических характеристик: долихо-мезокrania, среднеширокий лоб, узкий нос и сильно профилированное на назомаллярном уровне лицо. Обнаруживается и отличия между жителями северозападных и южных районов Армении. Так, у жителей Ширака высокое и широкое лицо, высокий нос, широкие и высокие орбиты. Противоположная комбинация признаков у жителей Сюника: узкий, невысокий лицевой скелет, низкий нос, среднеширокие и низкие орбиты.

С целью общей (предварительной) сравнительной характеристики исследованные выборки из пяти областей Армении были сопоставлены с 47 краниологическими сериями (табл. 2) эпох бронзы и железа Кавказа и юга Восточной Европы [Абдушелишвили, 1982; Алексеев, 1974; Алексеев, Мкртчян, 1989; Казарницкий, 2012; Касимова, 1960; Мкртчян и др., 1997; Мкртчян, 2001; Худавердян, 2011, 2016; Шевченко, 1986].

Межгрупповое сопоставление краниологических серий было проведено по 14 признакам. Нагрузки признаков в канонических переменных приведены в табл. 3. На рис. 2 показано положение рассматриваемых групп в пространстве I и II канонических векторов (КВ), отражающих в сумме 50,9 % общей изменчивости. При анализе мужских серий КВ I отражает 37 % общей изменчивости и является самым информативным. Наибольшие нагрузки пришлось в основном на широтные размеры черепной коробки и лицевого скелета (8, 45). По КВ I серии из Калмыкии (27–31, 34, 35), Нижнего Дона (41), Поволжья (31, 32), Северного Кавказа (46) демонстрируют

Краниология населения Армянского нагорья и этногенетическая ситуация...

максимальные значения и сконцентрированы в положительном поле изменчивости в правой части графика. Почти все они характеризуются мезо- и брахикранией, широким и невысоким лицом. В отрицательном поле изменчивости локализованы серии из Гехаркунической (1–3), Ширакской (7, 8), Сюникской (6) областей, Араратской долины (10), Грузии (18–23), Азербайджана (25), Северного Кавказа (45). Лолинская группа (39), с большим значением первого и средним — второго фактора, также оказалась в левой части координатного пространства. На рис. 2 отчетливо видно, что лолинская выборка (39) с армянскими сериями, в особенности с Неркин Геташеном (14), Артиком (13) и суммарной выборкой куро-аракской культуры (12), демонстрирует наибольшее сходство. Появление на территории Калмыкии и Ростовской области долихокранных черепов с неширокими, резко профилированными в горизонтальной плоскости лицами многие исследователи связывают с более южными территориями Северного Кавказа и Закавказья [Хохлов, Мимоход, 2008; Худавердян, 2015; Казарницкий, 2012].

Таблица 2

Сведения о сериях, использованных для сравнительного анализа

№ п/п	Регион	Серия, могильник	Эпоха, культура	Источник
1	Гехаркуническая область	Сборная серия	XIV–XII вв. до н.э.	Настоящая статья
2	»	Деформиров.	»	»
3	»	Недеформиров.	»	»
4	Лорийская область	Сборная серия	»	»
5	Арагацотнская область	Кучак	»	»
6	Сюникская область	Аржис	VIII–VI вв. до н.э.	»
7	Ширакская область	Сборная серия	IX–VI вв. до н.э.	»
8	»	»	IV–III тыс. до н.э. Куро-аракская культура	Худавердян, 2016
9	Армения	Джарат	»	Алексеев, 1974
10	»	Шенгавит	»	»
11	»	Мейданнер	»	Алексеев, Мкртчян, 1989
12	»	Сборная серия	»	Худавердян, 2011
13	»	Артик	XV/XIV–XI вв. до н.э.	Алексеев, 1974
14	»	Неркин Геташен	»	Мкртчян, Паликян, 1997
15	»	Норадуз	XI–IX/ VIII вв. до н.э.	Алексеев, 1974
16	»	Цамакаберд	»	»
17	»	Ором	»	Мкртчян, 2001
18	Грузия	Сборная серия	IV–III тыс. до н.э. Куро-аракская культура	Абдушелишвили, 1982
19	»	»	Позднебронзовый период I этап	»
20	»	»	II этап	»
21	»	Самтавро	Позднебронзовый период I этап	»
22	»	»	II этап	»
23	»	»	X–VI вв. до н.э.	»
24	Азербайджан	Мингечаур	X–VIII вв. до н.э.	Касимова, 1960
25	»	»	VII–V вв. до н.э.	»
26	Предкавказье	Сборная серия	Майкопско-новосвободненская культура	Казарницкий, 2012
27	»	Чограйские м-ки	Ямная культура	»
28	»	Канал Волго-Чохрай	»	»
29	»	Разрозненные м-ки	»	»
30	Калмыкия	Сборная серия	»	»
31	Астраханская область	Кривая Лука	»	»
32	»	»	Катакомбная культура	»
33	»	»	Срубная культура	Шевченко, 1986
34	Калмыкия	Сборная серия	Раннекатакомбная культура	Казарницкий, 2012
35	»	»	Ямно-катакомбная культура	»
36	Южная Калмыкия	Недеформиров.	Восточноманычская катакомбная культура	»
37	»	Деформиров.	»	»
38	Северная Калмыкия	Сборная серия	»	»

№ п/п	Регион	Серия, могильник	Эпоха, культура	Источник
39	Предкавказье	»	Лолинская культура	»
40	Нижний Дон	»	Катакомбная культура	»
41	»	Новочеркасский	»	»
42	»	Ростовский	»	»
43	Предкавказье	Сборная серия	Срубная культура	» Шевченко, 1986
44	Северный Кавказ	»	Энеолит — бронза	Алексеев, 1974
45	»	»	Кобанская культура	»
46	»	»	II–I тыс. до н.э.	»
47	Дагестан	Гинчи	V–IV тыс. до н.э.	»

Таблица 3

Элементы первых трех канонических векторов (КВ)

	♂			♀		
	КВ I	КВ II	КВ III	КВ I	КВ II	КВ III
1	-0,414	-0,447	0,500	-0,703	-0,059	-0,546
8	0,622	0,258	-0,288	0,428	-0,379	0,138
17	-0,125	0,028	-0,009	0,288	0,444	0,432
9	-0,128	-0,467	-0,032	-0,344	-0,479	-0,078
45	0,611	-0,191	-0,210	0,466	-0,078	-0,225
48	0,010	-0,564	0,260	-0,048	-0,479	0,359
55	-0,351	0,589	-0,559	-0,181	0,672	-0,048
54	0,155	0,050	0,266	0,096	-0,132	0,403
51mf	0,088	0,436	0,629	0,364	0,073	-0,187
52	-0,250	0,006	-0,218	-0,323	0,110	0,189
77	0,066	-0,191	0,125	-0,002	-0,250	-0,247
<zm`	-0,114	0,673	0,360	0,119	0,670	0,120
SS:SC	0,179	0,109	0,286	0,396	0,120	-0,804
75(1)	0,143	-0,496	0,036	-0,312	-0,427	0,707
Доля в общей дисперсии (%)	37,894	13,004	10,470	27,347	13,547	11,786

Включенная в анализ краниологическая выборка с искусственной деформацией из могил катакомбной культуры Южной Калмыкии (37) заняла центральное положение с большими значениями первого и второго векторов (рис. 2). Как известно, краниологическая выборка катакомбной культуры с искусственной деформацией статистически достоверно отличается от серии недеформированных черепов Южной Калмыкии [Казарницкий, 2012]. А.В. Шевченко [1986] при изучении данной краниологической серии высказал мнение, что искусственная деформация черепной коробки могла не влиять на лицевые размеры. Но группы различаются по высоте и орбиты, и носа, а также по углу выступления носовых костей. На графике неподалеку от калмыкской выборки с искусственной деформацией по признакам, определяющим разброс групп по первому и второму фактору, расположились серии из Армении (10, 7) и Азербайджана (24). Изменения в морфологии лицевого скелета жителей азово-каспийских степей связаны, по всей видимости, с миграцией в этот регион населения из Закавказья. Уже писалось ранее, что краниологический комплекс южных европеоидов, представленный в составе носителей катакомбной культуры, имеет некоторые аналогии с племенами Куро-Аракса [Худавердян, 2015; Khudaverdyan, 2011a]. А.В. Шевченко [1986], рассуждая о появлении обряда искусственной деформации головы у племен катакомбной культуры, полагал, что эта традиция проникла в степи Восточной Европы из Средиземноморья скорее кавказским путем, причем через ее конкретных носителей.

По данным межгруппового сопоставления черепа майкопской культуры сходны как с синхронными (Куро-Аракс, 12), так и с более поздними (13, 14) южно-европеоидными группами с территории Армянского нагорья. Это является дополнительным аргументом в пользу того, что майкопская культура генетически не связана с местным населением Предкавказья, а тяготение материальной культуры к Ближнему Востоку [Мунчаев, 1994] позволяет допустить их миграцию с территории Передней Азии.

Судя по антропологическим данным, население IX–VI вв. до н.э. из Ширака (7) связано генетически с представителями местной куро-аракской культуры (8). Также близкими к суммарной

Краниология населения Армянского нагорья и этногенетическая ситуация...

выборке с Ширакской равнины (7) являются носители культуры позднебронзового периода из Грузии (20) и мингечаурская серия VII–V вв. до н.э. (25). Аржиская серия из Сюникской области (6) более сходна с выборками эпохи ранней бронзы из Армении (10) и Грузии (18).

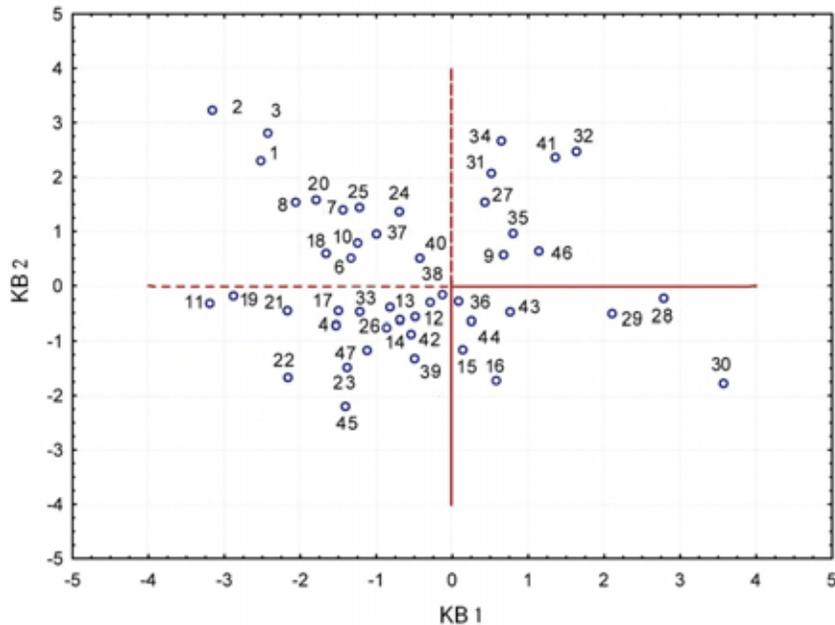

Рис. 2. Положение мужских краниологических серий в пространстве первого и второго канонических векторов.

В KB II (13 % изменчивости) наибольшие нагрузки пришлись на зигомаксиллярный угол, высоту носа и верхнюю высоту лица. Положение анализируемых групп в пространстве второго вектора-дискриминатора показывает высокие положительные величины у групп из Гехаркуникской (1–3), Ширакской (7, 8) областей, Грузии (20), Азербайджана (24, 25), Поволжья (32), Нижнего Дона (41), Южной Калмыкии (37), отрицательные — у групп из Тавушской (11), Гехаркуникской (15, 16), Ширакской (17) областей, Грузии (22, 23) и Северного Кавказа (45, 47). Максимальными значениями координат по данному вектору характеризуются выборки из Гехаркуникской области (1–3). На рис. 2 видно, что группы в целом не образуют сколько-нибудь компактных скоплений. Тщательное изучение краниологических коллекций из этой области приводит к мысли, что если бы можно было анализировать материал только в масштабе отдельных могильников, то картина на графике была бы иная. Вынужденное, а потому искусственное объединение в одну группу разнородного материала представляет собой не что иное, как механическое смешение, ведущее к увеличению внутригрупповой изменчивости за счет межгрупповой. Это относится к выборкам и с непреднамеренной искусственной деформацией черепа, и без нее. Тем не менее указанные суммарные группы реально различаются именно как варианты южно-европеоидного типа.

Наконец, в третьем каноническом векторе, отражающем 10 % дисперсии, наиболее ценным признаком оказалась ширина орбиты. Максимальные величины по KB III выявлены у представителей Грузии (21, 19), Армении (2, 9, 11), Северного Кавказа (44), Поволжья (32) (отрицательные значения по KB III) и Грузии (20), Ширакской равнины (8), Северной Калмыкии (38), Предкавказья (39) (положительные значения по KB III).

По результатам межгруппового анализа женских групп получены три вектора, отражающие в совокупности 52 % общей изменчивости (табл. 3). В KB I (27 %) максимальная нагрузка пришлась на продольный диаметр, в KB II (13 %) — вновь на ширину носа и на зигомаксиллярный угол, в KB III (11 %) — на симотический указатель и угол выступания носа, которые имеют противоположные знаки.

Максимальные значения по KB I в отрицательном поле изменчивости вновь отмечены в сериях из Ширакской (7, 8, 17), Сюникской (6), Лорийской (4), Гехаркуникской (9, 14, 15) областей

Армении и Грузии (18–20, 22, 23) (рис. 3). Максимальные значения координат в положительном поле изменчивости — у краниологических серий Северо-Западного Прикаспия (27, 29, 35, 36, 38) и Дагестана (47).

Аржиская серия (6), с большим значением первого и средним второго векторов, обнаруживает сходство с неркин-геташенской выборкой (14) предшествующей эпохи. К ним примыкают носители куро-аракской культуры из Грузии (18). Серии черепов из Ширакской (7, 8) и Лорийской (4) областей, с большими значениями первого и второго векторов, занимают обособленное от остальных групп положение. Вероятно, это может служить подтверждением, что антропологический состав перечисленных групп формировался с участием различных, зачастую общих, компонентов. Специфической особенностью черепов серии Ширакской равнины является сочетание большой степени высоты переносья на дакриальном уровне с относительно меньшей его высотой на симотическом уровне.

В целом на рис. 3 отчетливо видно, что группы XI–IX/VIII вв. до н.э. из Армении (15, 17) вместе с сериями из Грузии (20, 22, 23) образуют отдельное скопление, занимая поле высоких отрицательных значений первого вектора. Серии Гехаркуникской (2, 1, 3) и Арагацотнской (5) областей расположены довольно компактно. Их объединяют долихокrania, средневысокое и сильно профилированное на назомаллярном уровне лицо. К ним тяготеют носители срубной (43) и майкопской (26) культур Предкавказья и племена кобанской культуры (45) из Северного Кавказа.

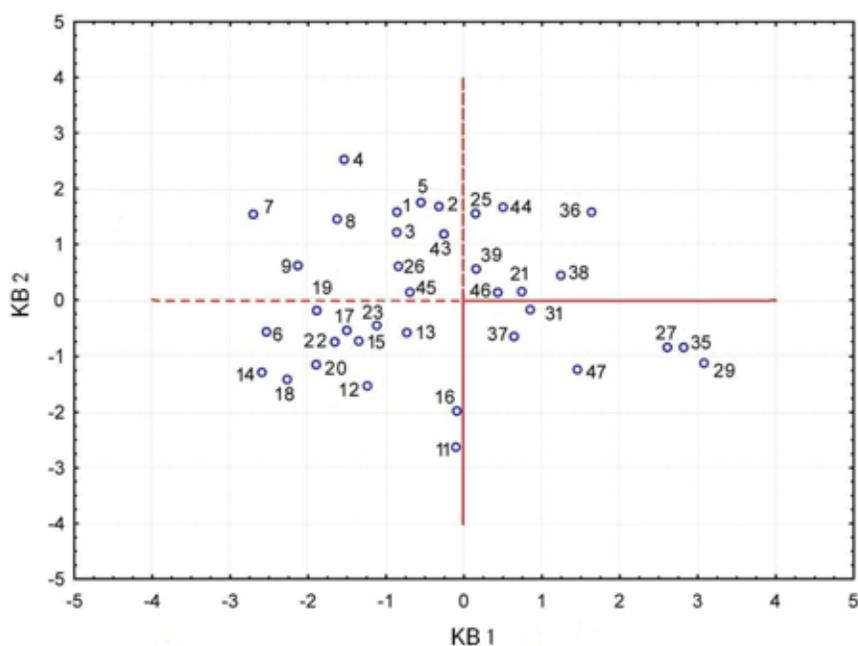

Рис. 3. Положение женских краниологических серий в пространстве первого и второго канонических векторов.

Наибольшие нагрузки по KB II показывают лорийская (4), арагацотнская (5) и гехаркуникские (1–3) серии. Наиболее близкими к ним являются восточноманычская катакомбная (36), срубная (43) культуры, серии из Азербайджана (25), Северного Кавказа (46) и Ширака (7, 8). О возможном присутствии нового для этого региона (Предкавказья) комплекса признаков: более узкое и резче профилированное лицо в сочетании с долихокранией — в составе антропологического типа катакомбной и срубной культур уже говорилось ранее [Шевченко, 1986; Казарницкий, 2012; Худавердян, 2011, 2015].

Максимальными значениями по KB III характеризуются группы из Южной Калмыкии (36), Грузии (19, 20, 22), Армении (15, 4) (в положительном поле). Высокие величины в отрицательном поле у краниологических серий из Армении (3, 5, 11) и Предкавказья (26, 38, 39). Как и в предыдущем анализе, лонинская выборка (39) имеет ряд общих краниометрических характеристик с южными европеоидами (25, 21, 46). Серии катакомбной культуры Калмыкии (38) и позднебронзового периода (I этап) Грузии (21) расположены довольно компактно.

Краниология населения Армянского нагорья и этногенетическая ситуация...

Таким образом, вводимые в научный оборот новые краниологические материалы с территории Армянского нагорья даже при их малочисленности представляются ценным источником для изучения процессов формирования антропологического состава и этнической истории населения не только данного региона, но и юга Восточной Европы в целом. Исходя из результатов межгруппового сопоставления краниометрических особенностей мужских и женских серий эпох бронзы и железа можно сделать следующие предварительные выводы.

Основным антропологическим комплексом краниологических серий из погребений Лорийской, Арагацотнской, Гехаркуникской, Ширакской и Сюникской областей выступает южно-европеоидная комбинация в двух вариантах: 1) долихокранный средневысокий череп с узким и средневысоким лицом; 2) долихо-мезокранный невысокий череп с узким и невысоким лицом. Вне зависимости от пола обнаруживается очевидное их сходство с предшествующим населением этой же территории, что вполне уместно трактовать как генетическое родство.

Серии лолинской, катакомбной и срубной культур имеют ряд общих черт с южно-европеоидным населением Закавказья. Это положение не ново — оно развивалось еще А.А. Хохловым [Хохлов, Мимоход, 2008], А.Ю. Худавердян [2011, 2015; Khudaverdyan, 2011a], А.А. Казарницким [2012]. Антропологические особенности представителей майкопской культуры находят параллели среди носителей куро-аракской культуры. Этот результат можно считать важнейшим в анализе, так как впервые удалось обнаружить сходство майкопской выборки с синхронными и территориально близкими краниологическими сериями. Можно допустить, что процесс формирования антропологического состава азово-каспийских степей в эпоху бронзы происходил при постепенном начиная с III тыс. до н.э. проникновении переселенцев с территории Армянского нагорья и Ближнего Востока, которые смешивались с коренным населением этого региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абдушлишвили М.Г.* Антропология населения Кавказа в бронзовом периоде. Тбилиси, 1982. 134 с.
- Аветисян П.С.* Армянское нагорье в XXIV–IX вв. до н.э.: (Динамика социально-культурных трансформаций по археологическим данным): Дис. в виде научн. докл. ... д-ра ист. наук. Ереван, 2015. 97 с.
- Аветисян П.С., Мелконян У.А., Маркарян А.З.* Археологические культуры на территории Армянского нагорья // *Армяне*. М.: Наука, 2012. С. 16–33.
- Алексеев В.П.* Происхождение народов Кавказа. М.: Наука, 1974. 317 с.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.* Краниометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
- Алексеев В.П., Мкртчян Р.А.* Палеоантропологический материал из погребений в Армении и вопросы генезиса населения куро-аракской культуры // *СА*. 1989. № 1. С. 127–134.
- Казарницкий А.А.* Население азово-каспийских степей в эпоху бронзы: (Антропологический очерк). СПб.: Наука, 2012. 264 с.
- Касимова Р.М.* Антропологическое исследование черепов из Мингечаура. Баку, 1960. 133 с.
- Мкртчян Р.А., Пилипосян А.С., Паликян А.К.* Коллективное погребение эпохи средней бронзы Неркин Геташена: (Социокультурная характеристика) // *Вестник обществ. наук НАН РА*. 1997. № 1 (594). С. 130–141.
- Мкртчян Р.А.* Палеоантропология Оромского могильника. Ереван, 2001. 115 с.
- Мунчаев Р.М.* Майкопская культура // *Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии*. Ранняя и средняя бронза. М., 1994. С. 158–225.
- Паликян А.К.* Новые палеоантропологические материалы с территории Армении // *Биол. журнал Армении*. 1990. № 4 (43). С. 296–300.
- Хохлов А.А., Мимоход Р.А.* Краниология населения степного Предкавказья и Поволжья в посткатакомбное время // *Вестник антропологии*. 2008. Вып. 16. С. 44–70.
- Худавердян А.Ю.* Древнейшие общности Кавказа — в диалоге миров: (Антропологический этюд). Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG Dudweiler Landstr, 2011. 299 с.
- Худавердян А.Ю.* Антропологические заметки о взаимосвязях между Кавказом, Восточной Европой и Сибирью // *Человек и север: Антропология, археология, экология*. Тюмень, 2015. С. 61–69.
- Худавердян А.Ю.* Биоархеологические подходы к изучению следов искусственного воздействия на череп (на примере популяций эпохи бронзы и раннего железного века с территории Армении) // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2016. № 1 (32). С. 103–114.
- Шевченко А.В.* Антропология населения южно-русских степей в эпоху бронзы // *Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР*. Л.: Наука, 1986. С. 121–215.
- Khudaverdyan A.* Migrations in the Eurasian steppes in the light of paleoanthropological data // *The Mankind Quarterly*. 2011a. Vol. LI. № 4. P. 387–463.
- Khudaverdyan A. Yu.* The anthropology of infectious diseases of Bronze Age and Early Iron Age from Armenia // *Dental Anthropology*. 2011b. № 2 (2). P. 42–54.

Khudaverdyan A. Yu. A dwarfism skull: Excavated on the site of the Late Bronze Age and Early Iron Age cemetery at Artsvakar (Armenia) // *Journ. of Paleopathology*. 2016a. Vol. 26. № 2–3. P. 93–104.

Khudaverdyan A. Yu. Artificial Deformation of Skulls from Bronze Age and Iron Age Armenia // *The Mankind Quarterly*. 2016b. Vol. 56. № 4. P. 513–534.

Khudaverdyan A. Yu., Hobossyan S. Non-metric dental traits and dental disease from Late Bronze Age and Early Iron Age in Armenia // *Bulletin of the Intern. Association for Paleodontology*. 2016. № 10 (1). P. 4–15.

A.Yu. Khudaverdyan

Institute of Archaeology and Ethnography,
National Academy of Science, Republic of Armenia
st. Charenc, 15, Yerevan
E-mail: ankhudaverdyan@gmail.com

CRANIOLOGY OF THE ARMENIAN HIGHLANDS AND ETHNOGENETIC SITUATION IN SOUTHERN EASTERN EUROPE IN THE LATE BRONZE AGE AND IRON AGE

The article is dedicated to the study of the anthropological composition and origin of various groups of the ancient population of Armenia. Along with the paleoanthropological materials previously published by other researchers, the author studied new collections, gathered by various archaeological expeditions of the Institute of Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences. We investigated a total number of 90 skulls of adult individuals of both sexes (57♂, 33♀). The new materials characterize the anthropological composition of the population of Lori, Shirak, Aragotsotni, Syunik regions of Armenia for the first time. The results of statistical analysis identified close affinities between the Transcaucasia samples and the samples from Southern Eastern Europe (Maikop, Lolinsk, Catacomb, Srubna cultures of the Fore Caucasus).

Key words: Craniology, Armenia, the Late Bronze and Iron Ages, genesis.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-064-077

REFERENCES

Abdushelishvili M.G., 1982. *Antropologiya naseleniia Kavkaza v bronzovom periode* [Anthropology of the Caucasian population in the Bronze Age], Tbilisi, 134 p.

Alekseev V.P., 1974. *Proiskhozhdenie narodov Kavkaza* [The origin of the Caucasian peoples], Moscow: Nauka, 317p.

Alekseev V.P., Debets G.F., 1964. *Kraniometriia: Metodika antropologicheskikh issledovani* [Cranio-metry: Methods of anthropological researches], Moscow: Nauka, 128 p.

Alekseev V.P., Mkrtchan R.A., 1989. Paleoantropologicheskii material iz pogrebenii v Armenii i voprosy genezisa naseleniia kuro-arakskoi kul'tury [Paleoanthropological materials from burials in Armenia and the issues of the genesis of the population of the Kura-Araxes culture]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 1, pp. 127–134.

Avetisyan P.S., 2015. *Armianskoe nagor'e v XXIV–IX vv. do n.e.: (Dinamika sotsial'no-kul'turnykh transformatsii po arkheologicheskim dannym)* [The Armenian Highlands during the 24–9th centuries BC: (Dynamics of socio-cultural transformations, according to archaeological data)]. *Dissertatsiia v vide nauchnogo doklada na soiskanie stepeni doktora istoricheskikh nauk*, Yerevan, 97 p.

Avetisyan P.S., Melkonyan H.A., Markarian A.Z., 2012. *Arkheologicheskie kul'tury na territorii Armianskogo nagor'ia* [Archaeological cultures on the territory of the Armenian Highlands]. *Armiiane*. Moscow: Nauka, pp. 16–33.

Kasimova R.M., 1960. *Antropologicheskoe issledovanie cherepov iz Mingechaura* [Anthropological study of the skulls of Mingachevir], Baku, 133 p.

Kazarnitskii A.A., 2012. *Naselenie azovo-kaspiiskikh stepei v epokhu bronzy: (Antropologicheskii ocherk)* [The population of the Azov-Caspian steppes in the Bronze Age: (An anthropological essay)], St. Petersburg: Nauka, 264 p.

Khokhlov A.A., Mimokhod R.A., 2008. *Kraniologiya naseleniia stepnogo Predkavkaz'ia i Povolzh'ia v postkatakombnoe vremia* [Cranio-metry of the population of the Fore-Caucasian steppe and the Volga river region in the post catacomb time]. *Vestnik antropologii*, vol. 16, pp. 44–70.

Khudaverdian A.Yu., 2011. *Drevneishie obshchnosti Kavkaza — v dialoge mirov: (Antropologicheskii etiid)* [The ancient communities in the Caucasus in a dialogue of the worlds: (An anthropological study)], Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG Dudweiler Landstr., 299 p.

Khudaverdian A.Yu., 2015. *Antropologicheskie zametki o vzaimosviaziakh mezhdu Kavkazom, Vostochnoi Evropoi i Sibir'iu* [Anthropological notes on the relationship between the Caucasus, Eastern Europe and Siberia]. *Chelovek i sever: Antropologiya, arkheologiya, ekologiya*, Tiumen', pp. 61–69.

Khudaverdian A.Yu., 2016. *Bioarkheologicheskie podkhody k izucheniiu sledov iskusstvennogo vozdeistviia na cherep (na primere populiatsii epokhi bronzy i rannego zhelezhnogo veka s territorii Armenii)* [Bioarchaeological

Краниология населения Армянского нагорья и этногенетическая ситуация...

approaches to study traces of artificial influence on the skull (on the example of the Bronze Age and Early Iron Age populations from Armenia)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 1 (32), pp. 103–114.

Khudaverdyan A.Yu., 2011a. Migrations in the Eurasian steppes in the light of paleoanthropological data. *The Mankind Quarterly*, vol. LI, no. 4, pp. 387–463.

Khudaverdyan A.Yu., 2011b. The anthropology of infectious diseases of Bronze Age and Early Iron Age from Armenia. *Dental Anthropology*, no. 2 (2), pp. 42–54.

Khudaverdyan A.Yu., 2016a. A dwarfism skull: Excavated on the site of the Late Bronze Age and Early Iron Age cemetery at Artsvakar (Armenia). *Journal of Paleopathology*, vol. 26, no. 2–3, pp. 93–104.

Khudaverdyan A.Yu., 2016b. Artificial Deformation of Skulls from Bronze Age and Iron Age Armenia. *The Mankind Quarterly*, vol. 56, no. 4, pp. 513–534.

Khudaverdyan A.Yu., Hobossyan S., 2016. Non-metric dental traits and dental disease from Late Bronze Age and Early Iron Age in Armenia. *Bulletin of the International Association for Paleodontology*, no. 10 (1), pp. 4–15.

Martirosyan A.A., 1964. *Armenia v epokhu bronzy i rannego zheleza* [Armenia in the Bronze Age and the Early Iron Age], Yerevan, 1964. 346 p.

Mkrtchan R.A., 2001. *Paleoantropologiya Oromskogo mogil'nika* [Paleoanthropology of the cemetery of Horom], Yerevan, 115 p.

Mkrtchan R.A., Piliposyan A.S., Palikyan A.K., 1997. Kollektivnoe pogrebenie epokhi srednei bronzy Nerkin Getashena: (Sotsiokul'turnaia kharakteristika) [A collective burial of the Middle Bronze Age from Nerkin Getashen: (Socio-cultural characteristics)]. *Vestnik obshchestvennykh nauk NANRA*, no. 1 (594), pp. 130–141.

Munchaev R.M., 1994. Maikopskaia kul'tura [The Maikop culture]. *Epokha bronzy Kavkaza i Srednei Azii. Ranniaia i sredniaia bronza*, Moscow, pp. 158–225.

Palikyan A.K., 1990. Novye paleoantropologicheskie materialy s territorii Armenii [New paleoanthropological materials from the territory of Armenia]. *Biologicheskii zhurnal Armenii*, no. 4 (43), pp. 296–300.

Shevchenko A.V., 1986. Antropologiya naseleniia iuzhno-russkikh stepei v epokhu bronzy [Anthropology of the population of the South-Russian steppes in the Bronze Age]. *Antropologiya sovremennogo i drevnego naseleniia Evropeiskoi chasti SSSR*, Leningrad: Nauka, 1986, pp. 121–215.

Е.Н. Учанева*, А.А. Казарницкий*, А.В. Громов*, Н.И. Лазаретова**

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, РФ
E-mail: ucha.89@mail.ru;
kazarnitski@mail.ru;
a.v.gromov@mail.ru

**Государственный Эрмитаж
Дворцовая пл., 2, Санкт-Петербург, 190000, РФ
E-mail: lazaretov@yandex.ru

НАСЕЛЕНИЕ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ: К ВОПРОСУ О ВНУТРИГРУППОВОЙ И МЕЖГРУППОВОЙ ИЗМЕНЧИВОСТИ¹

Методами многомерной статистики изучены мужские краниологические серии раннего железного века Западной и Южной Сибири, Казахстана, Средней Азии и Восточной Европы. Анализ населения Минусинской котловины обнаруживает существенные отличия серий из склепов тесинского времени от всех остальных групп. Выявлена преемственность между носителями тагарской культуры и населением, оставившим грунтовые тесинские могилы. В рамках тагарской культуры прослеживаются различия между сериями подгорновского и сарагашенского этапов. Эти результаты подтверждаются на фоне сравнения с широким кругом материалов раннего железного века Евразии. Серии тагарской культуры отличаются от всех остальных групп степной зоны Евразии сравнительно небольшими поперечным и скуловым диаметрами, меньшей шириной орбиты, резкой горизонтальной профилированностью лицевого скелета в сочетании с длинной мозговой коробкой и большим углом выступления носа.

Ключевые слова: эпоха раннего железа, краниометрия, Минусинская котловина, тагарская культура.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-078-087

Население железного века Алтае-Саянского региона представлено значительным количеством краниологических серий. Наиболее представительными из них являются материалы скифского времени из тувинского могильника Аймырлыг и тагарской культуры Минусинской котловины. Анализ антропологического состава и вариабельности последней был посвящен ряд работ ведущих отечественных антропологов. Г.Ф. Дебец отмечал, что основная изменчивость в тагарской серии приходится на признаки мозговой части черепа [1931]. Существенной разницы между сериями разных стадий тагарской культуры этот автор не обнаружил, но в рамках типологического подхода выделил в составе тагарцев основной, долихокранный тип и менее распространенный, брахикранный, концентрация которого была отмечена им в могильнике Сыда [Дебец, 1948]. Руководствуясь данными о продольных и поперечных размерах лицевого скелета, он также отметил наличие незначительной монголоидной примеси у тагарцев [Там же, с. 126]. Последнее заключение подтвердил В.П. Алексеев уже на основании анализа профилированности лицевого скелета [1961, с. 251]. Что касается брахикранного типа, выделенного Г.Ф. Дебецом, В.П. Алексеев сначала отрицал его наличие [Там же], но затем [1973, 1975] согласился с существованием двух антропологических типов среди населения тагарской культуры. Он зафиксировал увеличение черепного указателя по сравнению со средним по всем тагарским группам в некоторых могильниках первой стадии тагарской культуры.

Наиболее крупной работой, посвященной изучению антропологического состава населения тагарской культуры, является монография А.Г. Козинцева [1977]. В распоряжении автора находилось множество новых материалов, не задействованных ранее в исследованиях Г.Ф. Дебеца и В.П. Алексеева, хотя он не привлекал материалы тесинского времени. Исследуя хронологическую изменчивость, автор опирался на периодизации Н.Л. Членовой и М.П. Грязнова. При этом часть могильников была датирована только Н.Л. Членовой, а часть — только М.П. Грязновым, поэтому хронологическая изменчивость в группах могильников, датированных разными автора-

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 16-31-01050.

ми, рассматривалась отдельно. В результате, независимо от варианта периодизации, хронологические различия были обнаружены между ранней и поздней группами. Поздние серии отличаются меньшим поперечным диаметром, большим высотно-поперечным указателем, относительно более высокими орбитами, большим зигомаксиллярным углом, более плоской клыковой ямкой, более низкими носовыми костями и меньшим углом выступления носа [Козинцев, 1977, с. 44]. Однако эти различия не удалось подтвердить с помощью анализа расстояний Пенроза по признакам, межгрупповая изменчивость которых превышает внутrigрупповую. По-видимому, на этом основании А.Г. Козинцев сделал вывод об отсутствии хронологических закономерностей в распределении сходства между тагарскими группами [1977, с. 67]. Обсуждая вопрос о монголоидности в тагарской серии, автор отметил, что черепа с монголоидными чертами единичны и происходят из разных могильников.

Периодизация тагарской культуры, оставаясь в своей основе «грязновской», неоднократно подвергалась ревизии. Так, баиновский этап выведен из состава культуры [Лазаретов, 2007], однако большинство памятников, ранее рассматривавшихся в качестве баиновских, теперь относят к подгорновскому этапу. Дискуссионным остается вопрос о культурной принадлежности склепов рубежа эр. В данной работе авторы, вслед за Н.Ю. Кузьминым [2011], используют для них термин «раннетесинские». Тем не менее при грубом разделении «дотесинских» антропологических материалов на две группы их состав остается практически тем же (с добавлением новых серий), что и у А.Г. Козинцева. Нужно лишь отметить, что появились данные о своеобразии биджинского населения [Лазаретова, 2006], которые делают нерациональным объединение его с сарагашенцами.

Краниологические серии из грунтовых тесинских могильников были изучены И.И. Гохманом и А.В. Громым [Громов, 2004, 2009; Гохман, Громов, 2009]. Авторы продемонстрировали преемственность населения сарагашенского этапа тагарской культуры и популяции, оставившей грунтовые тесинские погребения.

В последние годы в научный оборот также были введены данные по сериям из раннетесинских склепов и продемонстрировано их своеобразие по сравнению с остальными тагарскими и тесинскими группами [Громов и др., 2012, Громов, Учанева, 2013].

Материал и методика

Тагарская культура представлена большим набором серий, как опубликованных ранее, так и состоящих из новых материалов, исследованных авторами статьи. Все могильники были разбиты нами на группы согласно современным датировкам. Памятники или отдельные погребения, датировка которых сомнительна, из рассмотрения были исключены. Вопрос о принадлежности памятников тесинского времени тагарской культуре находится вне компетенции авторов, однако они рассматриваются вместе в силу очевидных географических и исторических причин.

Подгорновский этап тагарской культуры: 1) Новая Черная I; 2) Черновая I, IV; 3) Кичик-Кюзюр; 4) Каменка I; 5) Туран I; 6) Гришкин Лог I; 7) Тепсей IX [Козинцев, 1977]; 8) Тагарский остров; 9) Сыда; 10) Усть-Сыда; 11) Усть-Тесь; 12) Кочергино [Алексеев, 1961], 13) Усть-Чуль (данные авторов).

Биджинский этап тагарской культуры: 14) суммарная серия, включающая могильники Улуг-Кюзюр [Козинцев, 1977], Белое Озеро, Трошкино, Ай-Дай II (данные авторов).

Сарагашенский этап тагарской культуры: 15) Барсучиха I, VI, VII; 16) Малые Копены III; 17) Туран I; 18) Туран II; 19) Туран III [Козинцев, 1977]; 20) Кызыл-Куль; 21) Сарагаш [Алексеев, 1961]; 22) Узун-Хыр; 23) Катюшкино; 24) 72 км; 25) Ай-Дай I, III (данные авторов).

Грунтовые тесинские могильники: 26) Черное озеро I; 27) Есино III (данные авторов); 28) Каменка III [Гохман, Громов, 2009].

Раннетесинские курганы-склепы: 29) Белый Яр VI; 30) Большое Русло; 31) Степновка II [Громов и др., 2012].

В качестве сравнительного материала для межгруппового анализа были привлечены следующие краниологические серии степной и лесостепной полосы Евразии:

Тагарцы Кемеровской области: 32) Ягуня, 33) Кондрашка [Дремов, 1973].

Скифы Западной Монголии: 34) Чандманьский могильник (Улангом) [Čikiševa, 2010].

Каменская культура: 35) Масляха 1, 2; 36) Новотроицкое 1, 2; 37) Быстровка 1–3; 38) Камень 2 [Рыкун, 2013].

Пазырыкская культура: 39) Уландрык; 40) могильники долины р. Юстыд; 41) могильники долины р. Барбургазы; 42) погребения на плато Укок; 43) могильники долины среднего течения р. Чуи; 44) могильники долины р. Урсул [Чижишева, 2012]; 45) Кызыл-Джар [Тур, Рыкун, 2004]; 46) Средняя Катунь [Тур, 2003].

Каракобинская культура: 47) суммарная серия [Чижишева, 2012].

Саргатская культура: Притоболье: 48) Средняя Исеть (могильники Прыговский, Воробьевский, Нечунаево-1, Ташково-3 суммарно); 49) Нижняя Исеть (могильники Гаево-1, Рафайлово, Ольховка, Красногорский Борок, Красногорка-1 суммарно); 50) Средний Тобол (могильники Савиновский и Тютринский суммарно); Приишимье: 51) могильники Абатский 1, 3; 52) могильник Фоминцевский; 53) могильники Абатского р-на Лихачевский, Кокуй-3 и Вавилон суммарно; Прииртышье: 54) Богданово-1, 2; 55) Исаковка-1, 3; 56) Стрижево-1, 2; 57) Бешаул-2, 3, 4; 58) Горная Бития и Красноярка суммарно; 59) Коконь-1, 2; 60) суммарная серия из могильников Окунево-2, Карташево-2, Сидоровка-1, Новооболонь, Саргатка, Сибирская Саргатка-1; Бараба и Новосибирское Приобье 61) могильники Усть-Тартас и Абрамово-4 суммарно; 62) Марково-1 [Багашев, 2000].

Алды-бельская культура (Тува): 63) Аржан 2; 64) Копто [Чижишева, 2012]; 65) Чинге (данные авторов).

Уюкско-саглынская культура (Тува): 66) Саглы [Козинцев, Селезнева, 2011]; 67) Догээ-Баары 2 [Чижишева, 2012]; 68) Суглуг-Хем 1, 2 [Громов и др., 2015]; 69) Эки-Оттуг 1 [Учанева, 2014]; 70) Аймырлыг — суммарная серия [Алексеев и др., 1987].

Большереченская культура: 71) Бобровский могильник [Тур, 2001].

Саки и усунь представлены следующими группами: 72) саки Восточного Казахстана, 73) саки Северного Казахстана, 74) ранние саки Приаралья (могильники Тагискен и Уйгарак); 75) поздние саки Приаралья (Чирик-Рабатская и Асарская группы суммарно); 76) саки Тянь-Шаня, 77) саки Алая [Гинзбург, Трофимова, 1972]; 78) саки Синьцзяна — Алагоу; 79) саки-усунь Синьцзяна — Чжаосу [Нап Канхин, 1995]; 80) саки Центрального Казахстана (тасмолинская культура) [Бейсенов и др., 2015]; 81) усунь Киргизии; 82) Туз-Гыр (кочевники Южного Приаралья); 83) усунь Семиречья; 84) усунь Прииртышья [Гинзбург, Трофимова, 1972].

Савроматы: 85) Нижнее Поволжье, VII–IV вв. до н.э. [Балабанова, 2000]; 86) Западный Казахстан [Гинзбург, Трофимова, 1972].

Ранние сарматы: 87) Нижнего Поволжья; 88) донские; 89) астраханские; 90) заволжские; 91) приуральские [Балабанова, 2000].

Средние сарматы: 92) заволжские; 93) калмыцкие; 94) донские; 95) украинские [Балабанова, 2000].

Сарматы Ростовской области: 96) III–I вв. до н.э.; 97) I в. до н.э. — II в. н.э. [Батиева, 2011].

Ранний железный век Волго-Уралья и Западного Казахстана: 98) VI–IV вв. до н.э.; 99) IV–III вв. до н.э.; 100) III–I вв. до н.э. [Китов, 2014].

Памятники каргантасского типа: 101) [Китов, 2015].

Анализ внутри- и межгрупповой изменчивости тагарских (и тесинских) серий проводился на основании индивидуальных измерительных данных по программе из 15 признаков (продольный, поперечный, высотный и скуловой диаметры, наименьшая ширина лба, верхняя высота лица, высота и ширина носа, ширина (от максиллофронтале) и высота орбиты, назомаллярный и зигомаксиллярный углы, симотическая ширина и высота, угол выступания носа). В случае отсутствия наблюдения подставлялась средняя величина признака по данному могильнику. Внутригрупповой анализ методом главных компонент и межгрупповой — канонический дискриминантный анализ по индивидуальным данным реализованы с помощью программы Statistica 12.0.

Межгрупповой канонический анализ для всех перечисленных выше серий раннего железного века Евразии был выполнен по средним данным с помощью программы Б.А. Козинцева и включал 14 признаков, перечисленных выше, за исключением симотических ширины и высоты, вместо которых был использован указатель.

Результаты и обсуждение

С помощью метода главных компонент был проведен анализ изменчивости краниологических признаков населения раннего железного века Минусинской котловины без предварительной хронологической или культурной группировки черепов. В результате распределение их координат в наиболее информативных ГК оказалось нормальным (при проверке критерием Ша-

пиро — Уилка), т.е. общеминусинская выборка предстает здесь морфологически гомогенной. Такая гомогенность может быть обусловлена как однородностью населения, так и включением в анализ большого количества разнородных групп. ГК 1 отражает 19,5 % общей изменчивости и имеет высокую положительную корреляцию с верхней высотой лица, высотой носа, скуловым и поперечным диаметрами, шириной и высотой орбиты. В ГК II (13 % изменчивости) представлена в основном вариация симметрических размеров от малых к большим.

На рис. 1 четырежды приведен один и тот же график положения черепов в пространстве первой и второй главных компонент (ГК) с маркировкой черепов по внешнему, не учтенному при анализе ГК признаку — принадлежности к подгорновскому, биджинскому и сарагашенскому этапам тагарской культуры и обрядовым группам тесинской культуры (из склепов и из грунтовых могил)². Поля разброса координат черепов из сарагашенских и подгорновских погребений и из тесинских грунтовых могил почти полностью совпали, однако заметна определенная специфика черепов из захоронений биджинского этапа тагарской культуры и из тесинских склепов. Биджинцам свойственна пониженная вариабельность высоты и ширины лица и ширины мозговой коробки в сочетании часто с более широким и высоким, чем у большинства тагарцев, переносом. В правом нижнем квадранте сконцентрировано большинство черепов из склепов тесинской культуры из-за наиболее крупных размеров лица и поперечного диаметра мозгового отдела при сравнительно небольшом переносе (табл.).

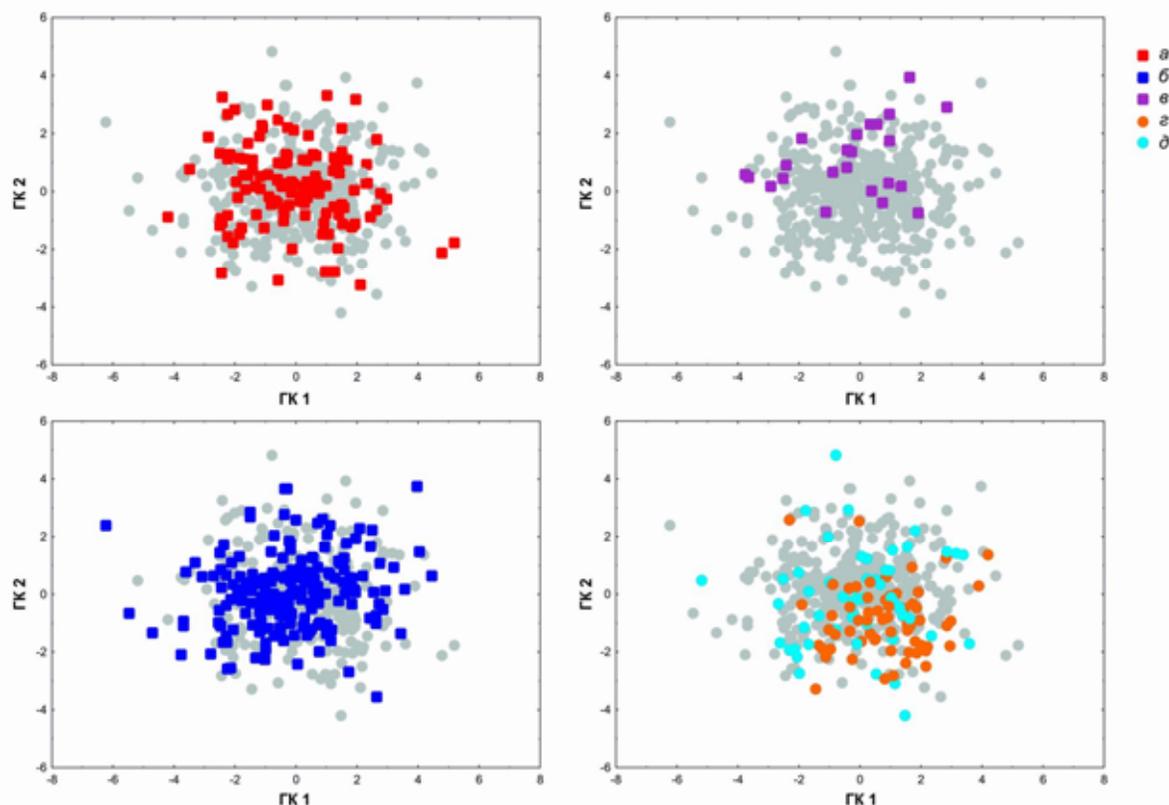

Рис. 1. Анализ черепов из памятников Минусинской котловины методом главных компонент:
Условные обозначения: а — подгорновский этап; б — сарагашенский этап; в — биджинский этап;
г — тесинская культура (склепы); д — тесинская культура (грунтовые могилы).

Таким образом, с помощью примененного метода плохо дифференцируются черепа с разной культурной атрибуцией, что объясняется более высокой внутригрупповой изменчивостью морфологии черепа по сравнению с межгрупповой [Козинцев, 2016]. Поэтому на следующем этапе был проведен дискриминантный канонический анализ тех же черепов, индивидуальные

² Обилие условных обозначений вынуждает прибегнуть к такому способу визуализации результатов анализа.

измерения которых на этот раз были сгруппированы по трем этапам тагарской культуры и двум обрядовым группам тесинской культуры. На рис. 2 представлено положение групп в пространстве первых двух канонических векторов (КВ), отражающих в совокупности 41,6 % изменчивости.

Средние размеры черепов раннего железного века Минусинской котловины

Краниометрический признак	Тагарская культура						Тесинское время			
	Подгорновский этап		Биджинский этап		Сарагашенский этап		Склепы		Грунтовые могилы	
	n	X	n	X	n	X	n	X	n	X
Продольный диаметр	114	184,9	22	185,7	174	186,8	46	183,4	45	187,1
Поперечный диаметр	114	140,5	19	137,1	151	139,3	38	146,0	43	140,3
Высотный диаметр	102	135,6	13	138,0	131	133,9	42	133,0	32	132,4
Наименьшая ширина лба	119	98,8	22	97,2	176	97,9	60	98,9	51	98,4
Скуловой диаметр	99	137,0	12	135,8	127	136,5	31	138,1	37	135,4
Верхняя высота лица	110	71,0	20	69,3	156	71,4	55	74,5	45	72,5
Высота носа	114	51,5	21	51,0	160	51,2	59	52,6	47	52,2
Ширина носа	114	24,7	21	25,9	161	25,1	50	25,3	47	24,9
Ширина орбиты от mf.	110	43,6	21	43,7	149	43,2	52	43,5	46	43,0
Высота орбиты	114	32,7	21	32,3	161	32,6	56	33,1	48	33,0
Назомаллярный угол	114	139,5	19	141,5	154	139,7	42	141,9	49	139,0
Зигмаксиллярный угол	103	127,9	18	128,3	140	129,3	45	129,1	44	127,6
Симотическая ширина	112	8,4	19	9,3	148	8,6	52	7,9	48	8,9
Симотическая высота	112	4,7	19	5,2	148	4,5	52	4,3	48	4,4
Угол выступания носа	93	30,8	16	30,9	128	30,1	34	28,0	38	28,3

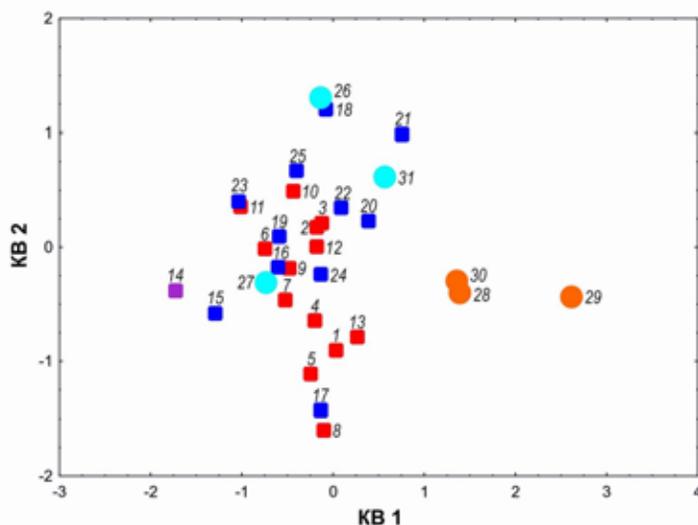

Рис. 2. Дискриминантный канонический анализ краниологических серий из Минусинской котловины (условные обозначения см. на рис. 1).

В КВ 1 группы распределены согласно постепенному увеличению ширины мозгового отдела и верхней высоты лица, в КВ 2 — от серий с широким и высоким черепом к сериям с противоположным сочетанием размеров неокраниума. В КВ 1 наблюдается асимметричное распределение групп из-за обособления в правой части графика трех тесинских выборок из склепов — причиной тому отмеченные еще при анализе методом главных компонент большие поперечный диаметр черепа и высота лица — сравнительно редкое сочетание признаков в тагарское время. При этом носители той же тесинской культуры, но погребенные в грунтовых могилах, в большинстве своем имеют облик предшествующего, тагарского населения. Последнее также характеризуется, по-видимому, неоднородным антропологическим составом. Большая часть серий подгорновского этапа получила отрицательные и средние значения координат в КВ 2, тогда как почти все сарагашенские — средние и большие. Единственным очевидным исключением здесь является сарагашенская выборка из могильника Туран I, наиболее сходная с подгорновскими выборками из того же Турана I и из Сыды. В среднем же более ранние тагарские группы харак-

Население Минусинской котловины в раннем железном веке...

теризуются более широкими и высокими черепами, чем поздние, хотя это и не жесткое правило, а скорее тенденция.

На третьем этапе межгруппового анализа краниологические серии Минусинской котловины были сопоставлены с выборками черепов из синхронных памятников раннего железного века лесостепной, степной и полупустынной зон Южной и Западной Сибири, Средней Азии и Восточной Европы. Перечень и номера серий приведены в разделе «Материал и методика», результаты анализа — на рис. 3.

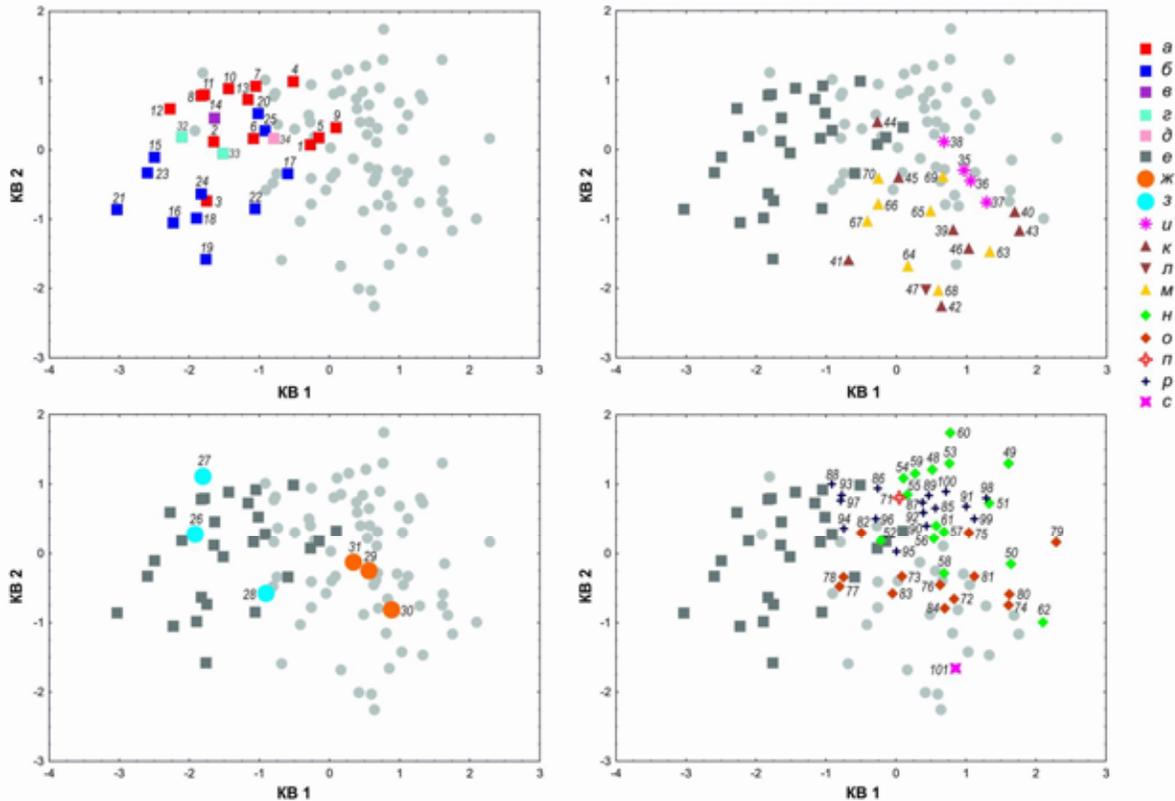

Рис. 3. Дискриминантный канонический анализ мужских краниологических серий Южной и Западной Сибири, Средней Азии и юга Восточной Европы:

Условные обозначения: а — подгорновский этап; б — сарагашенский этап; в — биджинский этап; г — тагарцы Кемеровской области; д — скифы Западной Монголии; е — все серии тагарской культуры; ж — тесинская культура (склепы); з — тесинская культура (грунтовые могилы); и — каменная культура; к — пазырыкская культура Алтая; л — каракобинская культура Алтая; м — алды-бельская и уюкско-саглынская культуры Тувы; н — саргатская культура; о — саки и усунь; п — большереченская культура; р — савроматская, ранне- и среднесарматская культуры и памятники раннего железного века Волго-Уралья и Западного Казахстана; с — памятники каргатакского типа.

Основное направление изменчивости, представленное в первом КВ (31 % общей дисперсии), обусловлено существенными отличиями носителей тагарской культуры от всех остальных привлеченных к анализу групп. Причина этого — свойственные исключительно тагарцам сравнительно небольшие поперечный и скуловой диаметры, ширина орбиты и горизонтальные лицевые углы в сочетании с длинной мозговой коробкой и большим углом выступания носа; все эти признаки имеют высокую корреляционную связь с КВ I. Морфологически идентичны минусинским тагарским сериям выборки из тагарских памятников Кемеровской области, что соответствует аналогичному заключению А.Г. Козинцева [1974, с. 37], и серия позднескифского времени из могильника Улангом в Западной Монголии.

Со вторым КВ (15 % дисперсии) положительные коэффициенты корреляции имеют наименьшая ширина лба, ширина орбиты, симотический указатель и угол выступания носа, в то время как верхняя высота лица и высота носа связаны с КВ II отрицательной корреляцией. По мере постепенного уменьшения высоты лица и носа при увеличении ширины лба, ширины ор-

биты, симотического указателя и угла выступления носа на графике столь же постепенно сменяют друг друга снизу вверх: пазырыкские серии Алтая (высота лица и носа у них, как правило, одни из самых больших в данном масштабе и выше средних мировых); затем алды-бельские и уюкско-саглыньские серии из Тувы (отличия которых от алтайского населения здесь крайне незначительны); в среднем выше тувинских скифов саки и усунь Средней Азии, в пределах изменчивости которых оказались и каменные выборки. В поле уже положительных значений координат располагаются савромато-сарматские выборки; и, наконец, максимальные координаты получило большинство саргатских серий, хотя последние очень вариабельны.

Значительная трансгрессия между перечисленными группами объясняется, по-видимому, систематическими контактами между ними, повлекшими не только культурные заимствования, но и популяционное смешение. При этом степень различий между населением обширных территорий, простирающихся от Предкавказья до Синьцзяна и от Урала до Памира, оказывается меньше, чем отличие их всех от носителей тагарской культуры.

Увеличение масштаба сравнения на третьем этапе анализа не привело к нивелировке различий между представителями подгорновского и сарагашенского этапов. Дифференциация наблюдается и здесь, во втором КВ, причем даже более отчетливо и уже по несколько иному набору краниометрических признаков. Сарагашенские серии отличаются от подгорновских в среднем чуть более узким лбом и менее широкими орбитами и, судя по координатам в КВ I, немного чаще демонстрируют комбинацию долихоморфности нейрокраниума и клиногнатности лицевого отдела. Многим подгорновским сериям морфологически наиболее близки выборки черепов из самых западных среди рассматриваемых нами памятников — могильников савроматской, ранне- и среднесарматской культур Южного Приуралья, Поволжья и Подонья.

Подтверждаются также выводы о местном, тагарском происхождении носителей тесинской культуры, погребенных в грунтовых могильниках, и о пришлом характере популяций, оставивших захоронения тесинской культуры в склепах,— ближайшие аналогии последним наблюдаются преимущественно в краниологических материалах с территориями Алтая, Центральной и Средней Азии.

Выводы

Несмотря на высокую внутригрупповую изменчивость краниологических серий тагарской культуры, установлены существенные различия между населением подгорновского и сарагашенского этапов. Разница между ранними и поздними тагарскими группами обсуждалась и ранее, однако впервые благодаря методам многомерной статистики она убедительно подтверждается в разном сравнительном масштабе. Также удалось подтвердить специфику популяций, оставивших тесинские захоронения в склепах, по сравнению с остальными тагарскими группами. Тагарское население в целом (включая «грунтовых тесинцев») имеет явное морфологическое своеобразие по сравнению с большинством серий раннего железного века Евразии, демонстрируя в данном масштабе наиболее европеоидный комплекс краниометрических признаков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеев В.П.* Палеоантропология Хакасии эпохи железа. Л., 1961. С. 238–327. (СМАЭ; Т. 20).
- Алексеев В.П.* К происхождению таштыкского населения Южной Сибири // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 220–232.
- Алексеев В.П.* Антропологические данные о локальных различиях населения тагарской культуры // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 109–119.
- Алексеев В.П., Гохман И.И., Тумэн Д.* Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 208–241.
- Багашев А.Н.* Палеоантропология Западной Сибири: Лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 2000. 354 с.
- Балабанова М.А.* Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья: Ранний железный век. М.: Наука, 2000. 133 с.
- Батиева Е.Ф.* Население Нижнего Дона в IX в. до н.э. — IV в. н.э.: (Палеоантропологическое исследование). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 160 с.
- Бейсенов А.З., Исмагулова А.О., Китов Е.П., Китова А.О.* Население Центрального Казахстана в I тысячелетии до н.э. Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. 188 с.
- Гинзбург В.В., Трофимова Е.А.* Палеоантропология Средней Азии. М.: Наука, 1972. 271 с.

Население Минусинской котловины в раннем железном веке...

- Гохман И.И., Громов А.В.* Тесинский грунтовый могильник Каменка III: Данные краниометрии и краниоскопии // Археология, антропология и этнография Евразии. Новосибирск, 2009. № 1. С. 136–145.
- Громов А.В.* Палеоантропология тесинского населения юга Хакасии по материалам из грунтовых могильников // Музейные коллекции и научные исследования: Материалы годичной науч. сессии МАЭ РАН. СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2004. С. 204–207. (СМАЭ; Т. XLIX).
- Громов А.В.* К антропологии тесинского населения Минусинской котловины // Вестник ТГУ. История. 2009. № 3 (7). С. 143–147.
- Громов А.В., Лазаретова Н.И., Учанева Е.Н.* Население Минусинской котловины на рубеже нашей эры по материалам из склепов // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб.: ИИМК РАН: Периферия, 2012. Кн. 1. С. 117–122.
- Громов А.В., Учанева Е.Н.* Раннетесинское население Минусинской котловины по данным краниологии: (Опыт сопоставления двух систем признаков) // Радловский сб.: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 32–38.
- Громов А.В., Селезнева В.И., Учанева Е.Н.* Антропологические материалы из могильников Суглуг-Хем I и Суглуг-Хем II (Центральная Тува) // Радловский сб.: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2014 году. СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2015. С. 379–388.
- Дебец Г.Ф.* Еще раз о белокурой расе в Центральной Азии // Сов. Азия. 1931. Вып. 5–6. С. 195–209.
- Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР // ТИЭ. Н. С. М.; Л., 1948. Т. IV. 391 с.
- Дремов В.А.* Антропологические материалы из тагарских курганов Кемеровской области // ИИС. Томск, 1973. Вып. 7. С. 190–225.
- Китов Е.П., Бейсенов А.З.* Первые краниологические данные памятников коргантасского типа Центрального Казахстана // Вестник ЧелГУ. 2015. № 14 (369). История. Вып. 64. С. 16–28.
- Китов Е.П., Мамедов А.М.* Кочевое население Западного Казахстана в раннем железном веке. Астана: Издат. группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2014. 352 с.
- Козинцев А.Г.* Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. Л.: Наука, 1977. 144 с.
- Козинцев А.Г.* О некоторых аспектах статистического анализа в краниометрии // Радловский сб.: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2015 г. СПб.: МАЭ РАН, 2016. С. 381–390.
- Козинцев А.Г., Селезнева В.И.* Краниометрические особенности населения Тувы эпохи железа: Череп из могильника Саглы // Радловский сб.: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 217–222.
- Кузьмин Н.Ю.* Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб., 2011. 456 с.
- Лазаретов И.П.* Памятники баиновского типа и тагарская культура // Археологические вести. СПб., 2007. Вып. 14. С. 93–105.
- Лазаретова Н.И.* Краниологические материалы из биджинских курганов в контексте межгрупповой изменчивости населения тагарской культуры // Некоторые актуальные проблемы современной антропологии. СПб.: МАЭ РАН, 2006. С. 66–75.
- Рыкун М.П.* Палеоантропология Верхнего Приобья эпохи раннего железа (по материалам каменной культуры). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. 284 с.
- Тур С.С.* Краниологические материалы из Бобровского могильника большереченской культуры переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа (VIII–VI вв. до н.э.) в свете этногенетических проблем древнего населения Верхнего Приобья // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2001. № 7. С. 67–82.
- Тур С.С.* Антропологический состав населения Средней Катунь скифского времени // Ю.Ф. Кирюшин, Н.Ф. Степанова, А.А. Тишкин. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Приложение II. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. С. 137–169.
- Тур С.С., Рыкун М.П.* Краниологические материалы пазырыкской культуры из могильников в урочище Кызыл-Джар // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ, 2004. № 12. С. 32–49.
- Учанева Е.Н.* Новые краниологические материалы скифского времени из Центральной Тувы // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. IV. С. 413–416
- Чикишева Т.А.* Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита — раннего железа. Новосибирск, 2012. 468 с.
- Čikiševa T.A.* Die paläoantropologischen Materialien // K. Čugunov, H. Parzinger, A. Nagler. Der skythenzeitliche Fürstengurgan Arzan 2 in Tuva. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2010. (Archäologie in Eurasien; Bd. 26).
- Han Kanxin.* Studying the Paleoanthropological Materials From Barrows in Zhaos. Studying Racial Anthropology of the Ancient Population of the Silk Way. Urumqi, Xingjiang zhemin, 1995. P. 261–304. (in Chinese).

Eu.N. Uchaneva*, A.A. Kazarnitsky*, A.V. Gromov*, N.I. Lazaretova**

*Peter the Great's Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences
University Emb., 3, St. Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: ucha.89@mail.ru; kazarnitski@mail.ru; a.v.gromov@mail.ru

**The State Hermitage Museum
Dvortsovaya Emb., 34, St. Petersburg, 190000, Russian Federation
E-mail: lazaretov@yandex.ru

THE EARLY IRON AGE POPULATIONS OF THE MINUSINSK HOLLOW: REVISITING INTER- AND INTRAGROUP VARIATIONS

By means of multivariate statistics, we analyzed male craniological series of the Early Iron Age from Western and Southern Siberia, Central Asia and Eastern Europe. The intra-group analysis of the series from the Minusinsk Hollow reveals specificity of individuals from the tombs of the Tesinsk culture, in comparison with other groups. At the same time, the population which left Tesinsk burials is obviously related to the Tagar culture. The analysis of the Tagar series reveals a strong differentiation of individuals from the burials between the Podgornovo and the Saragash periods. The results of the intra-group analyses are confirmed by a broad-scale inter-group analysis of the Eurasian Iron Age series. The Tagar series show clear craniometrical specificity which includes rather small cranial and face breadth, not very broad orbits, small naso-malar and zygomaxillary angles, long cranium and protruding nasal bones.

Key words: Early Iron Age, craniological data, the Minusinsk Hollow, the Tagar culture.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-078-087

REFERENCES

- Alekseev V.P., 1961. Paleoantropologiya Khakasii epokhi zheleza [The Iron Age paleoanthropology of Khakassia]. *Sbornik MAE*, vol. 20, pp. 238–327.
- Alekseev V.P., 1973. K proiskhozhdeniiu tashtytskogo naseleniia luzhnoi Sibiri [The origins of the Tashtyk population in Southern Siberia]. *Problemy arheologii Urala i Sibiri*, Moscow, pp. 220–232.
- Alekseev V.P., 1975. Antropologicheskie dannye o lokal'nykh razlichiiakh naseleniia tagarskoi kul'tury [Anthropological data on local differences of the population of the Tagar culture]. *Pervobytnaia arheologiya Sibiri*, Leningrad, pp. 109–119.
- Alekseev V.P., Gokhman I.I., Tumen D., 1987. Kratkii ocherk paleoantropologii Tsentral'noi Azii [A brief essay of paleoanthropology of Central Asia]. *Arheologiya, etnografiia i antropologiya Mongolii*, Novosibirsk: Nauka, pp. 208–241.
- Bagashev A.N., 2000. *Paleoantropologiya Zapadnoi Sibiri: Lesostep' v epokhu rannego zheleza* [Paleoanthropology of West Siberia: The forest-steppe zone in the Early Iron Age], Novosibirsk: Nauka, 354 p.
- Balabanova M.A., 2000. *Antropologiya drevnego naseleniia luzhnogo Priural'ia i Nizhnego Povolzh'ia: Rannii zheleznyi vek* [Anthropology of ancient population of the Southern Urals and the Lower Volga Region: The Early Iron Age], Moscow: Nauka, 133 p.
- Batieva E.F., 2011. *Naselenie Nizhnego Dona v IX v. do n.e. — IV v. n.e.: (Paleoantropologicheskoe issledovanie)* [Population of the Lower Don in the IX-IV century B.C.: (A paleoanthropological research)], Rostov-na-Donu: Izd-vo IuNTs RAN, 160 p.
- Beisenov A.Z., Ismagulova A.O., Kitov E.P., Kitova A.O., 2015. *Naselenie Tsentral'nogo Kazakhstana v I tysiacheletii do n.e.* [Population of Central Kazakhstan in the I millennium BC], Almaty: IA im. A.Kh. Margulana, 188 p.
- Chikisheva T.A., 2010. Die paläoantropologischen Materialien. K. Cugunov, H. Parzinger, A. Nagler. *Der skythenzeitliche Fürstengraban Arzan 2 in Tuva*, Mainz: Verlag Philipp von Zabern. (Archäologie in Eurasien; Bd. 26).
- Chikisheva T.A., 2012. *Dinamika antropologicheskoi differentsiatsii naseleniia iuga Zapadnoi Sibiri v epokhi neolita — rannego zheleza* [Dynamics of anthropological differentiation of the population of Southern Western Siberia in the Neolithic — the Early Iron Age], Novosibirsk, 468 p.
- Debets G.F., 1931. Eshche raz o belokuroi rase v Tsentral'noi Azii [Once again about the blond race in Central Asia]. *Sov. Aziia*, 5–6, pp. 195–209.
- Debets G.F., 1948. Paleoantropologiya SSSR [Paleoanthropology of the USSR]. *Trudy IE AN SSSR*, vol. 4, 392 p.
- Dremov V.A., 1973. Antropologicheskie materialy iz tagarskikh kurganov Kemerovskoi oblasti [Anthropological materials from the Tagar burials grounds in Kemerovo Region]. *Iz istorii Sibiri*, 7, Tomsk, pp. 190–225.
- Ginzburg V.V., Trofimova E.A., 1972. *Paleoantropologiya Srednei Azii* [Paleoanthropology of Central Asia], Moscow: Nauka, 271 p.
- Gokhman I.I., Gromov A.V., 2009. Tesinskii gruntovyi mogil'nik Kamenka III: Dannye kraniometrii i kranioskopii [The Tesinsk Burial Ground of Kamenka III: craniometric and cranioscopic data]. *Arheologiya, antropologiya i etnografiia Evrazii*, no. 1, Novosibirsk, pp. 136–145.
- Gromov A.V., 2004. Paleoantropologiya tesinskogo naseleniia iuga Khakasii po materialam iz gruntovykh mogil'nikov [Paleoanthropology of the population of the Tesinsk culture in the South of Khakassia, basing on the

Население Минусинской котловины в раннем железном веке...

materials from burial grounds]. *Muzeinye kollektsii i nauchnye issledovaniia: Materialy godichnoi nauchnoi sessii MAE RAN*, St. Petersburg: Izd-vo MAE RAN, pp. 204–207. (Sbornik MAE; vol. XLIX).

Gromov A.V., 2009. K antropologii tesinskogo naseleniia Minusinskoj kotloviny [The anthropology of the population of the Tesinsk culture in the Minusinsk Hollow]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, Istorii, no. 3 (7), Tomsk, pp. 143–147.

Gromov A.V., Lazaretova N.I., Uchaneva E.N., 2012. Naselenie Minusinskoj kotloviny na rubezhe nashei ery po materialam iz skleпов [Population of the Minusinsk Hollow at the turn of the Common Era, basing on the materials from tombs]. *Kul'tury stepnoi Evrazii i ikh vzaimodeistvie s drevnimi tsivilizatsiiami*, Kn. 1, St. Petersburg: IIMK RAN: Periferiia, pp. 117–122.

Gromov A.V., Uchaneva E.N., 2013. Rannetesinskoe naselenie Minusinskoj kotloviny po dannym kraniologii: (Opyt sopostavleniia dvukh sistem priznakov) [The population of the Early Tesinks culture of the Minusinsk Hollow, basing on craniological data: Comparison of two methods]. *Radlovskii sbornik: Nauchnye issledovaniia i muzeinye proekty MAE RAN v 2012 godu*, St. Petersburg: MAE RAN, pp. 32–38.

Gromov A.V., Selezneva V.I., Uchaneva E.N., 2015. Antropologicheskie materialy iz mogil'nikov Suglug-Khem I i Suglug-Khem II (Tsentral'naia Tuva) [Anthropological data from the burial grounds of Suglug-Khem I and II (Central Tuva)]. *Radlovskii sbornik: Nauchnye issledovaniia i muzeinye proekty MAE RAN v 2014 godu*, St. Petersburg: Izd-vo MAE RAN, pp. 379–388.

Han Kanxin, 1995. Studying the Paleoanthropological Materials From Barrows in Zhaos. *Studying Racial Anthropology of the Ancient Population of the Silk Way*, Urumqi, Xingjiang zhemin, pp. 261–304. (in Chinese).

Kitov E.P., Beisenov A.Z., 2015. Pervye kraniologicheskie dannye pamiatnikov korgantasskogo tipa Tseentral'nogo Kazakhstana [The first craniological data from the Korgantass-type burials in Central Kazakhstan]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 14 (369), Istorii, 64, pp. 16–28.

Kitov E.P., Mamedov A.M., 2014. *Kochevoe naselenie Zapadnogo Kazakhstana v rannem zheleznom veke* [The nomadic population of Western Kazakhstan in the Early Iron Age], Astana: Izdatel'skaia gruppa FIA im. A.Kh. Margulana v g. Astana, 352 p.

Kozintsev A.G., 1977. *Antropologicheskii sostav i proiskhozhdenie naseleniia tagarskoj kul'tury* [Anthropological affinities and origin of the Tagar population], Leningrad: Nauka, 144 p.

Kozintsev A.G., 2016. O nekotorykh aspektakh statisticheskogo analiza v kraniometrii [Some aspects of the statistical analysis in craniometry]. *Radlovskii sbornik: Nauchnye issledovaniia i muzeinye proekty MAE RAN v 2015 g.*, St. Petersburg: MAE RAN, pp. 381–390.

Kozintsev A.G., Selezneva V.I., 2011. Kraniometricheskie osobennosti naseleniia Tuvy epokhi zheleza: Cherepa iz mogil'nika Sagly [Cranimetrical specific features of the Tuva population in the Iron Age: Skulls from the burial ground of Sagly]. *Radlovskii sbornik: Nauchnye issledovaniia i muzeinye proekty MAE RAN v 2010 g.*, St. Petersburg: MAE RAN, pp. 217–222.

Kuz'min N.Iu., 2011. *Pogrebal'nye pamiatniki khunno-sian'biiskogo vremeni v stepiakh Srednego Eniseia: Tesinskaia kul'tura* [Hun-Syanbi burial monuments in the steppes of the Middle Yenisei river: The Tesinsk culture], St. Petersburg, 456 p.

Lazaretov I.P., 2007. Pamiatniki bainovskogo tipa i tagarskaia kul'tura [The Bainovsky-type monuments and the Tagar culture]. *Arkheologicheskie vesti*, 14, Moscow: Nauka, pp. 93–105.

Lazaretova N.I., 2006. Kraniologicheskie materialy iz bidzhinskikh kurganov v kontekste mezhhruppovoi izmenchivosti naseleniia tagarskoj kul'tury [Craniological material from the Bidzha burial grounds in terms of morphological variation of the Tagar population]. *Nekotorye aktual'nye problemy sovremennoi antropologii*, St. Petersburg: MAE RAN, pp. 66–75.

Rykun M.P., 2013. *Paleoantropologii Verkhnego Priob'ia epokhi rannego zheleza (po materialam kamen'skoi kul'tury)* [Paleoanthropological data on the Early Iron Age population of the Upper Ob Basin (the Kamen'skaya culture)], Barnaul: Izd-vo AltGU, 284 p.

Tur S.S., 2001. Kraniologicheskie materialy iz Bobrovskogo mogil'nika bol'sherechenskoj kul'tury perekhnogo vremeni ot epokhi bronzy k epokhe zheleza (VIII–VI veka do n.e.) v svete etnogeneticheskikh problem drevnego naseleniia Verkhnego Priob'ia [Human Crania from the burial ground of Bobrovsky of the Bolsherechenskaya culture in the light of the ethnogenetic aspects of the ancient population in the Upper Ob region, the transition time from the Bronze Age to the Iron Age (VIII–VI century B.C.)]. *Drevnosti Altaia. Izvestiia laboratorii arkheologii*, no. 7, Gorno-Altai, pp. 67–82.

Tur S.S., 2003. Antropologicheskii sostav naseleniia Srednei Katuni skifskogo vremeni [Anthropological structure of the Scythian population in the middle reaches of the Katun river]. Iu.F. Kiriushin, N.F. Stepanova, A.A. Tishkin. *Skif'skaia epokha Gornogo Altaia*. Chast' II: Pogrebal'no-pominal'nye komplekсы pazyrykskoj kul'tury. Prilozhenie II, Barnaul: Izd-vo AltGU, pp. 137–169.

Tur S.S., Rykun M.P., 2004. Kraniologicheskie materialy pazyrykskoj kul'tury iz mogil'nikov v urochishche Kyzyl-Dzhar [Human Crania from the Pazyryk burials in the Kyzyl-Dzhar natural landmark]. *Drevnosti Altaia*, no. 12, Gorno-Altai: Izd-vo GAGU, pp. 32–49.

Uchaneva E.N., 2014. Novye kraniologicheskie materialy skifskogo vremeni iz Tsentral'noi Tuvy [Recent craniological data of the Scythian time in Central Tuva]. *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani*, vol. IV, Kazan': Otechestvo, pp. 413–416.

ЭТНОЛОГИЯ

В.П. Кривоногов

Гуманитарный институт Сибирского Федерального университета
просп. Свободный, 82, Красноярск, 660041, РФ
E-mail: victor950@ya.ru

У ГАРИФУНА СЕНТ-ВИНСЕНТА

В статье рассматриваются современные этнические процессы у коренных жителей о. Сент-Винсент — индейцев-гарифуна («черных карибов»). В ходе исследования в 2015 г. опрошено свыше 10 % гарифуна на основной этнической территории по специальному этнографическому опросному листу. Гарифуна составляют всего 3 % населения страны, и их численность, которая росла весь XX в., в последние годы начала быстро сокращаться. Подавляющее большинство населения страны — негры и «микс» («смешанные»). К последним относят не только мулатов (потомков белых и негров), но и все смешанное население, в том числе потомков от смешанных браков гарифуна и негров. Менее трети гарифуна остались на основной этнической территории — в округе Санди Бей, остальные мигрировали в другие районы страны, многие уехали за рубеж. В самом округе доля гарифуна снижается, быстро растет число негров и особенно «микс». Миграции в последние годы активизируются из-за ограниченного количества рабочих мест в этом сельскохозяйственном округе. Мигранты едут в основном на юг острова, где активно развивается туристический бизнес. Почти не осталось каких-либо национальных отличий в материальной и духовной культуре, языке от окружающего большинства винсентцев (негров и мулатов). Родной язык вышел из обихода еще в первой половине XX в. Почти все гарифуна — христиане (католики, англикане и т.д.), так же как и остальное население страны. Количество национально-смешанных браков с неграми и «смешанными» в округе Санди Бей приблизилось к половине, и большинство детей не относятся к гарифуна, вливаются в общность «микс». В течение XX в. ситуация была иной — почти все гарифуна были сосредоточены в округе Санди Бей, где они составляли подавляющее большинство населения, смешанных браков было существенно меньше, а дети в смешанных семьях чаще определялись как гарифуна. В результате численность гарифуна на острове быстро росла, так же как и их доля в общем населении. Ситуация стала меняться сравнительно недавно, последние 20–30 лет, что ставит под угрозу само существование этой этнической группы в ближайшие десятилетия. В настоящее время своеобразие гарифуна проявляется лишь в этническом самосознании и незначительных антропологических особенностях, хотя внешне гарифуна мало отличаются от негров (сказалось смешение с окружающим большинством в течение нескольких столетий).

Ключевые слова: Сент-Винсент, карибы, гарифуна, этнические процессы, языковые процессы, миграции, демография, национально-смешанные браки, метисация.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-088-099

Объектом исследования этнографической экспедиции в январе 2015 г. было национальное меньшинство островов Карибского моря, их коренные жители — индейцы. Цель исследования заключалась в выяснении современной этнической ситуации у аборигенов Сент-Винсента. В составе экспедиции кроме автора работала переводчица. Соответствующая этнографическая литература на русском и английском языках в большей степени касается истории индейцев-карибов прошлых веков, о современной жизни не нашлось почти ничего. В отечественной научной литературе материалы о регионе содержатся в трудах А.Д. Дридзо, Э.Л. Нитобурга, В.Г. Сергеевой, В.А. Скрозниковой, Э.Г. Александренкова. Согласно поставленным нами задачам необходимо было выяснить: 1) самоназвание, этнонимы сохранившихся индейцев; 2) численность и ее динамику в последние десятилетия; 3) места компактного проживания; 4) соотношение индейцев, проживающих на своей этнической территории и за ее пределами; 5) национальный состав поселков в местах компактного проживания; 6) интенсивность и направления миграций; 7) количество национально-смешанных браков в местах компактного проживания; 8) этническую ориентацию выходцев из национально-смешанных семей; 9) степень метисации; 10) языковые процессы; 11) наличие этнических особенностей в разных областях материальной и духовной культуры (жилища, одежда, религия и т.д.).

У гарифуна Сент-Винсента

Для решения указанных задач мы разработали опросный лист и рассчитали выборку на основе данных переписи 2001 г. Решено было опросить не менее 10 % гарифуна на основной этнической территории, т.е. в округе Санди Бей; опрос проведен в 5 из 8 поселков округа. Так как по переписи 2001 г. в округе числилось 1590 гарифуна, то в нашей выборке их должно было быть не менее 160. Фактически опрос охватил 163 чел. Уже после экспедиции мы получили данные новой переписи, 2012 г., из которых выяснилось, что численность гарифуна в округе за межпереписной период сократилась; следовательно, для выполнения плана достаточно было и 100 опрошенных. Таким образом, оказалось, что мы опросили не 1 из 10, а 1 из 6; это лишь повысило репрезентативность выборки и достоверность наших данных. При исследовании учитывался возрастной и половой состав опрошенных, постоянно сопоставлявшийся с данными по полу и возрасту из последних переписей населения. Кроме опроса использовались методы бесед с информаторами и экспертами (местными специалистами), статистический материал (переписи населения).

Общеизвестно, что почти на всех островах рассматриваемого региона индейцы исчезли, истреблены, вымерли еще 200–300 лет назад, так как им «посчастливилось» первыми из американских аборигенов столкнуться с европейской цивилизацией [Нитобург и др., 1982, с. 8]. Это столкновение оказалось для них губительным. Почти повсеместно на больших и малых островах коренные жители заменялись европейцами (Куба и др.), а чаще — африканцами, завозившимися сюда европейскими колонизаторами в качестве рабов для использования на плантациях. Острова поделили между собой испанцы (Куба, Пуэрто-Рико, Доминикана и др.), пришедшие позже англичане (Ямайка, Тринидад и Табаго, Багамские, Виргинские острова и др.), французы (Гаити, Мартиника, Гваделупа и др.) и в меньшей степени — голландцы (Кюрасао, Аруба и др.). Острова по несколько раз переходили из рук в руки. На большинстве их не осталось даже следов индейцев, но кое-где аборигены все-таки «сохранились» до наших дней, хотя и в очень незначительном количестве. Первыми колонизаторами еще в испанский период подверглись большие острова региона, считавшиеся более перспективными для освоения европейцами [Нитобург, 1982, с. 4, 267], но в конце концов очередь дошла и до маленьких, ранее не привлекавших внимания. Поэтому именно здесь, на Малых Антильских островах, и было больше шансов сохраниться индейцам. Другое обстоятельство, первоначально снижавшее интерес к этим территориям, было то, что именно здесь проживали самые воинственные племена, которые называли «карибами» (самоназвания — «калинаго», «гарифона», «гарифу», «гарибы», «гарифуна»). Они имели дурную славу агрессивных канибалов, что, возможно, первое время отпугивало европейцев [Там же, с. 28, 29, 267].

Французы и англичане, постепенно оттеснившие испанцев, обратили внимание на Малые Антильские острова в XVII в. Они попеременно сменяли здесь друг друга, а аборигены, втянутые в чужие для них разборки, постепенно вымирали, сокращались в численности и наконец остались только на двух островках, названных европейцами Сент-Винсент и Доминика. Какая бы из двух держав ни владела островами, они проводили одну политику — создавали на островах плантации и сразу же завозили рабов из Африки. Индейцы в этих местах в качестве рабов явно не подходили — были слишком воинственны и независимы. Еще до окончательного покорения индейцев-карибов начался процесс их смешения с неграми, которые бежали с плантаций или потерпевших крушение судов (известен факт крушения невольничьего корабля близ о. Сент-Винсент в 1635 г.) [Smith, 1974, p. 291]. У карибов они вступали в браки с местными женщинами, и на свет появлялось уже новое, чернокожее поколение карибов («черные карибы») [Ibid., p. 291, 292]. В отличие от них остальные, не смешавшиеся карибы именовались «желтыми» или «красными». Переломный момент в судьбе островов наступил в конце XVIII в., когда англичане, потеснившие французов, столкнулись с настоящим восстанием черных карибов на Сент-Винсенте [Ibid., p. 28]. Дошло до того, что индейцы нападали на плантации и убивали плантаторов. Такой «проступок» не мог остаться безнаказанным, и кара англичан скоро обрушилась на остров. Черные карибы были разгромлены, а остатки племени в количестве 5 тыс. чел. в 1797 г. выселены далеко на запад, к побережью Центральной Америки, на о. Роатан около Гондураса [Ibid., p. 287]. С этого времени военное противостояние прекратилось. Позже гарифуна с о. Роатан расселились по странам Центральной Америки (Белиз, Гондурас, Никарагуа).

После этих драматичных событий оставшиеся на Сент-Винсенте немногочисленные «желтые карибы» были отселены на северо-восточную окраину острова (все экономические центры на острове находятся на юге). Для них организовали резервацию в районе залива Санди Бей

[Сент-Винсент и Гренадины...]. Они перестали играть сколько-нибудь значительную роль в жизни острова: масса завезенных африканских рабов составляла большинство, а карибы — незначительное национальное меньшинство. Позднее резервация была ликвидирована, но концентрация индейцев в районе Санди Бея сохранилась.

В официальных статистических документах коренное население значителся как *indigenous people* или *Karib*. Однако не всегда официальное название совпадает с реальным. Нам предстояло это выяснить. Как они могли бы себя называть? Индейцы? Карибы? Известно, что «карибы» — не самоназвание. Этот термин европейцы заимствовали у других племен, живущих в северном регионе Карибского моря, — у тех, с кем «карибы» воевали, т.е. так их называли враги. Он был воспринят европейцами и перенесен в качестве названия на море и весь регион. Сами же себя эти индейцы именовали, как уже упоминалось, «калинаго», «гарифуна», «гарифу» и др. Один из этих терминов — калинаго — в настоящее время активно внедряется на острове Доминика: там коренные жители выступили с требованием, чтобы их официально именовали именно калинаго, и никак иначе [Индейцы Доминики...]. Что мы выяснили у самих местных жителей? Некоторые назвали себя карибами, но подавляющее большинство — гарифуна. Так и будем их именовать.

Окружающее население, потомков африканцев, официальная статистика именуется *African*, встретилось также *Negro* и *Black*. Отдельную часть народа называют *mixed* (смешанные); это смешанное население, чаще всего потомки белых и негров. А самоназвание? Официальный термин «африканцы» при общении с жителями острова нам слышать не приходилось; отвечая на вопрос об этническом происхождении, они называют себя либо неграми (точнее, «нигер», еще точнее, в местном произношении, — «нига»), либо микс, миксд (*mixed*), т.е. «смешанные». Из числа микс некоторые еще называют себя мулатами. В отличие от США, где в последние десятилетия слово «негр» было объявлено вне закона и считается оскорбительным, на острове все иначе. Потомки африканцев спокойно называют себя неграми (нига), и никого это не смущает и не коробит, здесь это вполне приемлемый термин. Кстати, и в русском языке слово «негр» не несет уничижительного или оскорбительного смысла, поэтому нет причин отказываться его использовать. Негры и «смешанные» (миксд, микс), скорее всего, представляют собой один этнос, который именуют иногда «винсентцы» (*vinstntion*). Но разделение на две группы — собственно негров и смешанных (мулатов) закрепилось в сознании, вошло в официальную статистику и воспринято самим населением. Видимо, это две субэтнические группы одного народа. Такое разделение унаследовано, вероятнее всего, с колониальных времен, когда та или иная доля «белой крови» имела огромное значение и определяла место человека в обществе [Дридзо, 1991, с. 196].

Правда, в колониальные времена разделение было более дробным. Существовали не просто мулаты; в зависимости от доли негроидного и европеоидного компонентов в родословной выделялись кварталеры, октароны, на Ямайке — мусты, мустафино и т.д. [Нитобург и др., 1982, с. 58–59]. Но такая дробность ушла в прошлое, сейчас все смешанные группы объединены термином «микс». Как ни странно, термин «креолы» в отношении негритянского населения острова не используется, хотя отмечен в регионе Карибского моря [Там же, с. 9, 58]. В отличие от материковой части Южной Америки, где он применялся для обозначения потомков «белого» населения, родившихся не в метрополии, а в Новом Свете, в районе Карибского моря креолами называли как раз потомков африканцев, которым противопоставлялись «босали» — рабы, родившиеся в Африке.

В столице государства Кингстауне мы посетили министерство финансов и экономического планирования, в составе которого есть статистическое управление, имеющее прямое отношение к переписям населения. Данные последней переписи 2012 г. ко времени нашего приезда еще находились в процессе обработки и не были опубликованы, но мы получили подробные разработки по переписи 2001 г. Данные переписи 2012 г. нам прислали по электронной почте несколько месяцев спустя после экспедиции.

При беседе с сотрудниками отдела, непосредственно занимающимися статистикой и переписями населения, выяснилось, что в последние десятилетия здесь принято относить к «микс» не только потомков от связей «белых» и негров, т.е. мулатов, но и вообще все смешанное население, тех, чьи родители были разных национальностей, причем не обязательно относились к разным расам. Эта информация для нас оказалась очень актуальной и разъяснила в дальнейшем многие вопросы. Забегая вперед, отмечу, что к «микс» по статистике относятся и по-

У гарифуна Сент-Винсента

томки от смешанных браков гарифуна и негров, хотя они не являются, да и сами себя не называют мулатами. Большая часть гарифуна, в силу давнего смешения с неграми, внешне от них почти не отличаются, а значит, дети в таких семьях вовсе не смешанные в расовом отношении. Но по существующему порядку и они относятся к «микс», так как родители — разных национальностей. И не только официально; они и сами считают себя таковыми и так называют, т.е. в этом вопросе официальная статистика и мнение населения полностью совпадают.

Таким образом, разобравшись с этнонимами, рассмотрим этнические процессы, протекающие у гарифуна, и их взаимодействие с двумя основными группами населения, именуемыми неграми и «микс», представляющими, скорее всего, один народ. Кроме того, на острове проживает еще несколько национальных меньшинств, из которых самые крупные — «белые», португальцы и индийцы.

Национальный состав государства Сент-Винсент и Гренадины в 2001 и 2012 гг. выглядел так (табл.1).

Таблица 1

Национальный состав Сент-Винсента по данным переписей 2001 и 2012 гг.*

Национальности и этнические группы	Численность, чел.		%	
	2001	2012	2001	2012
Негры (африканцы)	77 390	77 763	72,8	71,2
«Смешанные» (микс)	21 303	25 111	20,0	23,0
Индийцы (гарифуна)	3813	3279	3,6	3,0
Индийцы	1438	1199	1,4	1,1
«Белые»	871	889	0,8	0,8
Португальцы	610	753	0,6	0,7
Сирийцы	69	104	0,1	0,1
Китайцы	37	38	0,03	0,03
Другие национальности	97	51	0,1	0,05
Неизвестно	625	1	0,6	0,0
<i>Итого</i>	106 253	109 188	100,0	100,0

* Рассчитано по материалам переписей 2001 и 2012 гг., полученным в статистическом управлении министерства финансов и экономического планирования. Общий документ имеет название «Population and housing census report 2001». Аналогично называется документ по переписи 2012 г. В дальнейшем в тексте — просто «перепись 2001 г.», «перепись 2012 г.».

Динамику численности гарифуна на Сент-Винсенте мы выяснили по данным последних переписей населения. В течение XX в. динамика была положительная; в 1991 г. составляла 3,4 тыс. чел., в 2001 — 3,8 тыс. Рост численности особенно впечатляет, если сравнивать с более ранним периодом. Оказывается, в 1963 г. индейцы составляли всего 1,6 % от общей численности населения острова в 80 тыс. чел., т.е. всего 1,3 тыс. [Smith, 1974, с. 279]. Рост за 40 лет — почти в три раза! Одной из причин этого была, по мнению крупнейшего исследователя этнографии народов данного региона А.Д. Дридзо, устойчивость этнического самосознания потомков индейцев. По его мнению, «...сейчас быть индейцем весьма почетно, отсюда стремление подчеркнуть свою хотя бы частичную принадлежность к этой крайне немногочисленной группе населения» [Дридзо, 1978, с. 24–25]. Однако в начале XXI в. ситуация изменилась, произошло сокращение до 3279 чел. (на 14 % за 11 лет) (табл. 1). Причину этого нам предстояло выяснить.

Следующей задачей было узнать, насколько компактно или, наоборот, смешанно проживают гарифуна относительно представителей других национальностей острова. Желательно было выяснить ситуацию в каждом отдельном районе острова (в стране их всего 13) или даже в каждом населенном пункте. Административные районы в стране именуются division. Слово многозначное, словари дают почти два десятка вариантов перевода на русский язык, из которых больше всего подходит по смыслу «административный округ». Как уже говорилось, этническая территория гарифуна — северо-восточная оконечность острова, где их в свое время поселили англичане и где была их резервация. Сейчас этот округ называется Санди Бей. Нам необходимо было узнать, каким образом расселены гарифуна, не расселились ли они с северо-востока по всему острову? В материалах переписи 2001 г. мы нашли информацию о национальном составе каждого из 13 округов страны (табл. 2).

Выяснилось, что на основной этнической территории в 2001 г. проживало 1,6 тыс. гарифуна, а за ее пределами — 2,2 тыс., т.е. более половины гарифуна покинули свою этническую

территорию и расселились по всей стране, вплоть до архипелага Гренадины. Чаще всего за пределами этнической территории гарифуна встречаются в соседнем округе — Джорджтауне (799 чел., или 21,0 % всех гарифуна). Второе место концентрации — наиболее экономически развитые южные округа острова, столица — Кингстаун и соседние округа: Окрестности Кингстауна и Каллиаква (в общей сложности 727 чел., или 19,1 % от общей численности гарифуна страны). В остальных округах их совсем немного, до 70 чел. и менее. За пределами этнической территории нет мест их концентрации, поселков, где бы они составляли большинство или хотя бы половину численности населения. Даже в ближайшем округе, Джорджтауне, где гарифуна составляют свыше 1/10 населения (0,8 тыс.), они проживают дисперсно, не образуя анклавов.

Таблица 2

Численность гарифуна по округам Сент-Винсента по данным переписей 2001 и 2012 гг.

Division (округа)	Численность indigenous people (гарифуна), чел.		Доля по отношению к общей численности гарифуна, %		Доля гарифуна в населении данного округа, %	
	2001	2012	2001	2012	2001	2012
Кингстаун	180	191	4,7	5,8	1,4	1,5
Окрестности Кингстауна	242	285	6,3	8,7	1,9	2,1
Каллиаква	305	348	8,0	10,6	1,4	1,5
Марриаква	70	54	1,8	1,7	0,9	0,7
Бриджтаун	68	206	1,8	6,3	1,0	3,1
Колонариэ	32	45	0,8	1,4	0,4	0,7
Джорджтаун	799	866	21,0	26,4	11,6	12,8
Санди Бей	1590	988	41,7	30,1	58,5	38,4
Лею	36	31	0,9	0,9	0,6	0,5
Барруалье	63	53	1,7	1,6	1,2	0,9
Шатоблер	256	35	6,7	1,1	4,2	0,6
Северные Гренадины	126	104	3,3	3,2	2,3	1,7
Южные Гренадины	46	73	1,2	2,2	1,4	1,8
По стране	3813	3279	100,0	100,0	3,6	3,0

Уже после экспедиции мы получили новые статистические данные, переписи 2012 г. За 11 лет произошли радикальные изменения (табл. 2). Главный вывод — рассредоточение гарифуна по острову из округа Санди Бей резко ускорилось. На исконной территории осталось только 30,1 % гарифуна. Свыше двух третей разъехались по всем округам. В трех южных, самых развитых в экономическом отношении округах гарифуна стало уже 824 чел., или 25,1 % всего народа (было 19,1 %), больше их стало и в соседнем округе Джорджтаун — 866, или 26,4 % (было 21,0 %). Такое рассредоточение гарифуна по всему острову не способствует сохранению их этничности, ставит под вопрос их дальнейшее существование и является одной из причин уменьшения численности (на численность влияет не само по себе расселение, а его последствия). Причиной переездов, по словам наших информаторов, стали поиск работы и стремление молодежи к получению образования или к более разнообразным профессиям по сравнению с тем, что есть в их округе. Отсутствие туризма ограничивает круг занятий населения сельским хозяйством, большинство здесь — фермеры, выращивают различные тропические культуры, среди которых мы заметили бананы, кокосовые пальмы, ананасы и т.д. Эта ограниченность занятий и выталкивает молодежь из округа в поисках более интересной работы. А туризма нет в силу естественных причин: берега здесь обрывистые и почти отсутствуют пляжи — главный притягательный фактор для отдыха на тропических островах.

При опросе мы узнали, что кроме миграций в другие части острова практикуются и довольно интенсивные миграции за пределы страны. Вообще, наблюдается эмиграция негритянского населения с острова в разные страны, и гарифуна не являются исключением. Многие информаторы рассказывали нам о своих родственниках, разъехавшихся по всему миру. Основные направления миграция такие. Нередко уезжают на соседние острова, и здесь на первом месте самый большой остров в этой части карибского мира — Тринидад. Но еще чаще информаторы называли три страны — Англию, США и Канаду. Причем поясняли, что раньше мигранты предпочитали Англию, а в последнее время — США. Ориентация на Англию в прошлом понятна: три с небольшим десятилетия назад она была метрополией (остров получил независимость в 1979 г.). К сожалению, нам не удалось найти точные данные о внешних миграциях гарифуна, поэтому не

У гарифуна Сент-Винсента

можем ничего сказать об их динамике. Возможно, в том числе активизацией миграций объясняется сокращение численности гарифуна в последние годы. Впрочем, другие причины, подробно рассмотренные нами, также не способствуют сохранению численности.

Расселение гарифуна по всему острову — важный фактор этнических процессов. Но имеет значение и национальный состав места компактного проживания — однородный он или смешанный? Начнем с ситуации, сложившейся в округе к моменту переписи 2001 г. (табл. 3).

Таблица 3

Этнический состав округа Санди Бей по данным переписей 2001 и 2012 гг.

Национальность, этническая группа	Чел.		%	
	2001	2012	2011	2012
Африканцы (African/negro/black)	341	472	12,6	18,3
«Смешанные» (mixed)	760	1101	28,0	42,7
Индейцы (indigenous people)	1590	988	58,5	38,4
Португальцы	9	4	0,3	0,2
Индийцы	6	8	0,2	0,3
Другие и неизвестные	10	3	0,4	0,1
<i>Итого</i>	2716	2576	100,0	100,0

Итак, действительно этот округ еще недавно можно было назвать «местом компактного проживания» — гарифуна составляли большинство населения. Негров и «смешанных» в 2001 г. было меньше. К 2012 г. произошли радикальные изменения (табл. 3). Численность индейцев упала, а микс — резко увеличилась, и они обогнали гарифуна по этому показателю. Доля индейцев здесь сократилась с 58,5 до 38,4 %. Это значит, что и на основной этнической территории ассимиляционные процессы могут ускориться, со всеми вытекающими последствиями.

Для выявления этнической ситуации имеет значение этнический состав не только округа, но и каждого отдельно взятого населенного пункта. В одних районах представители двух национальностей могут жить смешанно в одних и тех же поселках, а в других районах — наоборот, отдельно, представители каждой национальности в своем поселке. Результаты этнического взаимодействия при этом будут разными. Посемейных списков здесь не ведется, и мы обратились к местным специалистам, прежде всего учителям, с просьбой дать оценку национального состава всех восьми поселков округа. Конечно, эти сведения не совсем точные, скорее приблизительные, но все же вряд ли существенно расходятся с истинным положением. Оказалось, что негры, микс и гарифуна проживают не в разных поселках, а в одних и тех же, смешанно, хотя доли гарифуна и остального населения различаются. В пяти из восьми поселков гарифуна составляют большинство — около 70 % (Нью Санди Бей, Олд Санди Бей, Овиа, Лондон, Пойнт), в двух поселках — около половины или чуть меньше (40–50 %; Магум, Саен Хилл) и в одном поселке (Фэнси) — около 20 %. Эти данные говорят о совместном проживании представителей трех основных этнических групп в каждом поселке; смешанными, хотя и в разной степени, являются все населенные пункты района.

Для нас важно было выяснить, сохранились ли в какой-либо степени элементы традиционной индейской культуры и если сохранились, то насколько широко. Сравнение проводилось с большинством населения острова — т.е. с потомками африканцев. Гарифуна в своем округе в основном заняты сельским трудом, являются фермерами. Занимаются главным образом земледелием: выращивают различные тропические культуры. В чем их специфика в отличие от таких же фермеров-негров? На этот вопрос информаторы ответить затруднились — как будто между хозяйствами фермеров гарифуна, негра или «микс» разницы нет. Специфической местной индейской сельхозкультурой является маниок, но он давно освоен и неграми. Некоторые информаторы посчитали, что несколько специфичным было увлечение индейцев рыболовством. Но, во-первых, и негритянское население рыболовством не пренебрегает, а во-вторых, среди гарифуна значение рыболовства упало. Мы попросили наших экспертов и информаторов определить, какая доля гарифуна активно и регулярно занимается рыболовством. Они сошлись на цифре около 5 %. То есть, незначительное меньшинство. Большинство гарифуна, как и остальные винсентцы, живут в добротных кирпичных виллах, многие в испанском колониальном стиле, с арками и крытыми верандами, очень аккуратных, оштукатуренных и покрашенных снаружи, в окружении деревьев, цветущих кустов и цветов. А кто победнее? Да, здесь есть и бедняки, как и в других частях острова, хотя их явно меньше, чем живущих на довольно высоком

«среднем» уровне. По крайней мере, такой вывод можно сделать, осматривая дома. Маленьких деревянных, иногда фанерных домиков здесь явно меньше, чем кирпичных вилл. Но и эти деревянные сооружения не несут никаких следов индейского традиционного домостроительства и ничем не отличаются от таких же домиков бедняков в других частях острова. В повседневной одежде гарифуна мы также не встретили никаких национальных особенностей и отличий от одежды основного населения страны.

Вывод в отношении языковой ситуации оказался однозначен: она у гарифуна ничем не отличается от таковой у остальных жителей страны. Все указали в качестве родного местный диалект английского языка, и все позже, в школе, осваивают и собственно английский язык. Исключений нет — никто не владеет языком своих предков и не мог сказать, что встречал людей, которые на нем разговаривают. По мнению специалистов, индейские языки региона перестали звучать еще в 1920-е гг. [Александренков, 1976, с. 96]. Даже старики говорили нам, что их родители, бабушки и дедушки языком предков не владели. Языковая ассимиляция завершилась, причем достаточно давно. Как местные жители, не только гарифуна, но и остальные называют свой островной вариант английского языка? В нашей этнографической литературе об этом регионе он обозначается обычно как креоло-английский. Но все наши информаторы называли его одинаково — «диалект». И относятся к нему не как к особому языку, а имеют в виду буквальное значение этого термина — т.е. лишь диалект английского языка. Я это подчеркиваю, так как во многих странах с аналогичной этнической и языковой историей, там, где среди завезенных рабов на плантациях возникли местные, упрощенные варианты языка колонизаторов (англичан или французов) [Нитобург и др., 1982, с. 12], в отдельных случаях они претендуют на довольно высокий статус, т.е. на статус особых языков. Имеют они и особые названия; в английских колониях такой язык чаще называют *пиджин-инглиш*, во французских — *патуа*, в тех и других — *креоль*.

Из этнографической литературы известно, что во многих бывших английских колониях региона кое-где используется и патуа — местный вариант французского языка, так как нередко именно французы были первыми хозяевами островов и лишь позже они перешли к англичанам [Нитобург и др., 1982, с. 12, 61]. На некоторых островах патуа сохранился, на других его помнят лишь отдельные старики, где-то он полностью вытеснен английским. Есть информация, что в какой-то степени патуа знали некоторые старики Сент-Винсента [Сент-Винсент и Гренадины...]. Однако в округе Санди Бей мы не встретили среди опрошенных гарифуна никого, кто бы говорил на нем.

Не могу не упомянуть примечательный факт, касающийся языка индейцев. В нескольких поселках мне рассказали об одном человеке (который, правда, умер какое-то время назад), который знал индейский язык гарифуна и пытался его пропагандировать среди своего народа. По одной из версий, он якобы заинтересовался проблемой этого языка, но сам его не знал. Он поехал к соплеменникам на о. Доминика, где как будто кто-то еще помнил этот язык, там он этот язык освоил, вернулся в родные места и начал убеждать людей его учить. Об этом мне говорили разные люди, поэтому за точность информации не ручаюсь, но сам факт такой попытки реанимации родного языка, думаю, можно считать вполне достоверным. В любом случае, однако, после смерти этого замечательного энтузиаста новых подобных попыток не предпринималось.

Узнать у информаторов-гарифуна что-либо о традиционной религии не удалось: никто не смог сказать ничего определенного. Все гарифуна уже давно христиане. На острове, в том числе у гарифуна, сложилась интересная ситуация, при которой ни одна ветвь христианства не является доминирующей. Есть среди гарифуна и католики, и баптисты, и англикане, и представители других протестантских течений, причем все они живут в одних и тех же поселках, только ходят в разные церкви, костелы и молельные дома. Религиозные общины не изолированы друг от друга. По словам информаторов, хотя большинство браков заключается внутри своей общины, нередки и межконфессиональные союзы. При этом бывает, что один из молодоженов меняет религиозную принадлежность в пользу второго супруга, но бывает и так, что каждый остается при своих взглядах, это уже как договорятся. И у нас в выборке встретилось несколько смешанных в религиозном отношении семей (табл. 4).

На вопрос, обращенный к родителям-англиканам в одной конфессионально-смешанной семье, почему у них дети католики, был дан ответ: «А потому, что мы постоянно на работе, дети больше времени проводили с бабушкой и дедушкой. А они католики. Поэтому и внуков приобщили к католицизму. Мы не против». Правда, осталось неясным, как сами родители оказались

У гарифуна Сент-Винсента

протестантами, если их родители — католики. Этот пример показывает, что проблем такое конфессиональное разнообразие у гарифуна не вызывает.

Таблица 4

Религиозный состав гарифуна (данные опроса)

Религия	% семей
Англикане	28,6
Баптисты	28,6
Пentakостел	10,0
Прочие протестанты	10,0
Католики	14,3
Англикане — пentakостел	1,4
Англикане — другие протестанты	1,4
Англикане — католики	2,8
Атеисты	2,9

По данным переписи 2012 г., религиозный состав населения всей страны был следующим: англикане — 13,9 %, баптисты — 8,9 %, пentakостел — 27,6 %, прочие протестанты — 26,7 %, католики — 6,3 %, атеисты — 7,5 %. В соотношении численности приверженцев разных конфессий разница у гарифуна с общими показателями налицо: среди них оказалось относительно больше англикан, баптистов и католиков, но меньше приверженцев других протестантских течений. Однако общий вывод от этого не меняется — все гарифуна христиане, так же как и подавляющее большинство других винсентцев.

Как видим, ни в одной из исследованных областей материальной и духовной культуры не обнаружено никаких элементов традиционной индейской культуры. Можно ли в таком случае делать вывод, что их нет вовсе? Казалось бы, можно. Но все же воздержимся от такого однозначного вывода. Во-первых, далеко не все виды материальной и духовной культуры мы исследовали. Во-вторых, некоторые проявления традиционной духовной культуры могут быть довольно скрытыми, не бросающимися в глаза. В-третьих, вероятно и такая ситуация, когда некоторые следы индейской культуры могут бытовать, но не считаются таковыми самими гарифуна, поэтому нам о них не сообщили. Не исключено, что какие-то элементы индейской культуры сохранились среди гарифуна, но для их выявления потребовалось бы значительно больше времени, чем то, которым мы располагали. Однако, без всякого сомнения, если какие-то элементы индейских традиций и сохранились, то их роль крайне невелика, и современная культура гарифуна практически неотличима от культуры окружающего большинства, т.е. потомков африканцев.

В округе Санди Бей мы не обнаружили какого-либо государственного учреждения, где бы фиксировались браки населения. Местные жители нам пояснили, что если браки и фиксируются, то только в костелах, молельных домах, у каждой конфессии отдельно. Не факт, что там в записях отмечается этническая принадлежность, а нам для выявления ситуации требовалась информация именно по основным этническим группам. Поэтому единственным источником для нас являлся наш опрос. Выборка, на наш взгляд, вполне репрезентативная, и надеемся, что по вопросам межэтнических браков мы получили результаты, отражающие реальную ситуацию. В выборку попали 4 гарифуна-одиночки, 22 однонациональные семьи, 3 семьи гарифуна-негритянские, в 9 браках гарифуна живут вместе с «микс», в 6 семьях встретились представители сразу трех этнических групп — негры, «микс» и гарифуна, в 2 семьях проживали совместно гарифуна, индийцы и «микс» и в 1 семье — гарифуна и полинезиец. Таким образом, однонациональных семей в выборке 22, а смешанных — 21, или 48,8 %. Учитывая этнический состав населения округа, можно сказать, что процент смешанных семей близок к их теоретически веро-ятой доле. То есть, эндогамный барьер фактически отсутствует.

Рассмотрим ситуацию в отношении супружеских пар (это не то же, что смешанные семьи; в некоторых семьях может и не быть супружеской пары, а в других может быть более одной пары). Всего супружеских пар в выборке оказалось 42. В 24 семьях оба супруга гарифуна, в 8 — муж гарифуна, жена иной национальности (3 «микс», 4 негритянки, 1 индианка), в 10 — жена гарифуна, муж иной национальности (5 негров, 3 «микс», 1 индеец, 1 полинезиец). Таким образом, имеют супругов иной этнической принадлежности 25,0 % мужчин-гарифуна и 29,4 % женщин.

При такой высокой доле национально-смешанных семей имеет большое значение этническая ориентация выходцев из них. От этого во многом зависит и динамика численности этноса, и общее направление этнических процессов (ассимилируется этнос или нет). Как родители определяют этническую принадлежность своих детей в этнически смешанных браках?

В целом в этнически смешанных семьях отнесены к гарифуна 25,0 % детей, к неграм — 6,8 %, к «микс» — 68,2 %. Эти данные говорят, что через такие браки осуществляется переход потомства и негров, и гарифуна в общность «микс»; вот почему в округе эта этническая общность превалирует по численности негров, а совсем недавно — и самих гарифуна. Она растет не только за счет собственного естественного прироста (т.е. рождаемости в семьях, где оба супруга «микс»), но и за счет детей во всех других вариантах этнически смешанных семей. Мы решили найти подтверждение этому выводу, сравнив возрастную структуру разных этнических общностей округа. Это позволяют сделать данные переписи 2001 г., где есть разделение населения на три возрастные группы: дети до 15 лет, пожилые люди 65 лет и старше и все остальные (средний возраст). Как выглядят в округе три основные этнические группы?

Оказалось, что среди негров дети составили 27,3 %, среди гарифуна — 28,1 % и среди «микс» — 38,6 %. Это полностью подтверждает наши вышеприведенные выводы. Благодаря национально-смешанным бракам группа «микс» растет явно быстрее других. Среди стариков округа «микс» составили 16,4 %, среди людей среднего возраста — 25,9 %, а среди детей — 35,1 %. У гарифуна динамика обратная: среди стариков гарифуна составили 72,1 %, в средней возрастной группе — 59,5 %, среди детей — 53,4 %. Эта динамика по возрастным группам указывает на перспективу — в дальнейшем доля гарифуна в округе должна уменьшаться, а «микс» — расти. Что мы и обнаружили в данных переписи 2012 г.

При таком большом количестве смешанных браков можно сделать вывод о высокой доле смешанного населения среди самих гарифуна. Тем более что не всех детей родители относят к «микс»; некоторых, несмотря на смешение, родители относят к гарифуна (25,0 %), да и среди взрослых, записывая родословную при опросе, мы встречали немало людей этнически смешанного происхождения, которые, однако, уверенно считают себя гарифуна. Правда, при этом стоит уточнить постановку проблемы. Дело в том, что антропологически все 100 % гарифуна являются смешанными — если иметь в виду результаты смешения с африканцами еще в XVIII–XIX вв. Хотя, как мы упоминали, в XVIII в. с острова были выселены «черные карибы», а остались как раз «желтые», но вскоре, видимо, в результате смешения с неграми «почернели» и они. Вместе с тем в те времена, скорее всего, не было тенденции относить детей смешанного происхождения к «микс», иначе сегодня индейцев на острове не осталось бы вовсе (как на множестве других соседних островов). За долгий период все гарифуна стали смешанными. Что же тогда выяснять? Следует учитывать, что смешение продолжается, и интересно было бы выявить уровень его интенсивности. Для этого мы выделили по родословным каждого опрошенного тех, у кого инонациональный компонент встречается в ближайших двух поколениях, т.е. у кого иной национальности были отец, мать или дед-бабка. Напомню, что мы опросили 163 чел. данной национальности, включая взрослых, детей (со слов родителей) и стариков. Результат такой: нет инонационального компонента (в ближайших двух поколениях) у 109 респондентов (66,9 %), есть — у 54 (33,1 %). Имеют среди ближайших предков негров — 36 чел., индийцев — 1, шотландцев — 4 (это одна семья — один взрослый и трое его детей), одновременно и негров и индийцев — 13. Таким образом, активное смешение продолжается и сейчас, каждый третий получил инонациональный компонент за последние полвека. Среди детей таких мы насчитали 43,5 %, т.е. процесс нарастает. И это при том, что большинство детей смешанного происхождения «выбывают» из общности гарифуна, становятся «микс». Если бы все они становились гарифуна, то это смешение последних десятилетий среди них превалировало бы половину популяции, а среди детей — не менее 3/4.

Говоря о том, что все без исключения современные гарифуна смешанного происхождения (если иметь в виду и смешение в предшествующие века), надо сделать оговорку. Дело в том, что во внешности части гарифуна некоторые индейские черты прослеживаются, хотя и редко. Эти особенности замечаются и ими самими, и окружающим населением. Когда я в Кингстауне спросил знакомого негра, видел ли он гарифуна, отличаются ли они внешне, он уверенно ответил — «да, отличаются — у них волосы прямые». То есть, некоторые антропологические особенности служат до сих пор этноразличительным признаком для местного населения. Это тем более важно, что других отличительных признаков (язык, культура и т.д.) не наблюдается. В их

У гарифуна Сент-Винсента

поселках я внимательно вглядывался в лица местного населения, стараясь обнаружить внешние проявления индейского происхождения. Многие из гарифуна вообще неотличимы от негров, некоторые имеют лишь отдельные индейские черты, а кто-то в большей степени похож на индейцев. В каком соотношении находятся эти типы? Нам удалось встретиться с сотнями гарифуна, и приблизительно я могу определить, что подавляющее большинство — от 2/3 до 3/4 визуально практически не отличаются от негров. Остальные имеют отдельные индейские черты: у кого-то светлее кожа, у кого-то прямее волосы или характерная форма носа, явно отличного от негритянского. Тех, у кого индейские черты преобладают,— очень мало, приблизительно 5–10 % (рис.). Как-то в школе мы попросили вывести на крыльцо детей гарифуна для фотографирования. Учителя вывели человек 25. Но из них только у двоих явно просматривались индейские черты, у остальных индейскую примесь можно было бы выявить разве что специальными антропологическими исследованиями, визуально они были незаметны. Разумеется, антропологические особенности не являются прерогативой этнографии. Однако если расовые особенности становятся этноразличительными признаками, замечаются окружающим населением, служат маркером этнической группы, то это, как в данном случае, представляет интерес и для этнографов.

Рис. Портреты гарифуна. Лишь у немногих сохранились во внешности антропологические особенности индейских предков. Фото автора, 2015 г., округ Санди Бей.

Мы проводили исследование среди гарифуна на основной этнической территории. Однако на ней живет менее трети гарифуна. Остальные покинули Санди Бей и расселились по остальным 12 округам. Можем ли мы, не проводя специальных исследований, высказать соображения об этнических процессах и среди них? Думаю, в определенной степени судить об этом мы можем.

Если нет отличительных особенностей в тех областях материальной и духовной культуры, которые мы изучали в округе Санди Бей, тем более нелогично предположить их вне этой территории. Не может быть каких-либо отличий и в языковых процессах — везде гарифуна говорят

на английском языке и местном креольском диалекте. В чем же могут быть отличия? Думаю, в количестве национально-смешанных семей. Если их число даже на основной этнической территории близко к половине, то за ее пределами может быть 3/4 или больше. А значит, следует предполагать более интенсивное смешение с окружающим большинством, больше лиц смешанного происхождения в их составе. Скорее всего, у них больше браков с неграми и относительно меньше — с «микс» (исходя из национального состава остальных округов). Возможно также, что у них иная этническая ориентация выходцев из национально-смешанных семей: если в своем округе к гарифуна относится около 1/4 таких детей, то в других округах эта доля может быть меньше. Косвенно это подтверждается тем, что, по данным переписи 2001 г., за пределами своего округа процент детей у гарифуна меньше, чем в округе (25,2 % против 28,1 %). В округе очень мало тех, кто относит детей из смешанных семей к неграм (всего 6,8 %), за пределами этнической территории, вероятно, этот показатель выше.

Подводя итоги, можно сделать вывод об очень высокой степени ассимиляции гарифуна окружающим, в основном негритянским, населением. В большинстве областей материальной и духовной культуры индейских черт нет или очень мало. Языковая ассимиляция давно завершилась. Более 2/3 гарифуна покинули свою этническую территорию. Слияние гарифуна с окружающим населением через смешанные браки идет весьма активно, наблюдается переход потомства в этническую группу «микс». Чем сегодня гарифуна отличаются от основной массы населения? Можно уверенно назвать только два признака — этническое самосознание и антропологические особенности у части потомков индейцев.

Миграции за пределами острова, ассимиляция через смешанные браки, а также общий переход населения страны от многодетной к средне- и даже малодетной семье привели к тому, что рост численности гарифуна, отмечавшийся в XX в., прекратился, отрицательные факторы сказались на естественном приросте, и численность в XXI в. начала сокращаться. По данным последней переписи видно, что доля детей среди гарифуна упала еще ниже (детей до 15 лет в целом среди гарифуна страны всего 20,6 %, в то время как у негров — 23,7 %, у микс — 30,1 %), что предопределяет дальнейшее снижение численности. В дальнейшем, видимо, будет расти число смешанных браков, усилятся ассимиляционные тенденции и сокращение численности продолжится. Но как долго будет продолжаться процесс слияния — сказать трудно, так как этнические процессы далеко не всегда развиваются прямолинейно и одинаковым темпом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Александренков Э.Г.* Индейцы Антильских островов. М.: Наука, 1976.
Дридзо А.Д. Семья в англоязычной Вест-Индии // Семья у народов Америки. М.: Наука, 1991. С. 193–208.
Дридзо А.Д. Этнокультурные процессы в Вест-Индии. Л.: Наука, 1978.
Индейцы Доминики хотят сменить свое название [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.buenolatina.ru/news.php?id=582>.
Нитобург В.Л., Александренков Э.Г., Серов С.Я., Дридзо А.Д., Лукин Б.В., Кожановский, Н.Н. Кулакова Н.Н., Богина Ш.А., Скрозникова В.А., Сергеева В.Г., Ковальская А.С., Решина М.И. Этнические процессы в странах Карибского моря. М.: Наука, 1982.
Сент-Винсент и Гренадины // Мир Красив [Туристический портал]. Режим доступа: <http://www.mirkrasiv.ru/countries/north-america/st-vincent-and-the-grenadines>.
Сент-Винсент и Гренадины // Энциклопедия Кругосвет [Онлайн-энциклопедия]. Режим доступа: www.krugosvet.ru/enc/strany_mira/sent-vinsent_i_grenadini.html.
Smith M.G. Race and stratification in the Caribbean. L., 1974. 367 p.

V.P. Krivonogov

Institute of Humanities of Siberian Federal University
prosp. Svobodniy, 82, 660041, Krasnoyarsk, Russian Federation
E-mail: victor950@yandex.ru

AT THE GARIFUNA OF ST. VINCENT

The article introduces modern ethnic processes among the indigenous inhabitants of the island of Saint Vincent — the Garifuna Indian people («Black Caribs»). It is based on a 2015 ethnographic study when 10 % of the Garifuna were interviewed with the help of a special questionnaire on their ethnic territory. The Garifuna make up only 3 % of the country's population, their number which had grown during the entire twentieth century, has begun

У гарифуна Сент-Винсента

to decline rapidly in recent years. Negroes and «mix» («mixed») people are the vast majority of the population. The last ones include not only mulattos (born of one white parent and one black parent) but all the mixed population, including children of mixed marriages among the Garifuna and the Blacks. Less than a third of the Garifuna remained on their main ethnic territory, in Sandy Bay district, the others migrated to other parts of the country, and many of them moved abroad. The proportion of the Garifuna in the district is reducing, the number of Negroes and, especially, «mix» people is growing rapidly. There have been active migrations in recent years. The reason is a limited number of jobs in this agricultural district. Migrants go mainly to the South of the island, where tourist industry is actively developing. There are almost no ethnic differences left in the material and spiritual culture and in the language between the Garifuna and the majority of the surrounding Saint Vincentians (blacks and mulattos). The native language went out of use in the first half of the twentieth century. Almost all Garifuna are Christian (Catholics, Anglicans, etc.), as well as the rest of the population. The number of mixed marriages with Negroes and «mixed» people in Sandy Bay district is close to 50 %, and most of the children do not belong to the Garifuna, they join the community of the «mix» people. During the twentieth century, the situation was different: almost all Garifuna were concentrated in the neighborhood of Sandy Bay, where they were the vast majority of the population, there were significantly less mixed marriages, and children in mixed families were often considered to be Garifuna. As a result, the number of the Garifuna on the island was rapidly growing, as well as their proportion in the total population. Things have begun to change only recently, in the last 20–30 years, which threatens the very existence of this ethnic group in the decades to come. At the moment, the uniqueness of the Garifuna is manifested only in their ethnic identity and some minor anthropological features, although there are little differences in appearance of the Garifuna and the Blacks (as a result of an intermixture several centuries long with the surrounding majority).

Key words: Saint Vincent, the Caribs, the Garifuna, ethnic processes, language processes, migrations, demography, mixed marriages, mestization.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-088-099

REFERENCES

- Aleksandrenkov Je.G., 1976. *Indejcy Antil'skih ostrovov* [The Indians of the Antilles], Moscow: Nauka, 232 p.
- Dridzo A.D., 1991. *Sem'ja v anglojazychnoj Vest-Indii* [Family in the English-speaking West Indies]. *Sem'ja u narodov Ameriki*, Moscow: Nauka, pp. 193–208.
- Dridzo A.D., 1978. *Jetnokul'turnye processy v Vest-Indii* [Ethno-cultural processes in the West Indies], Leningrad: Nauka, 224 p.
- Nitoburg V.L., Aleksandrenkov Je.G., Serov S.Ya., Dridzo A.D., Lukin B.V., Kozhanovskij N.N., Kulakova N.N., Bogina S.A., Skroznikova V.A., Sergeeva V.G., Kovalskaya A.S., Reshina M.I., 1982. *Jetnicheskie processy v stranah Karibskogo morja* [Ethnic processes in the countries of the Caribbean], Moscow: Nauka, 310 p.
- Smith M.G., 1974. *Race and stratification in the Caribbean*, London, 1974. 367 p.

В.Н. Адаев

Институт проблем освоения Севера СО РАН,
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026, РФ
E-mail: whitebird4@yandex.ru

ЭВЕНКИ НИЖНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ: МАЛАЯ ГРУППА НА ПЕРИФЕРИИ ЭТНИЧЕСКОГО АРЕАЛА¹

Впервые представлена обобщающая информация по истории и культуре эвенков Нижнего Прииртышья. Сопоставление различных источников позволило аргументированно утверждать, что в последние десятилетия XIX в. несколькими семьями эвенков Лихачевых общей численностью 2–3 десятка человек было осуществлено переселение из Туруханского края в бассейн Демьянки и Туртаса. Целью миграций был поиск свободных промысловых угодий. Переселенцы на начальном этапе характеризовались высоким уровнем сохранности традиционной культуры, вели кочевой образ жизни, их главными занятиями были транспортное оленеводство и охотничий промысел. Легкость проникновения данной группы на уже заселенную другими сибирскими народами территорию была обусловлена освоением незанятых ареалов водораздельных болот. Ввиду малочисленности эвенкийский коллектив был вынужден с самого начала вступать в брачные связи с представителями соседних народов. Этнические особенности традиционной культуры эвенков и национальный язык к концу XX в. оказались утрачены практически полностью. Однако этническая идентичность продолжала сохраняться благодаря определенному набору прочных культурных барьеров (границ), состав которых со временем претерпевал изменения.

Ключевые слова: Западная Сибирь, этническая идентичность, культурные границы, миграция, кочевники, таежное оленеводство.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-100-109

Введение

Среди коренных народов Севера эвенки по праву считаются самым широко расселенным этносом. Обычно границы освоенной ими территории в Сибири очерчиваются Амуром и Охотским морем на востоке, Таймыром и Обь-Енисейским водоразделом на западе (см., напр.: [Василевич, 1969, с. 3]). На самом деле западным авангардом эвенков стала группа, расселившаяся в бассейне правых притоков Нижнего Иртыша — Демьянки и Туртаса (нынешний Уватский район Тюменской области). Относительно их появления в Нижнем Прииртышье наиболее смелое предположение сделал В.А. Туголуков. В одной из работ он пишет о вероятном тунгусском происхождении демьянского «князца» Бояра, присягнувшего на верность Ермаку. Исследователь даже попытался подсчитать гипотетическое число его соплеменников [Туголуков, 1985, с. 244–245].

Однако происхождение современных эвенкийских жителей Демьянки и Туртаса определенно связано уже с последними десятилетиями XIX в. За более чем вековой период они оставили заметный след в жизни региона и даже оказались запечатлены в топонимии: около покинутого п. Калемьяга в среднем течении Демьянки есть озеро под названием Тунгусское. Сведения в научной литературе об их истории и особенностях культуры довольно отрывочны и немногочисленны. Более того, периодически в публикациях появлялись неверные данные о вероятном исчезновении демьянско-туртасской группы эвенков [Туголуков, 1984, с. 400]. В связи с этим приобретают актуальность исследования обобщающего характера, посвященные данной локальной общности.

Цель настоящей работы — рассмотреть феномен длительного сохранения своей идентичности малочисленной группой демьянско-туртасских эвенков, состоявшей продолжительное время в тесных контактах с представителями соседних народов. В задачи исследования входят: а) реконструкция истории переселения эвенков на рассматриваемую территорию, их фамильного состава и примерной численности; б) характеристика особенностей культуры локаль-

¹ Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «36. Историческая память и российская идентичность», проект «Постколониальность Сибири: пространственная схема и социокультурная динамика».

Эвенки Нижнего Прииртышья: малая группа на периферии этнического ареала

ного коллектива и их трансформации на протяжении истории; в) выявление характера межэтнических взаимоотношений и факторов длительного сохранения идентичности. Исследование осуществлено с опорой на историко-сравнительный метод и системно-функциональный подход. Хронологические рамки включают временной отрезок с 1880-х гг. до современности.

Основной источниковой базой исследования послужили полевые материалы, собранные в период с 2000 по 2012 г. на территории Уватского, Кондинского, Тобольского и Вагайского районов Тюменской области, а также Усть-Ишимского, Тевризского и Тарского районов Омской области. Кроме того, были использованы краткие сведения из архивных материалов и данные ряда научных публикаций, наиболее ранние из которых имеет смысл представить подробнее.

Первая по времени достоверная информация об эвенках в рассматриваемом регионе принадлежит венгерскому этнографу Я. Янко. Во время экспедиции 1898 г. он встретил в районе ю. Соровских в низовьях Демьянки тунгуса — очень маленького, смуглого, кареглазого человека, «робко смотревшего на людей», которого присутствовавшие там же демьянские остяки охарактеризовали исследователю в качестве язычника [Янко, 2000, р. 125]. Следующие по времени сведения о присутствии эвенков на территории Демьянки и Туртаса (1900–1910-е гг.) принадлежат уездному исправнику И.А. Пирожникову. Он получил эту информацию из вторых рук — от юганских хантов. Автор ограничился краткими замечаниями о наличии некоей группы тунгусов, обитающей в верховьях р. Б. Туртас, ведущей кочевой образ жизни и занимающейся в большей степени оленеводством и звероловством [Пирожников, 2002, с. 102].

Наиболее информативными для нас являются сведения конца 1920-х гг., когда различными исследователями проводились работы по оценке хозяйственного значения таежных угодий нынешнего Уватского района. Так, в 1926 г. Омской переселенческой партией была инициирована научно-исследовательская экспедиция в верховья р. Демьянки. В составе группы были, в частности, почвовед В.И. Баранов, краевед Т.П. Белоногов и зоолог И.Н. Шухов. Все три автора описывают встречу на р. Урна с тунгусской семьей из пяти человек, которая буквально только что потеряла последних домашних оленей. Подробно описал хозяйство, быт и историю переселения этой семьи И.Н. Шухов, он же сделал несколько фотоснимков и рисунков этнографического содержания (оригиналы фотоматериалов хранятся в архиве МАЭ РАН, г. Санкт-Петербург²) [Баранов, 1928; Белоногов, 1928; Шухов, 1927, 1928].

В 1926–1927 гг. по заданию Тобольского Комитета Севера проводил экономико-этнографическое обследование нижней и средней Демьянки охотовед В.В. Васильев, он представил данные о численности, составе и расселении 11 семей тунгусов-олeneводо в междуречье Демьянки и Туртаса, привел краткие сведения об их образе жизни. При этом исследователь ошибочно включил в число эвенков несколько хантыйских семей, а эвенкийскую фамилию Лихачевы указал как Нихачевы [Васильев, 1929, с. 32]. Сведения о той же группе оставил зоолог Л.Г. Капланов, работавший несколько лет охотоведом на Демьянке: он писал, что в 1932 г. в среднем течении Туртаса проживали 4 семьи оленных тунгусов и 3 хозяйства остяков [1935, с. 123]. Эта информация существенно дополняется дневниковыми записями зоолога, которые хранятся в Российском государственном архиве экономики [РГАЭ, ф. 342, оп. 3].

История переселения, фамильный состав и численность группы

Подробному анализу реконструированного процесса переселения планируется посвятить отдельную работу, здесь остановимся на основных сведениях и их обосновании.

В ходе полевых исследований среди современных потомков демьянско-туртасских эвенков было записано семейное предание о былой миграции их предков. Его наиболее полная версия представляет следующий рассказ: *«Ефрем Лихачев вел на Демьянку четыре рода — род Лихачевых, Самсоновых, Кинтильяровых и Карауловых. Четыре рода, он повел сюда их, на запад. Это было в 1800-х годах или в 1700-х даже. Шли они всю зиму. С Енисея шли. Не было корма, дикого оленя не было, пропитание тяжело было добыть. Они пошли искать богатые места, двигались все на запад и на запад, зашли в Туртасскую стену. Остановились ночевать. Ночевали они, хотя и оленей много вели, обычно в рьямах, где ветрами не продувает. Кинтильяров-младший пошел посмотреть оленей диких, чтобы добыть на мясо. Пошел по следу — лежанки (лоси живут). А по Енисею-то, видать, лосей-то и нету, они ни разу не ви-*

² В аннотациях к фото имя эвенка указано неверно — «Каительян» и «Коительян» вместо «Кантельян», как его называет в своих статьях И.Н. Шухов. В действительности же это искаженное христианское имя Кинтельян, которое и будет использоваться далее в тексте.

дели этих лосей. Лежанки большие, пять оленей — одна лежанка. Он испугался, возвращается. Остальные как раз шалаши делали. На каждый род свой шалаш — по 5–6 человек. Он им рассказывает, мол, олени здесь крупные. Нашел: лежанка — как наш шалаш, такая,— один лежал. Говны — как кулак мой (у оленя же мелко, а у лося-то — во!). Те не поверили, пошли. И находят лежанок 5–6 (лоси-то зимой тоже табунами держатся). Давай гонять. Добыли — 4 рода жили чуть ли не месяц. Человек по 5–10 в роду было, только Самсоновых двое. Ну, много народу было. Вот они в Туртасской стене и остановились. Там, где они остановились, Югарас место называется по речке. Потом поселок такой появился. И пошли они селиться в тех местах, и Туртас вот они образовали» [ГМА, 2003].

За исключением сомнительных указаний на большую древность переселения и отсутствие у эвенков знаний о лосе, данное предание несет в себе довольно конкретные исторические сведения. Дальнейшие полевые сборы и изучение информации ранних научных публикаций позволили эти сведения в значительной степени уточнить. В итоге установлено, что в предании на самом деле говорилось о трех семьях эвенкийских оленеводов, главами которых были Лихачевы Павел Ефремович (или его отец), а также Самсон и Кузьма Константиновичи. В числе этих же переселенцев или чуть позже в верховья Демьянки пришла еще семья Лихачева (?) Кинтельяна Ефремовича, которая потом проживала несколько обособленно к востоку от остальных. Соответственно из четырех названий родов, упомянутых в предании, верным является лишь одно — Лихачевы. За «родом Самсоновых» скрывался Самсон Лихачев и его родственники, за «Кинтельяновыми» — семья Кинтельяна, «Карауловы» же — это васюганские ханты, которые стали спутниками эвенков в их переселении.

Переселение в общем контексте рассказа предстает как довольно стихийный и неспешный процесс, при этом четких воспоминаний о каких-то промежуточных точках маршрута и длительном проживании на них не сохранилось. Тем не менее можно утверждать, что путь эвенков пролегал через бассейн р. Васюган, где они на какое-то время задержались. В пользу этого говорит состав эвенкийских спутников, прибывших с ними на новое место жительства,— это васюганские ханты Карауловы, а также Матыковы (они же Ваговские) и Куликовы. Кроме того, с Васюгана Лихачевы привезли двух жен-хантыек. Воспоминания о том, что дед или прадед приехал именно с Енисея, звучали в воспоминаниях нынешних потомков практически всегда, в единичных случаях зафиксированы важные уточнения: «*пришли из-за Енисея*», «с *Подкаменной Тунгуски*». Этому соответствует сообщение эвенка Кинтельяна, что его отец ранее проживал в Туруханском крае, далее они ушли в Нарымский край и уже оттуда перекочевали к верховьям Демьянки [Шухов, 1928, с. 94].

Томский этнограф И.Е. Максимова указывает, что эвенкийский род Кима, к которому относились Лихачевы, кочевал с конца XVII в. на лево- и правобережье Енисея, в междуречье Енисея и Чулыма, верховьях Кети с выходами на Сым и Пит. Часть Лихачевых вошла в состав сымско-кетских эвенков, и некоторые из них в XIX в. перешли на левобережье Оби в районе Молчаново — Тунгусово к Васюганским болотам. Те, кто ушел далее — на Демьянку, впоследствии утратили связь с сымско-кетской группой [Максимова, 2016, с. 129–130]. В то же время одна семья Лихачевых была зафиксирована Приполярной переписью 1926–1927 гг. на р. Вельмо — притоке Подкаменной Тунгуски, еще 19 семей Лихачевых указаны как проживающие на трех территориях западнее Енисея — Сымской, Нарымской и Васюганской [Василевич, 1931, с. 134; Туголуков, 1985, с. 253]. Соответственно, не сбрасывая со счетов вариант, что Лихачевы-переселенцы могли начать свой путь к иртышским притокам с левобережья Енисея, считаем, что версия о связи их родины с Подкаменной Тунгуской имеет основания. Кроме того, предложенный И.Е. Максимовой маршрут перехода Оби будущими насельниками Демьянки и Туртаса в пределах современного Молчановского района Томской области, ввиду приведенных сведений переписи 1926–1927 гг., выглядит слишком удаленным на юг. Более логичной кажется линия переселения Сым — Кеть — Васюган с пересечением Оби в границах нынешнего Колпашевского района.

Примерную датировку миграции можно определить на основании возраста переселенцев. Сведения научных публикаций позволяют уточнить, что реальными главами семей переселенцев, скорее всего, были родители вышеуказанных эвенков. Так, по сообщению охотоведа В.В. Васильева, Кузьма и Самсон Лихачевы кочевали у притоков Туртаса вместе с их отцом Константином Ивановичем [1929, с. 32]. И.Н. Шухов прямо указывает, что на Демьянку пришел отец Кинтельяна [1927, с. 203]. Тем не менее сыновья, вероятнее всего, действительно участвовали в

Эвенки Нижнего Прииртышья: малая группа на периферии этнического ареала

переселении, так как они нередко вспоминали о былой жизни на Енисее. О Павле Лихачеве его потомки рассказывали: «*дед все говорил, пойду, мол, обратно на Енисей*» [ПМА, 2004]. Таким образом, можно предполагать, что весь процесс переселения произошел на отрезке 1880–1890-х гг. Этому не противоречит и первое известие об эвенках на Демьянке, относящееся к 1898 г.

Состав, расселение и примерная численность эвенков-переселенцев на 1920–1930-е гг. довольно хорошо реконструируется. Условно переселенцев можно подразделить на три группы: потомки Павла (Ефрема), Константина и Кинтельяна.

1. *Потомки Павла Лихачева.* У Павла к 1930-м гг. было трое взрослых сыновей (Федор, Макар, Семен) и две дочери (Татьяна, Марфа). Большинство его детей вступили в браки с хантами, часть — с русскими. Семейства кочевали по верховьям Туртаса и его правым притокам — Югарасу, Уиме, в районе озер Парфеново и Антурецкое, выходили к рекам демьянского бассейна — Уйму и Катысу. Внучка Павла рассказывала: «*Они сначала пришли на озеро Антурецкое, там какое-то время пожил и вышли на речку Туртаску. Поселились в этой деревне — подстанции Большой Туртас*». В наше время именно многочисленные потомки Павла представляют основную часть эвенкийских жителей Демьянки и Туртаса [Васильев, 1929, с. 32; ПМА, 2000–2012].

2. *Потомки Константина Лихачева.* У Константина к 1930-м гг. было пять взрослых сыновей (Филипп, Айдыш, Кузьма, Самсон, Ксенофонт) и как минимум две дочери (Екатерина, ?). Браки эти семейства также заключали в основном с хантами и русскими, известны они и тем, что воспитывали нескольких приемных русских детей-сирот. Кочевали по верховьям левых притоков Демьянки — Кальчи, Хатысьеги, Жарняковки и Б. Куньяка, в районе р. Калемьяга, выходили к верховьям Туртаса. Большинство внуков Константина умерло, не оставив потомков. Из рассказа русской женщины, удочеренной Самсоном Лихачевым: «*Их много было, я помню. Они поумирили все. Что, у костра, да в чумах, да на снегу спать — дак какое здоровье? Их много было, они все померли. Молодые прямо померли*» [Васильев, 1929, с. 32; ПМА, 2000–2012].

3. *Потомки Кинтельяна.* Семья Кинтельяна с большой долей вероятности также относилась к Лихачевым. На это указывает и его отчество — Ефремович, и то, что в предании их семейство названо по имени старшего представителя — Кинтельяновы (Кинтельяровы), по аналогии с семейством Самсона Лихачева — Самсоновыми. Если бы Кинтельян был носителем другой фамилии, скорее всего, она была бы указана. У Кинтельяна к 1930-м гг. уже умерли родители, он был женат на эвенкийке Гаруль (Лукерье; по некоторым данным, она была одновременно его родной сестрой), имел четырех дочерей юного возраста (Анна, Анисья, Марья, Октябрина). Кочевал в районе верховьев и среднего течения демьянского притока — Урны, выходил к верховьям притоков Иртыша. После смерти Кинтельяна его жена вывезла двух оставшихся в живых дочерей в одну из прииртышских деревень. Сама она вскоре умерла, дальнейшая судьба детей неизвестна [Баранов, 1928, с. 10; ПМА, 2000–2012].

Таким образом, если в число вероятных переселенцев включать самых старших представителей семейств, а также их взрослых детей (с учетом некоторого количества умерших в раннем возрасте), мы получаем примерную численность 2–3 десятка человек. Этот показатель хорошо соотносится с информацией из семейного предания о том, что каждый род переселенцев насчитывал от 5 до 10 чел. Скорее всего, все указанные переселенцы носили фамилию Лихачевых. Это, однако, не исключает временного пребывания на территории бассейнов Демьянки и Иртыша представителей других эвенкийских фамилий, проживавших в Васюганье. Так, этнограф В.А. Туголуков встретил в 1970-е гг. в бассейне р. Тым эвенка Самарова, который рассказал ему, что некоторое время кочевал и охотился в верховьях Демьянки [1985, с. 263].

Особенности традиционной культуры и ее трансформация

На начальном этапе проживания на новой территории переселившаяся группа эвенков характеризовалась высоким уровнем сохранности традиционной культуры (хозяйственный комплекс, жилище, костюм, питание, религиозные представления и пр.) и национального языка. Информация по комплексам традиционной культуры эвенков Нижнего Прииртышья представлена в доступных источниках довольно разрозненно, неравномерно и имеет разную степень достоверности. В связи с этим данный раздел не претендует на полноту и представляет собой лишь общий обзор.

Хозяйственный комплекс локальной группы характеризовался таежным транспортным оленеводством с преимущественной опорой на охотничий промысел, который дополнялся собира-

тельством (ягоды, кедровые орехи), а со второй половины XX в. — рыбной ловлей. Показательно, что в 1920-е гг. семья эвенка Кинтельяна, кочевавшего в 1920-х гг. возле рыбной реки Рагаис, в течение лета страдала от голода, месяцами питаясь почти одними кедровыми орехами [Шухов, 1928, с. 94]. Для поколения, родившегося ранее 1940-х гг., рыболовство так и оставалось непривычным занятием: «Даже отец мой рыбачить совсем не умеет, хотя живет в основном на рыбе» [ПМА, 2003].

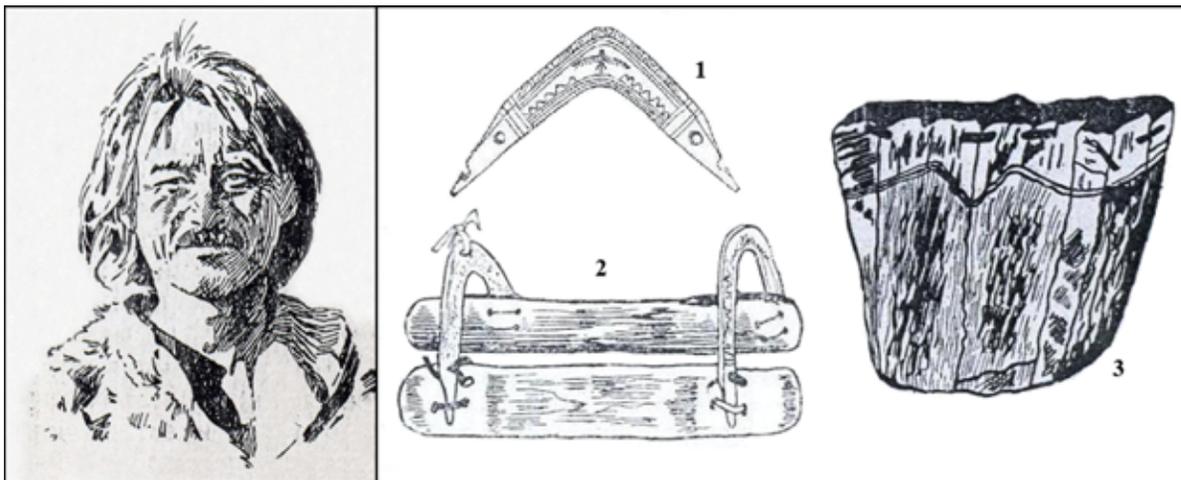

Рис. Эвенк Кинтельян с р. Урна и его оленеводческое снаряжение:

1 — дужка из оленьего рога для вьючного седла, декорирована изображением гагары; 2 — вьючное седло; 3 — берестяная вьючная сума (по материалам: [Шухов, 1928, с. 47, 94–95]).

Размеры оленьего поголовья у демьянско-туртасских эвенков были сравнительно большие для таежной местности. Так, Константин Лихачев с пятью сыновьями держал стадо в 300 голов, отец Кинтельяна владел 30 оленями. Животные находились под присмотром почти круглогодично. Летом для них оборудовались большие подковообразные дымокуры и примитивные изгороди вокруг стойбища. Отдыхающих животных подкармливали принесенным ягелем. Ограничивающую подвижность животных колодок не применялось, достоверных сведений об использовании пастушеских собак зафиксировать не удалось. Олени применялись для верховой езды и вьючной перевозки, зимой запрягались в нарты. Из связанных с содержанием оленей предметов отмечены изготовленные из дерева и рога оленя седла, а также берестяные вьючные сумки. Пастбища в районе Демьянки и Туртаса, по словам юганских хантов, была малоприспособными для полноценного выпаса оленей, по этой причине им приходилось прилагать значительные усилия для удержания своих стад в пределах этой территории. С другой стороны, сохранности поголовья здесь способствовало длительное отсутствие волков в первой половине XX в. Во второй половине XX в. молодое поколение эвенков уже не хотело заниматься оленеводством, поэтому домашние стада были довольно быстро потеряны. В качестве транспортной замены эвенки в течение нескольких десятилетий с успехом использовали запряженных в нарты собак [Белоногов, 1928, с. 107; Васильев, 1929, с. 32–33; Шухов, 1928, с. 54, 94–95; ПМА, 2000–2012].

Охотничий промысел эвенков имел мясо-пушную направленность, обычной добычей были лось, северный олень, медведь, боровая птица, белка и другие пушные животные. Для промысла мелкого зверя применялись различные ловушки, крупного — добывали активными способами. В качестве орудий охоты эвенки с раннего периода заселения использовали охотничье оружие. В частности, у Кинтельяна в 1920-е гг. имелся штуцер 28-го калибра с прямыми нарезами в стволе, сделанными им лично. Для снаряжения заряда эвенк использовал изготовленные из оленьего рога пороховую мерку и приборник для досыпания пуль в дульную часть, а также деревянные пулелейки. В 1930-е гг. у эвенков еще был в ходу охотничий лук, у которого один из слоев был еловый. Популярным орудием промысла эвенков долгое время являлась также пальма. И.Н. Шухов описал экземпляр с односторонним брюшистым клинком, насаженным на березовое ратовище [Баранов, 1928, с. 8; Белоногов, 1928, с. 107; 1928, Шухов, 1928, с. 69; 1927, с. 206; РГАЭ, ф. 342, оп. 3, д. 6, л. 18–20; ПМА, 2000–2012].

Эвенки Нижнего Прииртышья: малая группа на периферии этнического ареала

В качестве жилища эвенки часто использовали односкатный навес, крытый берестой. По воспоминаниям, отраженным в приведенном историческом предании, ранее зимним укрытием им служил шалаш. Полевые материалы свидетельствуют, что нередкими для эвенков даже во второй половине XX в. были зимние ночевки под открытым небом около костра. Чтобы не замерзнуть, иногда использовали своеобразные спальные мешки из оленьих шкур, которые ночью надевали на ноги (*курман*). В дальнейшем эвенки довольно быстро освоили строительство срубных избушек, оборудованных железными печками. Своеобразную сферическую каркасную постройку, напоминающую жилую, представлял шалаш для дымления лосиных и оленьих шкур. Остов его изготавливался из согнутых черемуховых прутьев [Шухов, 1928, с. 47, 95; ПМА, 2000–2012].

Любопытные описания сезонных стойбищ демьянско-туртасских эвенков-оленоводов представлены в дневниковых записях Л.Г. Капланова. Он, в частности, описал покинутое зимнее стойбище в верховьях р. Б. Куньяк, располагавшееся у края болота на одном из последних островов материка, покрытом редким березняком. На месте стоянки находились постели из лапника, кострища с таганами, деревянные сушилки для одежды, нарубленные палки неясного назначения и большое количество лосиных костей. Олени, судя по следам, выпасались на ближайшем болоте. Проложенные вдоль русла р. Б. Куньяк оленьи дороги были отмечены затесками с одной стороны дерева, близко от земли. Летние стоянки также размещались на кедровых или березовых островках по краям болот. Отличительной особенностью их было наличие односкатных навесов с постелями из лапника. Рядом находились кострища с таганами, изготовленными из изогнутых сосенок, и места лежек домашних оленей с оборудованными дымокурами [РГАЭ, ф. 342, оп. 3, д. 6, л. 18–20].

Из транспортных средств у эвенков отмечены лодки-долбленки (обласа), нарты и лыжи. Описания каждого из них зафиксированы в форме сравнения с хантыйскими аналогами. Корпус долбленки эвенки разводили, нагревая на огне; нос лодки обрезался короче, чем у хантов, благодаря чему лодка имела более бесшумный ход. Полозья ездовых нарт эвенки изготавливали из сосны, ханты — из березы. На месте сгиба (полоза?) отверстие делали сверху, а не снизу. Иногда для транспортировки лосиного мяса зимой использовался специальный мешок, сшитый из камусов, который волокли за собой. Отличительной чертой эвенкийских лыж были крепления на ремнях (юксы), тогда как у хантов использовались деревянные дужки. Кроме того, эвенки для закрепления лосиного камуса на лыжах применяли клей из лосиных жил, а не из рыбных отходов, как ханты. Жильный клей был более водостойкий. И.Н. Шухов добавляет к описанию тунгусских лыж, что они были шире и короче остяцких (например, 1,8×0,24 м), изготавливались из ели, под юксами у них прикреплялись куски бересты, чтобы меньше прилипал снег. Среди русских охотников верховьев Демьянки тунгусские лыжи ценились больше остяцких за легкость и ходкость. В летнее время для хождения по болоту использовались деревянные лыжи-голицы [Шухов, 1928, с. 74; ПМА, 2000–2012].

В первой половине XX в. у эвенков сохранялись такие традиционные элементы одежды, как меховая парка и декорированный нагрудник. Уже в 1950-е гг. привычной верхней одеждой стали фабричные фуфайки, но некоторые детали костюма продолжали оставаться узнаваемыми. Так, отличительной особенностью эвенков по сравнению с соседями — юганскими хантами долгое время была обувь — короткие сапоги (*локоми*) и кисы несколько иной формы, нежели хантыйские. Свой длинный охотничий нож эвенки носили привязанным к ноге, а не на поясе [Баранов, 1928, с. 9; Шухов, 1927, с. 206; ПМА, 2000–2012].

Зафиксировано три эвенкийских инструмента для выделки шкур: 1) двуручный скобель с продольным лезвием (*кадро* или *кыдэро*); 2) металлическое г-образно изогнутое кольцо для снятия балони (*удуэн*); 3) кольцо с зубринами для снятия больших фрагментов ткани и разминания шкуры (*тютюн*). Два последних инструмента были снабжены деревянной рукоятью, в торце которой закреплялось лезвие. Эти инструменты — одни из немногих традиционных предметов, сохранившихся у демьянско-туртасских эвенков до наших дней. В отличие от хантов, эвенки специально коптили шкуры для придания им водоотталкивающих свойств. Как уже указывалось, для этого использовали специальный навес, который накрывали шкурами. Копчение сырым деревом обычно продолжалось в течение трех дней [Шухов, 1928, с. 48, 94–95; ПМА, 2000–2012].

Среди прочих рабочих инструментов эвенков — чесалка для травы (возможно, заимствованная у юганских хантов); стружок (*ирьпчина*); провертка с поперечной деревянной ручкой

(*паруптяна*). Из берестяной утвари использовались неорнаментированные куженьки, туески-набирки, кузова. В качестве кухонной посуды для вычерпывания из котла применялся деревянный ковш (*ипкан*).

Характерной особенностью культуры демьянско-туртасских эвенков был шаманизм. Шаманами были представители трех поколений рода Лихачевых — Павел, его сын и внук. Среди шаманских атрибутов отмечены костюм (халат и шапка), железный посох, палочка для касания людей и различные амулеты (в том числе железное изображение щуки). Данных об использовании бубна не зафиксировано. Шаманы выполняли функции лечения, снятия порчи и предсказания (в том числе определяли сроки и место удачного промысла), причем их услугами пользовалось население разных этнических групп (см. также: [Адаев, 2008]).

К концу XX в. потомки эвенков-переселенцев на Демьянке и Туртасе почти полностью утратили особенные этнические черты в материальной и духовной культуре, образе жизни, перестали использовать в общении национальный язык.

Межэтнические отношения и идентичность

Хотелось бы вначале заострить внимание на направлении миграции рассматриваемой группы эвенков — с востока на запад. Как ни парадоксально, их переселение в бассейны Демьянки и Туртаса, где активно промышляли местные хантыйские рыболовы и охотники, ханты-оленоводы с р. Б. Юган, а также представители различных народов-переселенцев (русские, чуваша и др.), было обусловлено поисками свободных промысловых угодий. Легкость проникновения эвенкийских оленеводов на уже заселенные сибирские территории обусловлена тем, что они осваивали незанятые ареалы водораздельных болот, вкраплялись в свободные ниши, минимизируя тем самым потенциальную конкуренцию за потребляемые природные ресурсы. По этой же причине эвенки на долгое время оказывались на таких новых территориях в качестве «невидимых сообществ», чье присутствие практически никак не отражалось в официальной документации.

Показательно, что перепись 1897 г. не зафиксировала ни одной тунгусской семьи в Нарымском крае. Как отмечал в 1920-е гг. исследователь М. Слободский, определить их точное количество в крае не представлялось возможным, *«так как они постоянно переходят с одного места на другое, не считаясь с границами округов; к тому же они кочуют в междуречьях [выделено мной — А.В.], малодоступных для исследования, и избегают приближаться к берегам рек, к населенным пунктам»* [Слободский, 1929, с. 24]. Последняя фраза требует, однако, уточнения: речь идет все-таки не об изолированном проживании в глуши: в силу мобильности, способности к быстрой адаптации эвенки на многих территориях проявляли высокую степень социальной активности. В том же демьянско-туртасском ареале они демонстрировали широкий круг межэтнических брачных связей, налаженные контакты со всеми соседями, обширную сеть путей сообщения с внешним миром.

Обращают на себя внимание русская фамилия и имена большинства эвенков уже первого поколения переселенцев, их умение неплохо говорить по-русски [Баранов, 1928, с. 8; ПМА, 2000–2012]. Это свидетельствует, во-первых, о довольно давнем обращении представителей фамилии в христианство, а во-вторых, позволяет предполагать, что на протяжении нескольких поколений семьи переселенцев поддерживали контакты с русским населением, посещали поселковые церкви или встречались с миссионерами. Крещение безусловно носило формальный характер, так как эвенки Нижнего Прииртышья оставались на деле язычниками.

Ввиду малочисленности на новой территории, демьянско-туртасские эвенки вынуждены были с самого начала активно вступать в брачные связи с другими этническими группами. Причем, если до середины XX в. они искали брачных партнеров в основном среди хантыйского населения, то во второй половине века переключились на более престижные в их понимании браки с чувашами и русскими. При этом многие потомки от смешанных браков на протяжении нескольких поколений продолжали относиться себя к эвенкам, точнее — к тунгусам. На Демьянке было зафиксировано любопытное рассуждение об отличиях местных тунгусов от прочих эвенков, живущих восточнее: *«Эвенки — это люди, у которых в основном рыбалка и оленеводство. А у тунгусов — оленеводство и промысел, а рыбалкой у тунгусов мало охотников занимается»* [ПМА, 2003].

Проведенное ранее специальное исследование (см. подробнее: [Адаев, 2011]) позволило выявить те культурные границы (барьеры), которые долгое время надежно поддерживали

Эвенки Нижнего Прииртышья: малая группа на периферии этнического ареала

идентичность демьянско-туртасских эвенков несмотря на активное смешение с окружающими этническими группами: бродячий образ жизни, неприхотливость в тяжелых условиях существования, специфическое питание, язычество (в том числе институт шаманства), сохранявшиеся даже у потомков яркие антропологические особенности, статус представителя коренного населения (гарантировавший получение определенных благ и льгот).

На раннем этапе проживания эвенков на новой территории их почти бесконфликтное сосуществование с соседями во многом обеспечивалось тем, что они занимали свободную экологическую нишу на обширных водораздельных болотах. Хозяйственная специализация и культурные особенности группы являлись прочной основой взаимовыгодных торгово-обменных отношений с соседями, что само по себе поддерживало имеющиеся различия. В итоге эвенки приобретали у русских и чувашей предметы ремесленного производства, ткани, табак, продукты питания (муку, хлеб, соль), те у них — промысловую обувь, лыжи-подволоки, обласа, пушнину, рыбу и мясо.

Вместе с тем поводом для выражения серьезного недовольства со стороны соседей неоднократно становилось присущее эвенкам неосторожное обращение с огнем — они имели обыкновение устраивать большие открытые дымокуры для своих оленей и носить с собой по тайге тлеющие угли для защиты от гнуса [Васильев, 1929, с. 33; ПМА, 2010]. Очевидно, что территориальная удаленность эвенков вновь являлась в этом случае надежным препятствием для частых столкновений.

Со второй половины XX в. эвенки утратили оленеводство и стали быстро сближаться с соседями в культурном отношении (образ жизни, хозяйство, материальная культура, язык и т.д.). Список культурных барьеров, поддерживавших их этническую идентичность, соответственно претерпел существенные изменения и к настоящему времени может быть представлен в следующем виде: национальная гордость (у эвенков выявлено самое глубокое среди местных жителей знание родословной и истории жизни предков); статус представителя коренного населения; антропологические особенности; специфические черты поведения (тяга к частой перемене мест, активная социальная позиция).

Резюмируя, можно сказать, что исследование позволило не только впервые представить обобщенную информацию по истории и культуре эвенков Нижнего Прииртышья, но и сделать ряд важных выводов. Во-первых, раскрыта важная роль специфических ландшафтных предпочтений эвенков-олeneводо-в: использование маловостребованных водораздельных болотных территорий позволяло им относительно легко вкрапляться в ареалы, уже заселенные другими сибирскими народами. Во-вторых, более чем вековой опыт сохранения этнической идентичности у малой группы в условиях интенсивных внешних контактов скрывает за собой изменяющийся набор прочных культурных барьеров (границ).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Полевые материалы В.Н. Адаева. 2000–2012гг.

РГАЭ. Ф. 342. Оп. 3. Д. 6. Дневник Демьянского биопункта Уральской биостанции, 19.09.1934–28.03.1935.

Литература

Адаев В.Н. Шаманы и шаманство эвенков Нижнего Прииртышья // Россия между прошлым и будущим: Исторический опыт национального развития. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. С. 42–46.

Адаев В.Н. «А остяки — они же любители одиночеств...»: Этническая идентичность и этнические стереотипы у населения реки Демьянка в XX–XXI вв. // УИВ. 2011. № 2. С. 63–72.

Баранов В.И. Почвы и растительность Демьян-Иртышского водораздела в бассейне рр. Урны и Утугаса // Материалы по изучению Тарского Васюганья. Новосибирск, 1928. С. 1–70.

Белоногов Т.П. О Тарском Васюганьи и переходах через него (по сведениям, полученным от промышленников) // Материалы по изучению Тарского Васюганья. Новосибирск, 1928. С. 99–114.

Василевич Г.М. К вопросу о тунгусах, кочующих к западу от Енисея // Сов. Север. 1931. № 10. С. 133–145.

Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). Л.: Наука, 1969. 304 с.

Васильев В.В. Река Демьянка: Экономико-этнографический очерк. Тобольск: Тоб. Гостинографія, 1929. 36 с.

Капланов Л.Г. Биология и промысел лосей в бассейне реки Демьянки // П.Б. Юргенсон, Л.Г. Капланов, А.А. Кнize. Лось и его промысел: (Распространение, экология и промысел лосей). М.: Изд-во Главпушнины НКВТ, 1935. С. 103–125.

- Максимова И.Е. Архивные материалы как источник по этногенезу сымско-кетских эвенков // Вестник ТГУ. История. 2016. № 5. С. 128–132.
- Пирожников Г.А. Обь-Иртышский Север: Этнографический очерк // Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский Север. Сургут: Сев.-Сиб. регион. кн. изд-во, 2002. С. 95–191.
- Слободский М. Итоги и задачи этнографического изучения Томского края. Томск, 1929. 30 с.
- Туголуков В.А. Давние связи тунгусов с тюрками и уграми на Иртыше и Оби // Фольклор, литература и история Востока: Материалы III Всесоюз. тюркол. конф. Ташкент: Фан, 1984. С. 397–402.
- Туголуков В.А. Тунгусы (эвены и эвенки) Средней и Западной Сибири. М.: Наука, 1985. 286 с.
- Шухов И.Н. Последние следы угасшего оленеводства в Тарском округе // Тр. Сиб. ветеринар. ин-та. Омск, 1927. Вып. VIII. С. 201–207.
- Шухов И.Н. Охотничий промысел в северной части Тарского округа // Материалы к познанию охотничьего дела Западной Сибири. Омск, 1928. Вып. II. С. 33–98.
- Janko J. Utazas Osztjakfoldre 1898. Budapest: Neprajzi Museum, 2000. 400 p.

V.N. Adaev

Institute of Problems of Development of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Malygin st., 86, Tyumen, 625003, Russian Federation
E-mail: whitebird4@yandex.ru

THE EVENKS OF THE LOWER IRTYSH VALLEY: A SMALL COMMUNITY ON THE PERIPHERY OF THE ETHNIC AREA

The paper presents the first compilation of information on the history and culture of the Evenks of the Lower Irtysh valley. Comparison of different information sources allowed to argue on reasonable grounds that several Evenk family groups named Likhachev and consist of 20–30 individuals migrated from Turukhansky Krai to the Demyanka-river and Turtas-river valleys in the last decades of the 19th century. The migration was caused by the need of finding unoccupied hunting grounds. The migrants were initially characterized by well-preserved traditional culture, they led a nomadic existence and relied primarily on transport reindeer herding and hunting. The easy penetration of this community into the territory, which was already populated by other Siberian ethnic groups, was due to their occupation of vacant areas of watershed swamps. Being small-numbered the Evenk migrants were compelled to look for marriage partners among neighboring ethnic groups from the very beginning of their relocation. By the end of the 20th century, they lost their language and almost all of their traditional ethnic characteristics. However, their ethnic identity persisted, due to a specific set of strong cultural boundaries, the composition of which have been evolved over time.

Key words: Western Siberia, ethnic identity, cultural boundaries, migration, nomads, taiga reindeer husbandry.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-100-109

REFERENCES

- Adaev V.N., 2008. Shamany i shamanstvo evenkov Nizhnego Priirtysh'ia [Shamans and shamanism of Evenks of the Lower Irtysh valley]. *Rossiia mezhdu proshlym i budushchim: Istoricheskii opyt natsional'nogo razvitiia*, Ekaterinburg: UrO RAN, pp. 42–46.
- Adaev V.N., 2011. «A ostiaki — oni zhe liubiteli odinochestv...»: Etnicheskaia identichnost' i etnicheskie stereotipy u naseleniia reki Dem'ianka v XX–XXI vv. [«And the Ostyaks — they are the lovers of solitude...»: Ethnic identity and ethnic stereotypes of the Demyanka-river population in the 20th–21st centuries]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 2, pp. 63–72.
- Baranov V.I., 1928. Pochvy i rastitel'nost' Dem'ian-Irtyshskogo vodorazdela v basseine rr. Urny i Utugasa [Soils and vegetation of Demyan-Irtysh watershed of the Urna-river and Utugas-river valleys]. *Materialy po izucheniiu Tarskogo Vasiugan'ia*, Novosibirsk, pp. 1–70.
- Belonogov T.P., 1928. O Tarskom Vasiugan'i i perekhodakh cherez nego (po svedeniiam, poluchennym ot promyshlennikov) [About the Tara Vasyugan-river area and routes through it (according to the information received from hunters)]. *Materialy po izucheniiu Tarskogo Vasiugan'ia*, Novosibirsk, pp. 99–114.
- Vasilevich G.M., 1931. K voprosu o tungusakh, kochuiushchikh k zapadu ot Eniseia [On the question of the Tunguses, wandering to the west of the Yenisei-river]. *Sovetskii Sever*, no. 10, pp. 133–145.
- Vasilevich G.M., 1969. Evenki: Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII — nachalo XX v.) [Evenks: Historical and ethnographic essays (18th — beginning of 20th century)], Leningrad: Nauka, 304 p.
- Vasil'ev V.V., 1929. *Reka Dem'ianka: Ekonomiko-etnograficheskii ocherk* [The Demyanka river: Economic and ethnographic essay], Tobol'sk: Tobol'skaia Gostipografiia, 36 p.

Эвенки Нижнего Прииртышья: малая группа на периферии этнического ареала

Kaplanov L.G., 1935. *Biologiya i promysel losei v basseine reki Dem'ianki* [Elk biology and hunting in the Demyanka-river valley]. P.B. Iurgenson, L.G. Kaplanov, A.A. Knize. *Los' i ego promysel: (Rasprostranenie, ekologiya i promysel losei)*, Moscow: Izd-vo Glavpushnina NKVT, pp. 103–125.

Maksimova I.E., 2016. *Arkhivnye materialy kak istochnik po etnogenezu symsko-ketskikh evenkov* [Archival materials as a source on the ethnography of the Evenks of the Sym-river and Ket-river]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, Istorii, no. 5, pp. 128–132.

Pirozhnikov G.A., 2002. *Ob'-Irtyskii Sever: Etnograficheskii ocherk* [Ob-Irtys North: An ethnographic essay]. *Takoi dalekii i takoi blizkii Ob'-Irtyskii Sever*, Surgut: Severo-Sibirskoe regional'noe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 95–191.

Slobodskii M., 1929. *Itogi i zadachi etnograficheskogo izucheniia Tomskogo kraia* [Results and tasks of the ethnographic study of Tomsk region], Tomsk, 30 p.

Tugolukov V.A., 1984. *Davnie sviazi tungusov s tiurkami i ugrami na Irtyshe i Obi* [Long-term relationships of the Tunguses with the Turkic and Ugric peoples in the Irtys-river and Ob-river valleys]. *Fol'klor, literatura i istoriia Vostoka: Materialy III Vsesoiuznoi tiurkologicheskoi konferentsii*, Tashkent: Fan, pp. 397–402.

Tugolukov V.A., 1985. *Tungusy (eveny i evenki) Srednei i Zapadnoi Sibiri* [Tunguses (Evens and Evenks) of Central and Western Siberia], Moscow: Nauka, 286 p.

Shukhov I.N., 1927. *Poslednie sledy ugasshego olenevodstva v Tarskom okruge* [The last traces of the extinct reindeer husbandry in the Tara region]. *Trudy Sibirskogo veterinarnogo instituta*, vol. 8, Omsk, pp. 201–207.

Shukhov I.N., 1928. *Okhotnichii promysel v severnoi chasti Tarskogo okruga* [Hunting in the northern part of the Tara region]. *Materialy k poznaniiu okhotnich'ego dela Zapadnoi Sibiri*, vol. 2, Omsk, pp. 33–98.

Janko J., 2000. *Utazas Osztyakfoldre 1898*, Budapest: Neprajzi Museum, 400 p.

И.Л. Набок, С.Е. Сэрпиво

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
наб. Реки Мойки, 48, Санкт-Петербург, РФ
E-mail: inabok@yandex.ru
Научный центр изучения Арктики
ул. Республики, 73, Салехард, 629008, РФ
E-mail: stella_serpivo@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖЕНСКОГО ПРОСТРАНСТВА ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НЕНЦЕВ К НАЧАЛУ XXI в.

Статья посвящена рассмотрению условий и факторов трансформации женского пространства в традиционной культуре ненцев Ямала к началу XXI в. Отмечается, что влияние социально-экономических и культурных трансформаций в современном обществе способствует деформации традиционной системы жизнеобеспечения, проникновению нетрадиционных элементов в жизнь коренного населения. Работа опирается на данные авторского социологического исследования, проведенного в 2012 г. на территории Ямало-Ненецкого автономного округа (Тазовском, Ямальском, Пуковском, Шурышкарском, Приуральском и Ныдымском районах). В качестве одного из основных факторов указанной трансформации рассматривается образование, в частности повышение образовательного уровня женщины, приводящее к большей экономической независимости и изменению положения ненецкой женщины в семье. В качестве фактора трансформации женского пространства традиционной ненецкой культуры исследуются также изменения в ритуально-обрядовой культуре, в частности обрядах жизненного цикла (свадебном и родильном), а также межэтнические браки, связанные с интенсификацией промышленного освоения территорий традиционного природопользования ненцев.

Ключевые слова: традиционная культура, женское пространство культуры, гендерный подход, трансформация, образование, ненцы, этническая идентичность, статус, межэтнические браки.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-110-117

Введение

Сохранение и устойчивое развитие коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока остается одной из приоритетных для России задач, решение которой в значительной степени зависит от понимания этнической специфики, особенностей этнокультурогенеза каждого из народов, объективного анализа причин и условий происходящих сегодня социокультурных трансформаций. На примере ненцев — самого крупного из коренных малочисленных народов Севера — стало очевидно, что сохранение народа, его языка и уникальной культуры зависит прежде всего от сохранения и развития выработанной столетиями традиционной системы жизнеобеспечения. В данном случае — оленеводческого хозяйства, которое может рассматриваться как системообразующий стержень традиционной культуры ненецкого народа, определяющий и обеспечивающий его жизнь и функционирование составляющих элементов его культуры. Только системное понимание традиционной культуры позволяет понять смысл, характер и направленность происходящих в этносоциуме в целом и в каждом из его компонентов изменений, трансформаций. Здесь особое значение приобретает исследование пространства традиционной культуры. По словам известного отечественного культуролога А.Я. Флиера, «культурная традиция (устойчивость) по существу воплощает собой культурное пространство. Именно по ареалу доминирования какой-либо традиции определяются границы распространения той или иной локальной культуры» [2016].

К числу наименее изученных компонентов традиционной культуры ненцев, несомненно, относится ее женское пространство, подвергшееся к началу XXI в. серьезным трансформациям. Этим и определяется актуальность данного исследования. В работе использован гендерный анализ и сравнительно-исторический метод.

Трансформация женского пространства традиционной культуры ненцев к началу XXI в.

Изучение женского пространства в традиционной культуре предполагает анализ становления и изменения социокультурного статуса женщины в единстве с анализом особенностей, уровней и характера происходящих в нем трансформаций. Такое исследование имеет не только «узко этнические» (относящиеся только к данному этносу), но и общие для российского общества смысл и значение. Это обусловлено тем, что сохраняющиеся в регионах Севера, Сибири и Дальнего Востока этносоциумы и традиционные культуры, сформировавшиеся в экстремальных природных условиях, оказываются сегодня в ситуации глобального экологического кризиса, высоко презентативными по отношению к развитию человеческой цивилизации в целом, позволяют глубже осмыслить границы, пределы и возможности жизнедеятельности человека.

Анализ этнографической литературы, посвященной культуре ненцев (с конца XIX в. по настоящее время), показывает, что гендерная проблематика представлена в ней явно недостаточно. Тема «гендерного сдвига» у коренных народов Севера исследована в работах А.Г. Поповой [2004]; Е.В. Лярской [2010]. Проблема влияния межнациональных браков ненцев на этнодемографические процессы затронута в работах Ю.Н. Квашнина [2002], Ю.Н. Квашнина и Е.А. Волжаниной [2003], Е.А. Волжаниной [2010]. Роль ненецкой женщины в науке рассмотрена в статье Г.П. Харючи [2010].

Образование как фактор трансформации женского пространства

Влияние социально-экономических и культурных трансформаций в обществе способствует, с одной стороны, определенной деформации традиционного уклада жизни, с другой — модернизации, связанной с проникновением в жизнь коренного населения нетрадиционных элементов культуры. Подобно тому, как изменяется традиционная культура, трансформируется и ее гендерное пространство. Серьезность указанных изменений позволила Е.В. Лярской обозначить их как «гендерный сдвиг» [2010, с. 3]. Одним из основных факторов трансформации женского пространства в ненецкой культуре выступает образование. Об особой значимости образования в трансформационных изменениях этнической культуры коренных малочисленных народов Севера писал А.А. Бурькин, указывая на решающую роль системы интернатского образования 1950–1960-х гг. [2002].

Данные проведенного нами в 2012 г. исследования на территории Ямало-Ненецкого автономного округа (Тазовском, Ямальском, Пуровском, Шурышкарском, Приуральском и Ныдымском районах) свидетельствуют, что 41,8 % респондентов из 400 опрошенных женщин имеют начальное или неполное среднее образование — все они в основном ведут кочевой образ жизни; среднее общее образование получили 26,7 %; среднее специальное — 18 %; незаконченное высшее и высшее образование имеют 13 % — все они проживают в населенных пунктах. Лишь двое из общего количества опрошенных не получили даже начального образования (0,5 %).

Выбор профессии для девушек из числа представителей коренных малочисленных народов Севера в значительной степени предопределен традицией — воспитатель детского сада или школы-интерната, учитель, фельдшер, медицинская сестра. В сфере образования (учителя начальных классов, дополнительного образования, воспитатели) работают 15 % опрошенных — все они проживают в населенных пунктах. Среди прочих категорий (28 %) — медицинские работники (врачи, фельдшеры, медицинские сестры, санитарки), студенты, пенсионеры, продавцы, технические служащие и т.д. В структурах законодательной и исполнительной власти Ямало-Ненецкого автономного округа они почти не представлены. Юноши обычно выбирают профессии зоотехника, государственного служащего, юриста, водителя и др.

При изучении различных аспектов современной ненецкой культуры исследователи часто акцентируют внимание на маргинализации молодежи и нежелании возвращаться после окончания школы к традиционному образу жизни. В ходе работы с информантами нам удалось выяснить, что многие матери сами против того, чтобы их дочери возвращались к кочевому образу жизни, связанному с тяжелым физическим трудом, холодом, отсутствием бытовых удобств. В то же время дети, проживающие в городе (поселке) и добившиеся определенного профессионального уровня, являются для родителей предметом гордости (рис. 1).

С другой стороны, в молодежной среде существует и обратная тенденция — стремление вернуться к своим корням, народным традициям. Так, в фактории Лаборова действует авторская школа с этнокультурным компонентом, созданная писателем, педагогом Анной Павловной Неркаги. В основе концепции школы — передача векового опыта народа посредством обучения

и игры. В народной педагогике ненцев игра — основной вид деятельности ребенка, в процессе которого он получает ценные умения и навыки, необходимые во взрослой жизни. У него развиваются память, внимание, мышление, воображение, воспитываются чувство ответственности, самостоятельность, чувство уважения и взаимопомощи. В обучающих играх формируются творческие и интеллектуальные способности учащихся. В основе деятельности школы А.П. Неркаги лежит организация учебно-воспитательного процесса на основе особенностей труда оленеводов, рыбаков, охотников. «В учебный план школы,— отмечает А.П. Неркаги,— была заложена трудовая и профессиональная подготовка с привлечением наставников, которые учат детей народным ремеслам и промыслам. Материально-техническая база трудового и профессионального обучения вышла за пределы школы: стойбище, места кочевья и проживания наставников. У девочек и мальчиков большая потребность научиться всему тому, чем владеют наставники. Для девочек — это владение умениями и навыками хранения домашнего очага, для мальчиков — уметь пасти оленей, ухаживать за ними, охранять от волков, умение развести костер в тундре, изготовление и ремонт нартов, ловля рыбы и др.» [Неркаги, 2007, с. 34–35]. Как мы можем заметить, в этой школе учат детей ориентироваться и в традиционной среде (рис. 2), и в современном социокультурном пространстве. Но это пока единичный опыт. При этом следует отметить, что сегодня у ненецкой девушки есть право выбора: получив образование, вернуться к традиционному образу жизни и реализовать себя в качестве продолжательницы рода, хозяйки «очага» или работать в здравоохранении, образовании, науке и других сферах.

Рис. 1. Студенты на каникулах у родителей, Сеяхинская тундра, 2012 г. Фото С.Е. Сэрпиво.

Повышение образовательного уровня и, как следствие, экономическая независимость женщины приводят к более демократичным отношениям внутри семьи. Подобный вывод мы можем сделать только относительно ненцев, проживающих в сельской местности, но сохраняющих традиционный менталитет. Распределение семейных ролей и обязанностей здесь явно опровергает стереотипную точку зрения, касающуюся «бесправности» ненецких женщин. Из 318 чел. опрошенных (состоящих в браке, как в официальном, так и в гражданском) только 30 % считают, что ненецкая семья по укладу патриархальная: мужчина глава семьи и решения по важным вопросам принимает только он. Половина опрошенных женщин (54 %) считают, что все важные вопросы должны обсуждаться супругами совместно. А 16,7 % замужних женщин считают себя главами семей. Основным добытчиком, по мнению большинства опрошенных женщин (70 %), является супруг. Лишь 30 % респондентов считают, что роль основного добытчика принадлежит женщине.

Процессы, происходящие в современном обществе, в целом благотворно сказываются на социально-экономическом положении ненецкой женщины. Изменились и особенности реализа-

Трансформация женского пространства традиционной культуры ненцев к началу XXI в.

ции наследственных прав. Если исследователи раннего периода отмечали, что у северных народов вдова не имела права на состояние умершего мужа, то сегодня «обычное право», бывавшее у многих северных народов, постепенно оттесняется современными юридическими нормами и законодательными актами. Вдова с детьми являются основными наследниками состояния умершего мужа.

Рис. 2. Сушка хлеба для длительного хранения — девочки за работой. Сеяхинская тундра, 2011 г. Фото У.П. Сэротэтто.

Особенности трансформации обрядов жизненного цикла

Сопоставляя имеющийся в научной литературе материал с данными, полученными в ходе нашего исследования, нельзя не заметить, что существенным фактором трансформации женского пространства культуры стали изменения в ритуально-обрядовой культуре. Так, значительной трансформации подвергся традиционный *свадебный обряд* ненцев. Характерно, что многие жительницы как села, так и тундры предпочитают выходить замуж согласно современным традициям, без соблюдения ненецкого обряда (торжественная регистрация в органах ЗАГС с последующим застольем в кафе или дома) — об этом заявили почти половина опрошенных женщин (46 %). Здесь наблюдается и некоторое смешение традиций: совершается «выкуп невесты», распространенный в традиционном свадебном обряде русскоязычного населения. Выявлено, что 37 % респонденток, ведущих кочевой образ жизни, при выходе замуж строго соблюдали ненецкий обычай, а 17 % предпочли совместить традиционный обряд с элементами современной свадьбы. Свадебный обряд кочевого населения на сегодняшний день по результатам исследования представлен следующими формами:

— с элементами сватовства: жених спрашивает разрешения у родителей невесты, при этом соблюдаются институт приданого и выкуп невесты. Регистрация брака в органах ЗАГС происходит спустя какое-то время (месяц, год) или после рождения ребенка;

— с элементами брака умыканием: невесту крадут (с ее согласия), затем происходит официальная регистрация брака в органах ЗАГС.

Практически полностью исчез комплекс действий, связанных с *под'пя* — центральным моментом традиционного свадебного обряда как обряда перехода, когда аргиш невесты должен проехать через ворота, сооруженные из палок. О разрушении института приданого и выкупа как основных элементов ненецкого традиционного свадебного обряда пишет Г.П. Харючи [2001, с. 129].

Немаловажным в традиционной культуре по своей значимости остается *родильный обряд*. Наблюдается «выпадение» некоторых его частей, что продиктовано изменившимися обстоятельствами. Например, «допупковый» период младенца проходит в больнице, соответственно

относящиеся к этому этапу ритуалы сакрального очищения и отдаривания Богини Я'Миня выпадают или проводятся со сдвигом во времени, т.е. спустя месяц после родов, по возвращении домой. Исследование показало, что 68 % респондентов при рождении ребенка соблюдали все обычаи традиционного родильного обряда ненцев, причем их в два раза больше среди женщин, проживающих в тундре. Не знают их 10 % опрошенных, а 11 % не соблюдали указанный обряд, так как не придают ему значения (жительницы села). Затруднились ответить 11 %.

Многие женщины, проживающие в селе или на рыбучастках, несоблюдение родильного обряда объясняют не столько отступлением от традиций или их незнанием, сколько отсутствием условий для его проведения. Это, например, неимение оленя, необходимого в качестве жертвы для обряда *сю' хан* (посвященного отпадению пуповины ребенка), смеси *торабт* (состоящей из кусочка бобровой шкурки, высушенной кишки оленя) или *тюнаць* (чаги) для сакрального очищения. Характерно, что практически все опрошенные ненецкие женщины заявили, что рожали в больнице. Лишь в одном случае женщина по ряду каких-то причин предпочла родить своих детей в тундре.

Рассмотренные нами обряды жизненного цикла (свадебный и родильный) являются неотъемлемой частью традиционной ненецкой культуры. Именно в традиционном родильном обряде наиболее ярко видно «сокращение» сферы деятельности женщины в духовной культуре. Женщины уже давно рождают в роддомах, повивальная бабка сменилась врачом-акушером, вместе с ней исчезли из традиционной культуры выполнявшиеся ею сакральные функции.

Анализируя данные, полученные в ходе исследования, можно сделать вывод, что соблюдение традиционных обрядов зависит не столько от местожительства респондента, сколько от его мировоззрения, от осознания смысловой значимости обрядов. Их сохранение напрямую связано со своевременной передачей знаний старшими новым поколениям молодежи.

Межэтнические браки как фактор трансформации женского пространства традиционной культуры

Трансформации женского пространства в современной ненецкой культуре способствуют межэтнические браки ненцев. Тема межнациональных браков ненцев с представителями других этносов для ЯНАО достаточно актуальна, так как территория интенсивного газового освоения привлекательна для мигрантов из других регионов страны.

Согласно проведенному нами исследованию, наибольшее число смешанных браков наблюдается в Ямальском районе (с. Яр-сале, п. Сеяха) — 24 из 121 семейной пары. Наименьшее число — в Тазовском районе (поселки Тазовский, Гыда, Антипаюта); из опрошенных там 82 замужних женщин только 6 были замужем за представителями другой национальности. Одна из причин, предполагаем, состоит в удаленности данного района, сложной транспортной системе.

Важным фактором заключения подобных браков, очевидно, стала диспропорция полов, т.е. несоответствие числа женщин и мужчин репродуктивного возраста в населенных пунктах. Выявлено, что в межнациональные браки у ненцев чаще вступают женщины. Мужчины-ненцы отдают предпочтение мононациональному браку. Чем это обусловлено? Во-первых, разницей в уровне образованности и вызванной этим боязнью ненецких мужчин не соответствовать своей «второй половине». Как правило, уровень образованности молодых людей в поселках не выше среднего специального, тогда как девушки зачастую заканчивают высшие учебные заведения. Во-вторых, для девушек «престижен» брак с «русскими»¹. В качестве мужей ненецкие девушки избирают русских, удмуртов, коми, украинцев, татар, хантов, башкир, марийцев, таджиков и др.

Большую роль в подобных семьях играет образовательный уровень супруги, который часто выше, чем у супруга. Как следствие, она занимает более оплачиваемую должность. В подобных семьях происходит деформация социальных ролей: женщина может обеспечивать финансовую сторону, а мужчина занимается домашними делами. Тогда как в исконно традиционной ненецкой культуре женщина — хозяйка чума, а мужчина — добытчик. Супруг может даже пойти в отпуск по уходу за ребенком, так как заработная плата жены выше, чем у мужа, и семья может потерять часть доходов.

Предлагаем выделить следующие типы смешанных браков ненцев:

— с представителями северных народов (ханты, коми-зыряне, селькупы). Это самые устойчивые браки. Брачные союзы между представителями различных северных народов были распространены издавна (см., напр.: [Волжанина, 2010, с. 264–283]). В этом отношении показате-

¹ Под «русскими» ненцы подразумевают все пришлое население.

Трансформация женского пространства традиционной культуры ненцев к началу XXI в.

лен Приуральский район ЯНАО, который представляет собой историческую зону активного взаимодействия коренных народов Севера, что отражено и в топонимике, и в хозяйственной деятельности. В старину межэтнические браки с представителями соседних народов заключались ненцами для улучшения генетического потенциала, «для обновления крови». Устойчивости таких браков способствует схожая ментальность;

— браки с «русскими». Подобные браки относительно устойчивы, так как заключаются в основном в населенных пунктах. Сама европейская культура, по нормам которой живут ненцы в поселково-городской среде, называется *луца' ил*, что в переводе означает «русская жизнь». Русско-ненецкие браки стали обычным явлением в 1970–1980-е гг.;

— браки с трудовыми мигрантами (киргизы, таджики, узбеки, турки). Такие браки стали появляться в последнее десятилетие и относятся к самым нестабильным. К ним чаще применим термин «временные». Подобные союзы удобны для молодых мужчин, приехавших для временного трудоустройства, что оказывается хорошей альтернативой проживанию в рабочем общежитии. Часто причиной, по которой представители данных национальностей вступают в браки с ненками, является желание получить вид на жительство. Для такой семейной пары характерны: низкий уровень образования супруга-мигранта; финансовая нестабильность ввиду того, что муж обеспечивает родственников на родине, чаще — вторую семью; неуважительное отношение со стороны супруга к ненецким традициям, кочевому образу жизни. Из бесед с информантами: неуважение проявляется в «нежелании впускать в дом родственников жены», «брезгливости» и др. Бывали случаи, когда родителей супруги не впускали в дом, они вынуждены были ночевать на нартах под открытым небом. Данные браки вызывают негативное отношение со стороны односельчан.

Межэтнические браки имеют свои плюсы: во-первых, это улучшение генетического потенциала народа, а во-вторых, отсутствие межэтнических конфликтов, стирание межкультурных границ. Но есть и минусы. Одна из проблем, возникающих в смешанных семьях, это сложность этнической самоидентификации детей. Зачастую дети от подобных браков в младшем и подростковом возрасте, противопоставляя себя детям из интернатов, считают себя русскими. По мере взросления у некоторых из них происходит кризис идентичности — они начинают осознавать себя ненцами. Другая проблема, являющаяся следствием распада подобных браков, — неполная семья, состоящая из матери и ребенка. Причем отсутствие отца в подобных семьях стало расцениваться как норма. Из опрошенных нами женщин с детьми 8,8 % являются одинокими матерями (почти каждая десятая!), все они проживают в населенных пунктах. Наконец, третье (самый большой минус) — частичная утрата родного (ненецкого) языка в этнически смешанных семьях.

Заключение

Анализ показал, что трансформации женского пространства традиционной культуры ненцев обусловлены прежде всего изменениями социокультурного статуса женщины. К числу основных факторов указанных трансформаций следует отнести образование. Включение в хозяйственно-экономическую жизнь региона как следствие повышения образовательного уровня позволяет женщине быть экономически более независимой от мужа, что в дальнейшем приводит к «демократизации» отношений внутри семьи. В то же время нет оснований говорить о наступлении «полной эмансипации» ненецкой женщины, так как в определенной степени сохраняется этнический стереотип женского поведения, складывавшийся на протяжении столетий в рамках системы традиционного жизнеобеспечения и выполнявший, помимо прочего, важнейшую охранительную функцию по отношению к женщине. Существенным фактором трансформации женского пространства традиционной культуры, как показало исследование, стали изменения ритуально-обрядовой культуры, ее модернизация, детрадиционализация, приводящие к отказу от некоторых значимых компонентов обрядности, прежде всего обрядов жизненного цикла (свадебного и родильного). В результате происходит существенное «сокращение» женского участия в сакральной сфере культуры, «сжатие» духовной сферы женского пространства культуры. Наконец, анализ разных типов смешанных браков показал, что традиционные для ненцев экзогамные нормы нарушаются в большей степени по инициативе женщин; очевидно, в населенных пунктах это связано с диспропорцией полов, т.е. с несоответствием числа ненецких женщин и мужчин репродуктивного возраста. Данное исследование не исчерпывает проблему формирования современной культуры ненецкой женщины, развития и трансформации женского про-

странства ненецкой культуры, но должно инициировать дальнейшую исследовательскую работу в данном направлении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Материалы социологического исследования С.Е. Сэрпиво, 2012 г. (Тазовский, Ямальский, Приуральский, Надымский, Пуровский, Шурышкарский р-ны ЯНАО).

Литература

Бурыкин А.А. Некоторые проблемы социокультурного развития малочисленных народов Севера РФ в свете гендерного подхода // Расы и народы. М.: Наука, 2002. Вып. 28. С. 188–213.

Волжанина Е.А. Этнодемографические процессы в среде ненцев Ямала в XX — начале XXI века. Новосибирск: Наука, 2010. 312 с.

Квашнин Ю.Н. Этнодемографическая характеристика населения Ярсалинской сельской администрации Ямало-Ненецкого автономного округа (2001 г.) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень, 2002. С. 47–50.

Квашнин Ю.Н., Волжанина Е.А. Некоторые аспекты этнических процессов у коренного населения низовьев р. Мыда // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: ИПСО СО РАН, 2003. С. 82–85.

Лярская Е.В. Женщины и тундра: Гендерный сдвиг на Ямале? // Антропологический форум. 2010. № 13. С. 3–38.

Неркаги А.П. Этническая школа: (Материалы из опыта работы семейно-родовой этнической школы ф. Лаборова Приуральского района). Салехард: ГОУ ДПО ЯНОИПКРО, 2007. 38 с.

Попова А.Г. Женщины Северных меньшинств: Между стойбищем и городом // Л.И. Винокурова, А.Г. Попова, С.И. Боякова, Э.Т. Мрякянова. Женщина Севера: Поиск новой социальной идентичности. Новосибирск: Наука, 2004. С. 163–187.

Флиер А.Я. Культура как пространство и время социального бытия [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://cult-cult.ru/culture-as-space-and-time-of-social-being>.

Харючи Г.П. Ненецкая женщина в науке: К вопросу об особенностях исследования сакральной сферы // ЭО. 2010. № 3. С. 44–53.

I.L. Nabok, S.E. Serpivo

Herzen State Pedagogical University of Russia
 Moika emb., 48, St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: inabok@yandex.ru

Arctic Research Center

Respubliki st., 73, Salekhard, 629008, Russian Federation

E-mail: stella_serpivo@mail.ru

**TRANSFORMATION OF THE FEMALE SPACE IN THE TRADITIONAL NENETS CULTURE
UP TO THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY**

The paper addresses conditions and factors of transformation of the female space in the traditional culture of the Nenets of Yamal up to the beginning of the XXI century. It is noted that the impact of socio-economic and cultural transformations of the modern society contributes to the deformation of the traditional life supporting system and the penetration of non-traditional elements into the life of the indigenous population. The work is based on the data of the author's sociological research conducted in Yamalo-Nenets Autonomous District (Tazovsky, Yamalsky, Purovsky, Shuryshkarsky, Priuralsky and Nadymsky areas). Education is considered as one of the main factors of this transformation, in particular, an increase in educational level of women, leading to greater economic independence and a change in the position of the Nenets women in the family. Changes in ritual and ceremonial culture are studied as factors of transformation of the female space in the traditional Nenets culture, in particular, changes in the ceremonies of the life cycle (wedding and maternity ceremony), as well as interethnic marriages associated with intensification of industrial development of the Nenets traditional territories.

Key words: traditional culture, female space of a culture, gender approach, transformation, education, the Nenets, ethnic identity, status, interethnic marriages.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-110-117

REFERENCES

Burykin A.A., 2002. Nekotorye problemy sotsiokul'turnogo razvitiia malochislennykh narodov Severa RF v svete gendernogo podkhoda [Some of the problems of social and cultural development of the indigenous peoples of the Russian North in terms of the gender perspective]. *Rasy i narody*, no. 28, Moscow: Nauka, pp. 188–213.

Khariuchi G.P., 2001. *Traditsii i innovatsii v zhizni nenetskogo etnosa* [Tradition and innovation in the life of the Nenets ethnos], Tomsk: Izd-vo TGU, 228 p.

Khariuchi G.P., 2010. Nenetskaia zhenshchina v nauke: K voprosu ob osobennostiakh issledovaniia sakral'noi sfery [Nenets women in science: On special features of the study of the sacred sphere]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 3, pp. 44–53.

Kvashnin Iu.N., 2002. Etnodemograficheskaia kharakteristika naseleniia larsalinskoj sel'skoi administratsii lamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga [Ethnic and demographic characteristics of the population of the village administration of Yarsalinskii in Yamalo-Nenets Autonomous District]. *Problemy vzaimodeistviia cheloveka i prirodnoi sredy*, Tyumen: IPOS SO RAN, pp. 47–50.

Kvashnin Iu.N., Volzhanina E.A., 2003. Nekotorye aspekty etnicheskikh protsessov u korenного naseleniia nizov'ev r. Nyda [Some aspects of ethnic processes in the indigenous population along the lower reaches of the Nyda river]. *Problemy vzaimodeistviia cheloveka i prirodnoi sredy*, Tyumen: IPOS SO RAN, pp. 82–85.

Liarskaia E.V., 2010. Zhenshchiny i tundra: Gendernyi sdvig na lamale? [Women and tundra: A gender shift in Yamal?]. *Antropologicheskii forum*, no. 13, pp. 3–38.

Nerkagi A.P., 2007. *Etnicheskaia shkola: (Materialy iz opyta raboty semeino-rodovoi etnicheskoi shkoly f. Laborovaia Priural'skogo raiona)* [Ethnic School: (Materials from the work of Laborovaya family and tribal ethnic school in Priuralsky district)], Salekhard: GOU DPO IaNOIPKRO, 38 p.

Popova A.G., 2004. Zhenshchiny Severnykh men'shinstv: Mezhdou stoibishchem i gorodom [Women of Northern minorities: Between a nomad camp and a city]. L.I. Vinokurova, A.G. Popova, S.I. Boiakova, E.T. Miarianova. *Zhenshchina Severa: Poisk novoi sotsial'noi identichnosti*, Novosibirsk: Nauka, pp. 163–187.

Volzhanina E.A., 2010. *Etnodemograficheskie protsessy v srede nentsev lamala v XX — nachale XXI veka* [Ethnic and demographic processes among the Yamal Nenets in the XX century — beginning of the XXI century], Novosibirsk: Nauka, 312 p.

Г.Т. Бакиева, А.М. Тимофеева

Институт проблем освоения Севера СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 6250026, РФ
E-mail: gulsifa-bakieva@yandex.ru
Тюменский индустриальный университет
ул. Володарского, 38, Тюмень, 625000, РФ
E-mail: am_timofeeva@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА В ПОСЛОВИЦАХ СИБИРСКИХ ТАТАР

На основе анализа пословиц сибирских татар предпринята попытка выделить наиболее значимые для народа понятия, определяющие основу их национальной картины мира, мировоззрения, охарактеризовать комплекс этических норм, правил, присущих их культуре. Источником исследования послужили более четырехсот пословиц сибирских татар, собранных и опубликованных одним из авторов статьи. Пословицы и поговорки были собраны в ходе многолетних экспедиционных выездов в местах компактного проживания сибирских татар преимущественно в селах и деревнях юга Тюменской области. Пословицы записывались в том виде, как они звучат в живой речи носителей, тем самым были сохранены фонетические, лексические, грамматические особенности народно-разговорного языка. Определено, что в национальной картине мира сибирских татар особое внимание уделялось семье, труду, знаниям, дружбе, судьбе, родине, вере. У народа бытует множество пословиц, регулирующих взаимоотношения мужа и жены, родителей и детей, в них определены нормы поведения между ними. Женщины у сибирских татар — хранительница устоев семьи, от нее зависели мир и радость в семье, муж являлся бесспорным главой, а дети — ее главным богатством. Немалое место в паремииальном фонде сибирских татар отводится пословицам на тему «труд — лень». Умение трудиться, трудолюбие — важные, неотъемлемые качества человека в понимании сибирских татар; работа — то, что приносит доход. Народная мудрость учит не бояться работы, по результатам выполненной работы судят о человеке. Значительное место в пословицах сибирских татар занимает тема «знания — невежество». Во всех примерах говорится о важности и пользе знаний для человека. В паремииальном фонде особое место также принадлежит теме «бедность — богатство». В суровых условиях Сибири многие татарские семьи жили трудно, нелегко было получать средства к существованию, поэтому пословиц и поговорок о бедности больше. В человеческих отношениях сибирскими татарами ценились сдержанность, упорство, гостеприимство, доброжелательность, скромность. Такие проявления характера и поведения, как чрезмерная говорливость, подлость, равнодушие, любопытство, жадность, лицемерие, зависть, подвергались осуждению и считались неприемлемыми.

Ключевые слова: сибирские татары, национальная картина мира, устное народное творчество, пословицы, культура, мировоззрение, этические нормы, народный опыт.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-118-126

Пословицы и поговорки как жанр устного народного творчества есть у каждого народа. Они представляют собой народную мудрость, свод правил жизни, историческую память, отражают длительный процесс развития культуры народа, его дух и своеобразие. В краткой и сжатой форме они передают итог длительных и внимательных наблюдений над жизнью, типизируют явления действительности, в них обобщен житейско-бытовой опыт народа, формулируется его нравственный кодекс, определяющий взаимоотношения людей в области семейных отношений, любви, дружбы. Они отражают огромный опыт народа в его общественной жизни, взгляды на труд, природу, обычаи, нравы. Пословицы, наряду с поговорками и афоризмами, позволяют реконструировать национальную картину мира, дают важные сведения о специфике национального мировосприятия и национального характера. Изучением пословиц и поговорок давно занимаются специалисты разных отраслей науки — фольклористики, лингвистики, этнографии. На сегодняшний день учеными обстоятельно исследованы пословицы и поговорки русского народа [Даль, 2008; Русские пословицы..., 1988; Русские пословицы..., 2007]. Немало работ в последние годы появилось по паремииальному фонду других народов России [Лиджиева, 2012; Ягафарова, 2013; Михеева, 2014; Бимбеева, 2016; и др.].

Устное народное творчество сибирских татар давно привлекает внимание исследователей. В этнографической литературе довольно подробно изучены предания, легенды, сказания, эпические произведения (дастаны), а также музыкальный фольклор (песни, баиты, песни, мунаджаты, такмаки (частушки)) сибирских татар. В последние годы были опубликованы сборники по фольклору сибирских татар [Джаным, 2007; Сибирские татары..., 2014; Сурметова, 2015]. Несмотря на то, что пословицы и поговорки являются одним из наиболее популярных жанров фольклора сибирских татар, они были практически обделены вниманием исследователей. Имеются лишь две публикации омского исследователя Р.Ф. Уразалева, в которых на основе собственных полевых материалов, собранных в Омской области, а также в некоторых сибирско-татарских деревнях Вагайского района Тюменской области, автором проанализированы пословицы курдакско-саргатских и тарских татар. К сожалению, Р.Ф. Уразалеев не приводит аутентичные образцы пословиц сибирских татар, дает их лишь в переводе на русский язык [2014, 2015].

Настоящая статья посвящена анализу пословиц сибирских татар. Предпринята попытка охарактеризовать комплекс этических норм, правил, присущих культуре этноса, определявших взаимоотношения людей в семье и обществе. Предполагалось выделить наиболее значимые для народа понятия, составляющие основу их этнической картины мира, мировоззрения. Источником исследования послужили более четырехсот пословиц сибирских татар, собранных и опубликованных одним из авторов статьи. Материал был собран в ходе многолетних экспедиционных выездов в места компактного проживания самой большой, тоболо-иртышской группы сибирских татар на юге Тюменской области. Пословицы и поговорки записаны в том виде, как они звучат в живой речи носителей; тем самым сохраняются фонетические, лексические, грамматические особенности народно-разговорного языка. Каждая сибирско-татарская пословица содержит подстрочный перевод, пояснения [Словарь..., 2016; Пословицы и поговорки..., 2016].

Одной из главных жизненных ценностей у сибирских татар является **семья** (*қәйлә*). В анализируемом материале выделено самое большое количество паремий на эту тему — 72. Именно в семье человек наслаждается покоем и счастьем, обретает уверенность в себе, семейный человек пользуется уважением со стороны близких, родных, соседей. В создании крепкой семьи велика роль и мужа, и жены: *ирен хөрмәтлөгәнне — улы хөрмәтләр, хатынын хөрмәтлөгәнне — қысы хөрмәтләр* (женщина, уважающая мужа, получит уважение от сына, мужчина, уважающий жену, получит уважение от дочери). Женщина у сибирских татар — хранительница устоев семьи, от нее зависят мир и радость в семье: *ирен үстөргән тә хатын, пәтергән тә хатын* (женщина и возвеличит мужа, и «опустит» мужа); *үс хатының йән туйтырыр, уйнаш хатын қан қостырыр* (своя жена душу наполнит, от распутной женщины кровью харкать будешь); *сөйтөргән тә хатын, пәлдөргән тә хатын, көлтөргән тә хатын* (женщина и любовь дает, и разорение, и смех). Есть в женщине такие качества, которые неприемлемы с точки зрения морали: *қыра пицә — төпсөс муцкә* (ленивая жена — бездонная бочка). Наряду с ленью осуждалась измена жены, с такой женщиной община не имела общих дел: *ирен сатқан — илгә сыймас* (изменившая мужу — в мир не войдет).

Мужчина, муж являлся не только бесспорным главой семьи, он имел право голоса при решении вопросов, стоявших перед всей общиной, которая и определяла, насколько он достоин уважения: *ир қатерен иле пелер* (цену мужчине знает народ). Так же, как гулящая женщина, гулящий мужчина подвергался осуждению: *хатын алу — кимлек түгел, хатын сату — ирлек түгел* (взять жену — не порок, предать жену — не мужество). Идеальные муж и жена — верные, любящие, уважающие друг друга.

В языке сибирских татар бытует множество пословиц и поговорок, регулирующих взаимоотношения мужа и жены, в них определены нормы поведения между ними. Одна из главных — жена должна быть сдержанной в речах, муж — сдержанным в поведении: *хатыныңның теле осайса, ирнең кулы осаер* (жена язык придержит, муж — руки). Жена не должна выносить сор из избы, все проблемы нужно решать вместе, внутри семьи: *парасың йән — палта шикелле патып кит* (выходишь замуж — как топор утони). Муж — главный добытчик в семье, жена должна уметь сохранить и умело использовать заработанное мужем: *ир — келәт, хатын — йосақ* (муж — клеть, жена — замок), *ир тава — хатын пулә* (муж зарабатывает, жена распределяет). Особый талант должна иметь жена, если у нее прижимистый муж: *ирең саран пулса — сапаслы пул* (если муж скряга — запасливой будь).

Дети (*палалар*) главное богатство традиционной татарской семьи, их любят, балуют, сравнивают со сладостями, украшениями, светом: *пала — йөрәк йемеше* (дети — ягоды серд-

ца); *улым* — *көн күрмешем*, *қысым* — *сәйлем* (сын — светлый день, дочь — ясная погода); *қыс пала йортқа бисәк* (девочка — украшение дома); *паламның паласы палтан татлы* (сын сына слаще меда). Родители должны так воспитать своих детей, чтобы они с годами стали им надежной поддержкой: *қыс пала — инәсенә тайау*, *ир пала — атасына тайау* (дочь — опора матери, сын — опора отцу); *йақшы атаның паласы — йақшы тунның яқасы* (у хорошего отца сын — что воротник на хорошей шубе). Величайшая печаль для родителей, если ребенок вырастет бестолковым и не добьется успеха в жизни: *уңса — пала*, *уңмаса — пашқа пәлә* (будет успешным — сын, будет бестолковым — беда), *ақылы йуқ — атасын сатар* (глупый отца продаст).

У сибирских татар имеется немало пословиц и поговорок, которые определяют нормы поведения между родителями и детьми. Прежде всего, дети должны слушать родительские советы с полным доверием и уважением: *ата-ана хақы — Тәнре хақы* (истина отца и матери — истина от Тенгри). Отец — бесспорный авторитет для ребенка в семье, его слово — закон; мать должна уметь понять и поддержать ребенка, сколько бы ни было ему лет: *үсеңнән өстен — атаң*, *үсеңнән яқын — анаң* (выше тебя — отец, ближе тебе — мать); *ана өцен пала алтыта пала*, *алтмышта та пала* (для матери ребенок и шестилетний, и шестидесятилетний). Матери, взрастившей детей, в традиционной татарской семье отводится особая роль, она — самый почитаемый, самый надежный человек, единственная: *хатын ун пулыр*, *ана пер пулыр* (жен может быть десять, мать — одна). Мать всегда защитит, покроет лаской и любовью, с ней — как в раю: *очмак аналарның аяқ астынта* (под ногами матерей — рай).

Умение трудиться, трудолюбие — важные, неотъемлемые качества человека в понимании сибирских татар: *эшсес кеше пашсыс қатақ* (человек без дела — что гвоздь без шляпки). Выделено 19 пословиц на тему «**труд** — **лень**» (*эш — қыйралық*). Работа — то, что приносит доход, дает возможность купить еду и одежду: *эше парның ашы пар* (у кого работа есть, есть и пища); *Аллатан көткән — ут йотқан*, *эшләп тапқан — тун теккән* (кто ждал от бога — огонь проглотил, а кто заработал трудом — шубу справил). Чем больше работаешь — тем больше получаешь: *пеләге көцленең сыеры сөтле* (у кого сильные руки, у того корова молочная). Народная мудрость учит не бояться работы: *күс курғақ*, *кул патыр* (глаза страшатся, руки делают); *теләге пулған пултырған* (у кого хотение, у того и умение); *йақшы ният — ярты тәүләт* (доброе намерение — половина дела). Очень важно уметь настроиться на работу, чтобы получить хороший результат: *күңел пиреп эшләгән эш — өлге пулыр*, *күңел пирмәй эшләгән эш — көләтке пулыр* (с радостью сделанная работа образцом будет, без настроения сделанная работа — на смех). Издревле в больших татарских семьях сложилась традиция помогать друг другу в больших делах: *киң тун тусмас*, *кинәшле эш таркалмас* (широкая шуба не обветшает; работа, выполненная дружно, не развалится). По результатам выполненной работы судят и о человеке: *эш — кешенең көскесе* (работа — зеркало человека).

Неумение и нежелание трудиться осуждается: *калған эшкә кар яуа* (на отложенное дело снег выпадает); *йатқан ташның астына су кермәйте* (под лежачий камень вода не течет). Плохо сделанная работа не вызывает уважения: *қыңыр эш қырык елтан та пеленә* (плохая работа и через сорок лет видна), а поведение лентяев и лежебок высмеивается: *потай, потай тип ятқанға Ходай та пирмәс* (тому, кто говорит «пшеница, пшеница», бог не подаст); *ятаған цықса, йау пулыр* (если лежебока на улице выйдет — дождь пойдет).

В языке сибирских татар встречается немало пословиц и поговорок о **бедности** (*йарлылық*) и **богатстве** (*пайлық*). В суровых условиях Сибири многим татарским семьям нелегко было получать средства к существованию, люди всегда жили трудно, поэтому пословиц и поговорок о бедности больше. Мысли о бедности вызывали чувства грусти, печали и даже безысходности: *пар сөйонтөрә*, *йуқ көйонтөрә* (достаток радует, нужда печалит); *йарлы ярма тапса*, *салыр савыт тапмас* (бедный зерно найдет, а посуды для него не найдет); *йарлының тусы та йуқ*, *тошманы та йуқ* (у бедного ни друзей, ни врагов нет); *пайлық — өц айлық*, *ярлылық мәнгелек* (богатство на три месяца, бедность — на всю жизнь). Чтобы заработать на жизнь, бедняку приходилось наниматься в работники к богатым односельчанам. Часто он вынужден был терпеть непосильные нагрузки и унижительное к себе отношение, но выбор был невелик: *пайға ялцы пулғанцы*, *көтуцеғә қамцы пул* (чем быть работником у богатого, лучше быть плеткой у пастуха); *пайға кол пулғанцы*, *йарлыға гөл пулсанцы* (чем быть рабом богатому, лучше бедному золой будь).

Тексты пословиц отражают тот факт, что бедные люди часто сетовали на тяжелые условия жизни — недоедание, отсутствие хорошей одежды: *ац кешенен ацывы йаман* (у голодного че-

ловека обида зла); *пай кейсә, қотлы пулсын, йарлы кейсә, қайтан алтын?* (если богатый наденет — носи на здоровье, если бедный наденет — откуда взял?); *пай пулсаң — сөярләр, ярлы пулсаң — төярләр* (будешь богатым — будут любить, бедным будешь — спихнут). Есть пословицы, указывающие на причины бедности, как-то: лень — *керле өйгә ырсық кермәйте* (в грязном доме достатка не будет); отсутствие бережливости — *қыш киярен йөй киеп, йарлы қацан пайған* (бедняк, летом надевающий зимнюю одежду, никогда богатым не будет). Один из ответов на вопрос, как относиться к своей бедности, — не стыдиться, в этом нет ничего зазорного: *үлгән пелән қыс пиргәнтә намыс қылма* (не стыдись бедности на похоронах и выдавая дочь за муж). Другой совет — трудиться, стараться выбиться из нищеты: *пайлықны эстәп тапмарсың, эшләп таварсың* (богатство не сыщешь, найдешь трудясь). Не все видели для себя возможность разбогатеть, неустанно работая. Кто-то предпочитал не рваться на части: *ац тамағым, тының қолағым* (лучше быть голодным, но спокойным).

В исследуемом материале встретилось несколько паремий на тему «богатство», приведем два самых ярких примера. Не все безоблачно в жизни человека, имеющего деньги, существует две стороны медали: *пайнын тусы ни қатәр, тошманы та ул қатәр* (у богатого сколько друзей, столько же и врагов). Однако состоятельный человек более авторитетен в общине, его больше уважают, к его мнению прислушиваются: *өйе парның көйе пар* (у кого есть дом — и голос есть).

Особое место в паремииальном фонде сибирских татар отводится пословицам на тему «знания — невежество» (*пелем — натаннық*). Во всех примерах говорится о важности и пользе знаний для человека: *пеләге көңле перне еңәр, пелеме көңле купне еңәр* (сильный одного победит, знающий — многих); *йөрәк пулғанцы сирәк пул* (чем быть вспыльчивым, будь умным); *каләм тотқан хур пулмас* (у кого перо в руках — не пропадает). Каждый человек должен осознать необходимость получения знаний: *эшләгәнең — кешегә, үрәнгәнең — үсеңә* (делайшь — для других, учишься — для себя). Получать знания — большой труд: *уку — энә пелән қотық қасыу* (учиться — что колодец вырыть с помощью иголки), однако нужно преодолеть все препятствия на пути к знаниям: *пелемне Кытайга пулсата парып ал* (за знаниями, если будет нужно, и до Китая дойди). Жизненный опыт — это тоже знания; чем больше у человека жизненных впечатлений, тем он интереснее для других: *күп йәшәгән ни пелгән, күп күргән шул пелгән* (знает тот, кто много повидал, а не тот, кто много прожил). Как набраться знаний жизни? И на этот вопрос народная мудрость дает ответ — будь внимателен, наблюдай за тем, что происходит вокруг, а сам веди себя скромно и сдержанно: *кусең ацық пулсын, қойрығың явық пулсын* (глаза пусть открыты будут, а хвост — подобран). Что касается невежества, оно порицается, признается злом: *натанлық — сур йаманлық* (невежество — большое зло).

Глупость (*шимлек, арсарлық*) сибирскими татарами высмеивается, встречаются наставления не иметь общих дел с глупыми людьми: *пелеклегә пер әйт, пелекескә — мен әйт* (понятливому один раз скажи, непонятливому — 1000 раз); *шимнән вақыт сорама* (у дурака время не спрашивай). В ряде пословиц и поговорок иронично описывается поведение глупого человека, осуждаются такие качества, как несдержанность, болтливость, такое поведение считается неприемлемым: *тинтәк тик қыцқырыр* (дурак попусту кричит); *ақыллының уйта, тиленең телентә* (что у умного на уме, у дурака на языке); *йөрәк пулғанцы — сирәк пул* (чем быть вспыльчивым, будь умным).

Дружба (*туслық*) играет в жизни человека большую роль. В дружбе сибирские татары ценят чувство товарищества, взаимопомощи, взаимоподдержки: *өц таған таймас, пер утын йанмас* (треножник не упадет, одно полено не загорится); *пер тарытан путқа пулмайты* (из одного зернышка кашу не сварить); *пер қылтан арқан ишеп пулмай* (из одного волоса аркан не совьешь). Особенное отношение к старым, проверенным жизнью друзьям: *тунның йаңасы, тусның искесе йақшы* (шуба новая хороша, а друг — старый). Возможно появление новых друзей, это те, кого ты хорошо узнал в совместных делах: *тапқан — табыш, таныңған — алыш* (что нашел — то находка, кого познал — тот друг). Друг — тот, кого понимаешь, кому доверяешь как себе, на кого можно положиться как на себя, это второе «я»: *тус тусның көскесе* (друг другу зеркало). У каждого человека есть недостатки, они могут быть и у твоего лучшего друга, и нужно воспринимать их с пониманием: *қаипсес тус эстәмә — тақ қалырсың* (не ищи друга без изъяна — один останешься). Однако горько, когда друг, которому веришь, обидит несправедливым словом или покажет себя с плохой («черной») стороны: *тошман сүсе сөйтерер, тусның*

сүсе кәйтәреп (слово врага любить заставит, слово друга — обожжет); *тусның эце куз пулмасын* (в душе друга не должно быть угля (черноты)); *тус — күтенә куз* (друг — уголь в зад).

В традиции сибирских татар верить в **судьбу** (*йасмыш*), считать, что все события в жизни предопределены свыше и то, что должно случиться, обязательно произойдет: *йасмыштан усмыш йуқ* (от судьбы не уйдешь); *күрәцәкне күрмәй, күргә инәп пулмайты* (пока гостей не познаешь, на тот свет не пойдешь), *аврылы үлмәс, әцәлле үләр* (больной не умрет, умрет тот, кому судьбой предначертано). Народная мудрость утверждает: нет смысла жалеть о том, что уже произошло, ведь это было предопределено: *уткән эшкә укәнмә* (не жалею о содеянном); *эш үткәц үкенүгә ни пайта* (какой толк сожалеть о прошедшем).

В исследуемом материале прослеживается мысль, что людям отмерено в этой жизни много и плохого, и хорошего и надо быть к этому готовым: *қайғы-хасрәт ағац пашыннан йөрмәйте* (горе ходит не по верхушкам деревьев, а по головам людей); *йаманлық армас, йақшылық кимемәс* (зло не уменьшится, добра меньше не станет); *кеше кешетән ким түгел, тик пәхете тин түгел* (все равны между собой, только счастье не равно). С другой стороны, существует незыблемая вера в неотвратимость победы доброго начала, в то, что все плохое когда-нибудь закончится: *тәнъя пит ул күләсә — әйләнә тә пер паса* (мир — колесо, вертится-вертится, да встанет на место); *тән ниқәтәр осын пулса та қояш цығаты* (ночь как не длинна, солнце взойдет).

В пословицах сибирских татар отражено и их отношение к **родине** (*иль*). Родной дом — самое прекрасное место на земле, по красоте сравнимое только с далекой Москвой: *ата йортым — ақ Мәскәу* (отчий дом — белокаменная Москва). Все горести и неприятности, если ты на родной земле, не страшны: *туған илнең эреме тә паллы пулаты* (и полынь родины сладка, как мед). Если же приходится жить на чужбине, это величайшая потеря: *ильсес ир — телсес қол* (без родины мужчина — что раб без языка); *иләннән аерылған — қанаты қаерылған* (кто родину оставил, тот со сломанным крылом); *иләннән аерылған қомер пуе елар* (кто родину оставил — век плакать будет). Как человек скучает по родине, так и родина грустит без него: *туғаның тартмаса, туфрағың тартыр* (родня не позовет, родная земля позовет к себе).

Вера (*иман*) сибирским татарам помогает жить правильно, вести себя достойно: *исемеңне ақла — иманыңны сақла* (имя свое не позорь, веру сохраняй). Проводник веры среди людей — мулла; очень важно, чтобы он пользовался их доверием и хорошо выполнял свою работу: *йаман арба йул посар, йаман мулла тин посар* (плохая арба дорогу портит, плохой мулла веру портит).

Большинство паремий языка сибирских татар антропоцентричны, они определяют, как человек должен выглядеть внешне и внутренне, предписывают правила поведения в семье и обществе. Ценится внутреннее содержание человека: *ағацны йапрақ писәйте, әтәмне — цопрәк* (дерево красят листья, человека — одежда); *май цүлмәге тышыннан пилғеле* (горшок с маслом видно с внешней стороны); *тыштан ал та көл, эцентәген үсең пел* (внешне красен да цветаст, а что внутри — сам узнаешь). Что касается характера, отношения к жизни и окружающим, паремии сибирско-татарского языка четко оговаривают то, что приемлемо сообществом.

Наиболее важно для каждого человека в понимании сибирских татар — **сдержанность** в речах и в делах (*савырлық*): *атқан уқ кире қайтмас* (выпущенная стрела обратно не вернется); *телләшмәсәң телләшмәсләр* (не будешь язык распускать, не будут грызть); *ғалим парта телеңне тый, оста парта қулыңны тый* (при ученом язык придержи, при мастере — руки). Иногда лучше промолчать, чем обидеть собеседника: *вак йанғыр тәнгә үтә, вақ сүс йәнгә үтә* (мелкий дождь проходит сквозь одежду, мелкое (колкое) слово входит в душу); *кеше сүсе кеше үлтерә* (слово убивает человека). В делах народная мудрость советует не спешить, действовать обдуманно и осторожно: *аптыраған үртәк қойрығы пелән соуға цома* (поспешившая утка утонет); *тоумаған тайға нуқта урма* (неродившемуся жеребенку не плети недоуздок); *алтыңа пер қара, сыртыңа пиш қара* (вперед смотри один раз, назад пять раз); *юғары йөрәмә асарлар, түмән йөрәмә пасарлар, уртаца ғына йөрәсәң, егет ағай тиярләр* (не ходи высоко — удавят, не ходи низко — задавят, выбирай серединку).

Одно из важных положительных качеств — **упорство** (*тырышлық*) в достижении цели. Чтобы достичь чего-то в жизни, нужно быть старательным и терпеливым: *тырышқан — тапқан ташқа қатақ қаққан* (старательный и в камень гвоздь вобьет); *нияткә ният еткерә* (стремление приближает к цели); *тамцы таш йара* (капля камень точит); *савыр иткән — моратына йеткән* (терпел — достиг цели); *заманы үтсә, таш киленең тә төвә төшә* (со временем и у

Национальная картина мира в пословицах сибирских татар

каменной ступы дно отваливается). Если умеешь добиваться того, что задумал, люди это заметят и оценят, ибо это уже показатель сильного характера: *қарама пееккә, қара йөрәккә* (не суди по силе рук, а суди по силе духа).

Хорошая сибирско-татарская семья славится своим **гостеприимством** (*қунақцыллық*). С радостью принимать гостей, обильно накрывать стол — одна из традиций сибирских татар: *қунақ килсә ит пешәр, ит пешмәсә пит пешәр* (гость придет — пусть мясо варится, не варится мясо — так будет краснеть лицо); *қунағына күрә хөрмәте* (по гостю — почет); *аш эйәсе пелән татлы* (вкусно угощение, когда угощаешься вместе с хозяином); *пайрам ашы* — *қара қаршы* (праздничное угощение взаимно). Поведение гостя также определяется. Несмотря на то, что тебя обязаны хорошо принять в качестве гостя, необходимо заранее предупредить о своем визите и уметь вовремя уйти: *цағырылмаған қунақ* — *йывынылмаған тайақ* (незванный гость — неструганная палка); *өц көн қунақ, өц көннән суң* — *эт* (три дня — гость, после — собака).

Очень ценится у татар **доброжелательное** (*игелеклеп*) отношение к людям, такое поведение считается достойным и говорит о хорошем воспитании и уме: *оллоларны оллолау яқшылықның пилғесе, кецеләрне кецеләу* — *кешелекнең пилғесе* (уважать старших — признак хорошего тона, снисхождение к младшим — признак человечности). Вежливость — одно из проявлений доброжелательности, она всегда может выручить в трудной ситуации: *пер рәхмәт мең пәләтән қотқарыр* (одно спасибо от тысячи бед спасет). Народная мудрость учит прощать чужие ошибки, нужно учиться делать добрые дела: *таш пелән атқанға аш пелән ат* (бросившему камень брось пищу); *кешегә үлем теләгенцә, үсеңә ғомер телә* (чем желать другому смерти, себе жизни пожелай).

Всегда в народе приветствуются **скромность** и такт (*тыйнақлық*). Например, не следует никому рассказывать о совершенных хороших поступках: *йақшылықны қыл, соуға сал* (сделал дело — положи в воду). Если даешь кому-то совет, не следует делать это на виду у всех, оскорбляя чувства и принижая достоинство собеседника: *насихат пирсәң аулақта пир* (наставление давай наедине). В разговоре с людьми веди себя достойно: *үсеңне нур итмә, кешене хур итмә* (себя не возвышай, других не принижай). Если приглашен на праздник, твоя скромность проявится в умеренном угощении: *туй ашы* — *туғымлық түгел, кунеллек* (угощение на свадьбе не для того, чтобы наесться, а для души).

Безусловным уважением пользуются у сибирских татар люди с безупречной репутацией, которые сумели так высоко себя зарекомендовать, что к ним никакая грязь не пристанет: *күсеңә цуп тө тимәс* (в глаз и щепка не попадет). Один из мудрых народных рецептов, как можно этого добиться, — слушать, впитывать добрые советы и учиться: *йақшы сүсне қолаққа эль, яман сүсне потаққа эль* (хорошее слово на ус мотай, плохое слово на ветку повесь).

Рассмотрим примеры пословиц и поговорок, в которых осуждаются некоторые черты характера человека, его поведения. Одна из самых неприемлемых черт в татарской культуре — **болтливость**, излишняя говорливость: *өр тукмағым, өр (күп сөйләу)* (болтай, болтушка, болтай); *күп сүсең йәме юқ* (многословие не украшает речь); *теле пелән тирмән тарта* (языком мельницу вертит). Чрезмерная разговорчивость, несдержанность в речах подчас приводит к хвастовству, что считается у татар пороком: *тыумаған тай пелән туйға парған* (на свадьбу пошел с неродившимся конем). Про болтливых лентяев, тех, кто много говорит, а мало делает, есть поговорка: *мақтанцықның күте ацық* (у хвастуна голый зад). Крайней степени осуждения подвергаются болтуны — сплетники: *қайвәтсе кешене сөймәс, үсен пелмәс* (сплетник людей не любит, себя не знает); *қайвәтсе қайвәт сатмас атын сатыр* (сплетник сплетню не продаст, а имя свое продает). Сплетник может нанести человеку смертельную обиду, а это не прощается: *кул йарасы китәр, тел ярасы китмәс* (рана, нанесенная рукой, пройдет; рана, нанесенная языком (словом), не проходит). Для сплетников у татар есть наставление: *қакма кеше ишеген* (не толкай чужую дверь).

Недостойным у сибирских татар считается поведение, когда сильный обижает слабого: *иелгән пашны қылыц кистмәс* (опущенную голову сабля не срубит); *көце еткәнә көкрәйү* (перед слабым силен). Осуждается безжалостность по отношению к слабому, оступившемуся в жизни: *қырық кеше пер йақта, қыныр кеше пер йақта* (сорок человек против одного человека, сбившегося с пути). Безответственное поведение взрослого также считают подлостью: *йаман ат тайға ияер, асқын ир малайға ияер* (плохой конь за жеребенком идет, подлый человек ведет себя как ребенок). Неблагодарность — еще одна сторона подлости: *эт симерсә* — *иясен тешләр* (когда собака жиреет, хозяина кусает).

В сибирско-татарской культуре осуждается **равнодушие** (*пошмау*), черствый человек может сравниться с камнем: *ташқа йаңғыр сеңмәйте* (дождь через камень не проходит); чувства могут быть в сердце, а могут едва затронуть ноги: *перәүнең йөрәге көйгәнтә перәүнең итәге тә көймәйте* (когда у кого-то сердце горит, у другого даже до подола не доходит; чувства могут вообще не возникнуть, не затронуть человека: *үгес үльсә — ит, арба сынса — утын* (бык умрет — мясо, телега сломается — дрова).

Сибирские татары не приемлют и проявление чрезмерного интереса к чужой жизни: *кеше аты тирцел, кеше кееме керцел* (чужой конь быстро потеет, чужая одежда быстро марается); *кеше тикшергәнцә үсеңне пел* (вместо того чтобы проверять других, себя знай), которое часто сопровождается насмешками над промахами и бедами людей. Народная мудрость советует помнить, что жизнь переменчива и подобное может случиться с каждым: *қысыл көцегең (қысын) пулса, кешетән көлмә* (если есть красный щенок (дочь), над другими не смейся); *тишек ертықтан көлгән* (дырявый над порванным смеялся).

Осуждается сибирскими татарами **жадность** (*қомсоқлық*): *цаманы пелмәгәннең цанасы тулмас* (у того, кто не знает меры, сани не наполнятся); *қомсоқ қоторса, қотоққа қармақ салыр* (алчный, если разоидется, и удочку в колодец забросит). Вызывает неприятие **лицемерие** (*ике йослык*): *кусе яшьле, кукрәге ташлы* (глаза — в слезах, а душе — камень); *ары китсә ат, пире килсә пия* (вдалеке — конь, ближе подходит — кобыла). Не приемлют татары **зависть** (*көнцәлләк*): *торнаға иәреп қасның поты ертылған* (за журавлем гусь погонится — ноги порвет); *тешләгәннең теше сынсын, күсләгәннең күсе цықсын* (у того, кто зуб точит, зуб сломается, у того, кто сглазит, глаза вылезут). Выразил народ отрицательное отношение к **праздности и пьянству** (*эцкелек*): *көнтә пайрам, көнтә туй* (каждый день праздник, каждый день свадьба); *исереккә сәләм пирмә, ул пирсә тә син алма* (с пьяным не здоровайся, а он поздоровается — не отвечай); к **эгоизму**: *пармағы үсенә кәкре* (у него палец согнут в свою сторону); к **склочности** и неуживчивости: *кесәлле — өйтә, сөте — тышта* (кисель — в доме, молоко — на улице), мотовству и **расточительности** (*йүккә тустырыу*): *ыштансыс күткә қашу қату* (без штанов ремень надевать). У сибирских татар есть убеждение, что дурная слава, неблагоприятные поступки и поведение надолго остаются в памяти окружающих: *йаманнан ярты қашық қалыр* (от плохого человека пол-ложки да останется); *цуртан үсе үлсәтә теше үлмәс* (щука хотя и умрет, а зубы целы), поэтому человек все время должен помнить о том, что жизнь надо прожить достойно.

Подводя итог, отметим, что в пословицах сибирских татар отражено их собственное, само-бытное отношение к жизни. В национальной картине мира большое внимание уделено семье, труду, бедности, знаниям, дружбе, судьбе, родине, вере. В человеческих отношениях сибирскими татарами прежде всего ценятся сдержанность, упорство, гостеприимство, доброжелательность, скромность. Такие проявления характера и поведения, как чрезмерная говорливость, подлость, равнодушие, любопытство, жадность, лицемерие, зависть, подвергаются осуждению и считаются неприемлемыми. Короткие, ритмичные по форме, грамматически и логически законченные фразы, пословицы содержат поучительный смысл и как нельзя лучше подходят для передачи знаний и народного опыта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- Джаным*: Антология фольклора сибирских татар в записях XIX–XX вв.: Песни, такмаки, сказки, байты, дастаны / Сост. Ф. Ахметова-Урманче, А. Преловский. М.: Новый ключ, 2007. 260 с.
- Пословицы и поговорки сибирских татар* / Сост. Г.Т. Бакиева. Тобольск: Полиграфист, 2016. 76 с.
- Русские пословицы и поговорки* / Под ред. В. Аникина; Предисл. В. Аникина; Сост. Ф. Селиванов, Б. Кардан, В. Аникин. М.: Художественная литература, 1988. 431 с.
- Русские пословицы и поговорки* / Сост. К.Г. Берсеньева. М.: Центрполиграф, 2007. 383 с.
- Сибирские татары: Из сокровищницы духовной культуры: Антология фольклора сибирских татар: Дастаны, мунаджаты, байты* / Авт.-сост. Ф.Ю. Юсупов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. 648 с.
- Словарь народно-разговорной лексики сибирских татар* / Сост. и ред. Г.Т. Бакиева. Тобольск: Полиграфист, 2016. 280 с.

Литература

- Бимбеева А.В.* Восприятие жизни в языковом сознании калмыков (на материале паремий калмыцкого языка) // Изв. ВГПУ. Сер. Филол. науки. 2016. № 1 (105). С. 166–169.
- Даль В.И.* Пословицы русского народа. СПб.: Авалон: Азбука-классика, 2008. 304 с.

Национальная картина мира в пословицах сибирских татар

Лиджиева А.С. К вопросу о частотности функционирования названий частей тела человека в составе соматических фразеологизмов русского и калмыцкого языков // Вестник Адыгейского ун-та. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2012. № 4 (107). С. 245–250.

Михеева Г.В. Региональная паремиология как средство сохранения и трансляции культурных ценностей русского Севера // Science Time. 2014. № 10 (10). С. 294–299.

Сурметова Л.Р. Песни, баиты и мунаджаты сибирских татар. Тюмень: Тюм. издат. дом, 2015. 260 с. + CD-диск с аудиозаписями.

Уразалеев Р.Ф. Национально-культурная семантика пословиц татар Среднего Приуралья // Встреча культур в пространстве Сибири: Науч. исследования, мемуаристика, художественная критика: Омск, 2014. С. 235–239.

Уразалеев Р.Ф. Семантика пословиц курдакско-саргатских и тарских татар // Современные проблемы науки и образования. Пенза: Акад. естествознания, 2015. № 2. С. 619.

Ягафарова Г.Н. Человек в пословичной картине мира башкирского народа // Историческая и социально-образовательная мысль, 2013. № 5. С. 294–299.

G.T. Bakieva, A.M. Timofeeva

Institute of the Problems of Northern Development, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: gulsifa-bakieva@yandex.ru
Tyumen Industrial University
Volodarskogo st., 38, Tyumen, Russian Federation
E-mail: am_timofeeva@mail.ru

THE NATIONAL PICTURE OF THE WORLD IN SIBERIAN TATAR PROVERBS

The paper makes an attempt to highlight the most important concepts for the Siberian Tatars and to characterize a set of ethical rules and regulations specific to their culture on the basis of the analysis of their proverbs because they define the foundation of the national picture of the world, the philosophy of life. More than four hundred proverbs of the Siberian Tatars collected and published by one of the authors of the article were the source of the study. Those proverbs and sayings were collected during long-term expedition trips, in places of compact residence of the Siberian Tatars, mainly in villages in the South of Tyumen region. The proverbs were recorded as they sounded in the living speech of the Tatar speakers, thus they preserved phonetic, lexical and grammatical peculiarities of the people's spoken language. It was found out that special attention in the Siberian Tatar proverbs is paid to family, work, knowledge, friendship, fate, homeland, faith. There are a lot of proverbs which regulate relationship between a husband and a wife, parents and children, and determine rules of behavior among them. A Siberian Tatar woman was a keeper of the family foundations, she was responsible for peace and joy in the family, a husband was the undisputed family head, and the children were its main wealth. Proverbs on the topic «work — laziness» have a special place in the paremial fund of the Siberian Tatars. For them, an ability to work hard is an important, inalienable human quality; it is work that brings income. The people's wisdom teaches us not to be afraid of any work, we can judge a person looking at the results of the work he or she did. The topic «knowledge — ignorance» is of high importance in the proverbs of the Siberian Tatars. All the examples address the importance and benefits of knowledge for humans. The topic «poverty — wealth» is also central to the paremial fund. Many Tatar families had a hard life in the harsh climate of Siberia, it was difficult to earn means of living. As a result, we can find far more proverbs and sayings about poverty. As for human relations, the Siberian Tatars valued restraint, perseverance, hospitality, kindness, modesty. Excessive talkativeness, meanness, indifference, curiosity, greed, hypocrisy, envy were subject to condemnation and rejection.

Key words: Siberian Tatars, national picture of the world, folklore, proverbs, culture, philosophy, ethics, people's experience.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-118-126

REFERENCES

Akhmetova-Urmanche F., Prelovskii A., 2007. *Dzhanym: Antologija fol'klora sibirskikh tatar v zapisiakh XIX–XX vekov: Pesni, takmaki, skazki, baity, dastany* [Anthology of folklore of the Siberian Tatars in the records of the XIX–XX centuries: Songs, takmaks, fairy tales, baits, epics], Moscow: Novyi kliuch, 260 p.

Anikin V., 1988. *Russkie poslovitsy i pogovorki* [Russian proverbs and sayings], Moscow: Khudozhestvennaja literatura, 431 p.

Bakieva G.T., 2016. *Poslovitsy i pogovorki sibirskikh tatar* [Proverbs and sayings of the Siberian Tatars], Tobol'sk: Poligrafist, 76 p.

- Bakieva G.T., 2016. *Slovar' narodno-razgovornoj leksiki sibirskikh tatar* [Dictionary of spoken language of the Siberian Tatars], Tobol'sk: Poligrafist, 280 p.
- Bersen'eva K.G., 2007. *Russkie posloviitsy i pogovorki* [Russian proverbs and sayings], Moscow: Tsentrpoligraf, 383 p.
- Bimbeeva A.V., 2016. *Vospriatie zhizni v iazykovom soznanii kalmykov (na materiale paremii kalmytskogo iazyka)* [Perception of life in linguistic consciousness of the Kalmyks (on the material of the Kalmyk language proverbs)]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, Filologicheskie nauki, no. 1 (105), pp. 166–169.
- Dal' V.I., 2008. *Posloviitsy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people], St. Petersburg: Avalon: Azbuka-klassika, 304 p.
- Iagafarova G.N., 2013. Chelovek v posloviichnoi kartine mira bashkirskogo naroda [The man in the proverb world picture of the Bashkir people]. *Istoricheskaia i sotsial'no-obrazovatel'naia mysl'*, no. 5, pp. 294–299.
- Iusupov F.Iu., 2014. *Sibirskie tatary: Iz sokrovishchnitsy dukhovnoi kul'tury: Antologija fol'klora sibirskikh tatar: Dastany, munadzhaty, baiity* [Siberian Tatars: From the treasury of spiritual culture: Anthology of folklore of the Siberian Tatars: Dastans, munajats, baits], Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta, 648 p.
- Lidzhieva A.S., 2012. K voprosu o chastotnosti funktsionirovaniia nazvanii chastei tela cheloveka v sostave somaticheskikh frazeologizmov russkogo i kalmytskogo iazykov [On the problem of frequency of use of the human body parts in somatic phraseological units of the Russian and the Kalmyk languages]. *Vestnik Adygeiskogo universiteta*, Filologija i iskusstvovedenie, no. 4 (107), pp. 245–250.
- Mikheeva G.V., 2014. Regional'naia paremiologija kak sredstvo sokhraneniia i transliatsii kul'turnykh tsennostei russkogo Severa [Regional paremiology as a means of preservation and transmission of cultural values of the Russian North]. *Science Time*, no. 10 (10), pp. 294–299.
- Surmetova L.R., 2015. *Pesni, baiity i munadzhaty sibirskikh tatar* [Songs, baits, and munajats of the Siberian Tatars], Tiumen': Tiumenskii izdatel'skii dom, 260 p.
- Urazaleev R.F., 2014. Natsional'no-kul'turnaia semantika posloviits tatar Srednego Prirtysh'ia [National and cultural semantics of proverbs of the Middle Irtysh Tatars]. *Vstrecha kul'tur v prostranstve Sibiri: Nauchnye issledovaniia, memuaristika, khudozhestvennaia kritika*, Omsk, pp. 235–239.
- Urazaleev R.F., 2015. Semantika posloviits kurdaksko-sargatskikh i tarskikh tatar [Semantics of proverbs of Kurdak-Sargat and Tara Tatars]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, no. 2, Penza: Akademiia estestvoznaniia, p. 619.

Д.Е. Хорин

Институт проблем освоения Севера СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026, РФ
E-mail: khorindenis@yandex.ru

МУЗЕЕФИКАЦИЯ КАК СПОСОБ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В СРЕДЕ ЧУВАШЕЙ ТЮМЕНСКОГО ПРИТОБОЛЬЯ

Представлено культурно-антропологическое описание процесса музеефикации в среде этнолокальной группы чувашей Тюменского Притоболья. Цель работы — показать, как музеефикация становится технологией моделирования современного этнокультурного пространства в изучаемой группе. В конце XX в. в среде чувашей региона возникает острый запрос на этническое самоопределение и сохранение культурной традиции. В связи с этим актуализируются процессы этнической консолидации. Центрами такой консолидации постепенно становятся музеи и музейные комнаты в различных селениях юга области, содержащие артефакты культуры жизнедеятельности чувашей. Со временем музеефикационная деятельность таких центров выходит на новый уровень. Посредством сохранения традиции, новаций в культурной трансмиссии они начинают оказывать существенное влияние на формирование этнокультурного пространства чувашей Тюменского Притоболья. Подобным же образом на этнокультурное пространство начинает влиять и частная музеефикация — явление для исследуемой группы новое, ранее не освещавшееся.

Ключевые слова: чуваше, Тюменское Притоболье, музеефикация, этнокультурная традиция, этнические процессы.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-127-133

Территория Западной Сибири во все времена являлась зоной активных этнических контактов. С конца XIX в. начинается практическое освоение этих земель и переселенцами с территории Чувашии. В ходе нескольких волн переселения формируется массив этнодисперсной группы западно-сибирских чувашей, и чувашей тюменской локации в частности, несущих культурную традицию основного этноса. Со временем этническая культура чувашей Тюменского Притоболья претерпела изменения, обусловленные рядом объективных факторов, таких как урбанизация, тесная межкультурная коммуникация, невысокий уровень этнического самосознания представителей группы.

Как реакция на этническую аккумуляцию в 90-е гг. XX в. актуализируются процессы, направленные на консолидацию чувашского населения Тюменского Притоболья. В изменившейся действительности группе приходится заново конструировать свое этнокультурное пространство путем выработки адаптированных моделей социального поведения, их оформления, построения новых форм коммуникации, включения новых культурных образцов в существующий культурный контекст. Цель данной работы — показать, как музеефикация выступает в качестве инновационной адаптации элементов традиционной культуры чувашей Тюменского Притоболья, являясь, по сути, технологией моделирования (конструирования) этничности. Хронологические рамки исследования определяются 90-ми гг. XX в. — временем, когда явление было зафиксировано в изучаемой группе, и нашими днями. Территориальные рамки работы охватывают локацию Тюменского Притоболья как одного из вернакулярных районов Западной Сибири и очерчиваются междуречьем бассейна рек Тавды и Туры и нижним течением р. Тобола.

Этнокультурная характеристика чувашей Тюменского Притоболья выглядит довольно своеобразно. Большинство социальных практик и традиционных технологий, формирующих объективированный уровень системы жизнеобеспечения, сегодня утрачены. Многие элементы этнической культуры функционируют фрагментарно, другие вытеснены из практической сферы, как, например, календарные обряды. Отдельные сюжеты из этого блока воспроизводятся в качестве этнически окрашенных элементов официальных фольклорных мероприятий. В этой связи культура активизирует механизмы самосохранения.

Одним из таких механизмов является музеефикация элементов традиционной культуры. Согласно «Российской музейной энциклопедии» [2016] музеефикация — это направление музейной деятельности, заключающееся в преобразовании историко-культурных или природных объектов в объекты музейного показа с целью максимального сохранения и выявления их историко-культурной, научной, художественной ценности. Как правило, данный термин употребляется по отношению к недвижимым объектам, средовым объектам и объектам нематериальной культуры.

В этом ракурсе весьма интересны процессы, происходящие в русле сохранения материальной культуры чувашей Тюменского Притоболья. В 1990-х гг. в различных поселениях исследуемой территории возникают сельские краеведческие музеи и музейные комнаты, содержащие экспонаты культуры и быта чувашей. Инициаторами создания подобных объектов выступает местное население. В частности, первый музей при средней школе создан в с. Канаш Нижнетавдинского района. Экспонаты собирают подворно. В настоящее время в «Музее чувашской культуры и быта» представлены традиционные орудия труда земледельческого цикла, строительные приспособления, обрядовые предметы, экспонаты комплекса традиционной одежды, утварь. Кроме этого удалось собрать и отреставрировать сложносоставные устройства: традиционный ткацкий стан, самопрялку, сучильный стан. Вся эта работа была проделана краеведами при активной поддержке местного населения. Экспонаты не датированы, не описаны, переданы в дар местными жителями на безвозмездной основе [ПМА, 2014].

Рис. 1. «Музей чувашской культуры и быта», с. Канаш Нижнетавдинского р-на Тюменской обл., 2010 г. Фото Д.Е. Хорина.

На наш взгляд, факт создания подобного этномузея весьма примечателен. Рассмотрим некоторые аспекты его бытования более подробно. Этническая картина данной локации довольно пестра. Музей располагается в селе с преобладающей долей этнических чувашей, однако в соседнем селе Белая Дуброва (не имеет четкой административной границы с с. Канаш) население смешанное: есть русские, белорусы, украинцы, чуваше. Рядом находятся деревни с преобладающим русским населением и несколько сел, где проживают в основном сибирские татары [Матвеев, 2008, с. 39; Наш край родной, 2003, с. 71, 74, 78, 117]. Музей же имеет не административную, а именно культурную привязку. Можно предположить, что он функционирует в рамках концепции «новой музеологии» — направления, рассматривающего музеефикацию как форму, нацеленную на решение актуальных проблем местного сообщества [Курьянова, 2012, с. 38]. На момент создания музея чувашское население рассматриваемой локации испытывало стремление к самоидентификации, чего не было в соседних русских и татарских селениях, так как эти, коренные этнические группы весьма явно представлены в этнокультурном пространстве региона. Возможно, поэтому экспонаты музея принадлежат не только чувашам тюменской локации, но и чувашам Поволжья, Урала. Основной критерий — включенность предмета в поле традиционной культуры. Таким образом, данном случае музеефикация выступает как элемент парадигмы «традиция». Культура, вырабатывая защитный механизм, «музеефицирует себя», переводя предметы, вышедшие из употребления в повседневности, в музейный статус, консервируя их.

Музеефикация как способ конструирования современного этнокультурного пространства...

Известно, что традиция как механизм сохранения культуры действует путем трансмиссии культурного опыта и его воспроизводства. В этой связи интересно, что музеефикация в данном случае не ставит целью создание общепринятых музейных фондов, а предполагает свободный отбор элементов прошлого. Предметы, выставленные в музее, достались жителям по наследству, их бытование не просматривается в современной практике, их применение не предполагает непосредственной преемственности. Однако трансмиссия культурного опыта в рамках музеефикации осуществляется посредством новых методов трансляции знания, основанных на музейных принципах. В этом аспекте музеефикация выступает как «новация», можно сказать — противопоставляется традиции.

Интересен, на наш взгляд, и тот факт, что изначально «Музей чувашской культуры и быта» располагался в здании общеобразовательной школы в с. Канаш. У истоков его стояли учителя из Чувашской Республики, приглашенные преподавать чувашский язык в 90-х гг. XX в., что тоже примечательно. Однако коллекция музейной комнаты оказалась неожиданно большой. В какой-то момент администрация поселения принимает решение перевести эти фонды в административное здание [ПМА, 2012]. Таким образом, музейная комната из сферы внутреннего, сугубо поселкового потребления выводится во «внешнюю» среду. Куда приедут представители СМИ, вышестоящих властных органов, деловые люди? Конечно, в администрацию села. В их восприятии музейная комната предстает как некий паттерн этнической самобытности, к тому же в роли хранителей традиции выступают сотрудники музея (местные жители). Вопрос об аутентичности в данном случае выносится за скобки, поскольку первоочередная задача конструирования этнического пространства, помимо аккумуляции элементов традиции, — возможность представить их на общее обозрение. Другими словами, музеефикация актуализирует аспекты репрезентации этнодисперсной группы в полиэтническом регионе.

В том же аспекте (репрезентации) выступает и сама экспозиция. Она весьма мобильна. Какая-то ее часть состоит из выездных экспонатов, которые выставляются на региональных праздниках различного уровня: от сельских национальных (*Акатуй*, *Сурхури*) до многонациональных областных («Мост дружбы», «Праздник плуга», фестиваль «Радуга» и др.).

Рис. 2. Часть экспонатов выездной экспозиции «Музея чувашской культуры и быта», с. Канаш Нижнетавдинского р-на Тюменской обл., 2010 г. Фото Д.Е. Хорина.

Совершенно другим примером музеефикации является музей в многонациональном селе Солобоево Исетского района Тюменской области. Оформленный под руководством учителя истории местной школы (по национальности украинки) и при активном участии школьников, он был создан в 1979 г. именно как краеведческий. Основная работа музеевдов была сосредоточена на исследовании влияния событий Второй мировой войны на историю села и некоторых краеведческих аспектах. Экспозиции представлены в нескольких разделах: «Крестьянский быт», «Археология», «Народные промыслы», «Старообрядчество», «Народные умельцы» [Бичуринские чтения..., 2015, с. 26]. Однако в 2014 г. появляется раздел «Культура национально-

стей», причем превалируют там материальные артефакты чувашской традиционной культуры. Экспозиция включает традиционные орудия труда, образцы одежды, вышивку. Село многонациональное, доля чувашей очень небольшая — около 4 %, поэтому весьма интересен мотив появления данной этнической компоненты в этом краеведческом музее и влияние ее на этнокультурное пространство чувашей региона.

На наш взгляд, развитие этого направления серьезно увеличивает присутствие солобеевского музея в культурном поле области. Село Солобеево находится на достаточном удалении от областного центра и до недавнего времени практически не было вовлечено в орбиту культурной жизни региона. Однако появление этнокультурной компоненты существенно расширило потенции музея. Как уже упоминалось выше, в области весьма активно развивается межкультурная коммуникация на официальном уровне. При участии департаментов культуры города и области, комитета по делам национальностей проводятся всевозможные фестивали с этническим акцентом, создаются различные национальные общественные организации, проходят конференции и чтения. В этом контексте наличие сектора «Культура национальностей» в музее предполагает вовлеченность его в этот широкий пласт коммуникации. Экспонаты сектора участвуют в различных национальных и межнациональных праздниках, работы учеников солобеевской школы (не всегда чувашей) представляются на районных и областных конференциях [Бичуринские чтения..., 2015, с.157, 172, 179]. Более того, в 2015 г. выездной день ежегодной региональной научно-практической конференции «Бичуринские чтения», посвященной истории и культуре чувашей региона, проходил в с. Солобеево на базе рассматриваемого музея. Это, на наш взгляд, показывает влияние его музеефикационной деятельности на этнокультурное пространство чувашей региона. Процесс смещения этнокультурного вектора из областного центра на периферию, учитывая развивающийся в области внутренний культурный туризм, может иметь продолжение. В настоящее время областной ассоциацией чувашей прорабатываются различные региональные туристические маршруты, максимально репрезентующие традиционную культуру. Вероятность присутствия в подобном маршруте солобеевского музея, на наш взгляд, весьма велика.

Схожая ситуация наблюдается в краеведческом музее многонационального села Першино Заводоуковского района Тюменской области. Также при сельском краеведческом музее создана экспозиция «Чувашский уголок», в которой представлены национальные костюмы, вышивка, предметы быта и традиционные орудия труда [ПМА, 2014]. После образования экспозиции с этническим оттенком коммуникационное поле краеведов села существенно расширилось. Как и в вышеописанном примере, они стали постоянными участниками официальных межнациональных мероприятий, в свою очередь, часть мероприятий областной ассоциации чувашей проводилась в селе [ПМА, 2014; Бичуринские чтения..., 2015, с. 167]. Таким образом, музеефикация в данном случае выступает неким драйвером, точкой роста, катализатором качественного расширения этнокультурного пространства чувашей региона.

Еще более интересной в контексте музеефикации представляется наметившаяся тенденция сохранения материальной культуры этноса на частном уровне. Как было указано выше, чувашаи Тюменского Притоболья на данный момент обладают низким уровнем этнокультурной компетентности среднего и молодого поколения. Считаем, что это связано в том числе с практически полным отсутствием этнического самосознания у старшего поколения чувашей — переселенцев. К примеру, в личных дневниках старожилов исследуемой локации нет ни одного упоминания этнонима «чуваш», не дается каких-то других этномаркирующих определений. Дневники, написанные на русском языке, не предназначались для публичного чтения [Арсентьев, 1990]. Аналогичная ситуация наблюдается и при анализе жизнеописания полного кавалера орденов Славы Парминова А.А. (чуваш, 1922 г.р.; семья переселилась из Поволжья в Сибирь в 1916 г.) «Сказание о человеческом сыне Александре» [Парминов, 1990]. На 19 страницах машинописного текста, предназначенного для публичного чтения, ни разу не встречается этнически окрашенных терминов. Видимо, в это время прерывается передача традиции последующим поколениям у чувашей Тюменского Притоболья. Ситуация усугублялась чувством социального дискомфорта на этнической почве: *«Над нами подсмеивались, вообще над чувашами, говорили, чувашаи-грязнули... Вот такое мнение было о чувашах не очень лестное, и вот, в общем-то, как-то подразнивали и смотрели как-то искоса»* [Бичуринские чтения..., 2015, с. 120]. В этой связи многие чувашаи (особенно в смешанных селениях и городах) скрывали свою этническую принадлежность, выдавая себя за русских. Смирнова Н.И., чувашка, 1951 г.р., вспоминает:

Музеефикация как способ конструирования современного этнокультурного пространства...

«Свекровь к нам домой как-то приехала. Мы с родителями на чувашском разговаривали. Она говорит: “Я не могу вас понять, вы на каком языке говорите?” Столько лет мы с Колей (муж Смирновой) прожили вместе, а она не знала, что мы чувашки» [ПМА, 2013].

Все это не могло не сказаться на артефактах материальной культуры исследуемой группы. В частности, информанты отмечают, что подобные предметы, не задействованные в практическом цикле жизнеобеспечения, выбрасывались, либо бесхозно лежали на территории подворий, либо за бесценок отдавались коллекционерам антиквариата, в музейные комнаты [ПМА, 2012]. То есть на частном уровне происходило скрытое отторжение этничности, избавление от всего, что напоминало об этническом происхождении.

Однако в ходе полевых исследований было отмечено изменение отношения к традиционным предметам быта в среде чувашей Тюменского Притоболья в последнее время. Традиционная утварь, орудия труда, средства передвижения реставрируются и хранятся в отдельных помещениях (сарай, чердаки). Причем сбором подобных предметов не преследуется цель получить впоследствии коммерческую выгоду — он направлен на сохранение памяти о родственниках, о культуре этнической группы [ПМА, 2014]. В этой связи удалось зафиксировать частную коллекцию Арсентьева В.И. (чуваш, 1960 г.р.) в с. Канаш. Коллекция находится в отдельном помещении — бывшем амбаре. Предметы, собранные при перепланировке подворья, отреставрированы, аккуратно развешены на стенах либо располагаются на полу строения. Помимо универсальных для всех земледельческих хозяйств, представлены традиционно чувашские орудия труда, а также утварь, строительные приспособления, элементы национального костюма [ПМА, 2014].

Рис. 3. Частная коллекция традиционных предметов быта, с. Канаш Нижнетавдинского р-на Тюменской обл., 2014 г. Фото Д.Е. Хорина.

На наш взгляд, данный пример весьма примечателен. Интересно, что хозяин подворья освободил под частный музей отдельное капитальное строение — бревенчатый сруб на фундаменте, хотя мог бы использовать его под более «осязаемые» потребности. Это показывает серьезность намерений в отношении сохранения предметов традиционного быта. Коллекция не предназначена для публичного показа, в основном для пользования внутри семьи (надо отметить, весьма многочисленной). Глава семьи часто показывает родственникам, как пользовались тем или иным предметом коллекции в пору его бытования. Он очень сожалеет, что его родители не хранили подобные артефакты, многое было отдано, утеряно. Видно, что молодое поколение чувашей Тюменского Притоболья старается сохранить, упорядочить, систематизировать те предметы жизнеобеспечения, которые представители более старшего поколения спонтанно или намеренно выводили из поля бытования культуры. Видимо, это может говорить о возросшей степени этнической самоидентификации чувашей региона. Таким образом, музеефикация на частном уровне включает образцы частных коллекций в этнокультурное пространство исследуемой группы, являясь средством сохранения и трансляции традиции.

Говоря о процессах конструирования современного этнокультурного пространстве чувашами Тюменского Притоболья, мы акцентируем внимание на аккумуляции элементов материальной культуры. На наш взгляд, именно данная компонента обладает потенциалом, необходимым для успешной репрезентации этничности вышеуказанной группы и трансмиссии в контексте сохранения этнокультурной традиции. В этом ракурсе музеефикация выступает, вероятно, как технология моделирования этничности, как некая новация, позволяющая элементам традиционной культуры транслироваться новыми методами передачи информации, основанными на музейных принципах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Арсентьев В.И., чуваш, 1960 г.р., м.р. — с. Канаш Нижнетавдинского р-на Тюменской обл., м.ж. — г. Тюмень // ПМА. 2014.

Грищенко Л.И., чувашка, 1957 г.р., с. Канаш Нижнетавдинского р-на Тюменской обл. // ПМА. 2014.

Дмитриев О.Д., чуваш, 1953 г.р., с. Верхняя Яндоба, Канашский р-н, Чувашия, м.ж. — с. Канаш Нижнетавдинского р-на // ПМА. 2012.

Дневник / Сост. И.К. Арсентьев. Рукоп. Село Канаш Нижнетавдинского р-на Тюменской обл., 1990 // Архив семьи Арсентьевых.

Наш край родной / Редкол.: М. Князев. Тюмень, 2003. 268 с.

Парминов А.А. Сказание о человеческом сыне Александре, названном так в честь князя древнерусской земли Александра Невского. Машиноп. рукоп. Билимбай, 1990. 19 с.

Литература

Бичуринские чтения: История, культура и религия чувашей: Материалы IX Регион. науч.-практ. конф. / Ред. кол. Л.В. Демина, В.Н. Логинов, И.Н. Маслова и др. Тюмень, 2015. 184 с.

Курьянова Т.С. Этнический аспект нематериального наследия: Способы сохранения // Вестник ТГУ. Культурология и искусствоведение. 2012. № 1 (5). С. 37–42.

Матвеев Г.Б. К изучению истории, культуры и хозяйства чувашей Тюменской области (по программе паспортизированного обследования поселений) // Бичуринские чтения: Доклады и материалы I Регион. науч.-практ. конф. Тюмень, 2008. С. 39–48.

Российская музейная энциклопедия [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp?93>.

D.E. Khorin

Institute of Problems of Development of the North,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: khorindenis@yandex.ru

MUSEUMIFICATION AS A METHOD OF CONSTRUCTION OF MODERN ETHNO-CULTURAL SPACE AMONG THE CHUVASHES IN THE TOBOL RIVER BASIN IN TYUMEN REGION

The article is dedicated to a cultural and anthropological description of the process of museumification among a Chuvash ethnocultural group in the Tobol river basin in Tyumen region. The paper aims to show how museumification becomes a technology of construction of modern ethno-cultural space in the group under consideration. At the end of the XX century, an urgent demand for ethnic self-determination and preservation of cultural traditions appeared among the Chuvash people in the region. In this regard, processes of ethnic consolidation activated. Museums and museum rooms in various villages of the Southern part of the region gradually start to become centers of such consolidation. They contain artifacts of the culture of daily living activities of the Chuvashes. In course of time, museumification activities of such centers rise to a new level. They begin to have a significant influence on the formation of the ethnic and cultural space of the Chuvash people in the Tobol river basin in Tyumen region through the preservation of traditions, and innovations in cultural transmission. Similarly, private museumification begins to affect the ethno-cultural space. This is a new phenomenon for the group under consideration, and it has been not previously studied.

Key words: the Chuvash people, the Tobol river basin in Tyumen region, museumification, ethno-cultural tradition, ethnic processes.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-127-133

REFERENCES

Demina L.V., 2015, (ed.). *Bichurniskie chteniia: Istorii, kul'tura i religiiia chivashei: Materialy IX Regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Bichurin reading: History, culture and religion of the Chuvash: Proceedings of the IX Regional scientific-practical conference], Tyumen, 184 p.

Kur'ianova T.S., 2012. Etnicheskii aspekt nematerial'nogo naslediiia: Sposoby sokhraneniia [Ethnic aspect of intangible heritage: Ways of conservation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Kul'turologiia i iskusstvovedenie*, no. 1 (5), pp. 37–42.

Matveev G.B., 2008. K izucheniiu istorii, kul'tury i khoziaistva chivashei Tiimenskoi oblasti (po programme pasportizirovannogo obsledovaniia poselenii) [On the study of history, culture and economy of the Chuvash people in Tyumen region (according to a program for questionnaire research on settlements)]. *Bichurniskie chteniia: Doklady i materialy I regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Tyumen', pp. 39–48.

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

Л.В. Сатаева, Р.М. Сатаев

Башкирский государственный аграрный университет
ул. 50-летия Октября, 34, Уфа, 450001, РФ

E-mail: lvsataeva@mail.ru

Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Ленинский проспект, 32а, Москва, 119991, РФ

E-mail: rob-sataev@mail.ru

РОЛЬ ДРЕВЕСНЫХ РАСТЕНИЙ В ЖИЗНИ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ГОНУР-ДЕПЕ (БРОНЗОВЫЙ ВЕК, ТУРКМЕНИСТАН)

*Статья посвящена выяснению роли древесных растений в жизни древнего населения Гонур-депе (Туркменистан) — протогородского центра Древней Маргианы, располагавшейся в Юго-Восточных Каракумах (Туркменистан) и относящейся к Бактрийско-Маргианскому археологическому комплексу (БМАК). Поселение содержит остатки монументальной архитектуры (кремль с центральным дворцово-храмовым комплексом, окруженный мощными оборонительными стенами с башнями) и прилегающий неукрепленный «пригород». По радиоуглеродным датировкам, поселение функционировало в промежутке 2500–1500 лет до н.э. Результаты наших исследований показывают, что население Гонур-депе широко использовало древесину и изделия из дерева. На топливо использовались в основном саксаул (*Haloxylon* sp.), кустарниковые формы солянок (*Salsola* sp.), ива (*Salix* sp.) и тамариск (*Tamarix* sp.). Угли, собранные на территории дворцово-храмового комплекса, принадлежат тамариску, саксаулу, джугзуну (*Calligonum* sp.), тополю (*Populus* sp.), клену (*Acer* sp.), спиреантусу Шренка (*Spiraeanthus schrenkianus*). Для строительных целей использовались тополь (*Populus* sp.) и ива (*Salix* sp.). Изделия разного назначения (колеса повозок, орудия труда, украшения) изготавливались из вяза (*Ulmus* sp.), клена (*Acer turcomanicum*), ивы (*Salix* sp.), скумпии кожаной (*Cotinus coggygria*), экзохорды (*Exochorda* sp.), прутняка (*Vitex* sp.). Часть древесины и/или изделий из дерева поступала со стороны, что еще раз подтверждает наличие налаженных торговых контактов жителей Гонура с соседними, в разной степени удаленными регионами.*

Ключевые слова: археоботанические исследования, использование древесных растений, Древняя Маргиана, Гонур-депе.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-134-142

Остатки древесных растений (древесины, плодов, древесного угля), а также конструкций и изделий из дерева, обнаруживаемые в процессе археологических раскопок, являются ценными источниками исторической и палеоэкологической информации. Они несут сведения о характере древесной растительности территории (дикорастущие виды), наличии садоводства (плодовые деревья и кустарники), а форма (угли, конструкции, изделия и т.д.) и археологический контекст их нахождения позволяют судить об особенностях использования этих растений древним населением (топливо, строительный материал, сырье для изделий). Присутствие на памятнике древесины и изделий из нее, принадлежащих видам, не произрастающим в данной местности, может свидетельствовать о ландшафтных перестройках природного и антропогенного генезиса (смещениях границ природных зон, сведения лесов), торговых и культурных контактах с населением других регионов, практике организации экспедиций (разной дальности) за растительным сырьем. Кроме того, остатки некоторых видов деревьев и кустарников могут являться материальными свидетельствами духовной практики древнего населения: они могли использоваться как атрибуты ритуальных действий (для разжигания огня, в виде подношений, в качестве убранства помещений и сервировки стола), для изготовления амулетов и оберегов, приготовления ритуальных напитков, быть объектами почитания.

Целью настоящей работы являлось выяснение роли древесных растений в жизни древнего населения Гонур-депе — протогородского центра Древней Маргианы. Памятник располагается в песках Юго-Восточных Каракумов (Туркменистан) и относится к Бактрийско-Маргианскому археологическому комплексу (БМАК) [Сарианиди, 1977, с. 106] (рис. 1). Раскопанная площадь

Роль древесных растений в жизни древнего населения Гонур-Депе...

поселения составляет более 50 га и содержит остатки монументальной архитектуры (кремль с центральным дворцово-храмовым комплексом, окруженный мощными оборонительными стенами с башнями) и прилегающий неукрепленный «пригород» [Сарианиди, 1983]. Город функционировал в промежутке 2500–1500 лет до н.э. при наиболее интенсивном его использовании около 2000 г. до н.э. [Зайцева и др., 2008].

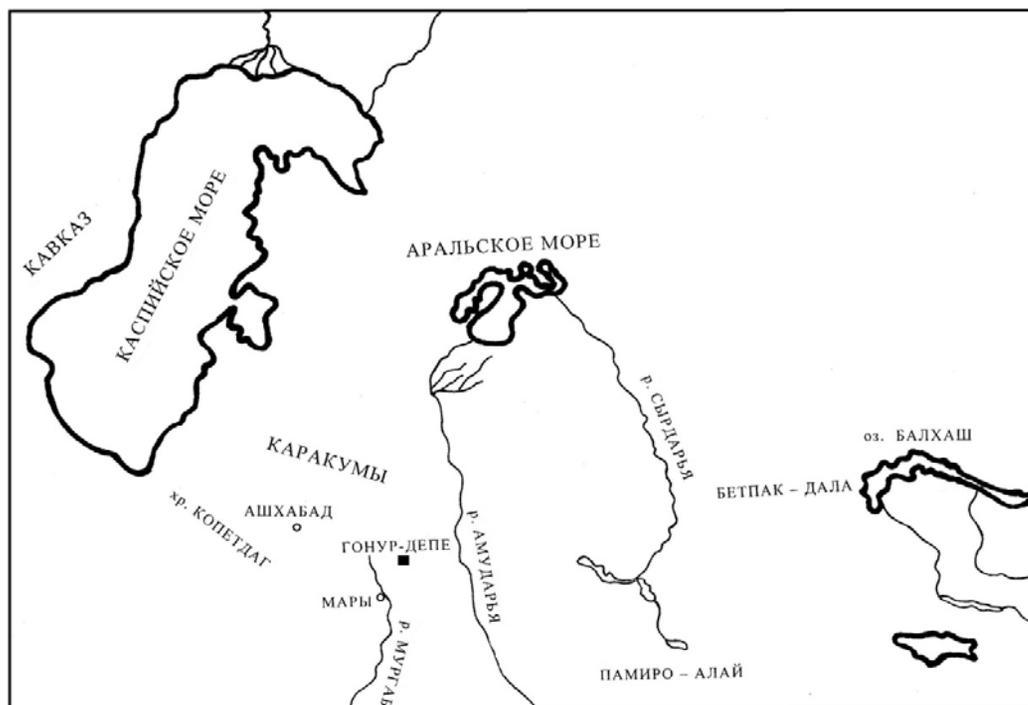

Рис. 1. Схема расположения Гонур-депе и географических объектов, упоминаемых в статье.

Первые определения растительных остатков из раскопок Гонур-депе были сделаны Н.Ф. Миллер [Миллер, 1994; Moore et al., 1994]. Анализ образцов древесины из четырех «царских гробниц» (Гонур-депе, раскоп 8) был выполнен М. Тенгберг [2008, с. 163]. Определения растительных остатков из раскопок Гонур-депе проводились также С.А. Афониним, который, в частности, идентифицировал обуглившиеся плоды яблони (*Malus* sp.) [2008, с. 161]. Все последующие исследования растительных остатков из раскопок Гонур-депе производились авторами настоящей статьи [Сатаев, Сатаева, 2008, 2010, 2011; Сатаева, Сатаев, 2009, 2012; Сатаева, 2012, 2013; Sataev, Sataeva, 2014; и др.].

Идентификация древесных углей выполнялась на сколах разной ориентации (поперечной, радиальной и тангенциальной) в отраженном свете при разных увеличениях ($\times 8$ – $\times 56$). Для изучения клеточной структуры необугленных фрагментов древесины использовались срезы, полученные с помощью лезвия, или поперечные и продольные разломы. Определения проводились при помощи бинокулярных микроскопов «МБС-1» и «Биолам» (увеличение $\times 8$ – $\times 320$), использовались определители древесины [Бенькова, Швейнгрубер, 2004; Вихров, 1959, Гаммерман и др., 1946]. Ископаемые образцы сравнивались с эталонными образцами древесины из коллекции авторов, включающей основные рода деревьев и кустарников, произрастающих в настоящее время на территории Каракумов, Копетдага и Кавказа, что снижало риск ошибок определения.

Материалы и результаты исследований

В материалах археологических раскопок Гонур-депе присутствуют две формы сохранения древесных остатков — древесные угли и истлевшая древесина (нередко законсервированная солями меди). К другим категориям археоботанических материалов относятся обугленные плоды и отпечатки веток на глиняных и гипсовых обмозках. Древесные угли происходят как от топлива, использованного в бытовых, гончарных и металлургических печах, так и от сгоревших деревянных конструкций (в частности, во дворце Гонура выявлены следы двух сильных пожа-

ров). Истлевшая древесина представлена в виде различных деревянных изделий и их фрагментов (детали повозок, рукояти орудий, украшения).

Наиболее массовым археоботаническим материалом на памятнике являются древесные угли. Для Южного Туркменистана древесные угли выступают важным историческим и палеоэкологическим источником, а в отношении реконструкции растительности — часто единственным. Как отмечает Г.Н. Лисицына [1978. с. 90], «слабая палинологическая изученность Южной Туркмении и неэффективность полученных результатов... послужили причиной того, что для восстановления растительности возникла необходимость максимально использовать другие палеоботанические методы, прежде всего микроскопическое исследование углей, найденных при археологических раскопках», поскольку, «не отражая всей специфики растительного покрова, угли... характеризуют состав древесной флоры, непосредственно произраставшей близ поселений и использовавшейся человеком для своих хозяйственных нужд». М. Тенгберг также считает, что «лес, используемый в ежедневных действиях, типа приготовления пищи, обычно происходит из не отобранного специально топливного леса в окрестностях и таким образом отражает ближайший растительный покров» [2008, с. 164].

Необходимо отметить, что существует избирательность в отношении древесины, идущей на топливо. Печи и очаги, используемые для приготовления пищи и обогрева жилищ, действительно обычно топят наиболее распространенными в окрестностях селения и доступными видами растений. Наши наблюдения за использованием топлива в быту современным населением Средней Азии показывают, что по возможности выбираются растения, древесина которых при горении дает более сильный жар и меньше чадит (например, на Копетдаге это клен, в Каракумах — саксаул, в горах Загроса — дуб), а при недоступности или ограниченности древесного топлива оно может заменяться другим, более доступным (например, верблюжьей колючка, тростник, кизяк). При использовании древесного топлива в гончарных и металлургических печах основными критериями являлись температура и длительность горения. Кроме того, определенные виды древесных растений могли сжигаться при проведении ритуальных действий.

Древесные угли для анализа отбирались из печей разного назначения (бытовых, гончарных, металлургических), заполнения «жертвенников-лунок», мусорных наслоений. К печам бытового назначения мы условно относим многочисленные двухкамерные печи. По мнению В.И. Сарияниди [2007, с. 50], они использовались для приготовления жертвоприношений, но вероятнее всего, выполняли двойную функцию, в том числе бытовую (для готовки пищи и обогрева помещений). Состав углей во всех таких печах очень сходен. Остатки древесного топлива представлены в основном углями, происходящими от средних (диаметр 10–50 мм) и тонких (5–10 мм) веток саксаула (*Haloxylon* sp.) и кустарниковых форм солянок (*Salsola* sp.), в отдельных случаях встречены угли ивы (*Salix* sp.) и тамариска (*Tamarix* sp.).

В целом состав растительных остатков из таких печей очень широкий и кроме древесных углей может включать обугленные стебли тростника (*Phragmites australis*), верблюжьей колючки (*Alhago pseudoalhago*), других травянистых растений, семена культурных и дикорастущих видов, навоз животных. В частности, в заполнении печей обнаружены зерна злаков, а также спекшиеся массы из разноориентированных зерен винограда — виноградный жмых, остающийся при отжиме сока. Скорее всего, сжигание зерна и виноградного жмыха являлись ритуальными актами.

Преобладание в печах углей небольших веток саксаула не может быть объяснено тафономическими причинами, так как крупные угли сохраняются не хуже. Вероятно, это связано, во-первых, со сложностью заготовки целых стволов и крупных веток, поскольку твердая древесина саксаула с трудом ломается и поддается рубке даже современными инструментами, тем более древними, а во-вторых, с тем, что такая стратегия заготовки топлива для бытовых целей позволяла дольше сохранять запасы ценной древесины. Саксаул весьма устойчив к подобным вырубкам, дерево не погибает даже при значительном оголении и восстанавливает свою крону, если сохраняется основной ствол.

Угли из гончарных и металлургических печей происходят в основном от крупных веток (диаметром более 50 мм) саксаула с небольшой примесью хвороста саксаула и кустарниковых солянок (по-видимому, хворост использовался для розжига).

Отдельный интерес представляют угли, обнаруженные в местах ритуальной кремации животных или в жертвенниках вместе с сожженными костями. Наиболее массовый материал представляет содержимое «жертвенников-лунок». Это жертвенники в виде небольших ямок, заполненные обугленными костями животных, в ряде случаев перемешанных с древесным углем.

Сходные с гонурскими лунки были выявлены В.И. Сарияниди и на бактрийском памятнике эпохи бронзы Дашлы-3. Здесь они фиксировались на уровне полов разных строительных периодов, что, по мнению В.И. Сарияниди, указывает на устойчивость данного ритуала, в котором главную роль играло культовое сожжение животных; животные сжигались «на стороне», а затем их остатки помещались в лунки [Сарияниди, 1990]. Жертвы (мелкий рогатый скот — овца или коза), чьи кремнированные останки в лунках были смешаны с древесным углем, сжигались двумя способами: в «открытой топке» (на площадке, костре, алтаре) при средних температурах не выше 500 °С; в закрытой топке (печь) в контакте с топливом при достаточно высокой температуре — 800 °С и выше. Температура сжигания определялась путем оценки стадий озоления костей животных [Сатаев, 2010, 2016]. Анализ древесных углей показывает, что в первом случае использовались крупные и средние ветки саксаула, а во втором — мелкие ветки саксаула и кустарниковых форм солянки (хворост). При этом лунки, в которых содержались останки животных, кремнированных первым способом, более ранние. Вероятнее всего, это объясняется тем, что сжигание туши в открытой топке требовало более калорийного и качественного топлива (из-за высокой потери тепла), а также большего времени. При сжигании животных в печи снижение качества топлива компенсировалось особенностями конструкции топки, позволявшей с меньшими затратами поддерживать в ней высокую температуру. Учитывая объем использованного древесного топлива, в том числе саксаула, можно предполагать значительные первичные запасы древесной растительности на окружающей город территории.

Более широкий таксономический состав обнаруживают угли с территории дворцово-храмового комплекса. Они происходят не только от топлива, но и от сгоревших строительных конструкций. Найденные здесь угли принадлежат тамариску, саксаулу, джугзуну (*Calligonum* sp.), тополю (*Populus* sp.), клену (*Acer turcomanica*), спиреантусу Шренка (*Spiraeanthus schrenckianus*). На территории, прилегающей к Гонур-депе, встречаются два вида тополей под-рода туранга: тополь евфратский (*P. euphratica*) (4–8 м высотой) и тополь сизолистный (*P. pruinosa*) (3–5, до 8 м высотой); по-видимому, конструкция дворца были выполнены из них.

Спиреантус Шренка занесен в Красную книгу МСОП, его ареал сейчас ограничен лишь предгорьями Каратау, пустыней Бетпак-Дала и бассейном р. Чу (Казахстан), в настоящее время на территории Каракумов он не встречается, но в прошлом мог быть распространен шире. До сих пор чабаны в Казахстане используют его как топливо. Кустарник обладает некоторыми уникальными свойствами: зацветает в июне-июле при очень высокой температуре, когда другие пустынные виды переходят в состояние летнего покоя, весьма декоративен, его темно-шоколадная древесина используется для изготовления мелких столярных изделий [Денисова, 1974]. Возможно, найденный фрагмент угля произошел от какого-либо изделия или применялся в ритуальных действиях.

Под внутренними пилястрами, укреплявшими наружную стену кремля, были обнаружены скопления обугленной древесины, которые представляют собой остатки кровли проходов между внутренней и наружной стенами кремля, обрушившейся при большом пожаре. Анализ позволяет реконструировать устройство кровли (рис. 2). Роль несущих балок в конструкции играли стволы тополя, уложенные поперек проемов между внутренней и наружной стенами на расстоянии, по-видимому, не более 1,5 м друг от друга. При пожаре балки обрушились последними, в целом сохранив свою ориентацию относительно стен кремля. Диаметр балок составлял около 15 см, на основании чего (привлекая коэффициенты зависимости диаметра ствола и высоты дерева) можно сделать вывод, что для их изготовления подбирались деревья высотой около 10 м. Поперек них укладывались жерди (вероятнее всего, толстые ветки) из тополя диаметром около 5 см. При скреплении частей деревянной конструкции в отдельных случаях применялись бронзовые гвозди-костыли. Костыль, обнаруженный в балке северной стены, имеет квадратное сечение (со стороной квадрата в верхней части 7,2 мм) и длину 93 мм. Устройство кровли на разных участках несколько различается. Наиболее сложное строение имеет кровля восточного коридора. Поверх балок и жердей были уложены ивовые ветки (возможно, плетень), выше — маты из стеблей тростника, сверху конструкция была покрыта саманной обмазкой, армированной ивовыми прутками (выявлены на изломе остатков обмазки).

Среди находок археологической древесины на Гонур-депе есть фрагменты изделий, которые заслуживают более подробного индивидуального описания, например детали широко распространенных на Ближнем Востоке четырехколесных повозок. Всего на памятнике были раскопаны шесть «царских гробниц», где обнаружены подобные повозки: погребения 3200, 3210,

3225, 3240, 3900, 3915. В нашем распоряжении имелись образцы досок от колес из погребений 3900 и 3915, раскопанных в 2009 г. Строение колес в погребении 3900 было идентично строению колес, обнаруженных ранее: они состояли из трех массивных деревянных плах с хорошо сохранившимися бронзовыми ободьями, диаметр колеса — 100 см [Сарианиди, Дубова, 2010, с. 146] (рис. 3).

Центральная часть деревянных плах истлела, но краевые части, прилегающие к бронзовым ободьям, сохранились благодаря бактерицидному, фунгицидному и инсектицидному действию солей меди. По нескольким фрагментам была проведена ботаническая идентификация [Сатаева, Сатаев, 2012, с. 162], которая показала, что данная древесина принадлежит вязу, причем отдельные признаки являются переходными между признаками вяза шершавого, вяза гладкого и береста (карагача) (*U. scabra*, *U. laevis*, *U. carpinifolia*). В настоящее время вяз малый (карагач) (*U. carpinifolia*) встречается в тугайных лесах вдоль рек в Западном и Северном Копетдаге.

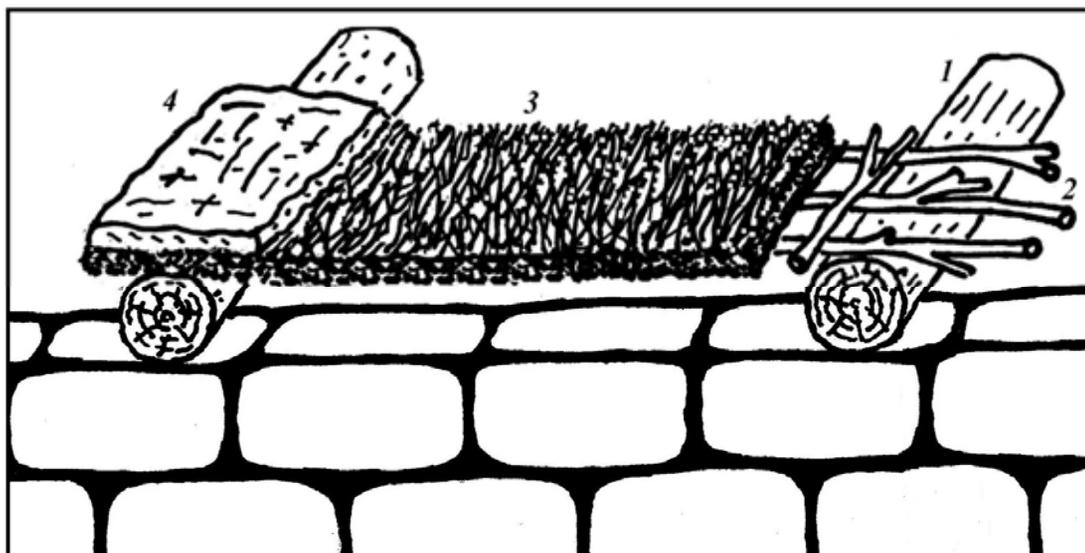

Рис. 2. Схематическое строение кровли:
1 — балки; 2 — жерди; 3 — ивовые ветки; 4 — саманная обмазка.

В погребении 3915 остатки древесины были выявлены в северном углу гробницы. Отпечаток истлевшего деревянного изделия имеет форму дуги, кроме этого на отпечатке и сохранившейся древесине отмечаются следы бронзовых окислов и мельчайшие чешуйки бронзы. Вероятно, изучаемый объект являлся колесом повозки, разрушенной грабителями. Анатомические характеристики соответствуют описанию образца от колеса повозки из погребения 3900 и также относятся к вязу. Эта порода имеет прочную, твердую, упругую древесину и до сих пор применяется для производства обозного инвентаря, мебели и других столярных изделий [Деревья и кустарники СССР, 1966]. Ранее М. Тенгберг, определявшая несколько образцов древесины из «царских гробниц» Гонура № 3200, 3210, 3225, 3240, идентифицировала их как вяз, иву и ясень и предположила, что деловая древесина могла поступать на Гонур из тугайных лесов предгорий Копетдага [2008]. Скорее всего, колеса повозок изготавливали из древесины вяза, при этом вопрос о том, импортировали ли они древесину или готовые изделия, остается открытым.

Уникальной находкой в погребении 3900 является бронзовая лопата, в тулке которой сохранился фрагмент черенка клиновидной формы. Верхний срез фрагмента покрыт коричневой коркой, на нем прослеживается углубление, сходное со следом от гвоздя. Древесина сухая, неуглефицированная, достаточно прочная, местами пропитана солями меди. Микроскопический анализ показал, что изученный фрагмент принадлежит скумпии кожевенной (*Cotinus coggygria*) [Сатаева, Сатаев, 2012, с. 161]. Древесина скумпии содержит млечный сок, устойчива к гниению, может использоваться для дубления кожи и шкур, крашения тканей, в качестве негниющей подпорки на виноградниках, а также для инкрустации художественных изделий. Сейчас скумпия в Средней Азии выращивается как культурное, декоративное растение и в дикорастущем со-

Роль древесных растений в жизни древнего населения Гонур-Депе...

стоянии здесь не встречается. Естественный ареал ее составляют Средиземноморье, Кавказ, Крым, Малая Азия, Китай и Гималаи. Нельзя полностью исключить, что в III тыс. до н.э. ареал скумпии мог включать и Среднюю Азию, но, поскольку других подтверждений этому пока нет, можно предположить, что, скорее всего, дерево для изготовления данного черенка было импортировано с запада (Кавказ или Малая Азия) или с востока (учитывая археологические подтверждения контактов населения Древней Маргианы с долиной р. Инд — из Гималаев).

Рис. 3. Колесо повозки (погребение 3900, Гонур-депе).

В погребении 4014 были обнаружены бронзовое навершие жезла с фрагментом деревянной рукоятки, деревянная рукоятка, покрытая бронзовой пластиной, и нагрудное украшение треугольной формы с каменными мозаичными вставками на деревянной основе, отороченной бронзовой каймой [Дубова, 2012, с. 267]. Небольшие фрагменты древесины во всех трех изделиях сохранились благодаря консервирующему действию солей меди.

Микроскопический анализ и сравнение с эталонами позволили идентифицировать древесину из навершия жезла как иву (*Salix* sp.) [Сатаева, 2012, с. 270]. Сейчас на территории Туркмении встречается несколько видов ив, которые могут быть представлены деревьями и кустарниками. Чаще всего они растут по берегам рек, арыков. Мягкая и легкая древесина широко используется как строительный и поделочный материал, из гибких ветвей плетут корзины, плетни и мебель.

Рукоятка другого изделия из этого же погребения была выполнена из довольно хрупкой извилистой древесины, распавшейся на множество мелких фрагментов размером от 1,5×2 см до 4×1 см. Характерная микроскопическая картина более всего соответствует древесине экзохорды (*Exochorda* sp.) [Сатаева, 2012, с. 270]. Эти красивые древовидные кустарники (несколько видов) произрастают на Памиро-Алае, Тянь-Шане вплоть до Китая и на территории Туркменистана в настоящее время не встречаются [Деревья и кустарники СССР, 1966].

От основы треугольного украшения («тумора») сохранились тонкие продольные фрагменты необугленной, слегка забронзовевшей древесины. По микроскопическим признакам с большой долей вероятности мы идентифицируем древесину как прутняк (*Vitex* sp.) [Сатаева, 2012, с. 270]. В Туркменистане встречаются два слабо различимых вида — прутняк обыкновенный (витекс священный, Авраамово дерево) (*Vitex agnus-castus*) и прутняк ложноясенелистный

(*Vitex pseudonegundo*). Прутьняк растет в сравнительно влажных местах — в горах, предгорьях, оазисах (Копетдаг, Прикопетдагские и Амударьинские оазисы) [Никитин, Гельдиханов, 1988]. Растение обладает гормоноподобными свойствами (эстроген — прогестерон — тестостерон) и со времен Гиппократов используется при лечении бесплодия, уменьшения лактации, импотенции. Кроме того, растение является пряной культурой. Одно из названий прутьяка — монашій перец, поскольку по вкусу и действию похож на перец. Примечательно, что 5–7 рассеченных листьев прутьяка напоминают коноплю, а побочным действием при употреблении его в пищу является галлюциногенный эффект. У данного растения используются практически все его части (цветки, листья, плоды, древесина). Вполне возможно, выбор витекса для основы украшения является не случайным, тем более если предположить, что украшение играло роль амулета.

Таким образом, можно резюмировать, что население Гонур-депе широко использовало древесину и изделия из дерева. В качестве топлива сжигались саксаул (*Haloxylon* sp.), кустарниковые формы солянок (*Salsola* sp.), ива (*Salix* sp.), тамариск (*Tamarix* sp.), джузгун (*Calligonum* sp.). Для строительных целей использовались тополь (*Populus* sp.), ива (*Salix* sp.). Изделия разного назначения изготавливались из клена (*Acer turcomanicum*), вяза (*Ulmus* sp.), ясеня (*Fraxinus* sp.), ивы (*Salix* sp.), скумпии кожевенной (*Cotinus coggygria*), экзохорды (*Exochorda* sp.), прутьяка (*Vitex* sp.). Часть древесины и/или изделий из дерева поступало со стороны, что еще раз подтверждает наличие налаженных торговых контактов жителей Гонура с соседними, в разной степени отдаленными регионами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Афонин С.А. Анализ некоторых растительных остатков с памятника эпохи бронзы Гонур-депе // Труды Маргианской археологической экспедиции. М.: Старый сад, 2008. Т. 2. С. 161–162.
- Бенькова В.Е., Швейнрубер Ф.Х. Анатомия древесины растений России. Берн: Хаупт, 2004. 465 с.
- Вихров В.С. Диагностические признаки древесины главнейших лесохозяйственных и лесопромышленных пород СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 132 с.
- Гаммерман А.Ф., Никитин А.А., Николаева Т.Л. Определитель древесин по микроскопическим признакам с альбомом микрофотографий. М.: Л., 1946. 143 с.
- Денисова Л.В., Белоусова Л.С. Редкие и исчезающие растения СССР. М.: Лесн. пром-сть, 1974. 152 с.
- Дерева и кустарники СССР / Под ред. П.И. Лапина. М.: Мысль, 1966. 637 с.
- Дубова Н.А. Мужское нагрудное украшение из погребения 4014 Северного Гонура: Тумор бронзового века // Тр. Маргиан. археол. экспедиции. М.: Старый сад, 2012. Т. 4. С. 267–269.
- Зайцева Г.И., Дубова Н.А., Семенов А.А., Реймер П., Мэллори Дж. Юнгер Х. Радиоуглеродная хронология памятника Гонур-депе // Тр. Маргиан. археол. экспедиции. М.: Старый сад, 2008. Т. 2. С. 166–179.
- Лисицына Г.Н. Становление и развитие орошаемого земледелия в Южной Туркмении. М.: Наука, 1978. 240 с.
- Миллер Н.Ф. Предварительные археоботанические результаты раскопок 1989 года в центральноазиатском селении Гонур Деде // Информ. бюллетень МАИКЦА. 1994. Вып. 19. С. 192–199.
- Сарианиди В.И. Монументальная архитектура Гонур-депе // АО 1981 г. М.: Наука, 1983. С. 478–479.
- Сарианиди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад: Ылым, 1990. 316 с.
- Сарианиди В.И. Дворцово-храмовый комплекс Северного Гонура // РА. 2007. № 1. С. 49–63.
- Сарианиди В.И., Дубова Н.А. Новые гробницы на территории «царского некрополя» Гонура // На пути открытия цивилизации. СПб.: Алетейя, 2010. С. 144–171.
- Сатаев Р.М. Реконструкция условий кремации животных из жертвенников-лунок Гонур-Деде // На пути открытия цивилизации. СПб.: Алетейя, 2010. С. 466–484.
- Сатаев Р.М. Животные в культуре Древней Маргианы. М.: Старый сад, 2016. 196 с.
- Сатаев Р.М., Сатаева Л.В. Исторический анализ экологического кризиса Древней Маргианы // Природное наследие России в 21 веке: Материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2008. С. 354–356.
- Сатаев Р.М., Сатаева Л.В. Проблема реконструкции природных условий древнего Гонурского оазиса // Динамика экосистем в голоцене. Екатеринбург; Челябинск: Рифей, 2010. С. 190–193.
- Сатаев Р.М., Сатаева Л.В. Особенности системы жизнеобеспечения древнего населения Гонурского оазиса (Туркменистан) // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень: Изд-во ИПСО СО РАН, 2011. Вып. 4. С. 204–207.
- Сатаева Л.В. Предварительное экспертное заключение на образцы дерева, полученные из погр. 4014 (раскоп 18) // Тр. Маргиан. археол. экспедиции. М.: Старый сад, 2012. Т. 4. С. 269–270.
- Сатаева Л.В., Сатаев Р.М. Древесная растительность древнего Гонурского оазиса по археоботаническим данным // Аграрная Россия. Спец. вып. 2009. С. 197–198.
- Сатаева Л.В., Сатаев Р.М. Археоботанические исследования на Гонур-депе // Тр. Маргиан. археол. экспедиции. М.: Старый сад, 2012. Т. 4. С. 159–162.

Роль древесных растений в жизни древнего населения Гонур-Депе...

Тенгберг М. Анализ образцов дерева с Гонура (Маргуш), Туркменистан // Тр. Маргиан. археол. экспедиции. М.: Старый сад, 2008. Т. 2. С. 163–164.

Moore K.L., Miller N.F., Hiebert F.T., Meadow R.H. Agricultural and herding in the early oasis Settlements of the Oxus Civilization // *Antiquity*. 1994. Vol. 68, no. 259. P. 418–427.

Sataev R., Sataeva L. Results of Archaeozoological and Archaeobotanical Research at the Bronze Age Gonur Depe Site (Turkmenistan) // *Proceedings of the 8th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East*. Harrassowitz Verlag — Wiesbaden, 2014. P. 369–372.

L.V. Sataeva, R.M. Sataev

Bashkir State Agrarian Universit
50-letiya Ochyabrya st., 34, Ufa, 450001, Russian Federation

E-mail: lvsataeva@mail.ru

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Science
Leninsky Prospect, 32a, Moscow, 119991 Russian Federation

E-mail: rob-sataev@mail.ru

THE ROLE OF TREES IN THE LIFE OF ANCIENT POPULATION OF GONUR-DEPE (THE BRONZE AGE, TURKMENISTAN)

The article is aimed to clarify the role of woody plants in the life of the ancient population of Gonur-Depe (Turkmenistan), the proto-urban center of Ancient Margiana, which was located in the South-Eastern Karakum (Turkmenistan) and belonged to the Bactria-Margiana Archaeological Complex (BMAK). Remains of monumental architecture (a Kremlin with a central palace and a temple complex, surrounded by robust defensive walls with towers) and an adjacent unfortified «suburb» were found in the settlement. According to the radiocarbon datings, the settlement functioned in the time period of 2500 to 1500 years BC. The results of our research show that the population of Gonur Depe widely used wood and wood products. Microscopic analysis of wood showed that saxaul (*Saxaul* sp.) was used as main fuel. Shrubby types of thistle (*Salsola* sp.), tamarisk (*Tamarix* sp.), camelthorn (*Alhagi pseudalhagi*) were not so widely used. The coal collected in the territory of the Palace-temple complex belongs to tamarisk, saxaul, Calligonum, poplar (*Populus* sp.), maple (*Acer turcomanicum*), Spireanthus Shrenk's (*Spiraeanthus schrenkianus*). Poplar and willow (*Salix* sp.) were used for construction purposes. Products of different function (wagon wheels, tools, jewelry) were made of elm (*Ulmus* sp.), maple (*Acer* sp.), willow (*Salix* sp.), ash (*Fraxinus* sp.), leather smoke tree (*Cotinus coggygria*), exochorda (*Exochorda* sp.), chaste tree (*Vitex* sp.). A part of the wood and/or wood products were received from the outside, which again confirms the existence of well-established trade contacts of the inhabitants of Gonur with neighboring regions which were situated at different distances from it.

Key words: archaeobotanical research, use of woody plants, Ancient Margiana, Gonur-Depe.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-134-142

REFERENCES

Afonin S.A., 2008. Analiz nekotorykh rastitel'nykh ostatkov s pamiatnika epokhi bronzy Gonur-depe [Analysis of some plant residues from the Bronze Age site of Gonur Depe]. *Trudy Margianskoi arkheologicheskoi ekspeditsii*, vol. 2, Moscow: Staryi sad, pp.161–162.

Ben'kova V.E., Shveingruber F.Kh., 2004. *Anatomiia drevesiny rastenii Rossii* [Anatomy of Russian Wood], Bern: Khaupt, 465 p.

Gammerman A.F., Nikitin A.A., Nikolaeva T.L., 1946. *Opredelitel' drevesin po mikroskopicheskim priznakam s al'bomom mikrofotoigrafii* [Manual for the identification of the woods by microscopic features with an album of micro photos], Moscow; Leningrad, 143 p.

Denisova L.V., Belousova L.S., 1974. *Redkie i ischezaiushchie rasteniia SSSR* [Rare and disappearing plants of the USSR], Moscow: Lesnaya promyshlennost', 152 p.

Dubova N.A., 2012. Muzhskoe nagrudnoe ukrashenie iz pogrebeniia 4014 Severnogo Gonura: Tumor bronzovogo veka [A male pectoral decoration from the tomb 4014 of North Gonur: The Bronze Age tumor]. *Trudy Margianskoi arkheologicheskoi ekspeditsii*, vol. 4, Moscow: Staryi sad, pp. 267–269.

Lapin P.I., 1966, (ed.). *Derevia i kustarniki SSSR* [Trees and shrubs of the USSR], Moscow: Mysl', 637 p.

Lisitsyna G.N., 1978. *Stanovlenie i razvitie oroshaemogo zemledeliia v luzhnoi Turkmenii* [Formation and development of irrigated agriculture in Southern Turkmenistan], Moscow: Nauka, 240 p.

Miller N.F., 1994. Predvaritel'nye arkheobotanicheskie rezul'taty raskopok 1989 goda v tsentral'noaziatskom selenii Gonur Depe [Preliminary archaeobotanical results of a 1989 excavation in the Central Asian settlement of Gonur Depe]. *Informatsionnyi biulleten' MAIKTsa*, 19, pp. 182–199.

- Moore K.L., Miller N.F., Hiebert F.T., Meadow R.H., 1994. Agricultural and herding in the early oasis Settlements of the Oxus Civilization. *Antiquity*, vol. 68, no. 259, pp. 418–427.
- Sarianidi V.I., 1983. Monumental'naiia arkhitektura Gonur-depe [Monumental architecture of Gonur Depe]. *Arkheologicheskie otkrytiia 1981 g.*, Moscow: Nauka, pp. 478–479.
- Sarianidi V.I., 1990. *Drevnosti strany Margush* [The Antiquities of Margush], Ashkhabad: Ylym, 316 p.
- Sarianidi V.I., 2007. Dvortsovo-khramovyi kompleks Severnogo Gonura [A palace-temple complex of Northern Gonur]. *Rossiiskaia arkheologiya*, no. 1, pp. 49–63.
- Sarianidi V.I., Dubova N.A., 2010. Nove grobnitsy na territorii «tsarskogo nekropolia» Gonura [New graves in the area of the «Royal necropolis» of Gonur]. *Na puti otkrytiia tsivilizatsii: Sbornik statei k 80-letiu V.I. Sarianidi. Trudy Margianskoi arkheologicheskoi ekspeditsii*, St. Petersburg: Aleteia, pp. 144–171.
- Sataev R.M., 2010. Rekonstruktsiia uslovii krematsii zhivotnykh iz zhertvennikov-lunok Gonur-Depe [Reconstruction of conditions of cremation of animals from the sacrificial pits of Gonur-Depe]. *Na puti otkrytiia tsivilizatsii. Sbornik statei k 80-letiu V.I. Sarianidi. Trudy Margianskoi arkheologicheskoi ekspeditsii*, St. Petersburg: Aleteia, pp. 466–484.
- Sataev R.M., 2016. *Zhivotnye v kul'ture Drevnei Margiany* [Animals in the culture of Ancient Margiana], Moscow: Staryi sad, 196 p.
- Sataev R.M., Sataeva L.V., 2008. Istoricheskii analiz ekologicheskogo krizisa Drevnei Margiany [Historical analysis of the ecological crisis of Ancient Margiana]. *Prirodnoe nasledie Rossii v 21 veke: Materialy II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, Ufa, pp. 354–356.
- Sataev R.M., Sataeva L.V., 2010. Problema rekonstruktsii prirodnykh uslovii drevnego Gonurskogo oazisa [The problem of reconstruction of environment of the ancient Gonur oasis]. *Dinamika ekosistem v golotsene*, Ekaterinburg; Cheliabinsk: Rifei, pp.190–193.
- Sataev R.M., Sataeva L.V., 2011. Osobennosti sistemy zhizneobespecheniia drevnego naseleniia Gonurskogo oazisa (Turkmenistan) [Special features of a life support system of the ancient population of the Gonur oasis (Turkmenistan)]. *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv*, 4, Tiumen': Izd-vo IPOS SO RAN, pp. 204–207.
- Sataev R., Sataeva L., 2014. Results of Archaeozoological and Archaeobotanical Research at the Bronze Age Gonur Depe Site (Turkmenistan). *Proceedings of the 8 th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East*, Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, pp. 369–372.
- Sataeva L.V., 2012. Predvaritel'noe ekspertnoe zakliuchenie na obraztsy dereva, poluchennye iz pogr. 4014 (raskop 18) [A preliminary expert conclusion on the wood samples obtained from the tomb 4014 (excavation area 18)]. *Trudy Margianskoi arkheologicheskoi ekspeditsii*, vol. 4, Moscow: Staryi sad, pp. 269–270.
- Sataeva L.V., Sataev R.M., 2009. Drevesnaia rastitel'nost' drevnego Gonurskogo oazisa po arkheobotanicheskim dannym [Woody vegetation of the ancient Gonur oasis by archaeobotanical data]. *Agrarnaia Rossiya*, pp. 197–198.
- Sataeva L.V., Sataev R.M., 2012. Arkheobotanicheskie issledovaniia na Gonur-depe [Archaeobotanical research at Gonur Depe], *Trudy Margianskoi arkheologicheskoi ekspeditsii*, vol. 4, Moscow: Staryi sad, pp. 159–162.
- Tengberg M., 2008. Analiz obraztsov dereva s Gonura (Margush), Turkmenistan [Analysis of wood samples from Gonur (Margush), Turkmenistan]. *Trudy Margianskoi arkheologicheskoi ekspeditsii*, vol. 2, Moscow: Staryi sad, pp. 163–164.
- Vikhrov V.S., 1959. *Diagnosticheskie priznaki drevesiny glavneishikh lesokhoziaistvennykh i lesopromyshlennykh porod SSSR* [The diagnostic features of wood of the main silvicultural and timber industry breeds of the USSR], Moscow: 132 p.
- Zaitseva G.I., Dubova N.A., Sementsov A.A., Reimer P., Mallory J. Jungner H., 2008. Radiouglerodnaia khronologiya pamiatnika Gonur-depe [Radiocarbon chronology of the Gonur Depe site]. *Trudy Margianskoi arkheologicheskoi ekspeditsii*, vol. 2, Moscow: Staryi sad, pp. 166–179.

Т.Ю. Номоконова*, Р.Дж. Лозей**, О.С. Тупахина***, Д.С. Тупахин***

*Университет Британской Колумбии
UBCO CCGS Unit 1, 1147 Research Road, Kelowna, BC, V1V 1V7, Canada
E-mail: tatiana.nomokonova@gmail.com

**Университет Альберта
Tory Building 13-15 HM, Edmonton, AB, T6G 2H4, Canada
E-mail: robert.losey@ualberta.ca

***Научный центр изучения Арктики
ул. Республики, 73, Салехард, 629008, РФ
E-mail: olga-tupakhina@yandex.ru;
dantupahin@gmail.com

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПРИОБЬЯ В ЭПОХУ ЭНЕОЛИТА (ПО ФАУНИСТИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ ГОРНЫЙ САМОТНЁЛ 1)

Статья посвящена анализу фаунистических остатков с энеолитического поселения Горный Самотнёл-1 (усредненный возраст от 3060 до 2920 кал. лет до н.э.), расположенного на правом берегу р. Оби в пределах Ямало-Ненецкого автономного округа (66°42'12,2" с.ш. 68°41'12,0" в.д.). Обсуждаются результаты видового определения костей животных; их количественные показатели; модификация кости в результате эрозии, погрызов хищниками, разделки туш и изготовления орудий; а также соотношение элементов скелетов и возрастные показатели отдельных особей. Полученные данные свидетельствуют о комплексном использовании биологических ресурсов населением территории памятника Горный Самотнёл-1 в эпоху энеолита. Фаунистические реконструкции выполнены с учетом археологического контекста. Также приведены данные о палеодиете по результатам анализа нагара на керамических сосудах. В заключение рассмотрены некоторые образцы мелкой зоо- и орнитоморфной глиняной пластики с поселения.

Ключевые слова: зооархеология, энеолит, фаунистические остатки, поселение Горный Самотнёл 1, хозяйственный уклад, тафономия, северный олень, рыболовство.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-143-150

Введение

Горный Самотнёл-1 — наиболее раннее из известных поселение периода энеолита на территории Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО). Четкая стратиграфическая ситуация, обилие археологических материалов, данные целого комплекса междисциплинарных исследований — все это позволяет рассматривать указанный археологический объект как один из опорных памятников для детальной реконструкции хозяйственной деятельности населения энеолита Нижнего Приобья.

Поселение расположено на административной границе современного Приуралья и Ямальского районов ЯНАО, на правом берегу р. Оби в ее нижнем течении (66°42'12,2" с.ш. 68°41'12,0" в.д.). Методом радиоуглеродного датирования была получена серия дат — 4360±80 BP (Le-9388); 4390±35 BP (Le-9389); 4370±50 BP (Le-9390). Усредненный возраст памятника, уточненный с помощью дендрохронологического метода, составляет 3060–2920 гг. до н.э. и позволяет отнести поселение Горный Самотнёл-1 к эпохе энеолита.

В процессе исследования археологического комплекса были зафиксированы остатки жилища и нескольких хозяйственно-бытовых построек, обнаружено более 30 000 артефактов. Внушительная коллекция артефактов включает большое количество фрагментов глиняных сосудов и изделий из камня, а также довольно редкие для эпохи энеолита изделия из органических материалов (остатки рыболовной сети, выстилки из сшитых между собой листов бересты, фрагменты берестяной посуды [Тупахина, 2012; Тупахина, Тупахин, 2013, 2014]).

В данной работе изложены результаты анализа костных остатков, полученных при раскопках 2013–2014 гг. Коллекция фаунистических остатков в основном представлена сборами в восточной части жилища, в заполнении глубокого рва между очагом и стеной. Глубина рва от материковой поверхности 76 см, ширина 1,3 м, вскрытая длина 11,5 м. Ров ориентирован с севе-

ро-запада на юго-восток, заполнен большим количеством как развалов сосудов, так и отдельных фрагментов керамики (в том числе с зооморфными налестками). Помимо этого в слое были обнаружены наконечники стрел, различные массивные орудия на гальках. Дно очага и прилегающий участок рва в радиусе 3 м выложены листьями бересты с сохранившейся прошивкой. Скопления костных остатков находились сверху и снизу подстилки, при оттаивании имели характерный запах термически необработанных продуктов.

Предположительно ров, являвшийся частью жилищного комплекса, служил местом хранения запасов продуктов. В пользу этого говорит большое количество довольно крупных сосудов, стоявших близко друг к другу и погруженных в охру (охра — хорошее дезинфицирующее средство, отпугивает насекомых) [Тупахина, Тупахин, 2014].

Методы исследования

Методика зооархеологических определений и количественного анализа, использованная в данной статье, апробирована на ряде археологических памятников. Применены основные единицы подсчета фаунистических материалов: количество определяемых экземпляров, минимальное количество особей и минимальное количество элементов костей скелета. Данные единицы широко используются в зооархеологии (напр.: [Lyman, 1994, 2008; Reitz, Wing, 1999]). Эта методика подробно описана нами ранее (напр.: [Номоконова и др., 2006; Nomokonova и др., 2009]).

В работе также рассмотрено состояние фаунистической коллекции по тафономическим показателям (модификация кости в результате эрозии, погрызов хищниками, жжения или обработки человеком). Кроме того, учтены возрастные характеристики некоторых видов животных, проведен анализ элементов скелетов лося, северного оленя и птиц. Часть костных остатков достоверно (до вида) определить не удалось. На основании размеров таких костей и их морфологических признаков они учтены как относящиеся к наиболее близким видам, например «cf. *Rangifer tarandus*» (вид, сравнимый с северным оленем) и т.д.

Видовой и количественный состав

Фаунистические материалы, собранные в результате раскопок 2013–2014 гг. на поселении Горный Сомотнёл-1, представлены 513 экз. костей животных (табл. 1). Большинство из них — млекопитающие (~94 % от общего количества костей). Остальная фауна представлена классами птиц и рыб — 23 (4,5 %) и 9 (1,8 %) соответственно.

Видовые определения категории млекопитающих включают следующие таксономические единицы (табл. 1): три вида (лось/вид, близкий к лосю, северный олень/вид, близкий к северному оленю, бобр), семейство оленей и класс млекопитающих, к которому отнесены недиагностируемые фрагменты. Последняя категория представлена 66,3 % всех костей млекопитающих.

Таблица 1

Видовой состав и количество костей животных с поселения Горный Сомотнёл-1

Таксон	Название	Кол-во остатков	Минимальное кол-во особей
<i>Lota lota</i>	Налим	5	1
cf. <i>Esox lucius</i>	Вид, сравнимый с щукой	1	1
Salmonidae gen. indet.	Семейство лососевые	3	1
Всего рыбы		9	
<i>Anas</i> sp.	Род речные утки	2	1
<i>Aythya</i> sp.	Род чернеть	5	2
<i>Anser</i> sp.	Род гуси	3	2
cf. <i>Anser</i> sp.	Вид, сравнимый с гусями	2	1
<i>Cygnus</i> sp.	Род лебеди	4	2
Aves indet.	Птицы неопределимые	7	
Всего птиц		23	
<i>Castor fiber</i>	Бобр	1	1
<i>Alces alces</i>	Лось	9	2
cf. <i>Alces alces</i>	Вид, сравнимый с лосем	4	1
<i>Rangifer tarandus</i>	Северный олень	83	9
cf. <i>Rangifer tarandus</i>	Вид, сравнимый с северным оленем	22	3
Cervidae gen. indet.	Семейство оленей	43	1
Mammalia indet.	Млекопитающие неопределимые	319	
Всего млекопитающих		481	
Всего остатков		513	

Хозяйственная деятельность населения Нижнего Приобья в эпоху энеолита...

Наиболее многочисленными как среди млекопитающих, так и в целом среди фауны поселения Горный Самотнёл-1 являются кости северного оленя, которые представлены 105 экз. (включая категорию cf. *Rangifer tarandus*) минимум от девяти особей. Они составляют 25,3 % от общего количества фауны, или 56,1 %, если рассматривать только кости, определимые до и ниже уровня семейства.

Кости лося представлены 13 остатками, включая категорию cf. *Alces alces*, минимум от двух особей, а бобр — единичным экземпляром (левая плечевая кость). Категория семейства олени состоит из 43 остатков, отнесение которых к северному оленю или лосю было затруднительно в связи с их фрагментарностью, хотя большинство по размерам совпадали с показателями северного оленя.

Среди 23 костей птиц определены следующие таксоны: четыре рода и класс птиц (табл. 1). Определимые остатки относятся к категории водоплавающих птиц, включая лебедей (4 экз. костей минимум от двух особей), гусей (5 экз. от двух особей, включая категорию cf. *Anser*), чернетей (5 экз. от двух особей) и речных или благородных уток (2 экз. минимум от одной особи).

Остатки рыб представлены исключительно целыми позвонками и их фрагментами. По видовому составу это позвонки налима, cf. щуки и представителей семейства лососевые в общем количестве 9 экз. (табл. 1).

Модификация костей

Следы модификаций на костях животных с поселения Горный Самотнёл-1 в виде эрозии, погрызов хищниками, жжения, порезов, порубов и обработки для изготовления орудия были зафиксированы исключительно на остатках костей млекопитающих (табл. 2). Такие следы были найдены на 35 экз., или 6,8 % от общего количества фауны, что может рассматриваться как незначительное количество.

Большинство из обсуждаемых в данном разделе костей (табл. 2) — со следами эрозии (17 остатков, или 48,6 % от всех костей со следами модификации). Единичным случаем является нахождение правой проксимальной части плюсны северного оленя со следами погрызов хищниками. Следы жжения обнаружены на дистальном эпифизе метаподии, первой фаланге северного оленя и недиагностируемых остатках млекопитающих (7 экз.).

Следы на костях от обработки их человеком (в виде порезов, порубов и для изготовления орудий) найдены только на восьми фрагментах костей северного оленя, семейства оленей и одной трубчатой кости млекопитающего с подработкой под острие. Все следы обработки на остатках северного оленя и семейства оленей обнаружены исключительно на фрагментах рогов.

Таблица 2

Модификация костей с поселения Горный Самотнёл-1

Таксон	Кол-во с эрозией	Кол-во с погрызами	Кол-во с жжением	Кол-во с порезами/порубами	Кол-во с обработкой под орудие	Всего
<i>Alces alces</i>	2					2
cf. <i>Alces alces</i>	2					2
<i>Rangifer tarandus</i>	3	1		3	1	8
cf. <i>Rangifer tarandus</i>	5		2			7
Cervidae gen. indet.	5			2	1	8
Mammalia indet.			7		1	8
Всего по категориям	17	1	9	5	3	35

Сравнение элементов скелетов

В данном разделе проводится анализ частей элементов скелетов северного оленя, лося и птиц, так как их обнаружено больше всего. Учтены минимальное количество элементов и степень их фрагментарности.

Большинство элементов остатков скелетов северного оленя фрагментарны, особенно это касается трубчатых костей. Целыми найдены только кости запястья и предплюсны, а также некоторые фаланги. Выявлены почти все части скелетов северного оленя, за исключением фрагментов черепов и третьих фаланг (рис. 1, 2а). Категории «позвонки и ребра» не учитываются в данной работе, так как их трудно определить до вида из-за фрагментарности. Они были в общем представлены в категории семейства олени и неопределимых млекопитающих. Кости черепа отсутствуют почти полностью, много лишь фрагментов рогов, которые имеют следы обработки.

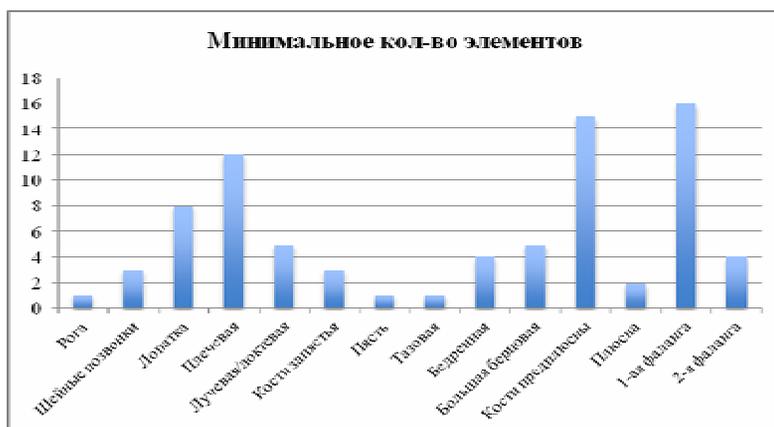

Рис. 1. Минимальное количество элементов северного оленя с поселения Горный Самотнёл-1.

В отличие от северного оленя, кости лося представлены выборочно (рис. 2b). Среди них встречаются части передней ноги (плечевая и кости запястья), тазовая кость, от задней — только большая берцовая и кости предплюсны, а также метаподия и одна 1-я фаланга. За исключением костей запястья и предплюсны, все остальные кости фрагментарны.

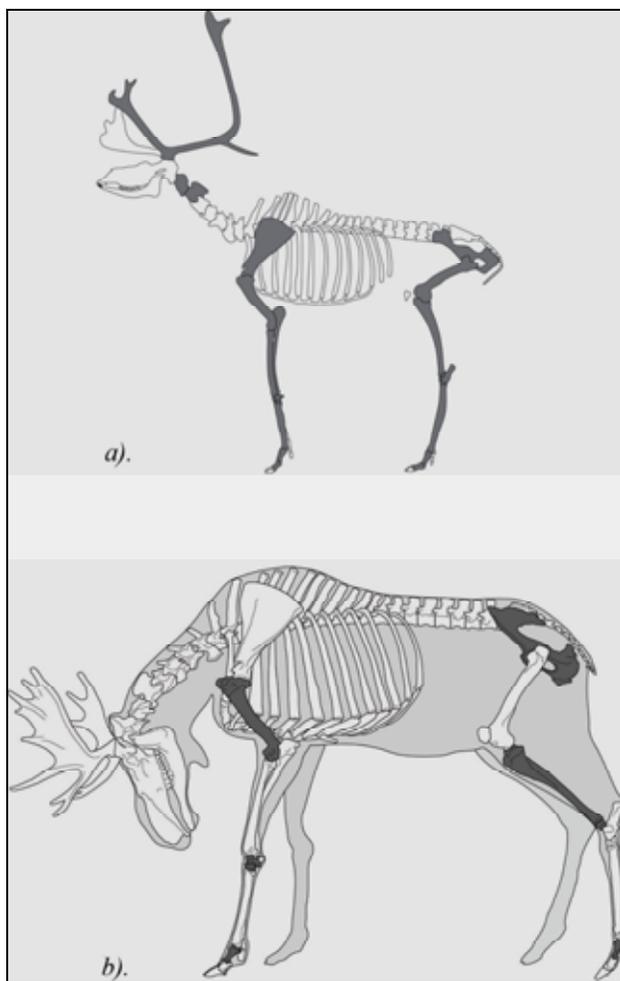

Рис. 2. Элементы скелетов парнокопытных с поселения Горный Самотнёл-1: а — северный олень; б — лось.

Хозяйственная деятельность населения Нижнего Приобья в эпоху энеолита...

Интересно сочетание элементов скелетов птиц. Определимые кости уток и гусей относятся исключительно к крыльям (плечевые, локтевая, пясть) и плечевому поясу (лопатка и коракоид). В то же время среди костей лебедей найдены ключица, бедренные кости и шейный позвонок.

Возрастные характеристики

Относительный возраст парнокопытных был определен только по состоянию срастания эпифизов трубчатых костей. Зубы в анализируемой фаунистической коллекции отсутствуют. Возрастные характеристики получены по девяти особям северного оленя с применением методики Pasda [2009] и одной особи лося по данным Клевезаль [2007].

Остатки северного оленя принадлежат особям следующего возраста: одна до 1,5 года (но, возможно, старше девяти месяцев), одна между 3,5 и 3,6 года (данные по срастанию головки бедренной кости по Pasda [2009]; границы, вероятно, нужно несколько расширить для учета вариативности между популяциями) и семь особей старше 3,5 года. Трубчатые кости лося — со сросшимися эпифизами, которые характерны для особей старше трех лет.

Все кости водоплавающих птиц принадлежали взрослым особям. Такая оценка произведена по состоянию срастания и непористой структуры костей [Serjeantson, 2009].

Заключение

В целом количество костей животных с поселения Горный Самотнёл-1 невелико, хотя число видов достаточно разнообразно, представлены группы копытных, грызунов, водоплавающих птиц и рыб, что отражает комплексное использование биологических ресурсов. Наибольшее количество остатков принадлежит северному оленю, но найдены также кости лося, гусей, лебедей, чернети, речных уток, бобра и рыб.

Модификация кости в целом незначительна, но показывает, что некоторые части туш млекопитающих, особенно северных оленей, подвергались разделке, обрабатывались также рога. Интересные выводы сделаны в результате анализа скелетов частей северного оленя, лося и птиц. Если туши северных оленей, судя по наличию почти всех элементов скелета, обрабатывались, скорее всего, на территории поселения или в его окрестностях, то кости лося, гусей и уток присутствуют в материалах раскопок 2013–2014 гг. лишь выборочно. В то же время полное отсутствие черепов северных оленей, возможно, свидетельствует об их использовании или хранении вне найденных хозяйственных построек и жилища поселения Горный Самотнёл-1.

Данные по возрастным характеристикам северного оленя, лося и птиц показывают, что в основном добывались взрослые особи, за исключением одной особи северного оленя возрастом до 1,5 года. Если учесть относительный возраст некоторых особей северного оленя и наличие костей водоплавающих птиц, можно предположить добычу отдельных животных в весенне-летний и осенний периоды. Тем не менее это не означает, что территория памятника Горный Самотнёл-1 была необитаема в зимнее время года.

Основными объектами рыболовного промысла являлись налим, щука и представители семейства лососевых, что подтверждается анализами стабильных изотопов в пищевом нагаре на керамике поселения, в результате которых установлено, что в большинстве случаев в сосудах готовилась пресноводная рыба. Об этом же свидетельствуют орудия рыболовства (рис. 3, 1–3), включая сеть из растительных волокон, грузила и поплавки [Тупахина, Тупахин, 2014; Тупахин, 2015, с. 319–321].

Небольшое количество костного материала объясняется возрастом поселения и плохой сохранностью органики в верхних культурных слоях (остатки млекопитающих, чешуя и позвонки рыб в небольших количествах были зафиксированы во всех условных горизонтах в виде неопределимых остатков трухи и кальцинированных осколков, в основном в заполнении очагов или рядом с ними). Относительно хорошая сохранность фаунистического материала из заполнения рва обусловлена большой глубиной залегания и наличием мерзлого культурного слоя.

При сопоставлении определимых видов животных из слоя поселения Горный Самотнёл-1 многочисленными находками зооморфных плоскостных или скульптурных изображений особый интерес представляют следующие случаи. Это образы водоплавающих птиц (рис. 3, 4–5) и две скульптуры в виде, вероятно, головы лося (рис. 3, б). На глиняных фрагментах лосиных голов заметны черты, характерные только для этого вида, например свешивающийся кожистый нарост — «серьга» на горле самца. Понять, являются ли они частью сосуда или представляют собой самостоятельные миниатюрные скульптуры, не представляется возможным из-за их фрагментарности.

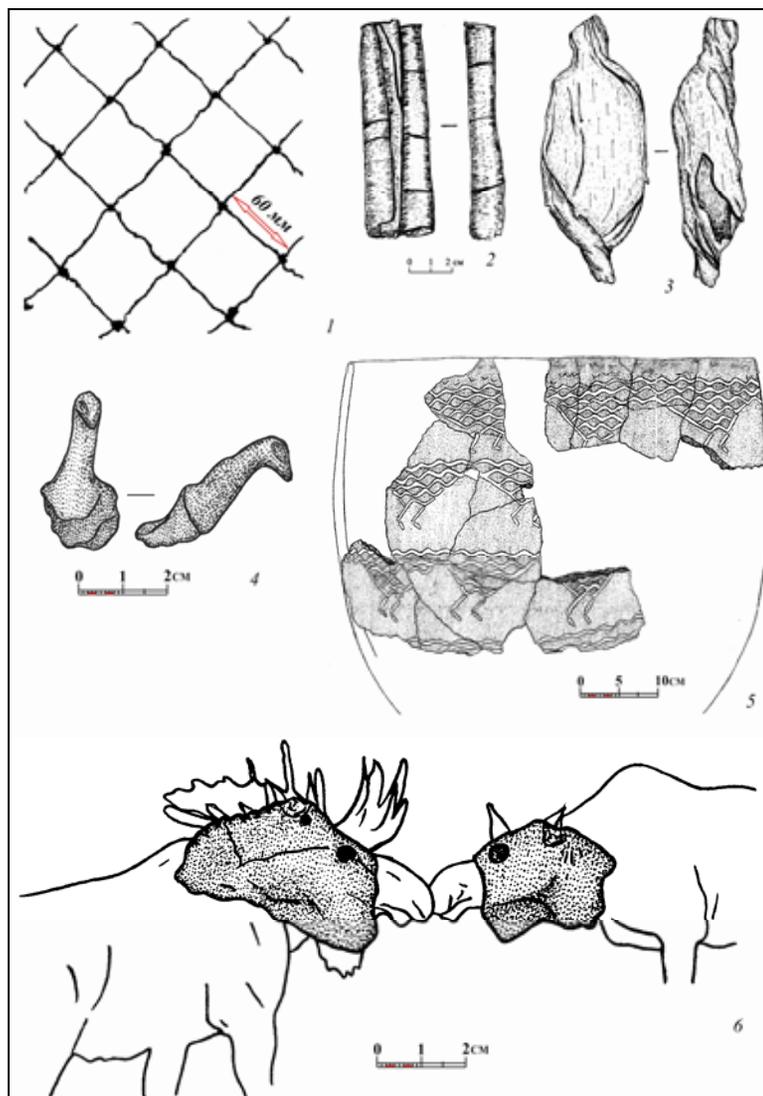

Рис. 3. Орудия рыболовства и зооморфные изображения с поселения Горный Самотнёл-1:
 1 — фрагмент сети; 2 — берестяной трубчатый поплавок; 3 — грузило-кибас; 4 — скульптурное изображение «гуся»
 на миниатюрном сосуде; 5 — реконструкция сосуда с изображением водоплавающих птиц;
 6 — реконструкция скульптурного изображения «лося».

Изображения на керамике других млекопитающих, чьи остатки были найдены на поселении, таких как северные олени и бобры, неизвестны. Основную массу мелкой глиняной пластики представляют фигурки, определяемые как образы пушных зверьков, кости которых на поселении также пока не найдены.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Клевезаль Г.А. Принципы и методы определения возраста млекопитающих. М.: Изд-во КМК, 2007. 284 с.
- Номоконова Т.Ю., Лозей Р.Дж., Горюнова О.И. Предварительный анализ фаунистических материалов с многослойной стоянки Итырхей (Малое море, озеро Байкал) // Изв. лаборатории древних технологий. Иркутск: ИрГТУ, 2006. Вып. 4. С. 166–177.
- Тупахин Д.С. Рыболовство на Севере Западной Сибири как адаптационная стратегия ранних эпох // IV Сев. археол. конгр.: Тез. докл. 19–23 окт. 2015. Ханты-Мансийск; Екатеринбург, 2015. С. 319–321.
- Тупахина О.С. Глиняная пластика поселения // Археология Арктики: Материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй»: Докл. Салехард, 27–30 ноября 2012 г. Екатеринбург: Деловая пресса, 2012. С. 161–165.

Хозяйственная деятельность населения Нижнего Приобья в эпоху энеолита...

Тупахина О.С., Тупахин Д.С. Микробиоморфный анализ почв поселения Горный Самотнел-1 // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи: Материалы Всерос. науч. археол. конф. (Сургут, 1–4 окт. 2013 г.). Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2013. С. 306–308.

Тупахина О.С., Тупахин Д.С. Стратиграфия и планиграфия поселения эпохи энеолита Горный Самотнел-1 // УИВ. Екатеринбург: Изд-во ИИА УрО РАН, 2014. № 2 (43). С. 41–52.

Lyman R.L. Vertebrate taphonomy. Cambridge, UK: Camb. Univ. Press, 1994. 524 с.

Lyman R.L. Quantitative paleozoology. Cambridge: Camb. Univ. Press, 2008. 374 с.

Nomokonova T., Losey R.J., Goriunova O.I. Prehistoric fishing on Lake Baikal, Siberia: Analyses of faunal remains from Ityrkhei cove. Saarbrücken: VDM Verlag Dr. Mueller, 2009. 124 с.

Pasda K. Osteometry, and osteological age and sex determination of the Sisimiut reindeer population (*Rangifer tarandus groenlandicus*). Oxford: BAR Intern. Series 1947, 2009. 279 с.

Reitz E. J., Wing E.S. Zooarchaeology. Cambridge: Camb. Univ. Press, 1999. 455 с.

Serjeantson D. Birds. Cambridge: Camb. Univ. press, 2009. 486 с.

T.Yu. Nomokonova*, R.J. Losey, O.S. Tupakhina***, D.S. Tupakhin*****

*University of British Columbia Okanagan
1147 Research Road, Kelowna, BC, V1V 1V7, Canada
E-mail: tatiana.nomokonova@gmail.com

**University of Alberta
Tory Building 13-15 HM, Edmonton, AB, T6G 2H4, Canada
E-mail: robert.losey@ualberta.ca

***Scientific Center of Arctic Studies
Respublika st., 73, Salekhard, 629008, Russian Federation
E-mail: olga-tupakhina@yandex.ru;
dantupahin@gmail.com

SUBSISTENCE PATTERNS OF POPULATION OF THE LOWER OB RIVER BASIN DURING THE ENEOLITHIC (BASED ON FAUNAL REMAINS OF THE SETTLEMENT OF GORNIY SAMOTNEL-1)

This article is dedicated to the analysis of faunal remains found at the Eneolithic settlement of Gorniy Samotnel-1. This habitation site has a modeled age spanning from 3060 to 2920 cal. BC, firmly within the Middle Holocene. This site is located on the territory of Yamalo-Nenets Autonomous Region on the shore of the Ob' river. The paper considers the identification of faunal remains from the site, their relative abundances, bone modification (such as natural erosion, carnivore gnawing, butchering traces, and tool making), as well as proportions of skeletal elements and reconstruction of age at death of some individuals. The resulting data demonstrate relatively broad use of natural resources by the inhabitants of Gorniy Samotnel-1 during the Eneolithic, despite a relatively small size of the analyzed assemblage. The results of species identification and other faunal analyses are discussed in association with the rest of the archaeological context. In addition, the article includes information on the reconstruction of paleodiet based on the stable isotope analyses of the residues of pottery vessels at the site. Finally we introduce the zoomorphic images at the site, including possible depictions of elk and waterfowl, which were found in a direct association with the site's faunal remains.

Key words: zooarchaeology, Eneolithic, faunal remains, settlement of Gorniy Samotnel-1, subsistence patterns, taphonomy, reindeer, fishing.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-143-150

REFERENCES

Klevezal' G.A., 2007. *Printsipy i metody opredeleniia vozrasta mlekopitaiushchikh* [Principles and Methods of Mammal Age Determinations], Moscow: Nauka, 284 p.

Lyman R.L., 1994. Vertebrate taphonomy, Cambridge: Cambridge University Press, 524 p.

Lyman R.L., 2008. Quantitative paleozoology. Cambridge: Cambridge University Press, 374 p.

Nomokonova, T.Iu., Losey R.J., Goriunova O.I., 2006. Predvaritel'nyi analiz faunisticheskikh materialov s mnogosloinnoi stoinki Ityrkhei (Maloe more, ozero Baikal) [Preliminary analysis of faunal remains from the multi-layered habitation site of Ityrkhei]. *Izvestiia laboratorii drevnikh tekhnologii*, 4, pp. 166–177.

Nomokonova T., Losey R.J., Goriunova O.I., 2009. *Prehistoric fishing on Lake Baikal, Siberia: Analyses of faunal remains from Ityrkhei cove*, Saarbrücken: VDM Verlag Dr. Mueller, 124 с.

Pasda K., 2009. *Osteometry, and osteological age and sex determination of the Sisimiut reindeer population (Rangifer tarandus groenlandicus)*, Oxford: BAR International Series 1947, 279 p.

Reitz E. J., Wing E.S., 1999. *Zooarchaeology*. Cambridge: Cambridge University Press, 455 p.

Serjeantson D., 2009. *Birds*. Cambridge: Cambridge University Press, 486 p.

Т.Ю. Номоконова, Р.Дж. Лозей, О.С. Тупахина, Д.С. Тупахин

Tupakhin, D.S., 2015. Rybolovstvo na severe Zapadnoi Sibiri kak adaptatsionnaia strategiiia rannikh epokh [Fishing at the north of Western Siberia as an adaptation startegy of the early epochs]. *IV Severnyi Arkheologicheskii Kongress*, Khanty-Mansiisk; Ekaterinburg, pp. 319–321.

Tupakhina, O.S., 2012. Glinianaia plastika poseleniia Gorniy Samotnel-1 [Clay images from the settlement of Gorniy Samotnel-1]. *Arkheologiiia Arktiki*, Ekaterinburg: Delovaia Pressa, pp. 161–165.

Тупахина, О.С., Тупахин, Д.С., 2013. Микробиоморфный анализ почв посeleniia Gorniy Samotnel-1 [Microbiomorphological analysis of sediments from the settlement of Gorniy Samotnel-1]. *Arkheologiiia Severa Rossii: ot epokhi zheleza do Rossiiskoi imperii*, Ekaterinburg; Surgut: Magellan, pp. 306–308.

Тупахина, О.С., Тупахин, Д.С., 2014. Stratigrafiia i planigrafiia poseleniia epokhi eneolita Gorniy Samotnel-1 [Stratigraphy and Planigraphy of the Eneolithic settlement of Gorniy Samotnel-1]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 2 (43), pp. 41–52.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Вестник археологии, антропологии и этнографии» публикует на своих страницах работы теоретического, научно-исследовательского и информационного характера по вопросам археологии, антропологии, этнографии и смежных научных дисциплин. Направляемые для публикации материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в настоящем издании. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Основные разделы «Археология», «Антропология», «Этнология», «Палеоэкология» включают как аналитические работы, так и статьи, представляющие собой исчерпывающие публикации материалов конкретных археологических памятников, антропологических серий, этнографических коллекций и т.д. В отдельные номера журнала включаются рубрики «Рецензии» и «Хроника».

1. Рукопись статьи высылается в адрес редакции по e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru в виде одного файла Word, озаглавленного по фамилии автора, а также дополнительных файлов с иллюстрациями.

Рукопись должна включать:

а) сведения об авторе (авторах) статей: ФИО (полностью); место работы — название головной организации (подразделения не указываются); адрес учреждения: улица, № дома, город, почтовый индекс; e-mail; телефон;

б) название статьи;

в) аннотацию, в которой необходимо четко сформулировать цели, главные положения и результаты работы (**объемом 2000–2500 знаков**);

г) ключевые слова;

д) основной текст работы (рекомендуется выделять цель работы; методику или методологию проведения исследований, если присутствует определенная новизна или оригинальность; результаты работы; основные выводы);

е) библиографический список;

ж) иллюстрации и подрисовочные подписи, вставленные в текст после ссылок на рисунки (если рукопись снабжена иллюстрациями). Иллюстрации высылаются в графических файлах, желательно в векторном формате, в одном слое, с разрешением более 300 dpi;

з) список сокращений.

В конце рукописи авторы представляют переведенные на английский язык:

— фамилии, имена авторов;

— место работы авторов (данные об аффилировании авторов author affiliation);

— адрес организации (улица, № дома, город, почтовый индекс);

— e-mail авторов;

— заглавие статьи;

— аннотацию, написанную качественным английским языком (2000–2500 знаков с пробелами);

— ключевые слова.

Кроме того, в конце рукописи должен быть представлен список литературы («References») в романском алфавите (латинице) в хорошем качестве, с тем чтобы эти ссылки могли быть учтены при цитировании публикаций авторов и журналов. Для этого нужно воспользоваться автоматическим транслитератором на сайте «Convert Cyrillic»: www.convertcyrillic.com/Convert.aspx. После названия на латинице цитируемой статьи, монографии, сборника в квадратных скобках дается название на английском языке. Пошаговая инструкция по оформлению списка литературы на латинице находится на странице журнала: <http://www.ipdn.ru/rics/va>. Список «References» должен быть полным, включать и публикации из библиографического списка на европейских языках, не требующие транслитерации.

2. После ознакомления с содержанием статьи, оценки ее соответствия научным направлениям журнала, требованиям к оформлению статьи автору направляется ответ, в котором сообщается о возможности и сроках публикации, либо мотивированный отказ. После проведения внешнего и внутреннего рецензирования в течение 2–3 недель при наличии замечаний редакция направляет рецензию. После доработки статьи авторы направляют печатный вариант статьи по адресу: 625003, а/я 2774, ИПОС СО РАН, редакция журнала. Между автором (соавторами) и главным редактором журнала «Вестник археологии, антропологии и этнографии» заключается лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале.

3. Общий объем рукописи (включая основной текст статьи, таблицы, иллюстрации, библиографический список, транслитерацию) не должен превышать 1 авт. л. (40 тыс. знаков) для основных разделов «Вестника...» и 0,3 авт. л. для разделов «Рецензии» и «Хроника». Статья должна содержать не более 4–5 иллюстраций. Одна иллюстрация размером 160×225 мм приравнивается к 1/8 авт. л.

4. Рукописи объемом свыше 1 уч.-изд. л., а также с нарушениями технических требований к оформлению статей, неадекватным переводом на английский язык не рассматриваются.

5. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

6. Не допускается:

— производить табуляцию;

— выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);
— форматировать заголовки, фамилии авторов (должны быть набраны обычным текстом), сам текст, делать принудительные переносы, пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме, использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона;

7. В качестве иллюстраций к статье могут выступать графические изображения (рисунки, чертежи и т.д.), фотографии, а также графики, диаграммы. **Номера позиций на рисунках набираются курсивом.**

Все прилагаемые к рукописи иллюстрации должны иметь общую нумерацию в соответствии с порядком их расположения в тексте статьи (рис. 1, 2, 3 и т. д.).

В подрисовочных подписях необходимо расшифровать все условные обозначения на иллюстрациях, соблюдая точное соответствие обозначений и нумерации на рисунках, в подрисовочных подписях и основном тексте рукописи. Иллюстрации не должны быть перегружены текстовыми пояснениями.

8. Таблицы должны быть представлены без разрывов при переходе с одной страницы на другую. Все таблицы должны иметь общую нумерацию арабскими цифрами и заголовков. Диагональное членение ячеек в таблицах не допускается.

9. Сноски к тексту статьи следует размещать внизу соответствующих страниц. Нумерация сносок сквозная, арабскими цифрами.

10. Библиографический список приводится в алфавитном порядке, при этом первыми в нем должны стоять работы, изданные на кириллице. В этот же список при необходимости включаются под заголовком «Источники» публикации документов, архивные материалы, отчеты о полевых исследованиях. Труды одного автора располагаются в хронологической последовательности, а вышедшие в одном и том же году — в алфавитном порядке с добавлением к году издания данной работы соответствующих **латинских литер: а, в, с, d** и т.д. **Для работ, опубликованных в течение последних десятилетий, обязательно указываются издательство и страницы.**

Ссылки на использованную литературу приводятся в тексте рукописи в **квадратных скобках** в алфавитном порядке (например: [Деревянко и др., 2000, с. 24; Древние культуры..., 1994, с. 115; Зданович, 1984d, с. 201; Морозов, 1976]).

При оформлении списка литературы следует придерживаться следующего порядка библиографического описания книг, статей и отчетов (ФИО авторов или название работы набираются курсивом, в инициалах авторов между именем и отчеством пробел не ставится):

- Анисимов А.Ф.* Космогонические представления народов Севера. М.; Л.: Наука, 1966. 243 с.
- Деревянко А.П., Олсен Д., Цзвэндорж Д. и др.* Многослойная пещерная стоянка Цаган Агуй в Гобийском Алтае (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1. С. 23–36.
- Древние культуры Бертексской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) / Деревянко А.П., Молодин В.И., Савинов Д.Г. и др.* Новосибирск: Наука, 1994. 224 с.
- Зах В.А., Скочина С.Н.* Каменное сырье комплексов Тоболо-Ишимья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2010. № 2. С. 4–11. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.
- Кавашин Ю.Н.* К вопросу о личных именах и связанных с ними обычаях // Словцовские чтения — 2000: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. / Под ред. Н.В. Яблонской. Тюмень, 2000. С. 235–238.
- Ковалева В.Т., Варанкин Н.В.* Новые памятники на озере Андреевском // АО 1976 г. М.: Наука, 1977. С. 204–205.
- Кузьмина Е.Е.* Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988. 34 с.
- Морозов В.М.* Отчет об археологических работах, произведенных в Тюменской области в 1975 г. Свердловск, 1976 // Архив ИА РАН. Р-1, № 5278.
- Шилов С.Н., Рябинина Е.А.* Комплекс памятников «Дачный» в системе взаимодействий культур раннего железного века на правобережье р. Миасс // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы III регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Челябинск, 2006. С. 102–105.
- Budd P.* Alloying and metallworking in the copper age of Central Europe // Bull. of the Metals Museum. Sendai, 1992. Vol. 17. P. 3–14.
- Radivojevic M., Rehren T., Pernicka E. et al.* On the origins of extractive metallurgy: New evidence from Europe // Journ. of Archaeol. Science. 2010. № 37. P. 2775–2787.

Плата за публикацию статей не взимается.

Текст статьи должен быть тщательно выверен и подписан каждым из авторов.

Адрес редакции:

625003, Тюмень, а/я 2774, ИПОС СО РАН

Тел. (345-2) 22-93-60; 68-87-68.

Адрес сайта: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru (с указанием в теме письма раздела «Вестника археологии, антропологии и этнографии»).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН СССР — Академия наук СССР
АО — Археологические открытия
ГИМ — Государственный исторический музей
ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии СО РАН
ИПОС СО РАН — Институт проблем освоения Севера СО РАН
ИЭА РАН — Институт этнологии и антропологии РАН
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАИКЦА — Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии
МарНИИЯЛИ — Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
- им. В.М. Васильева
МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МНИИЯЛИЭ — Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики
- НАН РА — Национальная академия наук Республики Армения
НЦФУ — Научный центр финно-угроведения
ПМА — Полевые материалы автора
РАН — Российская академия наук
РГАЭ — Российский государственный архив экономики
САИ — Свод археологических источников
СМАЭ — Сборник МАЭ
СО РАН — Сибирское отделение РАН
ТИЭ — Труды Института этнографии
ТКААЭ — Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции
УИВ — Уральский исторический вестник
УНЦ РАН — Удмуртский научный центр УрО РАН
УрО РАН — Уральское отделение РАН
ЭО — Этнографическое обозрение
ЯНАО — Ямало-Ненецкий автономный округ
ЯНЦ СО РАН — Якутский научный центр СО РАН

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт проблем освоения Севера
Сибирского отделения Российской академии наук

Издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт проблем освоения Севера
Сибирского отделения Российской академии наук

ое издание

Вестник археологии, антропологии и этнографии

№ 3(3*)

2017

Главный редактор
доктор исторических наук А.Н. Багашев

Редактор
Верстка
Художник
Перевод на английский
и редактирование

Е.М. Зах
М.В. Крашенинина, С.А. Иларионова
С.А. Иларионова
Р.О. Поплавский

*Точка зрения авторов публикуемых материалов не отражает точку зрения редакции.
При перепечатке материалов ссылка на статью журнала
«Вестник археологии, антропологии и этнографии» обязательна*

Подписано в печать 09.04.2017. Уч.-изд. л. 18,3. Объем 11,7 Mb.
Минимальные системные требования: Pentium 330 МГц, ОС Windows 98 и выше,
ОЗУ 512 МБ, Internet Explorer, Adobe Reader 5.0 и выше

Адрес редакции: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, 86, тел. (3452) 406-360
E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru
Размещение журнала: <http://www.ipdn.ru>

ISSN 2071-0437

9 771811 746005

**Коллектив ИПОС СО РАН сердечно поздравляет
Александра Александровича Ткачева с 60-летним юбилеем
и желает успехов в творческой деятельности, новых открытий
на археологическом поприще, здоровья и оптимизма**

Александр Александрович Ткачев — заведующий сектором археологии ИПОС СО РАН, доктор исторических наук. Родился 8 апреля 1957 г. в станице Красноармейской Краснодарского края. В 1960 г. семья переехала в г. Темиртау Казахской ССР для участия во всесоюзной комсомольской стройке Карагандинского металлургического комбината. В 1980 г. окончил исторический факультет Карагандинского государственного университета. Работал в Карагандинском областном историко-краеведческом музее, где возглавлял направление, связанное с изучением дописьменной истории Центральной Евразии (1980–1992 гг.). В 1992 г. в Институте археологии АН СССР защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Культура населения Центрального Казахстана в эпоху развитой бронзы».

В мае 1992 г. был приглашен на преподавательскую работу в Восточно-Казах-

станский государственный университет (г. Усть-Каменогорск). С 1998 г. работает в Институте проблем освоения Севера СО РАН в качестве старшего научного сотрудника, заместителя директора по научной работе, зав. сектором археологии. С 2001 г. заведовал лабораторией культурно-исторических исследований Западной Сибири Тюменского государственного нефтегазового университета, в настоящее время преподает в Тюменском индустриальном университете. В 2003 г. в Институте археологии РАН защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме «Бронзовый век Центрального Казахстана».

А.А. Ткачев руководил археологическими экспедициями в Казахстане и Западной Сибири: Нуринской экспедицией Карагандинского областного историко-краеведческого музея, проводившей исследования памятников эпохи бронзы на территории Сары-Арки (1980–1991 гг.); Восточно-Казахстанской археологической экспедицией Восточно-Казахстанского государственного университета по изучению разновременных археологических объектов на территории Казахстанского Прииртышья (1992–1998 гг.); с 1999 г. возглавляет археологическую экспедицию по исследованию памятников эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья в лесостепной и подтаежной зонах Западной Сибири.

Основная область научных интересов связана с изучением андроновских древностей бронзового века в Урало-Казахстанском и Сибирско-Алтайском регионах. Опубликовал свыше 150 научных работ, в том числе монографии, статьи и тезисы докладов, прочитанных на конференциях и симпозиумах. Член редколлегии журнала «Вестник археологии, антропологии и этнографии». Наиболее значимые труды — «Центральный Казахстан в эпоху бронзы», в 2 частях (Тюмень, 2002); «Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья» (в соавторстве с Н.А. Ткачевой; Новосибирск, 2008); «На краю Ямала» (коллективная монография; Тюмень, 2015).

Институт проблем освоения Севера СО РАН